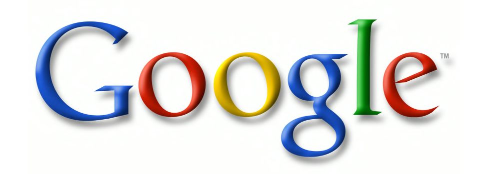
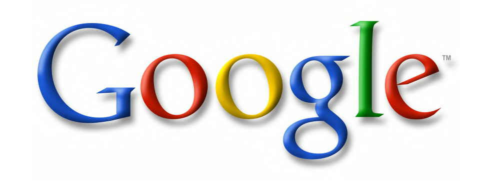
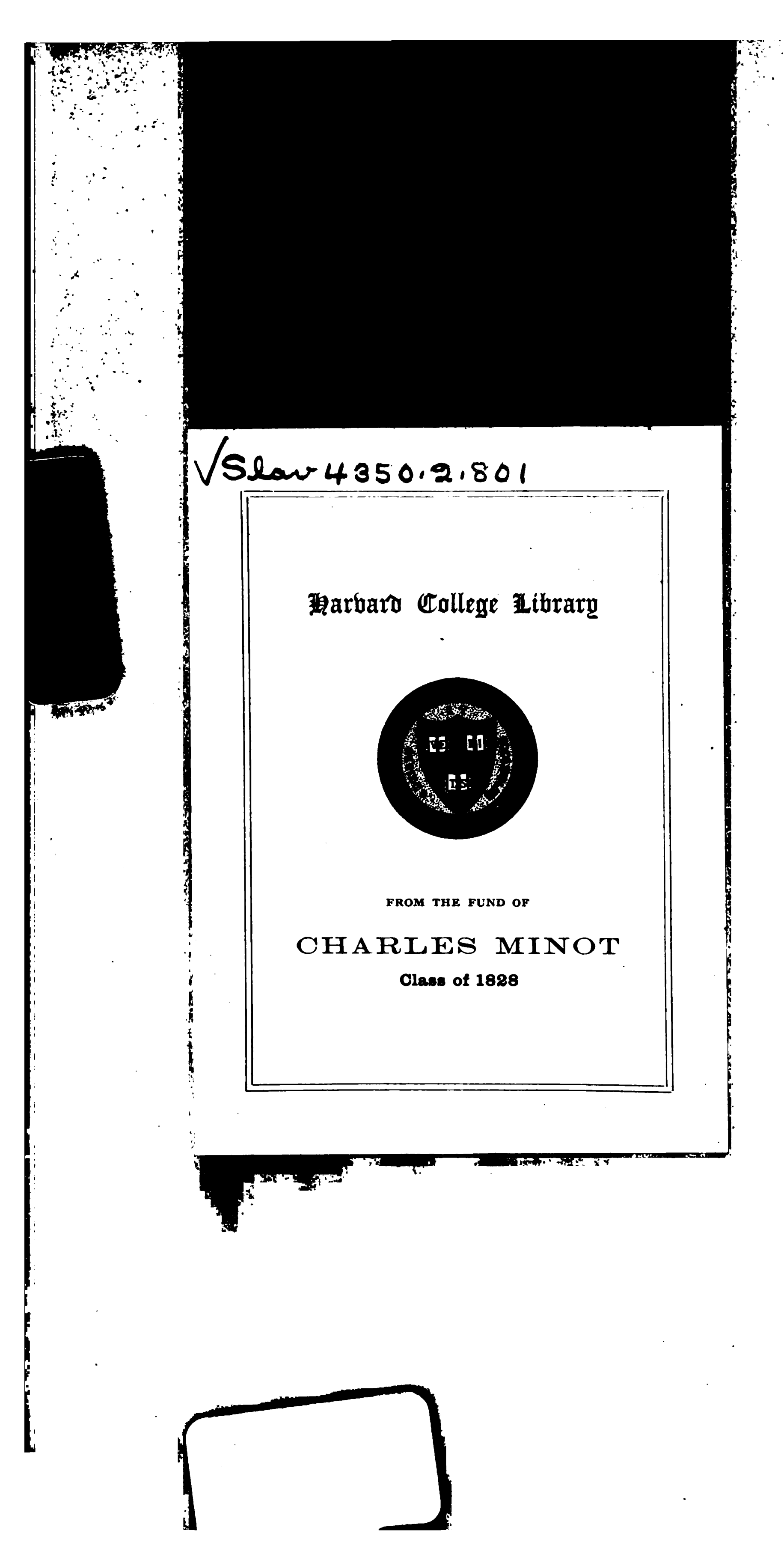
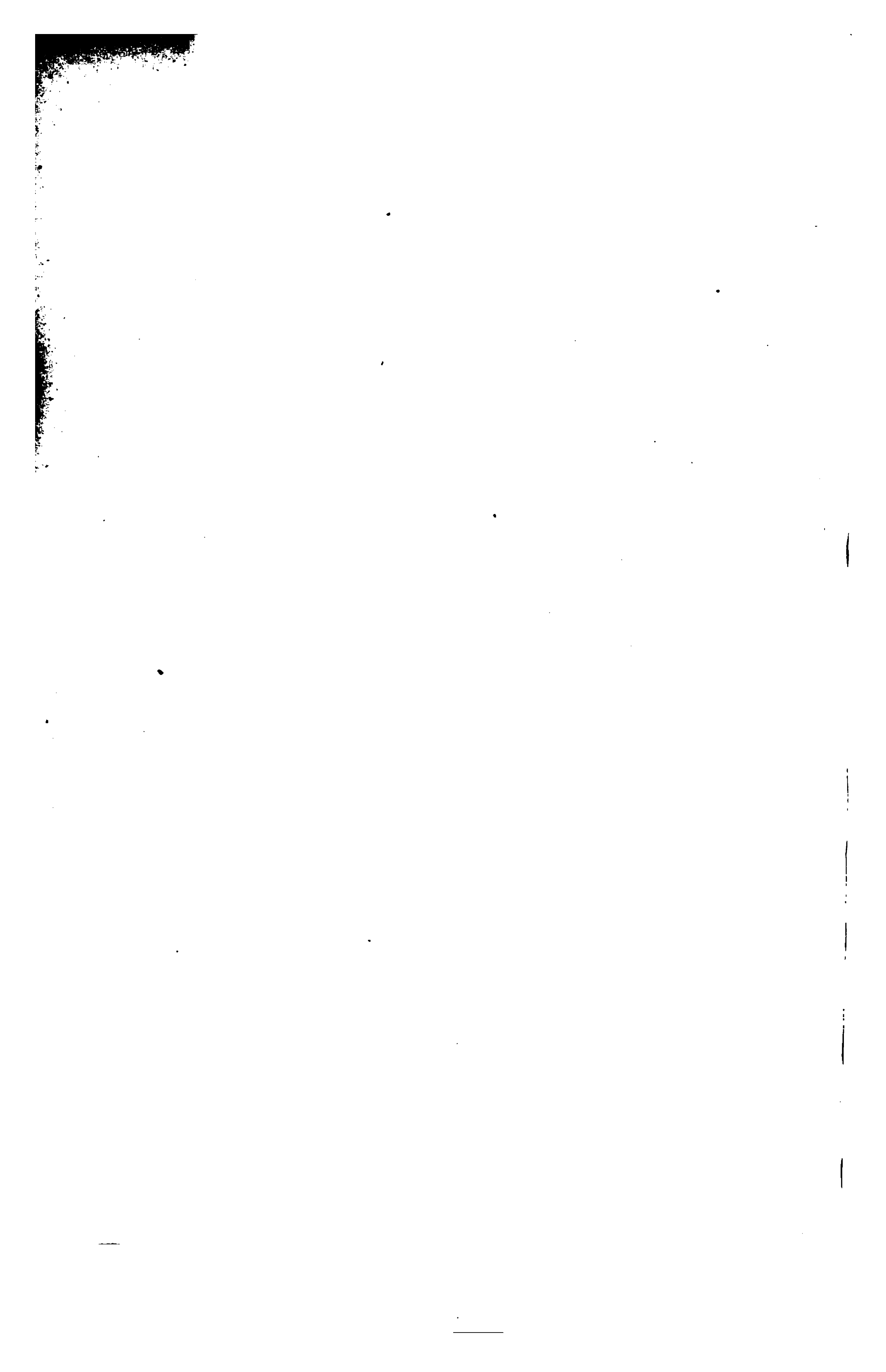

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго государя Наср-эддинъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л. 28.
1906

3517

Князю Петру Дмитріевичу

СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКОМУ

ВЪ БЛАГОДАРНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ

О

Гіевкѣ, Пензѣ, Екатеринославѣ и Вильнѣ

ПОСВЯЩАЕТСЯ КНИГА СІЯ

(20)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

20

СТРАН.

СТРАН.

I.

13 января 1863 года, въ Михайловскомъ манежѣ, по окончаніи развода отъ Измайловскаго полка, императоръ Александръ II, собравъ вокругъ себя офицеровъ, сказалъ имъ: „Такъ какъ многимъ изъ васъ, господа, вѣроятно, неизвѣстны послѣднія происшествія въ Царствѣ Польскомъ, то я хочу, чтобы вы узнали о нихъ отъ меня самого. Послѣ столь благополучно совершившагося набора, съ 2-го на 3-е января, стали появляться мятежническія шайки на обоихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, въ ночь съ 10-го на 11-е число, по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, было сдѣлано внезапное нападеніе на наши войска, стоящія по квартирамъ, при чемъ совершены неслыханныя злодѣйства. Такъ, напримѣръ, около Сѣдлеца атакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть. Не смотря на то, храбрыя войска наши отбили повсюду мятежниковъ. По первымъ свѣдѣніямъ, потеря наша заключается въ тридцати человѣкахъ убитыми, въ томъ числѣ старый нашъ Измайловскій товарищъ, командиръ Муромскаго пѣхотнаго полка Козляниновъ. Раненыхъ до четырехсотъ и между ними генералъ Канабихъ. Подобная же попытка была сдѣлана около Бѣлостока, въ предѣлахъ даже Имперіи. Но и послѣ сихъ новыхъ злодѣйствъ, *я не хочу обвинять въ томъ весь народъ Польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ ра-*

боту революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка. Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ вашихъ, но они не поколеблютъ мою вѣру въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи. Я убѣжденъ, что теперь, болѣе, чѣмъ когда либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ я самъ началъ свою службу, потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ честь вами командовать, и потому чувства преданности вашей мнѣ хорошо извѣстны, и я гордился ими за васъ передъ покойнымъ государемъ, родителемъ моимъ. Увѣренъ, что если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что я могу на васъ разсчитывать, оправдаете мое полное къ вамъ довѣріе" [1])...

Подъ 15 января 1863 г., Никитенко въ своемъ Дневникѣ записалъ: „Получена депеша о возстаніи въ Польшѣ. Какая гнусность: убивать солдатъ, ночью, безоружныхъ—спящихъ!... Рѣчь государя благородная и умѣренная. Говорятъ, однако, что онъ произнесъ ее съ особенной энергіей и употребилъ нѣсколько выраженій относительно людей неблагонамѣренныхъ".

Въ томъ же *Дневникѣ*, подъ 22 числомъ января, читаемъ:

„Изъ телеграфическихъ депешъ видно, что одни изъ самыхъ дѣятельныхъ двигателей Польскаго возстанія—католическіе попы. Мы, мнѣ кажется, вовсе не умно ведемъ себя въ этомъ возстаніи. Мы разбросали войска на огромномъ пространствѣ и расположились тамъ небольшими отрядами, какъ дома, забывъ, что мы хуже, чѣмъ въ землѣ непріятелей,—въ землѣ домашнихъ враговъ. Оттого солдатъ нашихъ рѣзали даже сонныхъ въ постели" [2]).

Ту же мысль выражаетъ и митрополитъ Московскій Филаретъ въ письмѣ своемъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода Ахманову: „Недавно въ Лаврѣ",—писалъ Филаретъ,—„былъ нѣкто, дворянинъ не низшаго круга, почему-то имѣющій особенныя свѣдѣнія о Польскихъ дѣлахъ, и говорилъ, что войско около Варшавы стоитъ безполезно, что мелкое преслѣдованіе мелкихъ

шаекъ мятежниковъ мало полезно, что въ южной части Польши формируется мятежническая армія; что захваченъ казенный литейный заводъ, и мятежники льютъ орудія; что дѣйствованіе генерала Рамзая парализировано Велепольскимъ, который носитъ личину, украшая ее выстрѣлами и отравленіями, всегда для него безвредными. Повѣствователь, кажется, недавно изъ того края. Дай Богъ, чтобы сіи печальныя вѣсти были не вѣрны или преувеличены. Есть-ли же есть въ семъ несчастная правда, видно ли сіе тѣмъ, которые свыше должны видѣть и направлять дѣйствованіе? Врачу должно видѣть всю силу болѣзни, чтобы вѣрно врачевать" [3]).

Въ это время въ Варшавѣ проживалъ москвичъ Астровъ, и онъ писалъ Погодину: „До половины января (1863), я жилъ кое-какъ у своего знакомаго земляка офицера въ Повонзковскихъ баракахъ, за заставой. Но 16-го января онъ вмѣстѣ съ своимъ баталіономъ выступилъ въ походъ противъ Польскихъ партизановъ, которые скрываются въ лѣсахъ, и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. Съ тѣхъ поръ я пріютился къ солдатикамъ, оставленнымъ при цейгаузѣ для храненія казенныхъ вещей, и солдатики дѣлятся со мной, чѣмъ Богъ послалъ. И они счастливѣе меня: они въ своемъ мѣстѣ, а я-то что такое? Все здѣсь теперь въ судорожномъ движеніи. Послѣдняя кухарка, прачка, помывачка,—всякая дрянь судитъ и рядитъ о войнѣ и политикѣ. Славу Богу, что я настолько умѣю по Польски, что меня не считаютъ москалемъ, иначе навѣрное ужъ давно бы я былъ зарѣзанъ или задушенъ" [4]).

Извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ застало В. П. Боткина въ Парижѣ. „Глубоко встревожило меня",—писалъ онъ Фету,—„извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ, объ отвратительныхъ ужасахъ, какіе совершаетъ тамъ революціонная партія. Такъ былъ душевно встревоженъ я, что потерялъ способность вслушиваться въ квартеты, а потому долженъ былъ прекратить ихъ у себя, а до того времени какое высочайшее удовольствіе они доставляли мнѣ". Въ другомъ письмѣ (22 февр. 1863) того же лица: „Меня совершенно разстроило это проклятое Польское воз-

станіе; я въ постоянной лихорадкѣ и тревогѣ. Это хуже войны; въ войнѣ соблюдаютъ извѣстныя правила вѣжливости, а тутъ слѣпая месть руководитъ всѣмъ. Ужь года два, какъ Русскаго солдата постоянно оскорбляли Поляки,—что жь мудренаго, что онъ при случаѣ даетъ волю своему чувству мести? Когда Поляки рѣзали Русскихъ солдатъ, здѣшніе журналы молчали объ этомъ, а теперь кричатъ о жестокости ихъ. Вообще, братъ, я послѣднее время почувствовалъ презрѣніе къ газетамъ. Всего менѣе онѣ думаютъ о правдѣ и справедливости фактовъ; притомъ же Польская эмиграція здѣсь въѣлась въ журналы, такъ что общее мнѣніе здѣсь совершенно находится подъ Польскимъ вліяніемъ. Можешь судить, какъ пріятно въ такое время быть принуждену жить въ Парижѣ“ [5]).

Въ томъ же духѣ писалъ изъ Парижа къ Анненкову и И. С. Тургеневъ: „Извѣстія изъ Польши горестно отразились и здѣсь. Опять кровь, опять ужасы... Когда же все это прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней? Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія безумнаго возстанія, столько же для Россіи, столько же для самой Польши“.

Всѣ эти событія привели Никитенко въ мрачное настроеніе, и онъ разсуждалъ: „Не постигнетъ ли варварство еще разъ человѣческія общества, когда нравственная сила и сила этой силы — вѣрованіе — совершенно угаснутъ въ сердцахъ людей? Бокль думаетъ всѣ принципы общества подчинить одному *знанію*. Для него нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, нѣтъ вѣрованій или всѣ убѣжденія и вѣрованія онъ старается установить на знаніи. Польское возстаніе, безъ сомнѣнія, есть не иное что, какъ симптомъ общаго революціоннаго соціалистическаго движенія; Европа должна перестроиться и обновиться, по мнѣнію вождей этого движенія; но обновленію долженъ предшествовать духъ бури и всеобщаго разрушенія. Изъ праха и развалинъ самъ собою долженъ возникнуть новый міръ, въ которомъ водворится золотой вѣкъ. Что это: сумасшедшіе или апостолы новой религіи безъ вѣры, новаго откровенія безъ чудесъ, но-

вой нравственности безъ добродѣтелей, общества безъ законовъ и власти, полнаго владычества разума безъ страстей, безъ науки, искусства и поэзіи, новаго особеннаго христіанства безъ Бога, Христа и церкви; наконецъ, жизни безъ страданій и смерти?.. Сколько здѣсь лжи и безумія!... Можно ли позволять себѣ во имя какой бы то ни было системы играть такъ жребіями человѣческими и увлекать людей въ пропасть“ [6]).

Старецъ Шамиль, изъ своего Калужскаго заточенія, писалъ князю А. И. Барятинскому: „Извѣстіе о безпорядкахъ, происходящихъ въ Царствѣ Польскомъ, сильно огорчило меня; потому я постоянно молю Всевышняго о благоденствіи государя императора и дарованіи ему побѣды во всякое время и во всякомъ мѣстѣ“ [7]).

Фетъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ: „Въ Москвѣ остановился я въ пустомъ поновлявшемся домѣ Боткиныхъ, на Моросейкѣ. Собравшись утромъ по дѣламъ, я увидѣлъ въ зеркалѣ за собою восьмидесятилѣтнюю бывшую ключницу Пелагею... Пелагея вдругъ воскликнула: Охъ, батюшка, что́ жь это съ нами, горькими, будетъ? Въ народѣ-то говорятъ: полякъ на Москву идетъ. Напрасно старался я успокоить Пелагею, говоря, что полякъ не придетъ... Таково въ сущности было общее у насъ настроеніе. Никто не зналъ, что дѣлать съ Поляками“ [8])...

„Горьки, если вѣрны“,—писалъ митрополитъ Филаретъ къ Антонію,—„Польскія вѣсти. И едва ли все вѣрно видятъ изъ Петербурга. Господь силъ да услышитъ смиренныя души, вопіющія къ Нему“.

Въ то же время разнесся по Петербургу слухъ,—свидѣтельствуетъ Никитенко,—„о прекращеніи въ Государственномъ Банкѣ платежей звонкою монетою. Это заволновало весь городъ или, лучше сказать, всю Россію. Винятъ Министерство Финансовъ: Рейтерна, Ламанскаго, Штиглица, который теперь уѣхалъ за границу для какихъ-то финансовыхъ операцій, а о немъ говорятъ, что онъ бѣжалъ. Носятся даже слухи, будто Рейтернъ увольняется. Одна газета даже совѣтуетъ ему застрѣлиться. Словомъ, въ денежномъ и промышленномъ мірѣ страшная суматоха“ [9]).

II.

„Я не хочу“,—говорилъ императоръ Александръ II, 13 января 1863 года, предъ Измайловскимъ полкомъ, — „обвинять народъ Польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка. Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ вашихъ, но они не поколеблютъ мою вѣру въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи“.

Намъ уже извѣстно, что наши Лондонскіе изгнанники, еще въ 1862 году, заключили союзъ съ Польскимъ революціоннымъ правительствомъ дѣйствовать противъ своего и нашего Отечества.

Въ *Колоколѣ* 1862 года (№ 146) была напечатана, въ видѣ письма къ издателямъ *Колокола*, прокламація Центральнаго, Народнаго Польскаго Комитета, въ коей сказано: *что Поляки, стремясь къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ, оставляютъ народамъ, въ нихъ обитающимъ, т.-е. Литвинамъ и Руссинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою, согласно ихъ собственной волѣ* . . . . . Далѣе: *мы даемъ полное удостовѣреніе въ нашемъ уваженіи къ полноправности народовъ, соединенныхъ съ Польшею и страдавшихъ вмѣстѣ съ нею* . . . . . Далѣе: *мы увѣрены, что братскій союзъ между Русскими и Поляками, на нашей Польской землѣ, дастъ равно новую силу обоимъ на исполненіе тѣхъ судебъ, къ которымъ стремятся освобождающіеся народы*“.

Въ томъ же *Колоколѣ* 1862 года (№ 148) напечатанъ былъ какой-то адресъ великому князю Константину Николаевичу, отъ офицеровъ Русскихъ войскъ въ Польшѣ стоящихъ, который, по словамъ князя Петра Долгорукова, „доказываетъ, что эта благородная молодежь вполнѣ понимаетъ свое положеніе и свои обязанности къ Россіи; доказываетъ, что она состоитъ

не изъ опричниковъ, а изъ благородныхъ гражданъ; что она не захочетъ позорить Русскаго мундира умерщвленіемъ Поляковъ, которые требуютъ того, чего каждый человѣкъ имѣетъ священное право требовать: законной свободы и своей народной независимости" [10])!

Послѣ предательскаго „умерщвленія" Поляками спящихъ Русскихъ солдатъ, въ ночь съ 10 на 11 января 1863 года, Бакунинъ, будучи еще въ Лондонѣ, 2 февраля того же года, обратился къ Центральному правительству Польскаго возстанія съ унизительнымъ посланіемъ, въ которомъ онъ навязывается Полякамъ въ услуженіе. Въ этомъ посланіи мы читаемъ: „Когда вспыхнуло Польское движеніе, мы, ваши Русскіе друзья въ Петербургѣ и Лондонѣ, надѣялись, что часть Русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, соединится съ вами. Свѣдѣнія, какія мы получали, давали намъ основаніе вѣрить, что на этотъ разъ наши офицеры и солдаты, лучше настроенные, чѣмъ въ 1831 г., поймутъ, что для благороднаго и дѣйствительнаго служенія ихъ Отечеству, они должны подняться вмѣстѣ съ вами противъ Правительства С.-Петербургскаго, которое, рѣжа васъ, безчеститъ и губитъ Россію. Наши надежды еще не осуществились. Кто виноватъ? Были ли мы обмануты относительно настроенія Русскихъ войскъ? — Нѣтъ, это настроеніе во многихъ полкахъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и артиллерійскихъ, было превосходно; солдаты ждали съ нетерпѣніемъ сигнала къ бунту. Почему же они не возстали? Боже меня сохрани отъ обвиненій. Да впрочемъ намъ, Русскимъ, особенно въ настоящее мгновеніе, было бы неприлично позволить себѣ малѣйшій упрекъ націи Польской. Но, чтобъ хорошо оцѣнить настоящее положеніе, надо констатировать одинъ фактъ. *Центральный Комитетъ въ Варшавѣ*, который сначала, кезалось, принималъ къ сердцу союзъ съ революціонною партіею въ Россіи и много разсчитывалъ на симпатическое настроеніе войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, кажется, въ послѣднюю критическую минуту перемѣнилъ совершенно мысли и, не довѣряя положительнымъ и достаточно основательнымъ

увѣреніямъ нашихъ офицеровъ, кажется повѣрилъ, что разсчитывать на помощь Русскихъ войскъ было бы глупостью, а что надо пользоваться ихъ нравственнымъ потрясеніемъ и колебаніемъ, которое должно было быть послѣдствіемъ перваго, чтобъ напасть на нихъ неожиданно и разоружить ихъ. Такъ какъ у Поляковъ не доставало оружія, то тѣмъ болѣе надо было взять его силою у солдатъ. Съ нравственной точки зрѣнія Поляки были правы, ибо пока хоть одинъ солдатъ находится на землѣ Польской, если только онъ не союзникъ, другъ, онъ внѣ закона. Слѣдовательно, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ напасть на него и убить, чтобъ завладѣть его оружіемъ. Я думаю, впрочемъ, что Центральный Комитетъ въ Варшавѣ ошибся въ разсчетѣ; онъ не пріобрѣлъ много оружія такимъ способомъ, но сразу разрушилъ работу цѣлаго года; онъ лишился помощи, я скажу: страшной, противъ Русскаго Правительства, которое, будучи разорено и совсѣмъ обезкуражено внутри и презираемо извнѣ, было бы не способно бороться противъ Русскихъ и Поляковъ соединенныхъ. Было ли возможно это соединеніе? Да,—такъ какъ пропаганда имѣла послѣдствія, и наши солдаты ждали съ нетерпѣніемъ часа освобожденія, и при первомъ крикѣ возстанія, изданномъ Польскими патріотами, многіе отряды присягнули на народномъ знамени, носившемъ надпись *Земля и Воля*, и ждали только приближенія революціонныхъ отрядовъ, чтобъ присоединиться къ нимъ. Но когда послѣдніе, вмѣсто того, чтобъ протянуть имъ руку, напали на нихъ, чтобъ силою ихъ разоружить, т.-е. перерѣзать ихъ, тогда, по необходимости перемѣняя мысли, тѣ же солдаты, такъ хорошо приготовленные, и расположенные возстать вмѣстѣ съ вами, стали вашими жестокими врагами. Теперь слѣдуетъ бояться, чтобъ ихъ отчаяніе не оказалось тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ были сначала широки и серьезны ихъ симпатіи и ихъ надежды. Русское Правительство натурально постарается усилить и растравить всѣ ихъ дурныя страсти... Тогда—вмѣсто желаемаго, ожидаемаго союза между Поляками и Русскими, наступитъ разрушительная война, —

великое несчастіе, которое принесетъ пользу только Нѣмцамъ Берлинскимъ и Петербургскимъ — и которая, позвольте это сказать вамъ, господа, погубитъ еще разъ Польшу. Польша, со всѣмъ этимъ героизмомъ, который теперь возбуждаетъ удивленіе міра, можетъ ли противостоять соединенному вторженію войскъ Русскихъ и Прусскихъ, если всѣ крестьяне не поднимутся массою на всемъ пространствѣ Польской земли и если революція Польская, столько же политическая, какъ и соціальная, кринимая ужасный характеръ chłopskiego ruchu, и слѣдуя своему естественному ходу, не направитъ своихъ волнъ въ Литву, въ Украйну и даже въ Имперію Русскую? Я не думаю. Ваши крестьяне колеблются еще, потому что не считаютъ васъ достаточно сильными; но когда они увидятъ Русскія войска въ вашихъ рядахъ, они уступятъ увлеченію непобѣдимому. Присоединеніе Русскихъ войскъ къ Польскому движенію есть для насъ вопросъ спасенія. Въ виду этой настоятельной необходимости останемся ли мы съ скрещенными руками и не соединимъ ли мы наши усилія, вы, временное правительство Польскаго возстанія, и мы, революціонеры Россіи, чтобы исправить сдѣланное зло? Если вы думаете, господа, что таковъ вашъ долгъ и нашъ, я отдаю на службу вамъ всю мою добрую волю и дѣятельную помощь моихъ друзей соотечественниковъ въ Лондонѣ, въ Петербургѣ и особенно въ Польшѣ. Мы можемъ помочь вамъ двумя способами: во-первыхъ, диверсіею въ Россіи, безпокоя Правительство внутреннею агитаціею и мѣшая ему сосредоточить всѣ силы противъ васъ. Для этого мы будемъ стараться ускорить организацію тайной пропаганды въ арміи, а также въ провинціяхъ, чтобы, если ваша революція распространится до границъ Россіи, она была тамъ встрѣчена и продолжена братски. Къ несчастію, она насъ застала неприготовленными. Мы это говорили нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и наши друзья въ Петербургѣ повторили это,—мы и теперь не совершенно готовы, и если бъ мы были предоставлены самимъ себѣ, намъ надобенъ бы былъ, безъ сомнѣнія, годъ, можетъ быть два или даже три, для организаціи

нашихъ силъ. Однакожъ я не сомнѣваюсь, что если крестьяне въ Литвѣ и Украйнѣ поднимутся массами, то и Великорусскіе возстанутъ тоже,—и вы можете быть увѣрены, что мы не спимъ. Второй способъ служить вамъ, былъ бы составить въ Польшѣ и въ самомъ лагерѣ Польской революціи Русскій легіонъ. Это мое главное дѣло и мое желаніе самое дорогое. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существованіе національнаго легіона Русскаго съ великолѣпнымъ знаменемъ *Земля и Воля* произвело бы нравственное впечатлѣніе огромное на всю армію Русскую, направленную на васъ, и на всю Россію. Самый фактъ его существованія былъ бы равенъ нѣсколькимъ выиграннымъ сраженіямъ. Къ несчастію, осуществленіе этого проекта стало теперь безъ сравненія болѣе труднымъ, чѣмъ было мѣсяцъ тому назадъ. Я не буду возвращаться къ нашимъ жалобамъ. Я повторяю вамъ, что вы были вполнѣ правы дѣйствовать такъ, какъ вы поступили. Но вы не удивитесь, что система, вами принятая, конечно, послѣ зрѣлаго размышленія, система, которая исключала всякую вѣру въ симпатію и содѣйствіе Русскихъ войскъ, произвела въ настроеніи ихъ печальную реакцію. Русскія войска приведены въ отчаяніе и побуждаются начальниками къ ужаснымъ жестокостямъ, которыя, пробуждая ненависть и отмщеніе въ Польскихъ населеніяхъ, угрожаютъ превратить эту войну въ борьбу на смерть, въ ужасную бойню. Нашъ долгъ, вашихъ друзей, несмотря ни на что,—броситься между солдатами Русскими и вами, чтобъ помѣшать, если еще время, довершенію позора нашего и вашего несчастія, чтобъ спасти въ одно и тоже время и Польскую революцію и революцію Русскую, стараясь примирить Польскій народъ съ Русскими солдатами и усиливаясь привести послѣднихъ къ болѣе человѣческимъ чувствамъ. Задача это трудная и она сдѣлается невозможною, если вы не проникнуты въ такой же степени, какъ и мы, мыслію о настоятельной необходимости этого примиренія, и если вы не поможете намъ широко и отъ полнаго сердца. Вы поставили насъ, моихъ друзей и меня, въ положеніе чрезвычайно деликатное и критическое. Послѣ обмѣна

стольких симпатических слов, после стольких договоров, установленных, заключенных, ратификованных, мы теперь не уверены даже, хотите ли вы нас. Я вам писал в это время письмо за письмом, умоляя вас сказать, должен ли я итти в Польшу; я не получил слова ответа, а через моих друзей Брауна и Жебровскаго, вы сказали мне, чтоб я оставался в Лондоне и что мне нечего делать среди вас. Вы также поступили с Жебровским, который однакож дал вам неоспоримыя доказательства безграничной преданности; вы его, так сказать, прогнали из Польши. Русская пословица говорит: *насильно мил не будешь*,—и если вы будете оставаться с такими мыслями относительно нас, вы сделаете хорошо, сказавши нам это, как вы это уже сделали, потому что лишенные вашей симпатии и вашего доверия, мы будем в Польше ничто, мы не сможем там сделать ничего. Для того, чтоб составление легиона Русскаго в Польше было возможно, надо прежде всего, чтоб центральное правительство Польское было твердо убеждено в его полезности для дела Польскаго, и чтоб оно распространило это убеждение среди всех начальников Польскаго правительства, потому что если последние покажут нерасположение или даже равнодушие, то лучше и не начинать, так как дело может удасться только при условии, если оно будет сильно и постоянно поддерживаемо симпатиями Польскими. Надо тогда, чтоб вы не увлеклись естественною страстью к возмездию, или по крайней мере надо, чтоб вы били только генералов или полковников, включительно до майоров, особенно Немцев, и вообще всех офицеров, которые будут отмечены, как злые и притеснители голосом Русских пленных солдат. Этих пленных, надо бы, продержавши несколько времени, чтоб они могли проникнуться духом Поляков, выпускать из числа их тех, которые не захотят принять участие в Польском легионе, потому что тогда они окажутся пропагандистами в Русской армии, в которую они возвратятся. Не думайте, господа, что я думаю навязать вам эти условия; я

вамъ только говорю тѣ, которыя мнѣ кажутся необходимыми для того, чтобъ образованіе легіона Русскаго въ Польшѣ стало возможнымъ. Вамъ рѣшать, хотите ли вы того, или нѣтъ. Въ этотъ торжественный часъ, когда рѣшается участь нашихъ двухъ странъ, я заклинаю васъ отвѣчать мнѣ категорически и откровенно: имѣете ли вы довѣренность къ намъ? Хотите ли вы, чтобъ я пришелъ въ Польшу? Желаете ли вы образованіе легіона Русскаго? Можете ли вы, хотите ли вы согласиться на всѣ эти условія, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать? Вотъ что я васъ прошу сказать мнѣ съ откровенностью, которая прилична людямъ сражающимся за свободу. И во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что вы мнѣ не откажете по крайней мѣрѣ въ отвѣтѣ. Этотъ отвѣтъ опредѣлитъ мое поведеніе, и я надѣюсь, господа, что это будетъ отвѣтъ симпатичный. Я надѣюсь этого и для васъ и для насъ, ибо, чтобъ тамъ кто ни говорилъ, а наши дѣла нераздѣльны; но такъ или иначе, а мы все таки всѣ выражаемъ горячія пожеланія вамъ успѣха, безусловнаго и во что бы ни стало".

Сочувствующій нашимъ Лондонскимъ изгнанникамъ М. П. Драгомановъ, по поводу приведеннаго посланія, замѣтилъ: „Изъ письма этого видно, какъ скоро, послѣ заключенія союза начались разногласія между Русскими и Польскими революціонерами 1862—1863 гг." [11]).

III.

Бакунинъ, по словамъ его біографа, „къ разгару Польскаго мятежа, очутился совсѣмъ въ смѣшномъ видѣ". Онъ задумалъ убѣдить Шведовъ, чтобы тѣ подняли оружіе противъ Россіи и кстати вернули себѣ Финляндію. „Недолго думая, Бакунинъ отправился въ Стокгольмъ, добился у брата короля и Шведскихъ министровъ аудіенціи и всячески старался ихъ увѣрить въ неминуемости возстанія крестьянъ и въ сильномъ броженіи умовъ, якобы происходящемъ въ Россіи" [12]).

Въ Стокгольмѣ, въ честь Бакунина, устроенъ былъ банкетъ,

на которомъ тотъ, вслѣдъ за тостомъ, предложеннымъ хозяевами за *Молодую Россію*, между прочимъ, сказалъ: „Да, господа, эта Россія молодая не годами, а опытомъ и жизнію политическою, эта Россія—народная, вѣковая мученица и слѣдовательно врагъ Россіи, называющей себя императорскою,—существуетъ, и ея часъ пришелъ. Мы, Русскіе, которые ближе ее наблюдаемъ и можемъ бросить взглядъ въ глубины ея внутренняго труда, мы видимъ, что она даже двигается, растетъ и приготовляетъ свои силы для послѣдней борьбы,—и Европа, безъ сомнѣнія, увидитъ, какъ она сядетъ величественно, свободная и великая, но мирная и справедливая на развалинахъ имперіализма... Господа, народъ Русскій не съ Правительствомъ, и никто этого такъ хорошо не знаетъ, какъ само Правительство. Поэтому оно охвачено большимъ страхомъ... Окруженное глубокимъ и всеобщимъ недовольствомъ, побуждаемое къ крайности страшнымъ Польскимъ возстаніемъ, которое, подвигаясь, какъ гроза, съ запада, кажется, воспламенитъ всю Имперію, угрожаемое внутри народной революціей, еще болѣе страшной, презираемое въ Европѣ, презираемое въ Россіи, презирающее само себя, оно смущается. Оно стонетъ, оно жалуется, оно плачетъ въ Петербургѣ, умоляя свою гвардію не оставлять его, и плачетъ въ Варшавѣ, умоляя своихъ генераловъ, Русскихъ Нѣмцевъ, и Русскихъ Монголовъ, не ссориться и умоляетъ покорно Финляндію не слишкомъ разрушать его, оно,—наслѣдникъ Николая, который такъ презиралъ науки и литературу, опускается до того, что пожимаетъ руки редакторамъ журналовъ, которыхъ оно покупаетъ. Господа, я взываю къ вашей справедливости. Насъ, противниковъ этого Правительства, называютъ революціонерами. Но не оно ли напротивъ есть воплощенный революціонеръ? Робеспьеръ и Маратъ могли ли сдѣлать больше, Геростратъ, самый безумный и самый преступный, могъ ли бы смѣть больше? Что же такое послѣ этого мы, господа, мы, которые боремся съ Правительствомъ Петербургскимъ? Мы истинные консерваторы:—мы ужасаемся крови,—но такъ какъ необходимо, чтобъ она текла, ну, такъ пусть она течетъ не для разрушенія,

а для счастія России и Польши. Мы, которыхъ зовутъ революціонерами, мы даже не республиканцы во что бы то ни стало. Еслибъ императоръ Александръ II захотѣлъ стать откровенно во главѣ политической и соціальной революціи въ Россіи, еслибъ онъ захотѣлъ отдать свободу и независимость Польшѣ, а также всѣмъ провинціямъ, которыя не хотятъ входить въ Имперію, если бы на мѣсто этой чудовищной и насильственной Имперіи Петра, Екатерины и Николая, онъ открылъ бы Россію свободную, демократическую, народную съ административною автономіей провинцій и если бъ, для увѣнчанія этой новой политики, онъ выставилъ Славянское федеральное знамя, — тогда, господа, далекіе отъ того, чтобъ бороться съ нимъ, мы были бы его самые вѣрные слуги, самые горячіе и самые преданные. Господа, въ Россіи теперь образовалось обширное патріотическое общество,—консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ. Оно носитъ имя *Земля и Воля*. Центръ его въ Петербургѣ, его сторонники и члены во всѣхъ провинціяхъ обширной Россіи. Оно обнимаетъ всѣ классы Русскаго общества, всѣхъ Русскихъ доброй воли, каково бы ни было ихъ имущество и положеніе: генералы и офицеры въ массѣ, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне и мильоны сектантовъ раскольниковъ, которые, желая того же, что и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами за одно. Это общество, правильно и крѣпко организованное, стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію. Оно заключило формальный союзъ съ центральнымъ комитетомъ Варшавскимъ, теперешнимъ временнымъ національнымъ правительствомъ Польши, на основаніяхъ столько же широкихъ, сколько и справедливыхъ, признавая за каждой провинціей, большой и малой, абсолютное, неограниченное право располагать собою, по своимъ выгодамъ. На тѣхъ же основаніяхъ оно заключило союзъ съ патріотами Малороссіи; и когда Финляндцы пожелаютъ, оно подастъ имъ

руки на тѣхъ же условіяхъ. Цѣль этого общества вполнѣ гуманна и вполнѣ консервативна. Эта цѣль—спасеніе Россіи отъ преступнаго безумія имперіализма, произвести сдѣлавшуюся необходимою великую революцію политическую и соціальную,—безъ пролитія крови. Чѣмъ болѣе будетъ сильно это общество, тѣмъ менѣе будетъ несчастій, такъ какъ сила внушаетъ увѣренность и спокойствіе,—и только безсиліе жестоко. Программа его вполнѣ проста:

1. Оно хочетъ передать землю крестьянамъ безъ выкупа и заплатить ея стоимость помѣщикамъ на счетъ всей націи.

2. Принимая общину за основу, оно хочетъ замѣнить совершенно Нѣмецкую администрацію бюрократіи національною выборною системой и насильственную централизацію Имперіи федераціей провинцій, автономныхъ и свободныхъ.

3. Оно хочетъ уничтожить рекрутчину, этотъ кровавый налогъ, который теперь истребляетъ Русскія населенія, и на мѣсто постоянной арміи, несогласимой съ свободой, хочетъ ввести систему народнаго вооруженія, ополченіе, которое будетъ всемогуще для защиты страны, но безсильно для внѣшняго завоеванія.

4. Чтобъ осуществить эти идеи, составляющія самое чистое выраженіе воли народной, оно громко требуетъ созванія земскаго собора, составленнаго изъ депутатовъ, выбранныхъ всѣми провинціями и городами Великой Россіи безъ различія классовъ, имущества и положенія.

Таково общество, къ которому я имѣю честь принадлежать, господа, и которое я имѣю честь представлять передъ вами. Отъ имени этого общества, отъ имени этой новой Россіи, которая должна скоро восторжествовать и которая приноситъ всему сѣверу Европы обѣщаніе мира, плодороднаго, братскаго, я протягиваю руку патріотамъ Шведскимъ и пью за близкое осуществленіе и благополучіе великаго федеральнаго союза Скандинавскаго“ [13]).

Въ противоположность Герцену, Огареву, Бакунину, самъ Прудонъ, по словамъ Оливье, со свойственною ему смѣлостью

и силой ума возобновлялъ противъ Польши тѣ обвиненія, которыя лишили всякаго сочувствія къ ней философовъ XVIII вѣка, при ея расчлененіи. Онъ шелъ еще дальше и говорилъ, что не питаетъ ни малѣйшаго состраданія „къ этой надменной аристократіи, сгнившей съ XII вѣка, притѣсняющей народъ съ XI вѣка, при чемъ единственной ошибкой заинтересованныхъ державъ, въ 1772 и 1796 гг., было то, что онѣ не поступили съ ней по заслугамъ, отобравъ у нея все и пустивъ ее по міру".

Изъ Стокгольма Бакунинъ отправился въ Мальме, гдѣ его долженъ былъ забрать пароходъ, зафрахтованный Польскимъ ржондомъ въ Лондонѣ, и везти дальше—подымать Литву на поголовное возстаніе. Но въ Мальмѣ онъ былъ задержанъ и тамъ просидѣлъ вплоть до окончанія Польскаго возмущенія [14]).

IV.

И. С. Аксаковъ, въ своемъ *Днѣ,* напечаталъ весьма интересное письмо Касьянова, изъ Парижа, въ которомъ живописуются подвиги Бакунина.

„Развѣ не измѣнникомъ Русскому народу",—пишетъ Касьяновъ,— „является теперь Бакунинъ, предводительствующій Польскимъ отрядомъ, или шайкою всякаго сброда мастеровъ, подмастерьевъ и работниковъ революціи, охотниковъ до крови и до разрѣшенія всякихъ задачъ грубою силою вооруженнаго кулака? Вы конечно знаете, что экспедиція Бакунина не достигла своего назначенія и вмѣсто Либавы попала въ Швецію. Тамъ теперь и князь Константинъ Чарторыжскій. Бакунинъ и Чарторыжскій сдѣлались предметомъ безчисленныхъ овацій, предлогомъ обѣдовъ и сборищъ, поводомъ рѣчей, спичей, тостовъ и тостовъ... Словомъ — вина и лжи разливанное море. Пей—не хочу. Вамъ, можетъ быть, кажется страннымъ, какъ это Шведскіе *демократы* чествуютъ Чарторыжскаго, — Чарторыжскаго, представителя не только *аристократіи* Польской, но и Польскаго аристократизма; какъ это Шведы, негодуя на

отнятіе независимости у Польской народности, совмѣщаютъ вмѣстѣ съ этимъ негодованіемъ пламенное желаніе подчинить Финскую народность зависимости отъ Шведской? Стоитъ ли обращать вниманіе на такія противорѣчія... Положительно извѣстно, что Бакунинъ въ Швеціи торжественно обѣщаетъ Шведамъ, отъ имени Россіи, Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ прибавку нѣсколькихъ Русскихъ губерній. Москву, кажется, не отдаетъ, — ну и за это спасибо! Что это такое? Развѣ не измѣна? Вы скажете — сумасшествіе. Но если и такъ, то это сумасшествіе такого злого качества, что человѣкъ, нравственно способный впасть въ подобное сумасшествіе, уже тѣмъ самымъ преступенъ, преступенъ этою своею способностью. Вѣрьте мнѣ, — лжетъ онъ, — ни любви, ни уваженія къ народу нѣтъ въ томъ человѣкѣ, который вноситъ мечъ и огонь къ народу въ домъ и, самозванно величаясь представителемъ народа, навязываетъ ему силою, втѣсняетъ въ него своими и чужими кулаками — благо свободы своей личной выдумки и приготовленія. А то, что затѣяно Бакунинымъ — развѣ это не та же вбиваемая, всаживаемая пулями, *всѣкаемая* свобода? Неужели въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ разсказывали, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ, есть молодые люди, которые и послѣ этихъ поступковъ Бакунина, продолжаютъ еще благоговѣть предъ его авторитетомъ и считать его дѣло честнымъ и благороднымъ? Не вѣрю".

За тѣмъ, Касьяновъ обращается къ Герцену и пишетъ: „Но кого мнѣ искренно жаль, — такъ это Герцена. Вы знаете рѣзкую противоположность нашихъ основныхъ воззрѣній, вы знаете, какъ я смотрю на *Колоколъ*, — но тѣмъ не менѣе я многое прощалъ этому человѣку ради высокой искренности его убѣжденій и всегдашней готовности отречься отъ своего взгляда, если онъ убѣждался въ его ошибочности. Мнѣ случилось его видѣть вскорѣ послѣ Восточной войны и онъ разсказывалъ мнѣ, какой мучительный годъ онъ прожилъ одинъ въ Англіи, вдали отъ Россіи, осажденной со всѣхъ сторонъ сильнѣйшимъ непріятелемъ; съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ брался онъ каждое утро за

газеты, боясь прочесть въ нихъ извѣстіе о взятіи Севастополя, какъ гордился его мужественной обороной. Когда я упрекалъ его за вредное вліяніе на Русскую молодежь, въ которой его сочиненія развиваютъ кровожадные революціонные инстинкты, и указалъ ему на одну фразу его статьи въ *Полярной Звѣздѣ*,— Герценъ оправдывался съ жаромъ, отклонялъ отъ себя упрекъ въ кровожадности и положительно увѣрялъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ воззваніяхъ къ раскольникамъ, незадолго передъ тѣмъ перехваченныхъ въ Россіи. И теперь этотъ человѣкъ—*въ союзѣ* съ деспотической Франціей, съ противнымъ ему Бонапартомъ, съ аристократической Англіей, съ политическими изгнанниками всѣхъ странъ, о которыхъ—собственно о Французахъ—онъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, понятнымъ только Русской душѣ, ненавистницѣ лжи и фразы; *въ союзѣ* съ Поляками—проповѣдующими не возстановленіе Польши, а порабощеніе Русской народности въ Западномъ краѣ и уничиженіе Русскаго народа,—съ Поляками, непризнающими за нами никакихъ правъ на политическое бытіе и провозгласившими въ прокламаціи, изданной тамъ, у Бакунина, въ Швеціи, что Польша должна быть возстановлена въ предѣлахъ 1771 года! И Герценъ, въ союзѣ съ врагами Русской Земли, — содѣйствуетъ имъ совѣтомъ и указаніемъ; онъ, какъ сторонникъ ихъ, радуется успѣхамъ Польскихъ шаекъ, т.-е., побіенію Русскихъ, празднуетъ вмѣстѣ съ ними Варѳоломеевскую ночь Польши, гдѣ нѣсколько тысячь Русскихъ людей были умерщвлены самымъ предательскимъ образомъ... Конечно, Герценъ не дѣйствуетъ заодно съ Бакунинымъ—и вѣроятно не рѣшится, какъ онъ, навести ружейное дуло на Русскаго солдата, но онъ солидаренъ съ Бакунинымъ, онъ не отрекся отъ него, и Русская кровь, которою вскорѣ обагрится, а можетъ быть уже и обагрился Бакунинъ, забрызжетъ и Герцена! Отъ Бакунина мы ничего другого и не ждали, и не уважали его никогда нисколько, — но отъ Герцена мы не могли этого ожидать и — ждемъ... Да, ждемъ раскаянія. Не можетъ быть, чтобы Герценъ не понималъ соціальныхъ и

историческихъ требованій Русскаго народа. Онъ не такъ ужъ ослѣпъ. чтобы не видѣть, что Русскій народъ не потерпитъ ничьего чужого вмѣшательства, а тѣмъ менѣе вооруженнаго, что Русскій народъ встанетъ весь, какъ одинъ человѣкъ, за Русское государство, за того, кого считаетъ своимъ представителемъ, кому вручилъ оберегательство чести народной и государственной... Стало быть, и Бакунину и Герцену пришлось бы имѣть дѣло не съ Правительствомъ и не съ войскомъ только, а со всею Русскою Землею, со всѣмъ Русскимъ народомъ. Народъ не поддастся ласкательствамъ непрошенныхъ и неуполномоченныхъ попечителей о его благѣ, которые захотятъ отдѣлить народное дѣло отъ государственнаго и предложить ему чужеземную помощь противъ Русскаго же Правительства! Если и имѣются у народа какіе-нибудь свои непорядки, то не путемъ крови, не насиліемъ желаетъ народъ отстранить ихъ... Неужели Герценъ забылъ Русскую пословицу: *Свои собаки грызутся, чужая не приставай?* Неужели Герценъ съумѣлъ заглушить въ себѣ то Русское народное чувство, которое заставляетъ забыть всѣ раздоры, всѣ неудовольствія, всѣ споры — въ виду внѣшней опасности, грозящей государству? Не только бездну роетъ Герценъ между собой и Русскимъ народомъ, не только отлучаетъ онъ себя на вѣки отъ родной Земли, но если онъ не прекратитъ своего образа дѣйствій, если его возбужденіями прольется хоть одна лишняя капля Русской крови,—кровь Русскаго народа, вмѣстѣ съ народнымъ проклятіемъ, падетъ ему на голову. И одна ли лишняя капля! Цѣлыя рѣки крови могутъ потечь — благодаря воззваніямъ, фальшивымъ манифестамъ и всякимъ соблазнамъ, разставленнымъ совѣсти безбородыхъ увлекающихся юношей! Руки ли, по локоть въ Русской крови, въ крови Русскаго народа, протянетъ онъ братски Русскому народу?! Но знаете? Вы назовете меня сумасбродомъ, поэтомъ, но мнѣ все сдается, что Герценъ не вынесетъ этого противорѣчія, что ему не удастся заглушить свою Русскую совѣсть, и что когда-нибудь, въ одно прекрасное утро, онъ поступитъ совершенно по Русски. Кто знакомъ

съ психологической стороной Русской уголовщины, читалъ уголовныя дѣла и изучалъ Русскихъ преступниковъ изъ народа, тотъ хранитъ въ памяти множество случаевъ, — какъ иной преступникъ-бродяга, въ самомъ раздольѣ грабежа и разбоя, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вмѣсто того, чтобы идти на право, по проторенной дорожкѣ въ кабакъ, беретъ на лѣво— въ Земскій Судъ, объявляетъ о себѣ и своемъ преступленіи, отдается суду и несетъ наказаніе!.. Стоскуется Русскій человѣкъ по правдѣ, надоѣстъ ему ложь, опротивѣетъ зло, — и возстановляетъ онъ правду—наказаніемъ и искупленіемъ! Что нибудь подобное, вѣрьте мнѣ, случится и съ Герценомъ. Теперь, можетъ быть, онъ еще будетъ потѣшаться надъ моими словами (а еще болѣе станутъ глумиться надъ ними ваши Петербургскіе весельчаки), но какъ бы ни смѣялся Герценъ, а слова мои врѣжутся въ его память... Пусть бы только пересталъ онъ губить нашу несчастную Русскую молодежь, пусть бы внушалъ онъ ей истинное уваженіе къ народу, а не деспотизмъ демократовъ, считающихъ себя въ правѣ издѣваться надъ невѣжествомъ народа обманами и подлогами! Фальшивые манифесты... Какая подлость, какое ругательство надъ народомъ! Этотъ обманъ, этотъ подлогъ, развѣ это не то же насиліе, развѣ это не такой же деспотизмъ, не эксплуатація грамотнаго надъ неграмотнымъ, зрячаго надъ слѣпымъ, образованнаго надъ необразованнымъ“ [15])?

Вмѣстѣ съ Бакунинымъ, въ Стокгольмѣ пребывалъ и сынъ Герцена, Александръ. Между ними произошли разногласія, главнымъ образомъ, „по поводу преувеличеннаго, по мнѣнію А. А. Герцена, изображенія силы революціоннаго движенія въ Россіи, которое Бакунинъ показывалъ Шведамъ“. Бакунинъ жаловался на сына отцу, и послѣдній писалъ: „Защищать самолюбивыя замашки моего сына, дерзкій тонъ, ошибки его, я не стану и уже много отчиталъ ему выговоровъ. Но когда ты меня хочешь увѣрить, что онъ поступилъ какъ Картушъ,... что Норвегія и Скандинавія—были имъ надуты, когда ты боишься сообщить адресы, чтобы онъ ихъ не переслалъ твоимъ вра-

тамъ,—тогда я жму плечами и думаю: какъ ты привыкъ къ сварливой жизни съ хористами революціи; ужъ обвинять, такъ обвинять: воръ, агентъ Прусскаго короля и т. д.—Я не оправдываю Саши,... что онъ говорилъ съ тобой;—съ тобой въ глаза никто, кромѣ меня и Огарева, не говорилъ откровенно. Съ чего же ему двадцати четырехъ лѣтъ, безъ правъ вчинять рѣчь. Вашъ споръ о томъ, кто изъ васъ законный chargé d'affaires *Земли и Воли* комиченъ до высшей степени. Что молодой человѣкъ могъ найдти пріятнымъ представлять начинающійся кругъ молодыхъ людей—я понимаю. Но что ты также будто не прочь имѣть помазаніе съ Невы, когда ты его имѣешь изъ крѣпости и Сибири,—это я не понимаю... Письмо твое ужаснуло меня не обвиненіями Саши, а пустотой, ненужностью, призрачностью всѣхъ этихъ переговоровъ, сближеній, отдаленій, объясненій... Оторванный жизнью, брошенный съ молодыхълѣтъ въ Нѣмецкій идеализмъ,—не зная Россіи ни до тюрьмы, ни послѣ Сибири, но полный широкихъ и страстныхъ влеченій къ благородной дѣятельности,—ты прожилъ до пятидесяти лѣтъ въ мірѣ призраковъ, студентской распашки, великихъ стремленій и мелкихъ недостатковъ".

Затѣмъ Герценъ упрекаетъ Бакунина за *Польскій союзъ*. „Онъ былъ невозможенъ",—писалъ Герценъ,—„они (т.-е., Поляки) поступили съ нами неоткровенно; результатъ тотъ, что ты чуть ли не потонулъ въ немъ, а мы сѣли на мель. *Что ты меня попрекаешь, что я видѣлъ и не остановилъ?*—Ты, братъ, стихія,—солому ломишь, какъ тебя остановить? Я былъ противъ напечатанія адреса офицеровъ въ *Колоколѣ;* противъ твоей поѣздки въ Швецію... Что Польское дѣло было устроено плохо съ нашей стороны, что оно *не наше дѣло*, хотя и правое относительно, это доказано тѣмъ, что себя, какъ я сказалъ, ты доканалъ имъ" [16])...

Удивительно, что послѣ вышеизложеннаго Герценъ имѣлъ смѣлость написать И. С. Аксакову нижеслѣдующее письмо: „Милостивый государь. Въ *Днѣ* вы напечатали письмо г. Касьянова, который меня лично знаетъ, но котораго я вовсе не знаю. Г. Касья-

новъ, вѣроятно, безъ большихъ слезъ оплакиваетъ меня и, можетъ, безъ дурного намѣренія клевещетъ на Бакунина. Отвѣтъ мой впереди — имъ я не буду безпокоить вашъ *День* — но позвольте мнѣ вступиться за отсутствующаго и просить васъ о помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ журналѣ. Напечатать ихъ вы можете. Я увѣренъ, что вы не рѣшились бы воспользоваться начальническимъ разрѣшеніемъ обвинять насъ, не испросивъ предварительно дозволенія напечатать нашъ отвѣтъ. Сверхъ того, зная скромные размѣры отечественной цензуры—я сокращусь до невозможности. Бакунинъ никогда не предводительствовалъ никакимъ Польскимъ отрядомъ *и никогда не имѣлъ намѣренія* предводительствовать. Его поѣздка (въ Швецію) имѣла совсѣмъ другую цѣль. Я не слыхалъ, а кажется могъ бы, ни о какомъ участіи его въ прокламаціяхъ, манифестахъ и проч., и увѣренъ, что онъ не участвовалъ. Положительно извѣстно, говоритъ г. Касьяновъ, что Бакунинъ въ Швеціи *торжественно* обѣщаетъ Шведамъ отъ имени Россіи Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ прибавку нѣсколькихъ Русскихъ провинцій. Что же это такое—продолжаетъ г. Касьяновъ—*развѣ не измѣна?* Нѣтъ, гораздо проще,—*это неправда.* Позвольте, почтенный сотоварищъ, надѣяться, что вы не откажете въ просьбѣ уважающаго васъ издателя *Колокола* А. Герцена. За особенное одолженіе сочту, если вы примите на себя трудъ прислать экземпляръ вашего журнала, въ которомъ будетъ помѣщено это письмо".

V.

Желаніе Герцена исполнено: письмо его было напечатано въ *Днѣ*. Но по поводу этого письма И. С. Аксаковъ счелъ долгомъ высказать Герцену жесткую правду.

„Намъ непонятно, — писалъ Аксаковъ, — почему владѣя такимъ орудіемъ публичнаго слова, какъ *Колоколъ*, проникающій въ самые сокровенные углы Россіи, обаятельно дѣйствующій на массу молодыхъ читателей, и пряностью рѣчи, и скандальностью сплетней о Русскомъ Правительствѣ и Рус-

комъ обществѣ, и, главное, прелестью запрещеннаго плода, почему Герценъ пожелалъ отвѣчать Касьянову не въ *Колоколѣ*, а въ газетѣ, издающейся въ Россіи. Если онъ думаетъ, что читатели *Дня* не читаютъ *Колокола*, то это еще не даетъ ему права отрицать въ Московской газетѣ то, что, напротивъ, рѣзко подтверждается каждымъ нумеромъ его Лондонской газеты, и увѣрять читателей *Дня* въ гражданской непорочности Бакунина,—который, нисколько не заботясь объ оправданіи, продолжаетъ самъ себя обличать въ преступленіи своими публичными дѣйствіями и рѣчами—равняющимися обвинительнымъ актамъ. Мы полагаемъ, что Герценъ, поставленный въ неловкое отношеніе къ своему пріятелю словами Касьянова, отдѣлившаго такою рѣзкою чертою Герцена отъ Бакунина, не къ выгодѣ послѣдняго, захотѣлъ просто очистить совѣсть и исполнить долгъ пріязни и солидарности—протестомъ, — который, своимъ слабымъ, голословнымъ отрицаніемъ нисколько не упраздняетъ обвиненія Касьянова и въ свою очередь опровергается очевидными фактами.

„Герценъ утверждаетъ, что Бакунинъ никогда не предводительствовалъ Польскимъ отрядомъ, и что его поѣздка въ Швецію имѣла другую цѣль. Изъ Англіи отправляется пароходъ, нагруженный оружіемъ и цѣлымъ Польскимъ отрядомъ для высадки на Русскомъ берегу. Всѣмъ извѣстно, что пароходъ попалъ въ Швецію случайно, вслѣдствіе отказа Англійскаго шкипера продолжать плаваніе до Либавы. Съ этимъ же отрядомъ находился на пароходѣ, по увѣренію всѣхъ газетъ, и Бакунинъ. Этотъ опытный революціонеръ, мастеръ революціоннаго дѣла, не можетъ играть второстепенную роль въ предпріятіяхъ подобнаго рода; въ этомъ и самъ Герценъ отдаетъ ему справедливость, и если даже онъ не былъ предводителемъ въ смыслѣ военачальника, то безъ сомнѣнія былъ коноводомъ этого сброда подмастерьевъ и работниковъ революціи, набранныхъ отовсюду *главами движенія* для святой цѣли,—пролитія Русской крови.

„Но Герценъ, признавая, вѣроятно, слишкомъ тяжелымъ

обвиненіе Бакунина въ предводительствованіи шайкою, увѣряетъ, что Бакунинъ, отправляясь въ Швецію, имѣлъ совсѣмъ другую цѣль. Дѣйствительно, онъ остался въ Швеціи, когда послѣ долгой стоянки экспедиція Липинскаго попыталась вновь пробраться къ Курляндскому берегу, но завидѣвъ крейсеровъ и сославшись на бурю, возвратилась въ Швецію. Что же дѣлалъ Бакунинъ въ Стокгольмѣ? Какая же это цѣль, которую Герценъ считаетъ какъ будто выше и чище предводительствованія Польскимъ отрядомъ? Не ботаническая ли экскурція въ отечествѣ Линнея? Нѣтъ, онъ *агитировалъ*, возбуждалъ Шведскихъ демократовъ и, вмѣстѣ съ Чарторижскимъ, настраивалъ общественное мнѣніе къ войнѣ съ Россіей, насылалъ опустошенія и гибель на предѣлы Русской Земли, кровопролитіе и смерть Русскому войску, Русскому народу. Если войны Швеціи съ Россіей не состоялось, то въ этомъ Бакунинъ конечно не виноватъ, и дѣйствія его нисколько оттого не теряютъ своего значенія. Чья правдивая совѣсть можетъ признать такой способъ дѣйствія *менѣе* преступнымъ, чѣмъ предводительствованіе шайкой?... Герценъ такъ безсиленъ въ защитѣ Бакунина, что даетъ нѣкоторый поводъ предполагать внутренее противорѣчіе его совѣсти съ словами. Не ясно-ли, что предводительствованіе *чище* уже тѣмъ, что предводитель подвергается опасности и рискуетъ жизнью, тогда какъ агитаціи и махинаціи въ Стокгольмѣ безопасны и комфортабельны: можно пить и ѣсть на чужой счетъ, снова гремѣть въ Европѣ своими рѣчами, распалять самую злую ненависть къ Россіи, при томъ дѣлая оговорку въ пользу Русскаго народа, оговорку въ которую и самъ не вѣришь, можно расточать чужую кровь, не расходуя своей ни капли. Всякій успѣхъ Бакунинской агитаціи, всякій лишній повстанецъ, доставленный имъ Польскимъ шайкамъ, дѣлаетъ его солидарнымъ съ Польскимъ знаменемъ, со всѣми злодѣйствами Поляковъ, кладетъ на него отвѣтственность за пролитую кровь Русскаго народа. Эта кровь ложится на его голову и ему и Герцену, если онъ объявляетъ себя за одно съ Бакунинымъ,—хотя

бы оба они и не принимали участія собственнымъ тѣломъ въ битвѣ!

„Герценъ увѣряетъ, что Бакунинъ не участвовалъ въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр. Что это? Читаешь и не вѣришь! Видно, Герценъ не только революціонеръ, но и политикъ, и что его революціонная политика разрѣшаетъ ему явную неправду. Не только Бакунинъ, но и самъ Герценъ положительно участвуютъ въ прокламаціяхъ. Въ *Колоколѣ* было возвѣщено о солидарности Герценскаго кружка съ національнымъ комитетомъ *Земля и Воля*, а этотъ комитетъ дѣйствуетъ посредствомъ подметныхъ прокламацій, лживыхъ манифестовъ и проч. и проч. Мы сами видѣли одну изъ прокламацій за зеленою печатью комитета, именно ту, въ которой комитетъ заявляетъ о своей связи съ редакціей *Колокола*. Наконецъ, объ этой же связи и солидарности своей съ комитетомъ, торжественно возвѣстилъ и самъ Бакунинъ. Объявлять свою солидарность съ фабрикой подложныхъ манифестовъ и прокламацій, значитъ принять на себя отвѣтственность за всѣ ея дѣйствія. Какимъ же образомъ Герценъ старается *убѣлить* своего пріятеля отъ ложнаго будто бы обвиненія — участія въ прокламаціяхъ? И съ какою цѣлью? Признаетъ ли онъ такое участіе дѣломъ чернымъ, — такъ зачѣмъ же самъ въ немъ участвуетъ и допускаетъ участвовать Бакунину? А когда они оба участвуютъ, такъ къ чему же эта попытка укрыться отъ обвиненія?.. Это что то новое въ дѣятельности Герцена. До сихъ поръ она, какова бы ни была, отличалась прямотой и откровенностью. Но революціонная политика заставила Герцена сдѣлать и не такую уступку.

„Именно уступку Польскимъ притязаніямъ на древнія Русскія области. Поляки подняли знамя, на которомъ ярко выставили: возстановленіе Польши въ границахъ 1771 г. Феликсъ издалъ, какъ гласятъ благопріятныя ему Шведскія газеты, программу Польскаго возстанія въ томъ же смыслѣ. Поляки, съ своей стороны, уступокъ не дѣлаютъ, но Герценъ и Бакунинъ стоятъ тѣмъ не менѣе подъ Польскимъ знаменемъ и ратуютъ

за Польское дѣло, ни разу не протестовавъ противъ Польскихъ притязаній. Эти притязанія Поляковъ—не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ — выразились въ покушеніяхъ произвести возстаніе въ Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи — захватить себѣ Русскія области! Поляки объявляютъ Православіе упраздненнымъ и навязываютъ народу замаскированное Латинство, подъ именемъ Уніи: Герценъ и Бакунинъ *не протестуютъ!* Поляки возстановляютъ старинное дѣленіе Польскаго государства, назначаютъ Поляковъ *Русскими* воеводами, обнаруживаютъ явное намѣреніе ополячить Русскій народъ: Герценъ и Бакунинъ *не протестуютъ!* Поляки совершаютъ неслыханныя жестокости надъ Русскими солдатами, священниками и крестьянами: Герценъ и Бакунинъ *не протестуютъ!..* Русскіе крестьяне возстаютъ противъ дерзкихъ замысловъ Польской шляхты, бьютъ повстанцевъ, вяжутъ помѣщиковъ... Герценъ и Бакунинъ *протестуютъ...* Протестуютъ противъ храброй защиты солдатъ, противъ народнаго возстанія, свергающаго деспотическое Польское иго; протестуютъ,—заявляя вѣрноподданническую преданность Польскому знамени, т.-е., Польской шляхтѣ и Латинскимъ ксендзамъ,—своимъ новымъ вождямъ и союзникамъ!

„О томъ, что Бакунинъ обѣщалъ отъ имени Россіи Шведамъ Финляндію, а Полякамъ Русскія области, мы читали сами въ иностранныхъ газетахъ, да и можно ли въ этомъ сомнѣваться, когда Бакунинъ хлопоталъ о возбужденіи Шведовъ къ войнѣ съ Россіей? Какая другая цѣль войны можетъ быть для Шведовъ, кромѣ возвращенія Финляндіи?!.. Что же касается до Поляковъ, то сказаннаго выше достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько справедливо отрицательство Герцена. Мы не хуже его знаемъ, что союзъ съ Поляками можетъ быть купленъ только согласіемъ на уступку Русскихъ областей, и хотя Бакунинъ и объявлялъ прежде о необходимости рѣшить этотъ вопросъ спросомъ самого народа,—однако же положительное молчаніе Герцена и Бакунина при возглашеніи Полякамъ ихъ притязаній и при ихъ попыткахъ къ насильственному захвату, отсутствіе всякаго протеста съ ихъ стороны, негодованіе ихъ на Русскихъ

крестьянъ, возставшихъ за свою свободу противъ Польскихъ пановъ, и соболѣзнованіе объ участи Польскихъ пановъ, желавшихъ господствовать надъ Русскимъ народомъ, — все это только еще въ сильнѣйшей степени подтверждаетъ истину словъ Касьянова!

„Но такія сдѣлки съ совѣстью не проходятъ безнаказанно. Герценъ уже казнится за нихъ паденіемъ своего авторитета въ умахъ Русскаго молодого поколѣнія,—своимъ собственнымъ личнымъ паденіемъ, обнаруживаемымъ послѣдними нумерами его *Колокола.* Въ 158 №, за мартъ мѣсяцъ, онъ съ дикою яростью называетъ Русскихъ солдатъ: зажигателями, разбойниками, непризнающими *права собственности*, шайкою пьяныхъ убійцъ, одичалыхъ грабителей, звѣрей и проч. и проч.; собираетъ тщательно и помѣщаетъ съ аккуратностью всякіе невыгодные для Русскаго войска слухи, а также и разныя донесенія къ нему отъ Русскихъ офицеровъ, вѣроятно Польскаго происхожденія, о томъ, что какой-нибудь солдатъ укралъ изъ костела чашу и продалъ ее за 15 руб., приходитъ отъ этого въ ужасъ, разражается ругательствами, и на другой же страницѣ оправдываетъ звѣрскій поступокъ Поляковъ съ жандармскимъ капитаномъ Гроуэртомъ! Война безъ убійствъ не бываетъ, говоритъ онъ въ другомъ нумерѣ, въ извиненіе Польскихъ злодѣйствъ. Тутъ же печатаетъ онъ съ сочувствіемъ письмо какой то помѣшанной украинки, взывающей къ Украинцамъ: не защищать Украйны отъ Поляковъ!!!

„До какого паденія, до какого разрыва съ Русскимъ народомъ долженъ дойти человѣкъ, до какой степени запутаться умственно и нравственно, чтобы съ паѳосомъ возглашать такія рѣчи и ждать отъ нихъ дѣйствій на Русскій народъ. Не негодованіе даже, а глубокое сожалѣніе о Герценѣ возбудило въ насъ чтеніе этого нумера *Колокола.* Мы раздѣляли надежды Касьянова относительно Герцена... Неужели мы должны отъ нихъ отказаться“ [17])?

„Аксаковъ“,—писалъ Кошелевъ Погодину,—„пишетъ все лучше и лучше. Особенно ему спасибо за отвѣтъ Герцену— это, съ его стороны, гражданскій подвигъ“ [18]).

VI.

Не довольствуясь отвѣтомъ Герцену, И. С. Аксаковъ напечаталъ въ своемъ *Днѣ* статью *Аугсбургской Всеобщей Газеты*, подъ заглавіемъ: *Бакунинъ по поводу революціонной партіи въ Россіи*, въ которой читаемъ: „Извѣстный Русскій бѣглецъ Михаилъ Бакунинъ высказалъ подробно, въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Стокгольмскихъ газетахъ, о планахъ и дѣйствіяхъ революціонной партіи въ Россіи, и при томъ далъ много такихъ объясненій, которыя будутъ не безъ интереса и для Нѣмецкихъ читателей. Но не надобно забывать, что тутъ говоритъ фанатикъ бѣглецъ, слова котораго должно всегда принимать съ осторожностью. По свѣдѣніямъ имъ сообщаемымъ, революціонный заговоръ въ Польшѣ, а также и заговоръ между Русскими офицерами начался около двухъ лѣтъ тому назадъ. Въ то время, какъ Русскіе солдаты били и оскорбляли по приказанію начальства, безоружныхъ людей въ церквахъ, возникъ Польскій заговоръ. Двѣнадцать молодыхъ людей безъ имени, безъ положенія и имущества, но полные душевной силы, вѣры и того святого огня, который составляетъ единственную дѣйствительную силу возрожденія несчастныхъ народовъ, составили, въ 1861 году, зерно той могущественной организаціи, черезъ посредство которой національное правленіе владѣетъ, въ настоящее время, Польшей. Тогда же одновременно образовался, и даже въ самой Варшавѣ, тайный Русскій военный комитетъ. Онъ состоялъ изъ Русскихъ офицеровъ, приходившихъ въ отчаяніе и стыдившихся той роли, которую Русское Правительство заставляло ихъ разыгрывать въ Польшѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ признававшихъ справедливость Польскаго дѣла, также какъ и тѣсное соединеніе съ нимъ дѣла освобожденія въ Россіи. Офицеры вскорѣ соединились съ небольшимъ, но сильнымъ по вліянію кружкомъ, которому органомъ служитъ *Колоколъ* Герцена и оба вмѣстѣ заключили тогда союзъ съ Польскимъ центральнымъ

комитетомъ въ Варшавѣ, союзъ, который потомъ позднѣе былъ формально ратификованъ центральнымъ комитетомъ тайнаго Русскаго національнаго общества въ Петербургѣ *Земля и Воля.* Это общество, состоящее изъ военныхъ, помѣщиковъ, духовныхъ, служащихъ и множества лицъ средняго сословія, распространяется, въ настоящее время, уже по всей Россіи, и имѣетъ весьма опредѣленную политическую и общественную программу. Русскій союзъ офицеровъ въ Варшавѣ вскорѣ насчитывалъ до трехсотъ членовъ, которые всѣ вмѣстѣ ревностно старались распространить пропаганду между Русскими солдатами. Этимъ усиліямъ однако слишкомъ рано былъ положенъ конецъ. Солдаты только что начали склонять слухъ къ представленіямъ офицеровъ, какъ Русское Правительство наборомъ вызвало возстаніе прежде времени. Одинъ отрядъ Русскихъ солдатъ присягнулъ однако въ первые дни Польскаго возстанія Русскому революціонному знамени, носящему надпись *Земля и Воля*, но обманутый ложными слухами, которые Русское Правительство съумѣло распространить объ мнимыхъ жестокостяхъ Польскихъ инсургентовъ противъ Русскихъ солдатъ, измѣнилъ скоро опять свой взглядъ и обратился, такъ же какъ и другіе, противъ Поляковъ. Русское Правительство употребило еще другое средство, для того чтобы дѣйствовать на солдатъ: оно обратилось къ самымъ дурнымъ страстямъ, и не только допустило грабить, жечь, безчестить и убивать, но и прямо побуждало ихъ на подобные поступки“. При этомъ показаніи И. С. Аксаковъ замѣтилъ: „Напротивъ, Русское военное начальство въ Польшѣ подвергается всеобщему упреку въ излишней и неумѣстной деликатности съ людьми, стоившими Русскому народу столько жертвъ, столько Русской крови. Да и самъ Бакунинъ не вѣритъ своимъ словамъ, и знаетъ, какъ велико благодушіе нынѣшняго Правительства“. Далѣе Бакунинъ продолжаетъ: „Это ужасное средство послужило между тѣмъ къ сильнѣйшему распространенію возстанія между всѣми классами общества въ Польшѣ и возбудило одновременно раздраженіе за границей; съ другой стороны, оно произвело ослаб-

леніе дисциплины между Русскими солдатами, такъ что эти послѣдніе иногда обращаютъ дулы своихъ ружей противъ своихъ собственныхъ офицеровъ, когда эти, особенно самые молодые изъ нихъ, стараются ихъ обуздать. Ежедневно, говоритъ Бакунинъ, переходятъ Русскіе офицеры къ Полякамъ, ибо между Русскими распространяется все болѣе и болѣе убѣжденіе, что дѣло идетъ не о національной войнѣ, а о борьбѣ человѣчности и свободы противъ тираніи".

„Дѣйствительно, противъ тираніи", замѣчаетъ И. С. Аксаковъ, и „тираніи Польскаго Шляхетства и Латинства надъ Русскимъ народомъ и вообще надъ Славянской стихіей".

„На банкетѣ, данномъ недавно въ честь Бакунина, въ Стокгольмѣ, Феликсъ, секретарь Дементовича, только что возвратившійся изъ поѣздки въ Варшаву по тайному порученію къ центральному комитету, назвалъ многихъ Русскихъ офицеровъ, перешедшихъ къ Полякамъ при Зарѣ, Бѣлостокѣ, Люблинѣ, Converted Конинѣ и Кутно, особенно превозносилъ онъ Александра Потебню, о которомъ и Бакунинъ отзывался съ величайшимъ восторгомъ; этотъ офицеръ основалъ офицерскій комитетъ въ Варшавѣ и союзъ *Земля и Воля*. Онъ палъ въ стычкѣ при Скалѣ во главѣ Польскихъ косиньеровъ. Изъ двѣнадцати основавшихъ Польскій заговоръ и первый тайный комитетъ, ни одинъ, сообщалъ Феликсъ, не остался въ живыхъ; они всѣ попали въ руки Русскаго Правительства. Но ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ тайнѣ ни въ одномъ словѣ; они погибли, но Русское Правительство и не подозрѣвало, какое мѣсто занимали они въ заговорѣ".

„Эта рѣчь Бакунина", замѣчаетъ И. С. Аксаковъ, „страшный обвинительный актъ на него и на Герцена предъ лицомъ всего Русскаго народа, — актъ, предъ которымъ блѣднѣютъ обвиненія Касьянова, а попытка Герцена оправдать Бакунина является жалкою и ненужною... недобросовѣстностью, чтобы не сказать хуже. Бѣдный Герценъ" [19])!

VII.

Представивъ, такъ сказать, комментарій къ словамъ императора Александра II-го, произнесеннымъ 13 января 1863 г., предъ Измайловскимъ полкомъ, мы, по выраженію нашихъ древнихъ лѣтописцевъ, *на преднее возвратимся*.

По мнѣнію многихъ, предлогомъ къ возстанію въ Царствѣ Польскомъ послужилъ рекрутскій наборъ, произведенный въ Варшавѣ въ ночь съ 2 на 3 января 1863 года [20]).

Рекрутскій наборъ („бранка") былъ всегда для Поляковъ страшнымъ событіемъ, а при ихъ тогдашнемъ настроеніи умовъ, это событіе должно было естественно внушать много тревогъ и опасеній.

По свидѣтельству историка Зибеля, маркизу Велепольскому, до крайности возмущенному рядомъ бывшихъ на него покушеній и прокламаціею 1-го сентября 1862 г., пришло теперь на умъ произвести наборъ по старому положенію, предоставлявшему присутствію свободный (не по жребію) выборъ рекрутовъ и такимъ образомъ, однимъ ударомъ, если не всю революціонную ватагу, то хоть бо̀льшую часть ея удалить изъ страны... Онъ доложилъ великому князю Константину Николаевичу объ основаніяхъ такой мѣры; но великій князь воспротивился рѣшенію Велепольскаго произвести наборъ. „Назначеніе великаго князя намѣстникомъ означало тишину и примиреніе; а подобное мѣропріятіе съ этимъ не согласовалось. Непоколебимая воля и строгая логика Велепольскаго побороли эти сомнѣнія, и 18 сентября 1862, послѣдовало высочайшее утвержденіе его доклада".

6 октября 1862 года, „въ правительственныхъ органахъ было опубликовано о повсемѣстномъ наборѣ; причемъ сельское населеніе Польши избавлялось отъ поставки рекрутъ; набору подлежали лишь жители городовъ и не по жребію... Во всѣхъ округахъ были учреждены рекрутскія коммиссіи. Секретно было имъ предписано брать въ рекруты преимущественно тѣхъ, кто пользовался дурною репутаціею, кто не имѣлъ ни родины, ни

работы, такъ какъ этимъ желали воспользоваться, чтобы удалить опасные элементы".

Очевидецъ, скрывшій свое имя подъ иниціалами *А. С.*, свидѣтельствуетъ: „2 января 1863 года, вечеромъ, я возвратился изъ отпуска въ Варшаву. Въ эту ночь должна была совершиться предполагаемая *бранка*, все время тщательно хранившаяся въ тайнѣ. Отъ одного изъ начальствующихъ лицъ я узналъ, что маркизъ Велепольскій, управлявшій гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ, придумалъ посредствомъ этой бранки избавиться отъ всѣхъ tetes chaudes въ Варшавѣ, забравъ ихъ ночью и сдавъ въ солдаты. Но такъ какъ по его порученію списки этихъ лицъ были составлены полицейскими, и полицейскіе были Поляки, то бранка, бывшая такою тайною для Русскихъ, не исключая даже второстепенныхъ властей, была заранѣе извѣстна почти всѣмъ Полякамъ, и всѣ занесенные въ списки, какъ это потомъ оказалось, успѣли выѣхать изъ Варшавы до назначеннаго дня бранки. Въ 11-ть часовъ вечера я отправился въ Замокъ и, въѣхавъ въ ворота, выходящія на площадь Сигизмунда, повернулъ налѣво во дворъ и вошелъ въ подъѣздъ, находящійся въ воротахъ, ведущихъ на задній дворъ. Съ этого подъѣзда являлись къ великому князю-намѣстнику, по дѣламъ службы. Выходя изъ коляски, я замѣтилъ, что весь задній дворъ былъ наполненъ экипажами и верховыми лошадьми. На подъѣздѣ и по всей лѣстницѣ было множество конныхъ ординарцевъ отъ кавалерійскихъ и казачьихъ полковъ, стоящихъ въ Варшавѣ. На скамейкѣ въ комнатѣ, ведущей въ залъ, сидѣли адъютанты управленій и офицеры ординарцы. Въ залѣ, предъ каминомъ, на диванѣ, который былъ на половину загороженъ ширмами, покоился человѣкъ, высокаго роста, довольно полный, съ строгимъ и энергичнымъ выраженіемъ лица, окаймленнымъ нѣсколько длинной, клиномъ подстриженной сѣдой бородой и густыми сѣдыми волосами. Это былъ маркизъ Велепольскій, управлявшій гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ и виновникъ совершаемой бранки. Онъ лежалъ на диванѣ неподвижно,

словно окаменѣлый. Глаза его были закрыты, вѣроятно, чтобы въ эти мгновенья не дать прочесть того, что таилось въ глубинѣ его души. О маркизѣ Велепольскомъ давно уже ходили самые разнообразные толки. Русскіе считали его завзятымъ полякомъ, а Поляки—своимъ предателемъ, и какъ одни, такъ и другіе одинаково ненавидѣли его. Послѣ сдѣланнаго на него покушенія, онъ не выѣзжалъ иначе, какъ въ блиндированной каретѣ и съ конвоемъ изъ шести жандармовъ. Разъ какъ-то, при проѣздѣ маркиза съ эскортомъ жандармовъ мнѣ пришлось на улицѣ слышать, какъ какой-то полякъ громко крикнулъ ему вслѣдъ: *предатель!* и тутъ же другой человѣкъ, русскій, воскликнулъ: *измѣнникъ!* Эти возгласы какъ бы характеризировали общественное о немъ мнѣніе. Но слыша о немъ отзывы людей, знавшихъ ходъ дѣла и судившихъ его безпристрастно, я склоненъ думать, что Велепольскій, любя Польшу, желалъ ей счастья и самостоятельнаго существованія; но въ то же время, сознавая, что она не могла отдѣлиться отъ Россіи, подготовлялъ это отдѣленіе предложенной имъ, подъ видомъ умиротворенія, Русскому Правительству полной автономіей. Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, онъ былъ вынужденъ держаться двусмысленной политики. Поляки его не поняли и сочли измѣнникомъ, а Правительство ошиблось, считая его человѣкомъ ему преданнымъ. Высокомѣріе Велепольскаго возстановляло противъ него всѣхъ, за исключеніемъ его маленькаго двора, въ которомъ главную роль играла г-жа Калерджи, рожденная Нессельроде, которая, благодаря своему вліянію, весьма искусно устроила подполковника Муханова, за котораго впослѣдствіи вышла замужъ, на постъ Варшавскаго оберъ-полицiймейстера. Въ залѣ была полнѣйшая тишина, всѣ по ней проходили едва слышно, осторожно, чтобы не потревожить лежавшаго на диванѣ маркиза. Въ этомъ залѣ, кромѣ входной двери съ лѣстницы, находились еще четыре двери. Одна вела въ кабинетъ великаго князя, другая въ большой бальный залъ, третья въ корридоръ, ведущій въ замковую церковь, и четвертая—въ комнату дежурнаго адъютанта. Въ этой комнатѣ были

собраны всѣ высшіе военные и гражданскіе начальники и свита великаго князя. Посрединѣ комнаты стоялъ большой столъ, на которомъ Велепольскій разложилъ множество бумагъ. Въ углахъ и у оконъ стояли ломберные столы съ чернильницами, перьями и стопами бумагъ. Вся комната имѣла видъ помѣщенія, въ которомъ должны были рѣшаться судьбы Европы. Всѣ собравшіеся были серьезны, угрюмы безпрестанно смотрѣли на часы и перешептывались. Что-то напряженное и тревожное чувствовалось въ воздухѣ. Наконецъ, на башенныхъ часахъ пробило полночь. Воцарилась мертвая тишина, и всѣ стали еще задумчивѣе и угрюмѣе. Но вотъ, мало-по-малу, начались завязываться разговоры, всѣ стали прислушиваться къ стуку шаговъ въ залѣ, откуда ожидалось прибытіе казаковъ съ извѣстіемъ о ходѣ набора. Въ $12\frac{1}{2}$ часовъ вошелъ казакъ изъ Замковаго циркула (участка) съ запискою, увѣдомлявшей, что тамъ взято 20 человѣкъ. Вслѣдъ за нимъ начали являться посланные изъ другихъ циркуловъ, и присутствовавшіе стали помогать Велепольскому разбирать донесенія. Хорошія извѣстія, полученныя изъ циркуловъ, совершенно измѣнили видъ дежурной комнаты. Всѣ точно преобразились, стали веселы и довольны и никто, казалось, уже не думалъ о совершившейся бранкѣ. Дежурная комната въ это время производила впечатлѣніе *лагеря Валленштейна.* Дѣломъ занимался лишь одинъ графъ Сигизмундъ Велепольскій, подводя счеты набраннымъ, согласно полученнымъ донесеніямъ; остальные же совершенно забыли о дѣлѣ и уже ликовали при мысли, что Польша будетъ вполнѣ успокоена. Многіе спокойно ужинали, нѣкоторые адъютанты играли въ ландскнехтъ. Комната наполнилась табачнымъ дымомъ. Такъ прошло время до 5-ти часовъ утра, а когда получено было окончательное извѣстіе, что все число молодыхъ людей, которое должно было быть взято, уже набрано и отправлено въ цитадель, всѣ разъѣхались по домамъ. На слѣдующій день, 3-го января, я узналъ, что произошли нѣкоторыя ошибки при бранкѣ и что взяты не тѣ, которыхъ слѣдовало взять, а другіе. Эти извѣстія всѣхъ очень

встревожило, такъ какъ государю было уже отправлена депеша объ отличномъ результатѣ бранки. Къ вечеру же всѣ уже были убѣждены, что бранка совсѣмъ не удалась, такъ какъ тѣ, которые подлежали взятію, бѣжали, а вмѣсто ихъ набраны иные. Начальство пріуныло, Велепольскій заперся въ Брюлевскомъ дворцѣ и не показывался. Въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, барону Корфу съ экстреннымъ посланнымъ дано было знать, что на Панской улицѣ, близъ городского вала, собралось около сотни молодыхъ людей для того, чтобы бѣжать черезъ городской валъ въ лѣса. Получивъ это извѣстіе, баронъ Корфъ приказалъ сѣдлать свою лошадь и со свитою поѣхалъ на Панскую улицу, пославъ впередъ своего адъютанта. Когда онъ прибылъ, то бѣглецы, окруженные войскомъ и полиціей, были уже всѣ собраны во дворѣ одного строенія. Но не взирая на это, въ эту же ночь бѣжало изъ Варшавы много молодыхъ людей. Всѣ они собирались въ Компиновскіе лѣса. Банды эти стали вооружаться, а начальство, успокоеваемое увѣреніями маркиза Велепольскаго que ce feu de paille ne durera pas longtemps, ничего не предпринимало. А когда банды начали уже дерзко приближаться къ Варшавѣ, то тогда рѣшились высылать противъ нихъ войска, но не съ цѣлью разсѣять и обезоружить ихъ, а только для того, чтобы уговаривать. Когда же эти уговоры привели къ убійству полковника Козлянинова, тогда стали принимать мѣры къ подавленію мятежа, уже охватившаго всю Польшу. Очевидно, что начальство не имѣло яснаго представленія о состояніи края, такъ какъ своею бездѣятельностью дало полную возможность быстро распространиться возмущенію. Своевременно же принятыя мѣры могли бы прекратить мятежъ гораздо легче, не допустивъ развитія возстанія до размѣровъ, потребовавшихъ вмѣшательства вооруженной силы и необходимости строгихъ карательныхъ мѣропріятій, со всѣми ихъ прискорбными послѣдствіями“.

По свидѣтельству историка Зибеля, „нѣсколько дней спустя, секретное предписаніе о наборѣ было извѣстно народному комитету, а тотчасъ за тѣмъ и иностраннымъ газетамъ, какъ то

предвидѣлъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Крикъ негодованія раздался въ Польшѣ. Съ горькимъ разочарованіемъ могъ видѣть Велепольскій, какъ его планъ не удался.

Народный комитетъ издалъ прокламаціи, въ которыхъ Поляки призывались *стать подъ знамя отчизны.* Между тѣмъ принимались мѣры, чтобы *заручиться содѣйствіемъ сельскаго населенія;* ибо, замѣчаетъ Зибель, какъ ни безумна смѣла была городская молодежь, какъ ни задорны шляхтичи, но изъ нихъ нельзя было составить массы, необходимой для борьбы съ Русскими войсками".

„Ночь на 11 января 1863 года",—пишетъ Мосоловъ,— „была назначена въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ для общей рѣзни всѣхъ Русскихъ войскъ и для начала возстанія на подобіе того, какъ это было въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ Царствѣ Польскомъ рѣзня была общая. Въ Западномъ же краѣ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Гродненской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, все Царство Польское наводнилось мятежными шайками и нѣкоторыя изъ нихъ пробрались въ Гродненскую губернію" [21]).

Почтенный С. М. Сухотинъ, слѣдя изъ Москвы за происходившими тогда кровавыми событіями писалъ: „Маркизъ Велепольскій, аристократъ въ душѣ, все велъ къ тому, чтобы возвратить прежнія привилегіи панамъ и шляхтѣ. И, что удивительно, послѣ заявленія во всѣхъ провинціальныхъ совѣтахъ, отъ всей націи, о томъ, чтобы уничтожить рекрутскій наборъ въ Польшѣ, послѣ просьбы не набирать въ пользу Русской, чужой имъ, арміи цвѣта ихъ молодежи, онъ подаетъ мысль о томъ рекрутскомъ наборѣ, который надѣлалъ столько бѣдъ. Его гордость, аристократизмъ, доведенный до послѣднихъ предѣловъ, и отнятіе имѣній въ свою пользу посредствомъ веденія самыхъ беззаконныхъ процессовъ, были причиной ненависти къ нему въ народѣ, такъ, что имя его до сихъ поръ произносится съ негодованіемъ. Изъ всего, что слышимъ и читаемъ, можно убѣдиться, что возстаніе въ Польшѣ чисто панское и шляхетское" [22]).

„Легко себѣ представить",—пишетъ Зибель,—„каково было

положеніе великаго князя Константина Николаевича и маркиза Велепольскаго. Они прибыли съ тѣмъ, чтобы, по ихъ понятіямъ, осыпать Польшу благодѣяніями, и очутились передъ пылающею, разжигаемою слѣпыми фанатиками, ненавистью, которая ни передъ чѣмъ не останавливалась, объявила ихъ и ихъ сподвижниковъ посторонними лицами, совершенно свободными и угрожала вооруженнымъ возстаніемъ“ [23]).

VIII.

5 февраля 1863 года, во главѣ банды Варшавской губерніи, на Прусской границѣ, появился Мѣрославскій. Принявъ, въ половинѣ января, отъ народнаго комитета званіе диктатора и получивъ сто тысячъ франковъ отъ принца Наполеона, этотъ „революціонеръ по ремеслу“- отправился въ Бельгію для закупки оружія, а затѣмъ съ Куржиной явился на границѣ Царства Польскаго [24]).

Но вскорѣ, 22 февраля, Русскія войска напали на Мѣрославскаго близъ Калиша, разбили совершенно, людей его разогнали и самъ онъ бѣжалъ, навсегда исчезнувъ съ поля дѣйствія [25]).

„По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Польши“,—писалъ Д. А. Милютинъ къ князю А. И. Барятинскому,—„дѣла наши тамъ идутъ не такъ дурно, какъ стараются представить иностранныя газеты и Польская партія. Шайки мятежниковъ вездѣ разбиты и разсѣяны, гдѣ только находили ихъ; много народа у нихъ перебито, многіе изъ предводителей также убиты или захвачены. Самъ Мѣрославскій, какъ пишутъ, бѣжалъ съ поля сраженія за границу. Попытки Поляковъ поднять Литву не удаются: народъ вездѣ противъ нихъ и явно показываетъ расположеніе къ Правительству и властямъ. При всемъ томъ, мы не убаюкиваемъ себя мечтами и не видимъ дѣла въ розовомъ цвѣтѣ. Смуты могутъ продлиться долго; одними войсками невозможно установить порядокъ и благоустройство, какъ бы ни были велики наши военныя силы“ [26]).

Пораженіе Мѣрославскаго, по свидѣтельству историка Зибеля, „нѣсколько пріободрило партію бѣлыхъ (крупныхъ землевладѣльцевъ), до сихъ поръ принужденныхъ шествовать за красными. Изъ Парижа Владиславъ Чарторыйскій сообщилъ имъ, что Наполеонъ о Мѣрославскомъ, какъ о сообщникѣ Мадзини и Лондонскаго революціоннаго комитета, знать не хочетъ, но что охотно окажетъ поддержку благоразумнымъ патріотамъ. Тогда партія выбрала въ предводители нѣкоего Лангевича изъ Познани“.

Н. В. Бергъ объ этомъ избранникѣ сообщилъ намъ любопытныя біографическія свѣдѣнія: „Маріанъ-Мельхіоръ Лангевичъ родился въ Познанскомъ княжествѣ, въ м. Кротошинѣ, 5-го августа 1827 года. Отецъ его, Войтѣхъ Лангевитъ, Прусскій военный докторъ, бѣжалъ въ 1830 году въ нашу Польшу и предложилъ услуги тогдашнему революціонному правительству, какъ врачъ. Въ 1831 г., его не стало; онъ умеръ или убитъ—въ точности неизвѣстно. Маріанъ и два его брата, Александръ и Антонъ, остались на попеченіи матери. Сперва они учились дома. Потомъ Маріанъ, будучи 9-ти лѣтъ, поступилъ въ Кротошинское Уѣздное Училище и пробылъ въ немъ до 1844 года, послѣ чего перешелъ въ Тржемсшинскую Гимназію. Здѣсь онъ началъ бредить военною службой и налегалъ въ особенности на математику, разсчитывая поступить въ артиллерію. Бурное время, въ которое Лангевичъ оставилъ школьную лавку, въ 1848 году, унесло его въ Прагу, на извѣстный *съѣздъ Славянъ*, гдѣ онъ встрѣтился въ первый разъ съ будущимъ своимъ соперникомъ Мѣрославскимъ. Конецъ Славянскаго съѣзда и всѣхъ тогдашнихъ революціонныхъ мечтаній Европы очень извѣстенъ. Лангевичъ очутился послѣ этого въ Бреславлѣ, учителемъ дѣтей какого-то богатаго помѣщика. Потомъ опредѣлился въ Берлинскій Университетъ, гдѣ снова преимущественно занимался математикой. Выйдя изъ Университета, онъ сдѣлался артеллеристомъ; и дослужился до офицерскаго чина. Далѣе, разныя обстоятельства увлекли Лангевича въ странствованія по Европѣ. Позднѣйшіе біографы

генерала утверждають, что онъ былъ въ знаменитой Марсальской тысячѣ, даже якобы адъютантомъ Гарибальди. Какъ нѣкогда Пинетти породилъ цѣлое поколѣніе *учениковъ*, такъ и новѣйшій повстанскій магъ пустилъ въ ходъ весьма неопредѣленное количество адъютантовъ. Несомнѣнно только то, что Лангевичъ встрѣтился съ Гарибальди въ Генуѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ послѣдняго, была основана Польская военная школа, которой первымъ директоромъ былъ Мѣрославскій, нелюбимый какъ профессорами, такъ и воспитанниками. Два будущіе диктатора безпрестанно ссорились. Школа всегда брала сторону Лангевича — профессора математики, и артеллеріи. Думая постоянно о революціи на берегахъ Вислы, Лангевичъ, болѣе другихъ практическій человѣкъ, изъ всѣхъ читавшихъ будущимъ повстанцамъ военныя науки, всячески старался подготовить оружіе, и еще въ ноябрѣ 1862 года пріобрѣлъ въ Генуѣ, на деньги, доставленныя ему изъ Царства, 4 тысячи Прусскихъ гладкоствольныхъ ружей, съ кремнями, и передѣлалъ ихъ въ ударные.

Потомъ, онъ и Цверчакѣвичъ купили въ Лондонѣ 3987 штукъ штуцеровъ.

Въ самомъ концѣ 1862 года, центральный комитетъ, зная о заслугахъ Лангевича возстанію, пригласилъ его на высокій постъ воеводы, въ самомъ важномъ пунктѣ — Сандомирѣ. Незадолго до взрыва, Лангевичъ, съ большимъ трудомъ и опасностями, перебрался черезъ Австрійскую границу въ Царство Польское, бродилъ отъ избы къ избѣ, какъ его покровитель Гарибальди по горамъ и лѣсамъ Папской Области, въ 1849 г., — худой, испитой, блѣдный — и наконецъ стукнулъ на удачу въ какую-то дверь. Она оказалась гостепріимной. Войдя въ избу, будущій диктаторъ повалился на лавку отъ крайняго изнеможенія. Тутъ начинается служба Лангевича Польскому возстанію 1863 г. Въ день вспышки 10-го января, онъ явился предводителемъ отдѣльной банды подъ Шидловцемъ. А четыре дня спустя, пользуясь безпечностью генерала Ушакова, онъ перебрался въ Вонхоцкъ и напечаталъ, 26 ян-

варя 1863 года, въ своей походной Типографіи, *воззваніе къ жителямъ Краковскаго воеводства*, въ которомъ читаемъ:

„Приказомъ народнаго центральнаго комитета, отъ 10-го сего мѣсяца, будучи призванъ къ начальствованію надъ войсками Сандомірскаго воеводства, а устною инструкціею военнаго отдѣла назначенный также командовать силами Краковскаго воеводства, я не считалъ себя въ правѣ мѣшаться въ дѣла повстанской организаціи послѣдняго. Но такъ какъ, несмотря на легкій способъ препровожденія въ Краковское воеводство оружія, несмотря на значительное количество оружія, тамъ уже находящагося, несмотря на всеобщее возстаніе въ *Русскомъ захватѣ* и на множество охотниковъ, безпрестанно являющихся изъ-за границы, несмотря, наконецъ, на доходящій до смѣха страхъ Русскихъ, — въ Краковскомъ воеводствѣ не грянулъ еще крикъ: *Да здравствуетъ Польша!* Поэтому я, какъ повстанецъ полякъ, считаю обязанностью воззвать къ братьямъ — Краковякамъ, чтобы они приняли участіе въ повстанскомъ дѣлѣ. Потомки мужественныхъ предковъ! Поддержите эту славу, которую они стяжали себѣ въ Польшѣ! Встаньте хоть въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, и, бродя по воеводству, тревожьте Русскія войска, собирайте охотниковъ, формируйте отряды, а потомъ устраивайте и регулярное войско. Нужны только вѣра, надежда и отвага, а затѣмъ событія, повидимому несбыточныя, совершатся сами собою. Подражайте Сандомірянамъ, предъ которыми Москали трепещутъ. Если исполненіе всего сказаннаго вамъ не трудно, идите сюда, только скорѣе, ибо время дорого. До свиданія! Ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ“!

Воззваніе это облетѣло оба воеводства и произвело *чрезвычайный эффектъ*.

Въ виду того, что Польское возстаніе приняло широкія размѣры и для того, чтобы оно потеряло характеръ заговора, рѣшено было замѣнить тайное народное правительство явной диктатурой, такъ какъ иностранныя государства, въ случаѣ вмѣшательства, не могли бы сноситься съ тайнымъ правитель-

ствомъ. Кандидатомъ былъ выставленъ Лангевичъ, прославившійся нѣсколькими удачными стычками и поддерживаемый Краковскою газетою *Часъ*. Лангевичъ былъ человѣкъ честный и не глупый. Но этого было мало, чтобы поручить ему столь отвѣтственный постъ. На этомъ мѣстѣ нуженъ былъ человѣкъ недюжинныхъ способностей и понимающій хорошо положеніе вещей и тѣмъ болѣе, что центральный комитетъ возложилъ на него всю отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода возстанія. 10-го марта 1863 года въ Гощѣ Лангевичъ былъ провозглашенъ диктаторомъ.

Въ то время въ Парижѣ существовалъ отель Ламберъ или домъ Чарторыжскихъ, представлявшій собою дипломатизирующую часть Польской эмиграціи. Изъ этого-то отеля были отправлены Лангевичу инструкціи, предписывавшія новому главнокомандующему избѣгать рѣшительной встрѣчи съ Русскими войсками и беречься происковъ Мѣрославскаго. Посланные съ инструкціями Станиславъ Козьминъ и князь Евстафій Сангушко прибыли въ лагерь, который произвелъ на нихъ впечатлѣніе стана охотниковъ, и они воочію убѣдились въ ничтожествѣ силъ мятежниковъ. Военный видъ имѣлъ одинъ только отрядъ такъ называемыхъ Зуавовъ Рошебрюна. Среди мятежниковъ, во дворѣ, стояла адъютантъ Лангевича—Пустовойтова. Лангевичъ принялъ Станиславъ Козьмина въ тѣсной избѣ, гдѣ между прочими лицами его штаба находился Владиславъ Бентковскій, членъ Прусскаго сейма. Станиславъ Козьминъ изложилъ диктатору взгляды Европейскихъ державъ на возстаніе и просилъ обратить строгое вниманіе на крайнюю партію и прибавилъ, что особенно слѣдуетъ избѣгать всего, что могло бы придать возстанію характеръ соціальной революціи, а для этого избѣгать сообщества съ Мѣрославскимъ, который имѣетъ намѣреніе выступить противъ него, Лангевича. Послѣдній отвѣчалъ, что знаетъ о продѣлкахъ Мѣрославскаго и если онъ попадется въ его руки, то будетъ разстрѣлянъ; что онъ, Лангевичъ, не боится Русскихъ войскъ, а напротивъ, будетъ искать случая встрѣтиться съ ними, и увѣрялъ въ побѣдѣ. Козьмину

сразу стало ясно, что дѣло потеряно. Когда Лангевичъ принялъ титулъ диктатора и учредилъ гражданское правительство то, по свидѣтельству историка Зибеля, „народный комитетъ пришелъ въ такое бѣшенство, что снарядилъ въ лагерь къ Лангевичу трехъ лицъ, которымъ поручилъ его убить. Но посланцы эти были обнаружены, заключены подъ стражу и приговорены къ смертной казни; ихъ уже собирались повѣсить, какъ Русскіе (19 марта 1863 г.) напали на лагерь, разогнали всю банду и вынудили Лангевича бѣжать въ Галицію. Нѣсколько дней спустя, двѣ подобныя банды мятежниковъ подверглись той же участи“ [27]).

Паденіе диктатуры призвало къ жизни тайное правительство. 12 марта 1863 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ужасное кровопролитіе въ Польшѣ продолжается. Сколько погибнетъ несчастныхъ, которые думаютъ, что они рѣжутся за отчизну,—а между тѣмъ служатъ только орудіемъ нѣсколькихъ коноводовъ.—По ночамъ худо спится: атакуютъ безпокойныя и тревожныя мысли о Россіи. Вѣдь это наступилъ роковой кризисъ для нея—почти быть или не быть—едва ли не важнѣе 1812 г.“ [28]).

IX.

Въ своемъ *Воззваніи къ жителямъ Краковскаго воеводства*, отъ 26 января 1863 года, Лангевичъ призывалъ къ всеобщему возстанію въ *Русскомъ Захватѣ*. Подъ выраженіемъ *Русскій Захватъ* слѣдуетъ разумѣть: Литву, Бѣлоруссію и Малоруссію.

Съ 1857 по 1863 годъ генералъ-губернаторомъ Литвы и Бѣлоруссіи былъ генералъ-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ.

По свидѣтельству Никотина, Назимовъ, „по природной мягкости своего характера, не былъ въ состояніи приняться за строгія мѣры, при томъ около него постоянно увивались паны, изъ которыхъ многіе принадлежали къ тайной организаціи и сбивали его съ толку своими дружескими совѣтами.

Привыкши смотрѣть на Поляковъ, какъ на не въ мѣру угнетенныхъ, онъ, въ теченіе семи лѣтъ своего генералъ-губернаторствованія, старался всѣми силами своей доброй души проводить указанную ему примирительную съ ними политику царствованія императора Александра II, и думалъ, что достигъ намѣченной цѣли. Немудрено послѣ этого, что, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ гнусною неблагодарностью Поляковъ, онъ совершенно растерялся и не зналъ, что дѣлать въ этомъ вихрѣ разгулявшихся политическихъ страстей, въ особенности при тогдашнемъ настроеніи Петербурга, гдѣ нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ смотрѣли на совершавшіяся въ краѣ событія глазами графа Старжинскаго и другихъ поборниковъ Польской справы. Ходатайства В. И. Назимова о необходимости принятія строгихъ мѣръ не только не находили поддержки, но нерѣдко получались оттуда не совсѣмъ пріятныя указанія".

П. А. Валуевъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ Запискамъ М. Н. Муравьева писалъ: „Все, въ чемъ Муравьевъ упрекаетъ Петербургское Правительство, могло бы быть сказано съ нѣкоторымъ основаніемъ только на счетъ генерала Назимова. Онъ ревниво относился къ настояніямъ министра Внутреннихъ Дѣлъ и дѣйствительно компрометировалъ въ краѣ правительственную власть и далъ возможность развиться мятежу, но государь долго не рѣшался его замѣнить другимъ, болѣе распорядительнымъ и твердымъ начальникомъ".

Между тѣмъ, до назначенія М. Н. Муравьева Виленскимъ генералъ-губернаторомъ весь Сѣверо-Западный край, по свидѣтельству очевидцевъ, „былъ объятъ мятежемъ. Всѣ сообщенія въ краѣ были прерваны. Служащіе въ краѣ всѣ почти были изъ Поляковъ. Народъ въ страхѣ безмолвствовалъ. Все Русское жило, притая дыханіе; большая честь мѣстныхъ жителей были увѣрены, что дѣло Россіи въ западныхъ губерніяхъ проиграно. Самыя наглыя демонстраціи производились открыто повсюду; лица, не желавшія носить политическій трауръ, подвергались всякаго рода ругательствамъ и оскорбленіямъ".

Самъ М. Н. Муравьевъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ, изложилъ тотъ порядокъ вещей, который нашелъ въ краѣ при вступленіи своемъ въ управленіе: „Возстаніе 1863 года въ Западныхъ губерніяхъ не есть внезапное явленіе; оно приготовлялось систематически въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Продолжительная снисходительность Правительства къ Польско-католической пропагандѣ, къ разнымъ революціоннымъ заявленіямъ, явно начавшимся еще съ 1857 года, послужила поводомъ къ тому, что революціонеры получили полное убѣжденіе въ безнаказанности своихъ дѣйствій, которыя сначала, имѣя видъ частныхъ противоправительственныхъ заявленій, разныхъ публикацій и, въ особенности, воззваній къ народу и ремесленному населенію городовъ, — съ 1860 года перешли въ торжественныя народныя манифестаціи, совершеніе панихидъ по убитымъ и казненнымъ въ Варшавѣ мятежникамъ. Впослѣдствіи политическая зараза, разжигаемая ксендзами и женщинами, охватила все населеніе и выразилась въ вооруженномъ возстаніи, благодаря которому открылись у насъ глаза. Мѣстныя власти, состоявшія почти исключительно изъ Поляковъ, не только вполнѣ бездѣйствовали, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыто становились на сторону мятежниковъ. Полицейскіе суды, учрежденные для сужденія лицъ, замѣшанныхъ въ политическіе безпорядки, служили только наглядною насмѣшкою надъ слабымъ Правительствомъ и усиливали дерзость крамольниковъ; суды сіи не могли принести по сущности своего устройства никакихъ практическихъ результатовъ, сколько-нибудь полезныхъ для Правительства. Сборы на мятежъ производились повсемѣстно въ краѣ и прикрывались именемъ благотворительности.

Римско-католическое духовенство, разжигая вначалѣ народныя страсти и содѣйствуя тайно мятежу, дерзнуло наконецъ стать открыто во главѣ возстанія; римско-католическіе монастыри, прикрываясь недоступностью свѣтскому контролю, сдѣлались центромъ революціонной организаціи и пропаганды. Въ городахъ цѣлаго края учреждались революціонерами публичныя

библіотеки, съ цѣлью соединенія молодежи и распространенія между ними заговора противу Правительства, противу котораго распространены были повсюду мятежныя брошюры и воззванія. Подъ предлогомъ хозяйственныхъ съѣздовъ, для устройства быта крестьянъ, дѣлались по всѣмъ уѣздамъ заговоры противъ законной власти, и избирались явные и тайные делегаты для наблюденія за дѣйствіями Правительства; учреждались революціонные комитеты, устраивались, магазины для продажи будто бы мѣстныхъ издѣлій лицамъ, прибывшимъ изъ Варшавы съ цѣлью подготовленія средствъ къ мятежу и, подъ видомъ сношенія съ главными производителями въ краѣ, дѣлались привлеченія къ мятежу и собирались пожертвованія на оный. Мировые посредники-Поляки составляли съ умысломъ отяготительныя для крестьянъ уставныя грамоты и старались внушить имъ, что свобода дарована была не государемъ, а прежними ихъ помѣщиками, и что упавшій на нихъ отяготительный оброкъ есть слѣдствіе распоряженій Правительства. Польскій языкъ, введенный оффиціально въ училища, и Польская пропаганда, допущенная въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ краѣ, воспламеняли юношей противу Правительства и, пріучая народъ, что цѣлый край тотъ не Русскій, а Польскій, окончательно стали подавлять собою Русскую народность, тѣмъ болѣе что помѣщики-Поляки, въ періодъ, предшествовавшій вооруженному возстанію, старались сблизиться съ народомъ, открывали во множествѣ Польскія школы, а революціонная партія распространяла въ народѣ противоправительственныя брошюры и прокламаціи. На Польскомъ языкѣ выдавались оффиціальные документы и велась даже оффиціальная переписка.

Православные храмы и помѣщенія для причтовъ находились въ самомъ жалкомъ и униженномъ состояніи; нерѣдко случалось, что въ мѣстностяхъ, исключительно населенныхъ православными, не было церквей, вмѣсто которыхъ строились великолѣпные костелы, съ видимою цѣлью совращенія православныхъ въ латинство; заявленія православнаго духовенства

по этому поводу ни къ чему не служили; начатыя слѣдствія по настоящему предмету лежали безъ движенія въ теченіе десятковъ лѣтъ; православное духовенство, зависѣвшее отъ Польскихъ помѣщиковъ, нищенствовало, между тѣмъ римско-католическое духовенство, во всемъ и вполнѣ обезпеченное, шло безпрепятственно къ предположенной цѣли ополяченія края, строило, вопреки закону, самопроизвольно костелы и подготовляло мятежъ, усыпляя мнимою своею покорностью и безъ того весьма малую бдительность Правительства. Польское дворянство съ самаго начала политическихъ безпорядковъ въ Варшавѣ отшатнулось отъ Русскаго общества и прервало всякія съ нимъ сношенія, съ явною дерзостью заявляя свое нерасположеніе къ законному Правительству. Мелкіе чиновники-Поляки, шляхта и городское населеніе преданы были всею душею революціи. Гимназіи и уѣздныя училища доставляли живой элементъ для шаекъ, ибо изъ сказанныхъ заведеній разбрелось по лѣсамъ и ушло въ мятежъ болѣе двухъ тысячъ воспитанниковъ. Короче, край находился въ самомъ сильномъ разгарѣ анархіи, такъ что личность и собственность каждаго не были обезпечены, революціонная же организиція имѣла весьма прочное устройство не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ цѣлаго края; всюду были назначены воеводы, коммиссары, пристава и т. д., приказанія которыхъ исполнялись лучше, чѣмъ приказанія Правительства. Даже въ самой Вильнѣ находился давно воевода, какъ главный начальникъ Литовскаго края, съ дирекціею почтъ, военнымъ министерствомъ, полиціею, гражданскою коммиссіею, бывшей въ сношеніи съ Варшавскимъ и С.-Петербургскимъ революціоннымъ комитетами".

Въ своихъ же Запискахъ М. Н. Муравьевъ повѣствуетъ: „Нельзя не удивляться, какимъ образомъ главное мѣстное управленіе въ краѣ могло быть такъ недальновидно и безпечно, что попустило полное уничтоженіе правительственной власти и уваженія къ ней, такъ что никто уже не вѣрилъ, чтобы въ краѣ томъ могло быть возстановлено Русское Правительство, даже и крестьяне въ этомъ были убѣждены. Манифестъ 19-го фе-

враля 1861 года о прекращеніи крѣпостного права, по слабости и безпечности начальства, не былъ даже введенъ въ дѣйствіе. Крестьяне еще въ началѣ 1863 года во многихъ мѣстахъ отправляли барщинную повинность, или платили неимовѣрные оброки тамъ, гдѣ была прекращена барщина. Мировые посредники всѣ были избраны изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и большею частію были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями онаго; въ уѣздахъ и въ городахъ учреждены были съѣзды помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ для общихъ сговоровъ по устройству мятежа и увлеченію въ оный самихъ крестьянъ. Въ Вильну были вызваны всѣ почти помѣщики и мировые посредники въ февралѣ 1863 г., будто бы для обсужденій по крестьянскому дѣлу; но на этомъ и на подобномъ же съѣздѣ въ Ковно были положены начала для дѣйствій по мятежу и соединились обѣ партіи, такъ называемыхъ, бѣлыхъ и красныхъ, при чемъ избраны для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ по два делегата, которые бы наблюдали за дѣйствіями предводителей дворянства и самого Правительства — и все это дѣлалось явно въ глазахъ того же Правительства. Генералъ-губернаторъ не имѣлъ рѣшимости прекратить эти мятежныя манифестаціи. Учрежденные, по предложенію министра Внутреннихъ Дѣлъ, полицейскіе суды, составленные изъ тѣхъ же дворянъ, служили только посмѣшищемъ надъ безсиліемъ нашего Правительства. Полицейскихъ чиновниковъ, которые рѣшались доводить до свѣдѣнія начальства о сихъ сборищахъ, толпы били и съ ругательствами вытаскивали изъ костеловъ и тому подобныхъ мѣстъ. Когда однажды генералъ-губернаторъ рѣшился взять подъ стражу нѣсколькихъ гимназистовъ, пѣвшихъ въ костелѣ гимны, то толпы женщинъ всѣхъ сословій пришли къ нему во дворецъ на выручку ихъ; генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ удалиться во внутренніе покои, и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ арестованные были выпущены, а женщины удалились, узнавъ, что приказано было привезти пожарныя трубы“.

Наступилъ, наконецъ, и 1863-й годъ, готовившій, писалъ

Никотинъ, „кровавую развязку, какъ прямое послѣдствіе долговременнаго снисхожденія къ совершавшимся въ Западныхъ нашихъ губерніяхъ политическимъ безобразіямъ, занесеннымъ къ намъ съ береговъ Вислы. Никто изъ насъ, Русскихъ, жившихъ въ Вильнѣ, начиная съ генералъ-губернатора, не подозрѣвалъ даже и возможности вооруженнаго мятежа, несмотря на то, что онъ у насъ былъ уже за плечами. Мы все еще смотрѣли на Польскія выходки, какъ на дѣтскую шалость. Нужно сознаться, что Поляки вели подпольную интригу отлично“.

X.

Въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ* А. Н. Мосоловъ писалъ: „Могучее населеніе Ковенской губерніи, состоящее изъ Жмуди, сохранило въ себѣ совершенно древній типъ. Ученѣйшіе люди относятъ народъ этотъ къ племенамъ до-историческимъ и не находятъ ничего съ нимъ общаго ни въ одномъ изъ современныхъ Европейскихъ племенъ. Высокорослые, сильные эти люди, съ темными длинными волосами и большими проницательными глазами, позднѣе всѣхъ племенъ, населяющихъ Европу, приняли Латинское христіанство, именно въ XIV столѣтіи, тѣснимые рыцарями и Ляхами. Долго еще сохраняли они (даже отчасти и понынѣ) свои языческіе обряды и повѣрія, но теперь это самые пламенные и фанатическіе католики. Помѣщики здѣсь не имѣли такого значенія, какъ въ прочихъ Западныхъ губерніяхъ; ксендзъ былъ здѣсь главнымъ лицомъ, народъ здѣсь вѣрилъ въ него какъ въ святыню; здѣшнее духовенство по большей части вышло изъ того же народа и потому имѣетъ на него могучее нравственное вліяніе. Это въ полномъ смыслѣ ѳеократическое правленіе. Самогитскіе епископы, имѣвшіе до 1864 г. пребываніе въ м. Ворни, Тельшевскаго уѣзда, въ средѣ Жмудскаго населенія и внѣ всякой свѣтской власти, пользовались конечно бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ папа въ своихъ владѣніяхъ; въ XVII и XVIII столѣтіяхъ

епископы были какъ бы преемственны въ двухъ родахъ: Тышкевичей и Гедройцевъ; они накопляли огромныя богатства и имѣли свою традиціонную политику.

Поляки, имѣющіе съ Жмудью общаго только религію, искусно играли на этой струнѣ. Послѣ первыхъ Варшавскихъ безпорядковъ по всей Жмуди разнесся слухъ, что Москва хочетъ уничтожить вѣру католическую, что въ Варшавѣ Русскіе сломали крестъ на каѳедральномъ костелѣ...... Во всей Жмуди поднялись вопли и стоны. Епископъ и духовенство съ амвона обращаютъ къ народу пламенныя рѣчи, требуя еще бо́льшаго усердія къ вѣрѣ отцовъ; на костелахъ появились огромные плакаты, изображающіе распятіе, переломленное пополамъ; кругомъ, огромными буквами, описывались звѣрскія дѣйствія Москалей въ Варшавѣ съ католиками и съ ихъ святыней.

Первою шайкою въ Ковенской губерніи, въ началѣ 1863 г., была шайка лѣсного офицера Корево, который былъ вскорѣ схваченъ и разстрѣлянъ, но вслѣдъ затѣмъ вся губернія поднялась на ноги, нигдѣ крестьяне не шли въ мятежъ съ такимъ одушевленіемъ“.

Здѣсь, на сцену кровавой, клятвопреступной дѣятельности является офицеръ Русскаго Генеральнаго Штаба Сѣраковскій.

„Еще въ 1848 и 1849 годахъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду“, — повѣствуетъ Никотинъ, — „Сѣраковскій, участвуя въ Польскихъ политическихъ кружкахъ, заявилъ себя ярымъ врагомъ Россіи. Попался и былъ разжалованъ въ рядовые Оренбургскаго линейнаго баталіона, гдѣ и пробылъ до 1857 года. Возвратясь въ Петербургъ, Сѣраковскій поступилъ въ Генеральный Штабъ и дослужился до капитанскаго чина. Въ 1859—1860 годахъ, подъ его вліяніемъ, стали организовываться въ сѣверной столицѣ военный и гражданскій революціонные Польскіе кружки, въ которыхъ Сѣраковскій принималъ самое дѣятельное участіе. Въ концѣ мая мѣсяна 1860 года, по представленію генералъ-квартирмейстера, Сѣраковскій былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, за границу, для изученія военно-уголовнаго законодательства важнѣйшихъ Европейскихъ

государствъ и статистики Европейскихъ армій. Пробывъ въ этой командировкѣ болѣе года, въ то самое время, когда въ Парижѣ подготовлялся эмиграціею мятежъ, Сѣраковскій въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 года, при разгарѣ политическихъ безпорядковъ въ Варшавѣ и въ Западныхъ нашихъ губерніяхъ, снова былъ командированъ, по крѣпостямъ Западной Россіи, для собранія свѣдѣній о состояніи находящихся тамъ арестантскихъ ротъ. Тогда вырабатывается проектъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ войскахъ. Такимъ образомъ, будучи однимъ изъ главныхъ коноводовъ задуманнаго возстанія, этотъ человѣкъ успѣлъ добиться командировки на казенный счетъ за границу и составлялъ тамъ планы съ эмигрантами о возстановленіи Польши отъ моря до моря. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ проѣхалъ по Россіи и осмотрѣлъ Русскія крѣпости, готовясь передать ихъ нашимъ врагамъ. Неутомимая дѣятельность Сѣраковскаго по подготовленію мятежа этимъ не ограничилась. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на редакцію газеты *Слово*, издававшейся въ Петербургѣ на Польскомъ языкѣ, которая была впослѣдствіи запрещена. Когда вспыхнуло вооруженное возстаніе, Петербургскій революціонный комитетъ поручилъ Сѣраковскому отправиться въ Западный край въ сопровожденіи офицеровъ-Поляковъ, для командованія мятежническими шайками, въ званіи Литовскаго и Ковенскаго воеводы, подъ псевдонимомъ Доленги. Не попадись Сѣраковскій случайно подъ пулю Русскаго солдата, онъ, имѣя заграничный отпускъ въ карманѣ, съ приготовленною заранѣе и написанною собственноручно статьею противъ мятежа, въ которой порицалось безумство Поляковъ, пожалуй, съумѣлъ бы оправдаться вполнѣ въ виду милостей начальства, но судьба рѣшила иначе... Несмотря на короткое время своего главнокомандованія, онъ успѣлъ повѣсить пятисотскаго въ м. Субботичъ и сжечь бумаги волостнаго правленія въ м. Скопишкахъ, Ковенской губерніи. На слѣдствіи онъ показалъ, что шествіе ихъ était une protestation sanglante. До чего человѣкъ этотъ умѣлъ маскироваться, можно видѣть изъ того, что

будучи въ Вильнѣ, незадолго до ухода въ лѣсъ, онъ присутствовалъ у генералъ-губернатора Назимова на военномъ засѣданіи, гдѣ обсуждался вопросъ, какъ бы помочь нагрянувшей на несчастный край бѣдѣ, и на предложенный ему вопросъ, отвѣтилъ: „Нужно вырвать съ корнемъ польщизну изъ края"...

Высланный изъ Вильны отрядъ генерала Ганецкаго—читаемъ въ *Виленскихъ Очеркахъ* Мосолова,—„съ частью Финляндскаго полка, перерѣзалъ путь Сѣраковскому. Въ первый день дѣло ограничилось перестрѣлкой, на второй день шайка его была совершенно разбита, самъ онъ раненъ пулей въ спину и укрылся съ Колышко, адъютантомъ своимъ Косаковскимъ, докторами и еще нѣсколькими лицами изъ свиты на сосѣдней мызѣ. Въ этотъ же день ксендзъ Мацкевичъ, уже подходившій со своею шайкою къ мѣсту боя, услыхавъ сильный огонь, счелъ за благо удалиться и оставить своихъ товарищей. Съ тѣхъ поръ съ перемѣннымъ успѣхомъ онъ бродилъ по Жмуди до декабря мѣсяца 1863 года, и, неоднократно разбиваемый, долго ускользалъ отъ преслѣдованія.

На третій день боя были разсѣяны отдѣльныя части этихъ большихъ шаекъ, а самъ Сѣраковскій съ Колышко и штабомъ захвачены на мызѣ поручикомъ Вангасомъ и доставлены въ Вильну. Здѣсь Сѣраковскій содержался въ госпиталѣ Св. Якова, страдая раною и упорствуя въ показаніяхъ подъ предлогомъ болѣзни, видимо однако проходившей".

Побѣда и плѣненіе Сѣраковскаго произвели въ Вильнѣ сильное впечатлѣніе и это впечатлѣніе прекрасно описалъ Никотинъ въ своихъ *Запискахъ:*

„1-го мая 1863 года, ожидалось возвращеніе Финляндцевъ въ Вильну изъ похода. Весна была въ полномъ блескѣ, день былъ по истинѣ роскошный. Величественную картину представляла тогда широкая каѳедральная площадь, застроенная временными лавками, которыя были изукрашены пестрыми вывѣсками и разноцвѣтными флагами, такъ какъ это было время Георгіевской ярмарки. Вправо отъ этихъ лавокъ высились три историческіе памятника—горы: Замковая, Крестовая

4*

и Бекешевая, у подножія которыхъ быстро катила свои струи бѣшенная въ весеннее половодье Вилейка; вправо шла аллея къ Виліи изъ высокихъ пирамидальныхъ тополей. Прибавьте ко всему этому роскошную зелень весны, благоуханіе воздуха, аналой посреди площади, съ крестомъ и Евангеліемъ, православное духовенство въ блестящемъ облаченіи; Русскихъ дамъ въ лѣтнихъ костюмахъ, съ букетами цвѣтовъ и съ вѣнками въ рукахъ для возвращающихся побѣдителей. Генералъ-губернаторъ Назимовъ, съ большою свитою военныхъ и гражданскихъ лицъ, ожидалъ прибытія полка. И вотъ, со стороны Георгіевскаго проспекта послышались отдаленные звуки полковаго марша. Показался наконецъ верхомъ полковой командиръ, генералъ-маіоръ И. С. Ганецкій во главѣ своихъ войскъ. Финляндцы, несмотря на сдѣланный походъ, шли бойко, истинными молодцами и построились около аналоя на молитву. По окончаніи молебствія, генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ поздравилъ солдатъ съ побѣдой. Раздалось въ отвѣтъ Русское могучее *ура*, которое наэлектризовало всѣхъ ожидавшихъ. А. А. Назимова подала лавровый вѣнокъ И. С. Ганецкому, прочія дамы осыпали букетами офицеровъ и солдатъ; послѣдніе воткнули букеты на штыки. Раздалась команда къ церемоніальному маршу, по окончаніи котораго, парадировавшія войска пошли съ пѣснями и музыкой въ казармы, гдѣ ожидало ихъ угощеніе. И. С. Ганецкій, загорѣвшій отъ солнца, покрытый пылью, былъ отвезенъ, по желанію дамъ, въ фотографическое заведеніе, гдѣ и снята была съ него на память намъ, Русскимъ, его карточка. Кто только зналъ покороче достойнѣйшаго Ивана Степановича, тотъ не могъ не полюбить его, за его пылкую, честную и правдивую Русскую натуру.

Между тѣмъ, пораженіе нѣсколькихъ шаекъ и взятіе въ плѣнъ Сѣраковскаго и Колышки навели уныніе на Поляковъ, а мы, Русскіе, до того были легковѣрны, что, полагаясь на поздравленіе генералъ - губернатора съ окончаніемъ мятежа, думали, что насталъ конецъ кровавой неурядицѣ, и радова-

лись этому чистосердечно. Но, увы! очень скоро постигло насъ полное разочарованіе. Съ этого времени Виленскій народный жондъ началъ заявлять себя разными звѣрствами; пустилъ въ ходъ терроръ... Несмотря на прокламаціи о даровомъ надѣлѣ, крестьяне не только не принимали никакого участія въ мятежѣ, но и служили проводниками нашимъ войскамъ при преслѣдованіи мятежническихъ шаекъ. Чтобы остановить ихъ въ этомъ порывѣ, крамола придумала истязанія".

XI.

Въ концѣ 1862 года, во время пребыванія императора Александра II-го въ Москвѣ, былъ полученъ адресъ Подольскаго дворянства, въ которомъ выражалось требованіе присоединить Подольскую губернію къ Царству Польскому; такъ какъ край этотъ, по мнѣнію Подольскихъ дворянъ „по языку, религіи и историческимъ преданіямъ—край Польскій, съ Россіей общаго ничего не имѣетъ". П. А. Валуевъ взглянулъ на этотъ адресъ весьма снисходительно, и 22 октября 1862 года, изъ Москвы, писалъ Тройницкому: „Не раздѣляю мнѣнія Кіевскаго генералъ-губернатора князя И. И. Васильчикова потому преимущественно, что я всегда стараюсь дѣйствовать comme le fait un gouvernement régulier, а наши генералъ-губернаторы любятъ дѣйствовать comme un gouvernement personnel. Отдавать подъ судъ должно за извѣстный поступокъ. Безъ слѣдствія можно отдать подъ судъ только всѣхъ подписавшихъ, или только однихъ предводителей. Сочиненіе адреса есть только редакція. Зачинщество въ дѣлѣ можетъ принадлежать и не редакторамъ. Но тогда нужно слѣдствіе. Объ исповѣданіи же здѣсь говорить нечего" [29]).

Вскорѣ послѣ этого событія князь Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, „наидобрѣйшій", по отзыву И. С. Аксакова, „человѣкъ въ мірѣ" [30]), вышелъ въ отставку, и его мѣсто Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

По свидѣтельству М. Н. Муравьева, „Анненковъ не понималъ положенія ввѣренной ему страны и не имѣлъ вѣрнаго взгляда на Польскую интригу вообще и на всегдашнее стремленіе ея къ мятежу, такъ ослабилъ управленіе, что даже Кіевъ, колыбель Православія, въ коемъ лишь до шести сотъ жителей обоего пола католическаго исповѣданія, былъ волнуемъ Польскими мятежными манифестаціями и Русскіе не находили себѣ защиты отъ Поляковъ. Въ Волынской же и Подольской губерніяхъ мятежъ сильно распространился, несмотря на противодѣйствіе сельскаго населенія, по преимуществу православнаго, ибо во всѣхъ Юго-Западныхъ губерніяхъ католиковъ 450 тысячь, при населеніи православномъ до 5 милліоновъ". Сельское населеніе, — продолжаетъ Муравьевъ, — „по слабости и неразумѣнію дѣла Кіевскимъ главнымъ начальствомъ, нисколько не воспользовалось благодѣтельною волею государя о прекращеніи крѣпостнаго состоянія; Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года не только не былъ приведенъ въ исполненіе, но, по ходатайству помѣщиковъ, были посланы войска для понужденія крестьянъ къ платежу усиленныхъ оброковъ по неправильно составленнымъ уставнымъ грамотамъ, за что и подвергали ихъ сильнымъ наказаніямъ, подъ предлогомъ неповиновенія помѣщикамъ, которые большею частію содѣйствовали мятежу. Такимъ образомъ Русское православное населеніе, преданное государю и Россіи и твердо удерживающее прародительскую вѣру, содѣйствовавшее къ удержанію порядка въ краѣ и доводящее до свѣдѣнія Правительства о всѣхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ пановъ, по безсмыслію главнаго мѣстнаго начальства, бывшаго подъ вліяніемъ Польской интриги и пропаганды, было сильно угнетаемо, и болѣе даже, чѣмъ до манифеста 19-го февраля 1861 года. Негодованіе Русскихъ людей, бывшихъ въ Юго-западномъ краѣ, и всего Русскаго населенія было общее. Поляки явно торжествовали, Польское населеніе взяло верхъ и Юго-западный край, почти весь наполненный Русскими православными людьми, сдѣлался игралищемъ Поль-

ской интриги и мятежа. Во многихъ уѣздахъ формировались шайки мятежниковъ и только по милости и содѣйствію крестьянъ, оные вынуждены были скоро расходиться, а паны были представляемы Правительству".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ сообщаетъ, что вся „сѣверная часть Кіевской и Волынской губерній была до такой степени оставлена безъ всякаго начальства, что изъ оной постоянно вторгались мятежныя шайки въ сосѣдніе уѣзды Гродненской и Минской губерній и, по мѣрѣ уничтоженія, они находили въ лѣсахъ на Волыни вѣрное убѣжище" [31]).

„Если котолическая Самогитія",—писалъ Катковъ,—„могла въ соображеніяхъ руководителей Польской агитаціи служить хорошею точкой опоры для ихъ замысловъ на Бѣлоруссію, и если они возлагали большія упованія на сосѣдство моря съ этой стороны, то смежность Волыни и Подоліи съ Австрійскими владѣніями и съ Дунайскими княжествами должна возбуждать не менѣе надеждъ, открывая широкій доступъ вторженіямъ вооруженнаго возстанія и всякаго рода пропаганды. Пропаганда эта свила себѣ не менѣе надежное гнѣздышко въ Житомірѣ, чѣмъ въ Ковнѣ, хотя вокругъ Житоміра и нѣтъ католической Самогитіи. Шляхта Волынская и Подольская едва ли не самая *завзятая* во всемъ Западномъ краѣ. Подольское дворянство, при нынѣшнихъ безпорядкахъ, первое подало сигналъ своимъ знаменитымъ адресомъ. Но главное дѣло все-таки не въ шляхтѣ, а въ администраціи, которая до того соотвѣтствуетъ потребностямъ Польскихъ агитаторовъ, что имъ тутъ привольнѣе, чѣмъ даже въ Самогитіи, среди католическаго народа" [32])...

С. М. Сухотинъ, въ своихъ Запискахъ, пишетъ: „Вечеромъ былъ у Одоевскаго и потомъ у Аксакова; интересные разсказы о Кіевѣ, Волыни Луки Кисловскаго, Θедора Θедоровича Кокошкина, только оттуда вернувшихся, и П. А. Скуратова. Всѣ они подтверждаютъ, что до сихъ поръ вся администрація, какъ городская, такъ и сельская, преисполнена Поляками; народъ, конечно, противъ пановъ и шляхты, но странно, что

если мировые посредники и вообще чиновники Польскіе будутъ замѣняться взяточниками или распутными Русскими чиновниками, тогда Поляки воспользуются этимъ орудіемъ и съ свойственнымъ имъ лицемѣріемъ могутъ очень легко возбудить народное негодованіе противъ Русскихъ. А между тѣмъ, Валуевъ и Петербургскія власти запрещаютъ оглашать дѣйствія Анненкова, потому что тѣ статьи, которыя до сихъ поръ противъ него были направлены, огорчаютъ его. Онъ хотѣлъ выслать изъ Кіева Кисловскаго за его обличительную статью въ *Днѣ* противъ разныхъ мерзостей, происходящихъ въ Château de Fleurs—въ Кіевѣ. Прелести Полекъ имѣютъ большое вліяніе" [33]).

Посѣтивъ Ѳ. И. Тютчева, Никитенко встрѣтилъ у него Жандра, пріѣхавшаго изъ Кіева. Онъ говорилъ, что Анненковъ сначала хотѣлъ тамъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, но теперь перешелъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. По мнѣнію Жандра, который говоритъ, что хорошо знаетъ край, потому что много лѣтъ служитъ тамъ, единственный способъ умиротворить страну — это до тла истребить Польскій элементъ. Поляки непримиримы во враждѣ къ намъ и тверды въ увѣренности, что Польша должна и можетъ существовать въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ существовала до раздѣла. Массу Русскаго и Малороссійскаго населенія въ тѣхъ губерніяхъ Поляки считаютъ за ничто и что Польша вся въ шляхетствѣ. Между тѣмъ, народъ ихъ страшно ненавидитъ, и если бы ему дать волю, то при первомъ же взрывѣ возстанія онъ растерзалъ бы каждаго поляка" [34]).

XII.

Большинство Европейскихъ газетъ представляли Польское возстаніе въ Юго-Западныхъ губерніяхъ въ „совершенно искаженномъ видѣ". Это побудило профессоровъ Университета Св. Владиміра „внести въ лѣтопись современныхъ событій страницу, изображающую, на основаніи подлинныхъ дѣлъ, объемъ

и успѣхи Польскаго возстанія, а также характеръ борьбы, происходившей въ Кіевской и Волынской губерніяхъ“, и они, въ 1863 году, въ Кіевѣ, напечатали записку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Возстаніе Поляковъ въ Юго-Западной Россіи, въ 1863 году.*

„Въ самомъ началѣ 1863 года, носился въ Кіевѣ слухъ о томъ, что Поляки губерній Кіевской, Волынской и Подольской намѣрены принять участіе въ возстаніи. Мѣстное начальство имѣло объ этомъ положительныя свѣдѣнія, но, не желая возбуждать преждевременной тревоги въ населеніи, оно сдѣлало лишь общія распоряженія на случай приведенія въ исполненіе задуманнаго плана мятежа.

Между тѣмъ, съ 26 на 27 апрѣля, жители Кіева услышали въ необычное время сильную ѣзду, а поутру узнали, что вслѣдъ за партіею вооруженныхъ мятежниковъ, которая вышла изъ города поодиночкѣ, по направленію Житомирской дороги, отправлены были войска.

Вечеромъ 27 апрѣля проходила уже чрезъ Кіевъ первая партія забранныхъ въ плѣнъ повстанцевъ. Толпа провожала плѣнныхъ до самой крѣпости свистомъ, насмѣшками и крикомъ. Польки же, которыя носили глубокій трауръ, вдругъ исчезли съ улицъ и показывались только въ сѣрыхъ платьяхъ, а иногда и съ цвѣтными лентами.

Одновременно съ выходомъ повстанцевъ изъ Кіева, движеніе обнаружилось и въ другихъ мѣстахъ губерній Кіевской и Волынской. Подольская губернія оставалась спокойною. Въ Кіевской и Волынской губерніяхъ возстанія распространились очень быстро, но и подавленіе его было почти столь же внезапно. Крестьяне принимали самое живое участіе въ сокрушеніи крамольниковъ. Однимъ словомъ, возстаніе въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ не имѣло никакого успѣха. Революціонный характеръ прокламацій и золотыхъ грамотъ не нашелъ никакого сочувствія въ населеніи. Очевидно, что народъ ясно сознавалъ не только все ничтожество предложенныхъ ему правъ, но и политическую цѣль воз-

станія—стремленіе Польскаго меньшинства подчинить себѣ Русское населеніе, находившее для себя доселѣ защиту въ одномъ Правительствѣ. Напрасно мятежники успокоивали крестьянъ увѣреніями, что шайки хотятъ воевать съ войскомъ, а не съ ними. *У царя войско изъ нашихъ же крестьянъ*, — отвѣчалъ Червинскій староста, — *и крестьяне, также какъ и солдаты, присягали царю*. Поляки ясно увидѣли, что надежда на крестьянъ несбыточна.

Враждебныя намъ корреспонденціи иностранныхъ газетъ разсказывали, что мѣстами управленіе возбуждало крестьянъ къ рѣзнѣ, что оно переодѣвало полицейскихъ служителей и жандармовъ въ крестьянское платье для того, чтобы увлечь поселянъ. Но вся переписка о возстаніи положительно доказываетъ, что полиція никогда не возбуждала крестьянъ къ рѣзнѣ; а напротивъ того, полиціи приходилось „сдерживать пылкость крестьянъ въ преслѣдованіи враговъ нашихъ, угрозою гнѣва царя за всякое излишнее насиліе.

Находя защиту въ полиціи и войскахъ, многіе мѣстные Польскіе помѣщики не рѣшались явно обвинять Правительство въ возбужденіи противъ нихъ населенія; но тѣмъ усерднѣе жаловались они на то, что крестьяне предаются своеволію и грабежу... Съ своей стороны, донесенія мировыхъ посредниковъ изъ Поляковъ были разсчитаны на то, чтобы возбудить въ начальствѣ опасенія относительно настроенія крестьянъ, представляя послѣднихъ народомъ буйнымъ и непокорнымъ, какъ будто бы вся опасность грозила общественному порядку не со стороны мятежниковъ, а со стороны крестьянъ.

Несмотря на раздраженіе противъ Поляковъ, крестьяне далеко не выказали того своеволія и самоуправства, въ которыхъ ихъ обвиняютъ Поляки, и почти повсемѣстно исполняли приказанія начальниковъ земской полиціи и даже Поляковъ мировыхъ посредниковъ.

Вопросъ о томъ, совершены ли были крестьянами жестокости, истязанія и насилія, рождаетъ вопросъ иного рода: какъ дѣйствовали шайки мятежниковъ, составленныя отчасти изъ

образованныхъ классовъ и заключавшія въ себѣ, между прочимъ, и цвѣтъ Польскаго населенія Кіевской и Волынской губерній?

Мятежники не только не щадили казенной собственности, но они заявили на дѣлѣ, что не признаютъ неприкосновенными, ни тѣхъ учрежденій, которыя существуютъ для блага частнаго, ни даже выборнаго крестьянскаго управленія, ни крестьянскихъ денегъ,—ни даже частнаго крестьянскаго имущества.

Между тѣмъ, еще среди разгара мятежа, помѣщики, не скрывавшіе своего сочувствія къ повстанцамъ, дарившіе крестьянамъ землю, подъ условіемъ вознагражденія владѣльцевъ изъ народной казны, поднимаютъ тревогу о томъ, что крестьяне не отбываютъ повинностей. Помѣщики не говорятъ крестьянамъ, что мятежники ихъ обманываютъ; но въ то же время обращаются къ полиціи и военнымъ начальствамъ съ просьбою о побужденіи крестьянъ къ отбыванію повинностей".

Для того, чтобы вѣрнѣе охарактеризовать участіе крестьянъ въ подавленіи мятежа, въ запискѣ Кіевскихъ профессоровъ приводится слѣдующій разсказъ о происшествіи въ Мировкѣ: „Пастухи, прибѣжавшіе съ поля, крикомъ своимъ: *Ляхи идутъ, Ляхи идутъ*, подняли на ноги всю Мировку. Первое чувство, вызванное въ народѣ этимъ извѣстіемъ, было чувство страха. Женщины стали собирать свои пожитки, чтобы уходить съ ними въ лѣсъ, стали закапывать въ землю хлѣбъ, сопровождая все это громкими рыданіями и причитываніями. Волостной старшина объявилъ раду. Обыкновенно мужикъ нашъ совѣтуется долго и обстоятельно; на этотъ разъ совѣтъ продолжался не болѣе четверти часа. Рѣшили: дать знать сосѣдямъ, чтобъ спѣшили въ Мировку на помощь, самимъ же Мировцамъ вооружиться чѣмъ попало и выходить на царину *переймать Ляховъ, а якъ не будутъ даваться, то бить*. Спустя нѣсколько минутъ, на царинѣ уже стояло человѣкъ 150 вооруженныхъ. Вскорѣ показались и Ляхи, большею частію конные. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мужиковъ они остановились и выслали парламентера съ бѣлымъ знаменемъ. Мужики, увидѣвъ одного человѣка, который, повидимому, хотѣлъ съ ними говорить, вы-

слали, съ своей стороны, для переговоровъ съ нимъ четырехъ человѣкъ. Парламентеръ сказалъ, что Поляки пришли говорить не съ четырьмя человѣками, а съ громадою, и потому просятъ громаду приблизиться и выслушать ихъ. Приглашенная такимъ образомъ громада подалась впередъ; Поляки тоже приблизились. Начались объясненія. Мужики сказали: *коли вы хотите говорить съ нами, то положите ваши ружья.* Поляки отвѣчали: *добре, такъ положите и вы косы.* Ружья и косы были положены. Прежде всего Поляками была прочитана прокламація, въ которой представлялась картина благоденствія, ожидавшая мужиковъ тогда, когда они, отказавшись отъ царя и въ союзѣ съ Поляками, свергнувъ Московское иго, будутъ жить съ ними въ неразрывномъ братствѣ. Мужики по временамъ приговаривали: *може воно и такъ, нехай вамъ Богъ помогае; мы люди темныи*; а между тѣмъ все посматривали, собирается ли подмога и сколько ее уже собралось. Поляки были въ полной увѣренности, что своею либеральною прокламаціею окончательно склонили мужиковъ на свою сторону, и потому, по прочтеніи ея, бросились обниматься и цѣловаться съ ними въ знакъ вѣчной дружбы. Мужики не уклонялись отъ объятій и только посматривали прибываетъ ли подмога; подмога же все прибывала и прибывала. Оставалось скрѣпить это братство прочтеніемъ золотой грамоты, которая и была прочитана торжественно, на колѣняхъ, однимъ изъ Поляковъ. Послѣдовавшее затѣмъ молчаніе было прервано однимъ старикомъ, по фамиліи *Канониромъ*, который, выдвинувшись изъ мужицкихъ рядовъ, спросилъ Поляковъ: *такъ отсе и все уже? — Да що съ ними довго балакать*, сказалъ какой-то старшина, только что прибывшій на мѣсто дѣйствія, въ главѣ значительной подмоги.—*Берите ихъ, хлопцы!* Поляки и мужики схватились за оружіе, но нѣсколько секундъ стояли въ нерѣшимости одни передъ другими. Тогда тотъ же самый Канониръ бросился на ближайшаго къ нему Поляка и схватилъ его лошадь за узду. Полякъ выстрѣлилъ, но въ ту же минуту косою былъ поваленъ съ лошади. Въ одно мгновеніе мужики

врѣзались въ толпу Польскихъ всадниковъ и окружили ихъ: однихъ положили на мѣстѣ, другихъ переранили, многихъ перевязали. Не многіе только спаслись бѣгствомъ. Поляки почти не защищались".

Такъ происходила и такъ кончилась попытка взволновать крестьянъ въ Мировкѣ. Такой ея былъ ходъ и такая же развязка во многихъ мѣстахъ.

Въ профессорской запискѣ приводится отрывокъ изъ одного частнаго письма, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Помѣщики, поднявъ мятежъ, начали теперь обращаться къ начальству съ просьбою о возстановленіи порядка и спокойствія въ ихъ имѣніяхъ, о принужденіи крестьянъ отбывать исправно повинности по уставнымъ грамотамъ, между тѣмъ какъ они, а между ними ихъ представители, какъ мировые посредники, лично и непосредственно, а остальные косвенно чрезъ оффиціалистовъ, вліяніемъ и пожертвованіями, сами вызываютъ общій безпорядокъ вооруженнымъ мятежемъ, объявленіемъ золотыхъ грамотъ о дареніи крестьянамъ земель, объ освобожденіи ихъ отъ повинностей помѣщикамъ и государству. Заявилъ ли кто-нибудь изъ помѣщиковъ гласно передъ народомъ свой протестъ на дареніе крестьянамъ ихъ земель и освобожденіе отъ повинностей? Ни одинъ. Значитъ, они ничего не отвергаютъ и хотятъ игратъ въ игру, совершенно неподручную административной власти. Ихъ стремленіе—вынудить начальство употребить принудительныя мѣры противу крестьянъ и тѣмъ возстановить ихъ противъ Правительства".

Въ заключеніе своей записки профессора университета: Н. Д. Иванишевъ, И. Я. Нейкирхъ, Н. А. Дьяченко, С. С. Гогоцкій, Н. Х. Бунге, протоіерей Н. А. Ѳаворовъ, А. П. Шидловскій, С. М. Ходецкій, А. П. Вальтеръ, В. А. Караваевъ, С. П. Алферьевъ, Ю. И. Мацонъ, Ѳ. Ѳ. Мерингъ, Ѳ. Ѳ. Ергардтъ, В. А. Незавитовскій. А. К. Делленъ, М. И. Талызинъ, А. И. Ставровскій, Г. А. Чугаевичъ, И. А. Тютчевъ, Ю. К. Шимановскій, Н. К. Ренненкампфъ, А. В. Романовичъ-Словатинскій, В. Г. Демченко, Г. Д. Сидоренко,

К. Ѳ. Страшкевичъ, А. И. Линниченко, писали: „Мы оканчиваемъ; но, какъ члены Университета, въ заключеніе, считаемъ необходимымъ присовокупить, что Польское возстаніе довершило дѣло пропаганды, которая въ теченіе стольких лѣтъ возбуждала узкія національныя стремленія... Пропаганда нравственно губила молодыя поколѣнія, отвлекая ихъ отъ серьезныхъ занятій; возстаніе обрекло ихъ на гибель. Университетъ, по преимуществу, испытывалъ на себѣ дѣйствіе этой разрушительной силы. Подчиняясь невольно вліянію, которое съ ранней поры, въ семейной средѣ и у алтаря церкви, охватывало нравственную и духовную сторону ребенка и юноши, студенты-Поляки, по большей части, не искали въ Университетѣ одного чисто научнаго, серьезнаго образованія. Помыслы ихъ сосредоточивались на поклоненіи всему Польскому, безъ критической оцѣнки тѣхъ темныхъ сторонъ, которыя могутъ быть указаны въ жизни каждаго народа. Это не обвиненіе, а прискорбный фактъ. Если силы Университета были слишкомъ слабы для того, чтобы выдержать эту неравную борьбу, то, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право сказать, что мы служили истинѣ въ духѣ примиренія народностей и думаемъ, что настоящая записка, какъ возстановленіе исторической истины, направлена къ достиженію той же самой цѣли“.

„Матери-Польки“,—писалъ Ѳ. И. Тютчевъ,—„въ Кіевской губерніи посылаютъ дѣтей лѣтъ четырнадцати въ шайки повстанцевъ, трудиться для *освобожденія родины*. Это въ Кіевѣ. А мужики тотчасъ же избиваютъ ихъ. Присоедините сюда внѣшнюю войну, и у васъ налицо всѣ условія для окончательнаго истребленія цѣлой расы людей“ 35).

Съ своей Михайловой Горы, Максимовичъ писалъ И. С. Аксакову: „У насъ, въ Заднѣпровской Украйнѣ, крѣпкая сельская стража учреждена до Кіева. Подъ Богуславомъ доказали Украинцы дружбу Ляхамъ! На Днѣпрѣ давно стоитъ казацко-крестьянская сторóжа, съ тою же ненавистью къ Ляхамъ, какъ и за Днѣпромъ,—да сюда Ляхи не натыкаются; да и тамъ они дѣйствуютъ по-дѣтски. Въ Золотоношу, говорятъ, пришелъ

уже полкъ солдатъ, на сторожу Днѣпра. Пришло уже извѣщеніе, что изъ Полтавскихъ казаковъ будетъ составляться два конныхъ казацкихъ полка, по 1050 человѣкъ въ каждомъ. Это хорошо; но кого выберутъ въ начальники? Неужели опять такихъ же, какъ въ Севастопольскую войну, и опять Нѣмцевъ? Всего лучше было бы вызвать Черноморцевъ. Надо, чтобы казацкіе полки были лицомъ къ лицу Ляховъ, а не въ сторонѣ" [36]).

Таково было положеніе, въ 1863 году, Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи.

А между тѣмъ, въ Варшавѣ, рядомъ съ законнымъ Правительствомъ, царилъ „невидимый врагъ, неумолимый и кровожадный, болѣе жестокій нежели Венеціанскій *Совѣтъ Десяти*, врагъ, который сорвалъ съ Польскаго народа послѣднюю рубаху, держалъ ножъ надъ его горломъ и только требовалъ *денегъ и крови*... Врагомъ этимъ былъ насильственно навязавшійся народу *жондъ народовый*. Край былъ покрытъ трауромъ, пепломъ и кровью. Онъ походилъ на дымящуюся окровавленную развалину. Духовенство католическое, въ которомъ народъ долженъ былъ находить утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, разъѣзжало верхомъ впереди разбойничьихъ бандъ, съ крестомъ въ одной, съ петлею или кинжаломъ въ другой рукѣ... Оно благословляло на безкровномъ жертвенникѣ Христа Спасителя, братоубійственный кинжалъ уличнаго убійцы, для того, чтобы онъ обагрился невинною кровью человѣка" [37]).

XIII.

4 февраля 1863 года, о. Белюстинъ писалъ Погодину: „А что вспомнилъ ли царь о вашихъ предупрежденіяхъ касательно Польши? Тутъ—Богу или людямъ угодно, чтобы опять лилась кровь, опять Россія истощалась въ людяхъ, въ средствахъ".

Какъ бы въ отвѣтъ на это письмо, Погодинъ (2 марта 1863 г.) написалъ статью, подъ заглавіемъ *Польскій Вопросъ*:

„Еще нѣсколько страницъ Исторіи Русской и Польской обливается кровію! Еще поколѣніе губитъ понапрасну таланты, силы, надежды! Братья! Братья! Долго ли вамъ злобиться, неистовствовать, терзать другъ друга на потѣху вашихъ исконныхъ враговъ... Тяжело, горько было истиннымъ друзьямъ Славянства узнать о новомъ безумномъ покушеніи произвести смятеніе въ Польшѣ! И какими дикими варварскими дѣйствіями сопровождается несчастная выходка! Поляки жгутъ по ночамъ живыхъ людей, колютъ сонныхъ солдатъ, грабятъ почты, таможни, путешественники подвергаются наругательствамъ, за одно преступленіе—быть Русскими".

А Русскіе?—спрашиваетъ Погодинъ, и отвѣчаетъ:—„Въ то самое время, когда кровь ихъ братьевъ проливается самымъ измѣнническимъ, безчеловѣчнымъ образомъ, когда имя Русское предается въ Польшѣ позору, *слушайте* — изъ сотни тысячъ Поляковъ, живущихъ и служащихъ въ Россіи, *ни одинъ* не получилъ упрека, оскорбленія, огорченія, ни отъ одного русскаго. Или не думаемъ ли мы, что эти Поляки намъ сочувствуютъ и желаютъ добра? О, нѣтъ, всѣ они сочувствуютъ въ глубинѣ сердца своимъ соотечественникамъ, и мы нисколько не осуждаемъ ихъ за сочувствіе, не жалуемся... Но не станемъ обвинять весь Польскій народъ... Это дѣло партіи иностранныхъ революціонеровъ... Они умѣли, несмотря на безвѣріе, привлечь на свою сторону мѣстныхъ ксендзовъ, возбудить ихъ фанатизмъ. Хорошъ союзъ атеизма съ фанатизмомъ!.. Простолюдины, въ надеждѣ спасенія, повинуются слѣпо фанатическимъ внушеніямъ, молодежь увлекается блестящими призраками, и несчастная страна дѣлается игралищемъ козней и страстей".

Право подать свой голосъ Погодинъ основываетъ на томъ, что стоялъ за свободу и самоуправленіе Польши тогда, когда „никто у насъ не рѣшался выражать вслухъ этихъ мыслей".

Для яснѣйшаго обозрѣнія, Погодинъ раздѣляетъ Польскій вопросъ на составныя его части, и о каждой предлагаетъ свое „искреннее мнѣніе".

Главную мечту Поляковъ составляютъ *Бѣлоруссія* (губерніи:

Могилевская, Витебская, Минская), *Литва* (губерніи: Виленская, Ковенская, Гродненская), *Малороссія* (губерніи: Волынская, Подольская, Кіевская). Поляки называютъ эти области *Забраннымъ краемъ*, „помня, что онъ принадлежалъ имъ нѣкоторое время, забывая, что онъ *искони* принадлежалъ Россіи, и не только принадлежалъ, но составлялъ и составляетъ существенную часть Россіи и не имѣетъ никакой Исторіи, кромѣ Русской“.

Европейцы, въ особенности Англичане и Французы, замѣчаетъ Погодинъ, „до сихъ поръ не имѣютъ почти никакого понятія о нашей Исторіи, и повторяютъ, не краснѣя, всякую безсмыслицу, выдуманную партіями. Поляки пишутъ напримѣръ, что Россіи не существуетъ, и что Русскій языкъ не есть Славянскій языкъ“!

Погодинъ ставитъ вопросъ „самымъ положительнымъ образомъ“. Онъ спрашиваетъ, сколько считается жителей въ девяти Западныхъ Русскихъ губерніяхъ? — Около десяти милліоновъ. Сколько между ними Поляковъ?—Одинъ милліонъ. Кто составляетъ большинство, по *происхожденію и языку?*—Русскіе. Въ такой же почти соразмѣрности находится населеніе между собою и по *вѣроисповѣданію:* православныхъ Русскихъ шесть милліоновъ, Поляковъ-католиковъ меньше милліона. Говоря о томъ, что въ Западномъ краѣ—Русскіе—исконные туземцы, старожилы, а Поляки пришельцы, Погодинъ предлагаетъ развернуть древнюю Русскую Лѣтопись, и отъ основанія Русскаго государства, вплоть до нашествія Татаръ, въ продолженіе первыхъ четырехъ сотъ лѣтъ Русской Исторіи, на всякой страницѣ любознательный найдетъ вмѣстѣ съ Новгородомъ и Кіевомъ, Полоцкъ, Витебскъ, Гродно, Брестъ, Владиміръ Волынскій, Пинскъ, Перемышль, Галичь, Минскъ, Туровъ, Каменецъ, Нуръ, Дрогичинъ, Слуцкъ, Чарторискъ, Дубно, Мозырь, Друцкъ, Оршу и проч.

„Не составляютъ ли“,—спрашиваетъ Погодинъ,—„эти различныя народности *нравственнаго единства*, духовнаго цѣлаго? Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ,—они питаютъ одни къ другимъ злобу

наслѣдственную, закоренѣлую. На всѣхъ страницахъ Исторіи лежитъ эта печать вражды непримиримой". И если, замѣчаетъ Погодинъ, „въ послѣднее время Западный край утихнулъ, то это только, благодаря усиліямъ Русскаго Правительства: безъ его защиты не осталось бы духу Польскаго ни на Волыни, ни въ Подоліи, ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Кіевской губерніи, и даже теперь Русскія войска ходятъ отъ одного Польскаго помѣщика къ другому, для усмиренія по ихъ просьбамъ Русскихъ крестьянъ". Повѣрятъ ли въ Европѣ,—продолжаетъ Погодинъ,—„поймутъ ли, какъ это можетъ быть, чтобы во время Польскаго мятежа, когда льется потоками Русская кровь, мы защищали грудью своихъ зложелателей и лиходѣевъ, а это такъ"!

Между тѣмъ, Западныя Русскія губерніи,—пишетъ Погодинъ,—„точно какъ и Галиція, вопіютъ теперь о своей Русской народности и не хотятъ имѣть ничего общаго съ Поляками, давшими имъ себя знать во время своего безспорнаго владычества. Поляки, презирая ихъ языкъ, ихъ вѣру, ихъ обычаи, смотря на нихъ, какъ на своихъ илотовъ, питаясь ихъ потомъ и кровью, посредствомъ своихъ экономовъ и арендаторовъ, преимущественно изъ Евреевъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, привели ихъ почти въ скотское состояніе, напримѣръ, въ Бѣлоруссіи. Не угодно ли Европейскимъ путешественникамъ, особенно Англійскимъ туристамъ, или принцу Наполеону, проѣхаться по Витебской, Могилевской, Минской губерніямъ, гдѣ съ солью ѣдятъ только по воскресеньямъ? Пусть они полюбуются. Какое же нравственное право имѣютъ Поляки въ краю, для котораго они не сдѣлали ничего, кромѣ зла и вреда? Императоръ Александръ I думалъ возстановить древнюю Польшу; но Карамзинъ, вѣчная ему честь и слава! сказалъ государю рѣшительно, что онъ, хоть и самодержецъ, не имѣетъ никакого права уступать ни одной Русской избы. Со времени спора Карамзина съ императоромъ Александромъ I прошло пятьдесятъ лѣтъ: Русскіе познакомились ближе съ своей Исторіей, благодаря его же безсмертному труду, чувство само-

сознанія утвердилось и распространилось между нами, и если съ одной стороны найдется теперь болѣе людей, готовыхъ согласиться на самоуправленіе, если не на самостоятельность Польши, то найдется еще болѣе такихъ, которые готовы защищать цѣлость Россіи unguibus et rostris, смѣлѣе и настойчивѣе, предъ кѣмъ бы то ни было. Не говорю уже о населеніи девяти губерній, для которыхъ извѣстіе о соединеніи съ Польшей равнялось бы осужденію на смертную казнь и послужило бъ сигналомъ ко всеобщему возстанію и рѣзнѣ, пояростнѣе Галицкой. Пусть же Поляки выкинутъ изъ головы эту несчастную, не мысль, а мечту, которая заставляетъ ихъ *ошибаться страшно въ своихъ разсчетахъ*, приводитъ всѣхъ Русскихъ въ негодованіе, возбуждаетъ противъ Поляковъ все образованное большинство и мѣшаетъ соединиться въ мирѣ и любви. Здѣсь Поляки имѣютъ противъ себя не того или другого государя, не того или другого министра, не Правительство, а все туземное населеніе и весь Русскій пародъ".

XIV.

„И такъ",—восклицаетъ Погодинъ,—„о Волыни, о Подоліи, о Бѣлоруссіи, о Кіевской губерніи толковать нечего"! А Литва?—спрашиваегъ онъ, и отвѣчаетъ: „Многіе смѣшиваютъ, даже у насъ, Литву съ Польшею. Разсмотримъ ихъ отношенія, и вмѣстѣ отношенія Литвы и Россіи. Прежде всего скажемъ, что этому имени (Литва) дается смыслъ въ иностранной Журналистикѣ совсѣмъ не тотъ, который оно имѣть должно.

Литвою называлось собственно малое племя Латышскаго народа, который другими своими племенами или отраслями занимаетъ еще Курляндскую губернію въ Россіи, восточную Пруссію въ Королевствѣ Прусскомъ и часть Августовской губерніи въ Царствѣ Польскомъ.

Латыши, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Европы, совершенно отличествуютъ, какъ отъ Славянскихъ, такъ и отъ Романскихъ и Нѣмецкихъ племенъ. Изъ Славянскихъ племенъ,

они столь же далеки отъ Польскаго, какъ отъ Великороссійскаго, Малороссійскаго и Бѣлорусскаго. Это совершенно особое племя.

Сколько же теперь есть Литвы въ Литовскихъ, такъ называемыхъ у насъ, губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской?

Всего на все 750 тысячь. А другіе утверждаютъ, что гораздо менѣе: около полумилліона. Это Жмудь, живущая преимущественно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Ковенской и отчасти Виленской губерніи.

А прочихъ Латышей въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ и въ Восточной Пруссіи милліонъ.

Какъ между нашими Латышами или Литовцами господствуютъ Поляки, такъ между Прусскими, а равно и въ Курляндіи, Нѣмцы.

Слѣдовательно, Поляки къ Литвѣ, собственно такъ называемой, относятся почти также, какъ и къ Малороссіи, къ Бѣлоруссіи: это чуждые пришельцы.

Чѣмъ же больше права имѣетъ Польша на Литву, нежели Россія?

Спрашивать Польшѣ эту Литву къ себѣ еще меньше основанія, нежели спрашивать у насъ Курляндскую губернію, или у Прусаковъ Восточную Пруссію, которыя принадлежали къ ней гораздо прежде и законнѣе.

Ужъ если судить строго, то Латыши сами по себѣ могли бы искать самостоятельности и независимости отъ Россіи, Пруссіи и Польши, какъ Ливь, Корсь, но они слишкомъ малочисленны, и не могутъ предъявлять своего права ни предъ Русскими, ни предъ Нѣмцами, ни предъ Поляками, и по закону историческому должны покориться судьбѣ.

Какъ бы то ни было, этого ничтожнаго уголка, среди чистыхъ Русскихъ владѣній, Россія уступить воображаемой Польшѣ не можетъ, еслибъ и хотѣла, по причинамъ другого рода.

Вильно и Ковно считаются, въ стратегическомъ отношеніи,

главными пунктами опоры, для владѣнія, охраненія и управленія всѣмъ Западнымъ краемъ, по соображеніямъ самого Мѣрославскаго: какъ же можно требовать, чтобы мы подняли на себя сами руки! Да и захотѣли-ль бы сами Литовцы,—т.-е., Латыши, т.-е., Жмудь,—присоединиться лучше къ Польшѣ, чѣмъ остаться съ Россіей?

Но этому малому племени суждено было нѣкогда играть важную роль въ судьбахъ Россіи, покорить значительную ея часть и присоединить ее на время къ Польшѣ.

Погодинъ представляетъ намъ эпизодъ изъ Исторіи Литовскихъ князей, чтобъ выразить яснѣе сущность дѣла.

„Въ древности",—повѣствуетъ Погодинъ,—живя по дремучимъ лѣсамъ въ сѣверо-западномъ углу Русскихъ владѣній, Литва платила дань сосѣднимъ князьямъ, лыками и вѣниками. Въ послѣдствіи, научась войнѣ у Русскихъ, Литовцы начали дѣлать набѣги на ихъ владѣнія и безпрестанно то мирились, то воевали съ Псковомъ, Новгородомъ, Полоцкомъ, почти не зная Польши. Послѣ Татаръ началось у Литовцевъ сношеніе съ Галичемъ. Войшелгъ, сынъ перваго знаменитаго ихъ князя Миндовга, предоставилъ-было, по завѣщанію, Литовскій престолъ меньшому сыну Галицкаго Даніила, Шварну.

Галичъ нѣсколько времени господствовалъ надъ Литвою, владѣя вмѣстѣ юго-западною частію нынѣшней Польши, гдѣ еще нашъ знаменитый Даніилъ построилъ городъ Хельмъ.

Родъ Даніиловъ пресѣкся въ XIV-мъ столѣтіи, и его владѣнія въ Галичѣ по женскому колѣну достались Казиміру, королю Польскому.

Въ Литвѣ, около того же времени, возвысился славный Гедиминъ, а на Руси—Іоаннъ Калита.

Гедиминъ жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной, Калита—въ Москвѣ.

Эти два города сдѣлались столицами двухъ государствъ, или, лучше, двухъ половинъ, на кои, послѣ Татаръ, раздѣлилась Русь: западную или Литовскую, восточную или Московскую. Первая взяла сначала верхъ.

Гедиминъ покорилъ мало-по-малу всю западную часть нынѣшней Россіи, опустошенную Татарами, съ Кіевомъ включительно.

Преемники его, сынъ Олгердъ и племянникъ Витовтъ, сынъ Кестутія, распространили его завоеванія на востокъ, и овладѣли всею Русскою страною до Угры, въ нынѣшней Калужской и Тульской губ., имѣли виды даже на Новгородъ, Псковъ и самую Москву, едва отъ нихъ уцѣлѣвшую.

Впрочемъ, всѣ Литовскіе князья слыли только по имени не Русскими. Они были женаты большею частію на Русскихъ княжнахъ и исповѣдывали Русскую православную вѣру, употребляли Русскій языкъ во всѣхъ грамотахъ и законахъ. Съ Литовскими князьями перемѣнилась только династія въ западной Россіи: мѣсто древнихъ князей Владимирова и Ярославова племени заняли князья Литовскіе, которые точно также обрусѣли, какъ ославянились первые.

Туземное населеніе—Бѣлоруссы, или Кривичи, и Малороссіяне, остались съ своею вѣрою, языкомъ, обычаями и законами, которые послѣ были записаны по-Русски и стали извѣстны подъ именемъ Литовскаго статута. Съ Поляками Литовскіе князья были въ постоянной враждѣ, еще болѣе чѣмъ съ нами.

Періодъ владычества Литовско-Русскихъ князей продолжался не болѣе ста лѣтъ (Витовтъ ум. 1430).

Наслѣдство ихъ раздѣлилось между двумя сосѣдними государствами, Польшей и Москвой. Восточная половина Литовской Руси отошла къ Москвѣ, а западная (вотъ эти девять вожделѣнныхъ губерній)—къ Польшѣ.

Поговоримъ сначала о послѣдней.

Ягайло, сынъ Ольгерда Литовскаго, внукъ Гедиминовъ, женился (1386) на наслѣдницѣ Польскихъ Пястовъ, Ядвигѣ, принялъ католическую вѣру, крестилъ Литовцевъ и подалъ первый поводъ къ соединенію Польши и Литовской Руси.

Литовская Русь соединилась съ Польшею на равныхъ правахъ, съ отдѣльнымъ управленіемъ и судомъ, съ непри-

косновенностью Русскаго языка и православнаго вѣроисповѣданія.

Поляки считались чужеземцами, и противъ слiянія двухъ народностей принимаемы были сначала всевозможныя мѣры. Поляки не имѣли права занимать никакихъ должностей государственныхъ въ Литвѣ, ни владѣть поземельной собственностью. Жители называли себя народомъ Русскимъ; народомъ Русскимъ называли ихъ и сами Поляки. Русскій элементъ, несмотря на политическое подчиненіе Польшѣ, сохранялся живо и боролся безпрестанно съ пришлымъ элементомъ Польскимъ, особенно въ юго-западной части, т.-е., Малороссіи, включая сюда Волынь и Подолію. Всѣ лѣтописи, Польскія и Русскія, исполнены описаній объ этой ожесточенной борьбѣ.

Нѣкоторые дворяне, вслѣдствіе особыхъ козней іезуитскихъ, начали принимать мало-по-малу Польскіе обычаи, наконецъ самую вѣру, и совершенно ополячились, чтобъ уравняться съ Польскою шляхтою, которая безпрестанно наѣзжала изъ Польши, и получала себѣ во владѣніе Русскія земли на помѣстномъ правѣ.

Въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ, почти чрезъ 200 лѣтъ послѣ перваго соединенія Литвы съ Польшею, Волынь и Украйна были отдѣлены отъ Литвы, и причислены къ составу Польскаго королевства, но неприкосновенность Русскаго языка и православнаго вѣроисповѣданія были снова подтверждены.

Впрочемъ, съ одной стороны, жалобы и возстанія, съ другой, притѣсненія, не прерывались. Съ XVII столѣтія преимущественно Польскій и католическій элементы, благодаря ревностнымъ усиліямъ іезуитовъ, утвердились, подъ покровомъ правительства. Но не задолго еще до перваго раздѣла Польши, знаменитый Могилевскій епископъ Георгій Конисскій, произнесъ на Варшавскомъ сеймѣ горячую рѣчь о злоупотребленіяхъ Польскаго управленія.

Такъ шли дѣла западной, Литовской Руси, со стороны Польши.

Москва, со временъ великаго князя Іоанна III Васильевича, явилась ей соперницею, относительно Литовскаго наслѣдства.

Пользуясь гоненіемъ за вѣру, она привлекла къ себѣ всѣхъ Русскихъ князей-данниковъ и подручниковъ Литвы по восточному краю ея владѣній, Оболенскихъ, Трубецкихъ, Мосальскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ и прочихъ. Это было въ концѣ XV столѣтія; въ XVI-мъ, она возвратила себѣ Смоленскъ, а въ XVII-мъ, Малороссія, по сю сторону Днѣпра, выведенная изъ терпѣнія неистовствами Польскими и іезуитскими, подчинилась Москвѣ, подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, вмѣстѣ съ Кіевомъ. Наконецъ, въ XVIII столѣтии, императрица Екатерина II, вслѣдствіе совершеннаго разстройства Польши, сдѣлавшейся вмѣстѣ и гнѣздилищемъ всѣхъ враждебныхъ для России предпріятій Европейскихъ, воспользовалась случаемъ возвратить почти всѣ остальныя Польскія завоеванія, при такъ пазываемыхъ трехъ раздѣлахъ Польши, по мысли Прусскаго короля Фридриха Великаго, въ 1773, 1793 и 1795 годахъ.

Императрицѣ Екатеринѣ Великой не слѣдовало бы,—какъ казалось Погодину,—соглашаться съ Пруссіей и Австріей на раздѣлъ, что, говорятъ, и совѣтовалъ Панинъ, а взять только себѣ Русскія области, гарантируя Польшѣ прочія ея коренныя владѣнія, т.-е. цѣлость Польскаго королевства, въ предѣлахъ Польскаго языка. Но согласились ли бы на то Поляки, поняли-ль бы они тогда справедливость, необходимость и пользу такого законнаго предложенія, котораго не понимаютъ до сихъ поръ? А съ другой стороны, Прусаки и Австрійцы какъ посмотрѣли бы на такое распоряженіе? Союзники имъ были готовы въ Европѣ. Нѣтъ — такова, видно, была судьба Польши, предсказанная, впрочемъ, королемъ Польскимъ Іоанномъ Казимиромъ, на Варшавскомъ сеймѣ, еще въ 1661 году"?

Погодинъ сказалъ, что „императрица Екатерина возвратила почти всѣ Русскія владѣнія; что́ же еще осталось нашего въ чужихъ рукахъ? Важнѣйшая часть Малороссіи, древне знаменитое княжество Галицкое, съ принадлежавшей къ нему частью

нынѣшней Люблинской губерніи, населенною тѣмъ же Русскимъ племенемъ. Возвращенный, а не забранный край, въ эпоху своего возвращенія находился въ томъ же положеніи, относительно сельскаго населенія, въ какомъ былъ отторгнутъ, въ какомъ находится и теперь. Тѣ же Русскіе люди здѣсь живутъ, тѣмъ же Русскимъ языкомъ говорятъ, ту же православную вѣру исповѣдуютъ, какъ ихъ соотечественники въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Петербургѣ и пр. Только дворянство, повторяемъ, отчасти ополячилось и приняло католическую вѣру. Оно восполнилось еще Польскими выходцами, которые разселились и по городамъ".

XV.

Представивъ, такъ сказать, историческую справку, Погодинъ обращается къ Царству Польскому и пишетъ: „Царство Польское начинаетъ возстаніе—храня глубокое молчаніе о Познани и Селезіи, восточной и западной Пруссіи, о Польской Галиціи и даже Краковѣ, колыбели Польской, Поляки возстаютъ на Россію. Чего они хотятъ? Независимости, самостоятельности? Съ Богомъ! Неужели думаютъ Поляки, что мы этого сами не желаемъ? Но подумали-ль они, что будутъ дѣлать съ свою независимостью и самостоятельностью? Вѣдь Русской Земли, съ десятью милліонами жителей, въ западныхъ губерніяхъ, на которую вы больше всего разсчитываете, безъ которой вамъ и дѣлать нечего, безъ которой вы не можете имѣть никакого политическаго значенія, вѣдь Русской Земли, сказано, не можемъ мы уступить, не должны уступить: это было бы *раздѣломъ Россіи*, вмѣсто раздѣла Польши! Мы потребуемъ еще себѣ часть Люблинской и Августовской губерніи, заселенную нашимъ Русскимъ племенемъ. Мы не требовали ее до сихъ поръ, потому что оставались подъ одною державою съ Польшею, а разлученные мы будемъ говорить иначе.

И къ какимъ средствамъ вы прибѣгаете? Колоть сонныхъ,

жечь живыхъ, грабить, предательствовать? Вы иначе не можете успѣть? Такъ слабы же ваши силы и плохи ваши средства, если вы надѣетесь успѣть только измѣною, обманомъ, вѣроломствомъ.

Ну, а зачѣмъ вы грабите, безчестите, наругаетесь: вы мстите? Кому же мстите? Эти несчастные солдаты и чиновники что вамъ сдѣлали? Мало они терпѣли отъ васъ? Ихъ терпѣнію не бывало ничего подобнаго. Если бъ вы были на ихъ мѣстѣ, какъ бы вы поступали?

Наказать васъ за ваши злодѣйства мы можемъ легко. Какъ вы рѣжете и колете насъ, такъ мы имѣемъ полное право жечь и колоть васъ, не прибѣгая даже къ измѣнѣ, не сонныхъ, не безоружныхъ, а встрѣчая въ открытомъ бою. Политика государствъ слѣдуетъ ветхому завѣту: око за око, и зубъ за зубъ.—Но оборони насъ, Боже, воспользоваться такимъ ужаснымъ, хотя и законнымъ, правомъ, и поступать по вашимъ образцамъ! Пускай оно останется за вами за одними, по ученію вашихъ ксендзовъ, такъ понимающихъ христіанскую религію, религію любви, мира и терпѣнія. Поляки награждаютъ и прославляютъ убійцъ, а у насъ, мы читаемъ въ газетахъ, мстители чуть выдутъ изъ терпѣнія, и нарушатъ законы умѣренности и снисходительности, предаются военному суду, лишаются начальства, увольняются отъ службы. Русскіе солдаты, въ западныхъ губерніяхъ, ходятъ безпрестанно спасать Польскихъ помѣщиковъ и помогать имъ противъ Русскихъ крестьянъ!

Но есть еще наказаніе—построже этой временной казни:—отдать Царство Польское Пруссакамъ и Австрійцамъ. Нѣмцы рады будутъ пососать Славянской крови! Пруссакамъ и Австрійцамъ нельзя будетъ отказаться отъ этого рокового дара, потому что, отказываясь, они подвергаются опасности потерять свои земли, слишкомъ для нихъ дорогія, съ которыми имъ тяжело разставаться. Что вы думаете: Прусаки въ Варшавѣ, какъ Австрійцы въ Краковѣ, будутъ церемониться съ вами по нашему?

Наконецъ, есть еще наказаніе — уйти отъ васъ и предо-

ставить васъ себѣ самимъ, ставъ во всеоружіи на берегахъ Нѣмана и Буга, въ числѣ трехъ сотъ тысячь человѣкъ.

И на что намъ Польша? Какую пользу она приноситъ намъ, кромѣ предлога Европейцамъ къ обвиненіямъ, кромѣ ежегоднаго пожертвованія людьми и деньгами, кромѣ нескончаемыхъ заботъ?

Если мы не оставляли ея до сихъ поръ, такъ это повинуясь какому-то таинственному року, отдавшему намъ ее въ руки, или подчиняясь безсознательно нашимъ врагамъ, приложившимъ къ намъ съ умыслу эту рану, эту уязвимую *пятку*, въ благодарность за освобожденіе Европы отъ ига Наполеонова.

Вы независимы, вы самостоятельны — что же вы будете дѣлать, еслибъ даже Пруссаки, Австрійцы и вообще Нѣмцы, оставили васъ въ покоѣ, хотя это невозможно для нихъ, въ видахъ собственной безопасности? Вы начнете спорить между собою, какъ спорили прежде, какъ спорите теперь въ Парижѣ, Лондонѣ, въ Швейцаріи, въ Америкѣ, въ лагерѣ инсургентовъ; а предметовъ для спора накопилось гибель: соціализмъ и аристократическое начало, безвѣріе и католицизмъ, республика и монархія, союзъ Французскій или Англійскій,—вы съумѣете найдти и еще много!

Что же послѣдуетъ? Вы подчинитесь вліянію иностранцевъ, будете принуждены просить себѣ на престолъ Кобургскаго принца, если таковой за расходами останется, и согласится сѣсть на вашъ престолъ, болѣе Греческаго шаткій.

Да, только соединенная съ Россіей Польша можетъ надѣяться на что-нибудь высшее и лучшее, это единственный для нея полезный и возможный, почетный образъ особаго существованія, реставраціи. Такъ судила географія, исторія, судьба, народный характеръ, настоящія обстоятельства.

Но Русское Правительство управляло стѣснительно для народнаго развитія, оскорбительно для народнаго самолюбія...

Положимъ такъ. Не станемъ спорить, оправдываться, но теперь, теперь получаетъ Польша со всякимъ днемъ новыя права, точно какъ со всякимъ днемъ получаютъ новыя права

и Русскіе; жить вамъ и намъ становится легче и легче, всякія уставныя грамоты приближаются къ вамъ и къ намъ быстрыми шагами.

Вотъ чего и испугались революціонеры, съ своими особыми видами, коммуническими, соціальными и прочими; они испугались *законной свободы*, которою уничтожаются всякія революціи въ своемъ корнѣ,—и положили начать смятеніе.

Рѣшимость великаго князя Константина Николаевича принять званіе намѣстника, вслѣдъ за смертельною раною Лидерса, и пріѣхать въ Варшаву съ женою и дѣтьми, рѣшимость, которою доказывалась высокая, благородная довѣренность къ Польскому народу, не оцѣнена нисколько. Въ первой же вечеръ своего пребыванія въ Варшавѣ, великій князь получилъ награду за свой великодушный подвигъ — пулю, засѣвшую въ его шейномъ платкѣ. Поляки не имѣли никакихъ понятій ни объ его инструкціяхъ, ни объ характерѣ его будущаго управленія, а было уже рѣшено его убить. Ясно, что причиною возстанія было не настоящее правленіе.

Рекрутскій наборъ, слѣдствіе обстоятельствъ, былъ не причиною, а *предлогомъ* къ возстанію. Я не одобряю его въ данной ему формѣ, но если во всѣхъ государствахъ, самыхъ свободныхъ, такія исключительныя мѣры признаются, по временамъ, необходимыми, если Англія прекращаетъ иногда Habeas corpus, если Франція сочла нужнымъ еще недавно сослать тысячи въ Кайену, то неужели покушеніе на жизнь великаго князя, Лидерса, Велепольскаго, сведеніе въ гробъ Горчакова, болѣзнь Ламберта, смерть Герштенцвейга, и безпрестанно открываемые заговоры и возмущенія, не дали право Русскому Правительству къ этой мѣрѣ?

Мысль моя о Польскомъ вопросѣ, начиная съ 1830 г., прошла чрезъ многія фазы, она остановилась было на независимости за Нѣманомъ и Бугомъ, но вотъ возраженіе:

Оставивъ Польшу, мы должны были бы стоять всегда на стражѣ, съ многочисленными войсками, на западной границѣ, иначе она всегда будетъ подвергаться опасности вторженія.

Чуть затѣется съ кѣмъ-нибудь у Россіи война, Польша послужитъ непріятелю готовымъ бастіономъ, и выставитъ потомъ отчаянный авангардъ. Въ продолженіи мира, Польша будетъ гнѣздилищемъ всѣхъ враждебныхъ для Россіи замысловъ, — и повторится старая исторія съ прежнимъ пролитіемъ крови, съ третьимъ взятіемъ Варшавы, Воли и Праги".

Погодинъ заключаетъ: „Все это писалъ я въ совершенномъ волненіи духа, читая первыя ужасныя теллеграмы о кровавыхъ событіяхъ въ Польшѣ. Можетъ быть, я выразился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ рѣзко. Прошу прощенія у Поляковъ, которыхъ все-таки люблю отъ души, которыхъ блистательнымъ качествомъ, и преимущественно патріотизму, хоть и увлекающемуся, отдаю полную справедливость" [38]).

Статью свою о Польскомъ вопросѣ Погодинъ желалъ напечатать въ *Русскомъ Инвалидѣ*; но Д. А. Милютинъ нашелъ неудобнымъ исполнить желаніе Погодина, и писалъ ему: „Кругомъ виноватъ предъ вами, многоуважаемый Михаилъ Петровичь. Мнѣ хотѣлось непремѣнно прочитать самому вашу статью, — а между тѣмъ, времени рѣшительно не было, не только на чтеніе литературныхъ статей, но даже и на исполненіе прямыхъ служебныхъ обязанностей. Наконецъ, пристыженный послѣднимъ вашимъ письмецомъ, я улучилъ вчера полчаса времени между Комитетомъ и блинами, и проглотилъ (excusez l'expression) вашу статейку. — Но увы! — я нашелъ, что *Инвалидъ* нашъ рѣшительно не можетъ ею воспользоваться: во-первыхъ — по объему ея, невмѣстимому въ столбцы ежедневной газеты, обремененной текущими новостями, — во-вторыхъ, по самому содержанію ея, такъ какъ въ статьѣ встрѣчаются мѣста, напечатаніе которыхъ невозможно въ *Инвалидѣ*, по самому характеру изданія. — Поэтому, скрѣпя сердце, я долженъ возвратить вамъ статью, утѣшая себя тою надеждою, что увижу ее напечатанною въ какомъ-нибудь другомъ изданіи. Думаю однакожъ, что во всякомъ случаѣ цензура потребуетъ отъ васъ измѣненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженій. Еще

разъ прошу извиненія, что долго задержалъ вашу статью. Ради Бога, не сердитесь. Впредь не буду".

Во всякомъ случаѣ, статья Погодина произвела впечатлѣніе. „Польскій вопросъ твой",—писалъ Погодину Максимовичъ съ Михайловой Горы,—„прочелъ и прочелъ съ наслажденіемъ. Есть строки, проникающія даже до послѣднихъ нервныхъ узловъ, и главния мысль вѣрна совершенно".

Старый дипломатъ Н. И. Любимовъ писалъ Погодину: „Статью вашу я прочелъ еще ѣдучи сюда, въ вагонѣ,—и нашелъ ее *превосходною*. Но зачѣмъ вы помѣстили въ ней двѣ этихъ угрозы Полякамъ, — *одну*: что-де отдадимъ васъ Нѣмцамъ, вѣдь теперь эти отдачи не только не въ модѣ, но *рѣшительно невозможны*, даже при самыхъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ; а *другую* угрозу: что-де станемъ за Нѣманомъ во всеоружіи... Да они на первый разъ лучшаго и не желаютъ: удались только мы, — вотъ они и пошли формировать настоящую армію, артиллерію, и проч. и проч... Еще: зачѣмъ вы включили также эти *чувствительныя строки* изъ прежняго вашего писанія? Онѣ прежде были кстати и на своемъ мѣстѣ, а теперь уже рѣшительно нейдутъ къ дѣлу и годятся только для *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Пора для братскихъ воззваній уже *прошла*: онѣ врагами нашими принимаются только за боязнь и трусость. Но весь историческій въ оной статьѣ отдѣлъ писанъ рукою *мастера*,—и это въ высшей степени для всей читающей публики поучительно и наставительно. Статья ваша уже многими здѣсь была читана какъ я пріѣхалъ. Въ самый день моего пріѣзда, я былъ на вечерѣ у Софьи Петровны Апраксиной, гдѣ она также была читана въ присутствіи хозяйки дома и всѣхъ гостей ея: княгини Горчаковой (вдовы покойнаго намѣстника), графини Протасовой, графа Толстого и его супруги, князя Дмитрія Оболенскаго, князя Урусова (товарища оберъ-прокурора Св. Синода), — который ее и читалъ,—и нѣкоторыхъ другихъ,—и всѣ ею восхищались".

Съ своей стороны и Куникъ писалъ Погодину: „Ваша статья о Польшѣ читалась здѣсь многими, но нашли что она

слишкомъ въ Московскомъ духѣ. Я нашелъ въ ней нѣсколько сильныхъ мѣстъ, но думаю, что она будетъ невѣрно понята Поляками. Этихъ несчастныхъ нельзя излѣчить отъ ихъ мечтаній. Ихъ альфа и омега остается Западная Россія".

Я. К. Гроту показалась статья Погодина „очень справедливою и кстати написанною"; а Т. И. Филиппов прочелъ эту статью съ „чувствомъ радости за Русскій умъ".

Погодинъ жаловался П. И. Савваитову, что „не слышитъ похвалъ за свое всеусердное писаніе", и Савваитовъ его утѣшалъ: „Да, досадно, что тѣ, которые хвалятъ, не пишутъ; а кто пишетъ—не хвалитъ. Но не унывайте и пишите: будетъ время—похвалятъ, да еще какъ! А на свистопляску, право, не стоитъ обращать вниманія. Вотъ мы—люди чернорабочіе—другое дѣло: не изъ-за похвалъ бьемся, а только изъ-за куска насущнаго и—ей-ей—трудна копѣйка поденьщика! А въ нынѣшнее время, при нашихъ окладахъ, безъ особенной работы, пожалуй, придется остаться на хлѣбѣ безъ воды. Вотъ что плохо, такъ плохо. Впрочемъ, есть и утѣшеніе, хоть не питательное, а все-таки утѣшеніе, что Господь питаетъ и птенцевъ врановыхъ. И слава ему, милосердному"!

„Кто-то (дай Богъ здоровье этому кому-то!),—писалъ изъ Твери Ѳ. И. Глинка Погодину,—прислалъ мнѣ, чрезъ почту, прекрасное изложеніе вашихъ мыслей о *Польскомъ вопросѣ*. Мы тотчасъ (я и жена) кинулись читать это полное жизни изложеніе и читали, вчитывались и не могли начитаться! Въ историческомъ и логическомъ изложеніи вашемъ видишь Польшу, со всѣми ея оттѣнками, какъ въ самой отчетистой панорамѣ. Мы поѣхали по городу развозить сокровище, но вообразите, вездѣ встрѣчали отвѣтъ: *мы не видали, не читали и не знаемъ!* Какъ же вы это берете грѣхъ на душу, скрываете талантъ, да и какой еще талантъ,—современный, животрепещущій?!—Какъ это вы не напечатали особой *брошюры*, чтобъ пустить глаголы во всѣ концы земли?! Видя важность изложенныхъ вами мыслей и доступность изложенія, я подумалъ: еслибъ вы и Цензура ваша дозволили, я напечаталъ бы здѣсь, на свой счетъ,

сотни двѣ экземпляровъ и разослалъ бы ихъ по губерніи. И хорошо, и съ теплотою и заботливостью, вывели вы на свѣтъ все, что касалось Польши; но не мѣшало бы позаботиться и о Россіи. Знаете ли, что (и это въ моей губерніи), уже начинаютъ получаться, чрезъ почту, анонимыя письма, въ которыхъ приглашаютъ пристать къ возстанію, будто бы уже готовящемуся въ Россіи?—О домашнемъ-то надобно-бы подумать!!! Противъ внѣшней войны найдется XII-й годъ; а помнить бы надо, что: *враги человѣку домашніе его!* Вчера Авдотья Павловна свезла къ князю Багратіону, который (военный губернаторъ) не имѣлъ понятія о вашемъ произведеніи“ [39]).

XVI.

При первомъ извѣстіи о Польскомъ возстаніи, въ Берлинѣ, по свидѣтельству историка Зибеля, „пришли къ рѣшенію обратиться непосредственно къ личнымъ чувствамъ императора Александра II-го“.

Генералъ Густавъ фонъ-Альвенслебенъ получилъ приказаніе ѣхать сначала въ Петербургъ, а лишь оттуда въ Варшаву. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ вручить собственноручное письмо короля, получить возможно полныя разъясненія того, что произошло до сей поры, но, главнымъ образомъ, проложить путь къ соглашенію о совмѣстномъ подавленіи возстанія.

„Король, — говорилось въ инструкціи, — проникнутъ убѣжденіемъ, что интересы обоихъ правительствъ подвергаются одинаковой опасности со стороны всякаго Польскаго движенія, и что освобожденіе Польскаго элемента изъ-подъ власти императора неминуемо окажетъ вліяніе и за предѣлами Царства, подвергнувъ опасности спокойствіе, какъ въ сосѣднихъ королевскихъ провинціяхъ, такъ и въ западныхъ областяхъ Имперіи. Поэтому мы полагаемъ, что по отношенію къ Польской революціи оба двора должны выступить въ качествѣ дѣйствительныхъ союзниковъ, которымъ угрожаетъ общая опасность“.

Вслѣдствіе сего, надлежало уговориться о томъ, чтобы даны

были приказанія начальникамъ войскъ, находящимся по обѣимъ сторонамъ границы, оказывать другъ другу всякую поддержку, необходимую для возстановленія спокойствія и подавленія движенія.

„Всякій, кто въ то время слѣдилъ,—замѣчаетъ Зибель,— за тѣмъ, что творилось въ Европѣ, могъ бы назвать такой шагъ безразсудною отвагою. Пресса всѣхъ культурныхъ странъ съ ликованіемъ привѣтствовала Польскій мятежъ; единогласно произносился приговоръ осужденія Русской тираніи, беззаконнымъ будто бы рекрутскимъ наборомъ доведшей страдальческій народъ до отчаянной борьбы. Теченіе либеральное, клерикальное и національное здѣсь соединились, общественное мнѣніе имъ сочувствовало и они имѣли защитниковъ у всѣхъ могущественныхъ державъ. Нужна была твердая рѣшимость, чтобы выступить противъ общаго натиска и открыто стать на сторону одиноко стоявшей Россіи, отъ которой всѣ отвернулись. Именно благодаря этимъ обстоятельствамъ, императоръ оказалъ Прусскому генералу вдвойнѣ милостивый пріемъ. Чѣмъ болѣзненнѣе отзывалось въ сердцѣ монарха направленная на него буря, тѣмъ освѣжительнѣе на него подѣйствовало появленіе миссіи, заявившей о надежномъ дружескомъ расположеніи. Онъ отъ всего сердца пожалъ протянутую союзникомъ руку. Альвенслебенъ, между прочимъ, убѣдился, что Велепольскій у императора еще въ милости. Александръ II съ участіемъ и негодованіемъ сообщилъ о двухъ новыхъ попыткахъ отравить этого выдающагося человѣка. Вообще,—писалъ Альвенслебенъ, — Велепольскій имѣетъ здѣсь сильную партію. Въ Русскомъ народѣ настроеніе двоякое: съ одной стороны, бѣшеная ненависть къ злодѣйскимъ убійствамъ, съ другой — мнѣніе, что Россія не имѣетъ ни малѣйшей выгоды въ господствованіи надъ Польшею. Но императоръ непоколебимо держался своей точки зрѣнія: какъ можно скорѣй подавить возстаніе и затѣмъ ввести въ краѣ возможно лучшее управленіе. По его повелѣнію, князь Горчаковъ предложилъ Прусскому генералу изложить въ письменной конвенціи необходимыя мѣро-

пріятія. Альвенслебенъ не имѣлъ на то ни порученія, ни полномочій, но видя, что дѣло не сложно, не нашелъ основаній къ тому, чтобы уклониться отъ предложенія вице-канцлера, и 6-го февраля 1863 года, послалъ проектъ такой конвенціи въ Берлинъ. Въ силу ея, по просьбѣ Русскаго или Прусскаго главнокомандующаго, или тѣхъ или другихъ пограничныхъ властей, начальники отдѣльныхъ частей войскъ были уполномочены оказывать другъ другу помощь, въ случаѣ нужды, для преслѣдованія повстанцевъ, переходящихъ границу государства. Затѣмъ слѣдовала еще одна статья, по просьбѣ князя Горчакова, секретная: Прусскому главнокомандующему обѣщано сообщать всѣ свѣдѣнія о проискахъ Поляковъ по отношенію къ Познани. Король Вильгельмъ на все изъявилъ свое согласіе и пожелалъ лишь взаимности для секретной статьи. Князь Горчаковъ добавилъ къ проекту еще одно условіе, которое, въ сущности, все уничтожало: соглашеніе остается въ силѣ, пока того требуетъ положеніе дѣлъ и пока оба двора считаютъ его полезнымъ. Договоръ, отъ котораго каждая сторона можетъ во всякое время отступиться, строго говоря, едва ли можетъ назваться договоромъ. 8-го февраля 1863 года документъ этотъ былъ подписанъ Альвенслебеномъ и княземъ Горчаковымъ; ратификаціи монарховъ не было. Князь Горчаковъ, которому миссія Альвенслебена была донельзя непріятна во всѣхъ отношеніяхъ, рѣшилъ инымъ путемъ найти себѣ воздаяніе за причиненную ему Пруссіей въ Петербургѣ досаду, 9-го февраля онъ поспѣшилъ сообщить Французскому посланнику, герцогу Монтебелло, текстъ заключенной конвенціи. Впрочемъ, самъ Бисмаркъ не былъ склоненъ дѣлать тайны изъ существенныхъ частей конвенціи. Почти половина Прусскаго войска, четыре корпуса изъ девяти, была приведена на военное положеніе и разставлена вдоль всей Польской границы“.

Но Наполеонъ III, которому, какъ пишетъ Оливье, „надоѣла его пассивная роль, усмотрѣлъ въ томъ законномъ и безобидномъ договорѣ поводъ къ активному вмѣшательству, тѣмъ болѣе заманчивый, что оно относилось не къ Россіи, его союз-

ницѣ, а къ Пруссіи, съ которой онъ состоялъ только въ дипломатическомъ кокетствѣ. Онъ прежде всего высказалъ свое неудовольствіе Прусскому посланнику Гольцу въ грустныхъ, но ласковыхъ выраженіяхъ, что еслибъ Австрія сдѣлала такой промахъ, ему было бы все равно; но со стороны Пруссіи, это глубоко огорчаетъ его.

Между тѣмъ, Друэнъ-де-Люисъ повысилъ тонъ и сразу сдѣлалъ крупный и весьма важный шагъ. Онъ поручилъ Французскому посланнику Талейрану представить Бисмарку возраженіе противъ конвенціи, по которой Пруссія принимала на себя отвѣтственность за репрессивныя мѣры Россіи. Бисмаркъ нашелъ вполнѣ естественнымъ, что Наполеонъ считается съ общими симпатіями, вызываемыми во Франціи Польскимъ движеніемъ, но просилъ его тоже найти естественнымъ, что Пруссія ихъ не раздѣляетъ. Возстановленіе Польши было бы для нея смертнымъ приговоромъ; изъ трехъ участвовавшихъ въ дѣлежѣ державъ, она одна ни подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться отъ выпавшей ей доли. Потеря Галиціи не нанесетъ существеннаго ущерба Австріи; Россіи даже выгодно было бы отказаться отъ Царства Польскаго, и не имѣть больше тѣхъ хлопотъ и осложненій, съ которыми она борется столько лѣтъ. Но для Пруссіи, потеря ея Польскихъ владѣній равнялась бы расчлененію, такъ какъ важныя провинціи, составляющія, такъ сказать, колыбель монархіи, оказались бы отдѣленными отъ центра государства.

— Что касается меня,—сказалъ Бисмаркъ,—еслибъ надо было выбирать, я предпочелъ бы, чтобъ Франція завладѣла Бельгіею и даже еще отодвинула свои границы, чѣмъ чтобъ Пруссія отказалась отъ территоріальныхъ премуществъ, которыя дало ей раздѣленіе Польши.

Талейранъ, совершенно устраняя эти предположенія, опять вернулся къ конвенціи.

— Я нахожу ее несвоевременной, — сказалъ онъ, — компрометирующей и, по меньшей мѣрѣ, ненужной.

— Ненужной!—вскричалъ Бисмаркъ,—не согласенъ. Во-

первыхъ, она произвела очень полезное нравственное воздѣйствіе; инсургенты, зная какой пріемъ ихъ ожидаетъ на нашихъ границахъ, удалились и направились на Галицію, гдѣ Русскіе, успокоенные нашимъ отношеніемъ, ихъ успѣшно преслѣдовали; однимъ словомъ, мы охладили возстаніе и ободрили Россію, а я боялся, что она падетъ духомъ!

— Какъ это возможно?—замѣтилъ Талейранъ.—Я думаю, она заинтересована не меньше Пруссіи и у нея хватитъ силъ и возможности отстоять свое право.

— Ошибаетесь. Въ Россіи есть либеральная партія, весьма многочисленная, которая давно желала отказаться отъ Польши и съ прискорбіемъ видитъ, какихъ жертвъ денежныхъ и человѣческихъ стоитъ это владѣніе. Князь Орловъ *), котораго вы хорошо знаете, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ этой партіи, да и я самъ, будь я русскій, раздѣлялъ бы, вѣроятно, этотъ взглядъ".

Зибель сообщаетъ намъ также разговоръ Бисмарка (11 февраля 1863) съ Англійскимъ посланникомъ Букананомъ, по поводу того же предмета:

„Посланникъ спросилъ, дозволяется ли войскамъ переходить границу. Бисмаркъ отвѣтилъ утвердительно и категорически заявилъ, что Пруссія никогда не потерпитъ существованія на своей границѣ независимой Польши.

— А если,—сказалъ Букананъ,—Поляки выгонятъ Русскихъ? Вѣдь можетъ же это случиться?

— Тогда, — отвѣтилъ Бисмаркъ, — мы попытаемся сами занять Царство, чтобы помѣшать возникновенію враждебной намъ державы.

— Этого Европа никогда не допуститъ!—воскликнулъ Букананъ, и повторилъ это неоднократно.

Бисмаркъ коротко спросилъ:

— Кто такое Европа?

— Разныя большія націи,—отвѣтилъ посланникъ.

---

*) Николай Алексѣевичъ. *Н. Б.*

— Пришли ли вы уже къ соглашенію?—спросилъ Бисмаркъ.

Букананъ уклонился отъ положительнаго отвѣта и заявилъ только, что Франція находится въ невозможности допустить новое порабощеніе Польши.

— Для насъ, — повторилъ Бисмаркъ, — подавленіе возстанія вопросъ жизни и смерти,—и закончилъ разговоръ примѣчаніемъ, что безполезно распространяться о случайностяхъ, которыя трудно предвидѣть".

Наконецъ, 21-го февраля 1863 года, заговорилъ правительственный органъ *Constitutionel*: „Польское возстаніе должно было считаться дѣломъ внутренней политики. Вмѣшательство Пруссіи придало ему значеніе Европейскаго вопроса. Поступокъ Пруссіи осуждается единогласно. Пруссія могла убѣдиться, что сдѣлала большую ошибку, объявивъ съ Россіей свою солидарность, которая не существуетъ. Договоръ, отъ 8-го февраля, поставилъ и Россію и Пруссію въ фальшивое положеніе. Надо опасаться, чтобы рвеніе Пруссіи въ дѣлѣ помощи Россіи противъ Польскаго возстанія не указало Европѣ возобновленное на картѣ давнее названіе Польши и чтобы Европа не усмотрѣла въ немъ, вмѣсто возстанія подданныхъ противъ своего Правительства, проявленіе народнаго возрожденія. Это можетъ обусловить собою большую пертурбацію въ Европѣ. И какое время избрала Пруссія, принимая на себя всю отвѣтственность? То время, когда Франція подаетъ примѣръ самаго добросовѣстнаго исполненія трактатовъ и величайшей политической умѣренности, заглушая въ себѣ живыя симпатіи къ Полякамъ и воздерживаясь отъ выраженія добрыхъ чувствъ своимъ старымъ несчастнымъ союзникамъ. Мы надѣемся, что близкое знакомство съ договоромъ разсѣетъ большую часть нашихъ опасеній; во всякомъ случаѣ есть у Пруссіи друзья, которые могутъ ей дать добрый совѣтъ. Пруссія знаетъ, что вся либеральная Европа задумается надъ нарушеніемъ принципа невмѣшательства".

На обратномъ пути изъ Петербурга Альвенслебенъ остановился въ Варшавѣ и нашелъ, что великій князь-намѣст-

никъ и ближайшіе его совѣтники были увѣрены въ побѣдѣ надъ мятежниками и раздражены по поводу конвенціи, свидѣтельствовавшей о необходимости посторонней помощи [40]).

Управляющій Дипломатическою Канцеляріею намѣстника, Тенгоборскій, писалъ Русскому посланнику въ Берлинъ: „Для насъ не существуетъ смертельной опасности и мы не доведены еще до того, чтобы нуждаться въ содѣйствіи иностранныхъ войскъ... Прусское Правительство рисуетъ чорта гораздо страшнѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности“ [41]).

XVII.

Повѣяло войною. Но чтобы приготовиться къ ней, Русское Правительство рѣшило до поры придержать гнѣвъ свой на вмѣшательство иностранцевъ въ наши внутреннія дѣла. Съ этою цѣлію вице-канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, по свидѣтельству М. Н. Муравьева, „склонилъ государя къ изданію манифеста объ амнистіи всѣхъ Поляковъ, которые положатъ оружіе къ 1 мая 1863 года“ [42]).

Въ первый день Пасхи, былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ читаемъ: „При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Царствѣ Польскомъ мятежѣ, мы, по движенію нашего сердца, провозгласили, что не винимъ Польскій народъ за волненія, для него самого наиболѣе пагубныя. Мы относили ихъ единственно къ возбужденіямъ, издавна приготовленнымъ внѣ Царства нѣсколькими лицами, въ которыхъ многолѣтняя скитальческая жизнь утвердила привычку къ безпорядкамъ, насилію, тайнымъ замысламъ и крамоламъ, погасила самыя возвышенныя чувства къ человѣчеству, и возбудила даже рѣшимость запятнать народную честь преступленіемъ. Всѣ эти проявленія другого времени, надъ которымъ Исторія уже давно произнесла свой приговоръ, не соотвѣтствуютъ болѣе духу нашей эпохи. Настоящее поколѣніе должно имѣть цѣлью не потоками крови, но путемъ мирнаго развитія доставить благоденствіе странѣ. Эту же цѣль и мы себѣ предначертали, когда, въ упо-

ваніи на покровительство Божіе, дали обѣтъ предъ Всемогущимъ и предъ собственною совѣстью, посвятить нашу жизнь благу нашихъ народовъ. Но къ полному и всестороннему осуществленію сего обѣта, для насъ всегда священнаго, намъ нужна помощь всѣхъ людей благомыслящихъ, искренно преданныхъ своей родинѣ, и понимающихъ эту преданность не въ своекорыстныхъ преступныхъ порывахъ, а въ охраненіи общественнаго спокойствія, законами утвержденнаго. Въ нашихъ заботахъ о будущности края мы готовы всѣ происшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія-либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1-го будущаго мая. На насъ лежитъ священная обязанность охранять край отъ возобновленія волненій и безпорядковъ и открыть новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія. Мы положили эту основу въ дарованныхъ нами Царству установленіяхъ, но, къ искреннему нашему прискорбію, успѣхъ ихъ еще не могъ быть извѣданъ на опытѣ, вслѣдствіе превратныхъ внушеній, поставившихъ мечтательныя увлеченія на мѣсто того порядка, безъ котораго немыслимо никакое преобразованіе. Сохраняя и нынѣ эти установленія во всей ихъ силѣ, мы предоставляемъ себѣ, когда они будутъ испытаны на самомъ дѣлѣ, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны. Только довѣріемъ къ этимъ намѣреніямъ нашимъ можно будетъ Царству Польскому изгладить слѣды минувшихъ бѣдствій и надежно идти къ цѣли, предназначаемой нашею о немъ попечительностію. Мы же, съ нашей стороны, испрашиваемъ помощь отъ Бога

на довершеніе всего, что постоянно считали нашимъ въ семъ дѣлѣ призваніемъ“ [43]).

„У насъ здѣсь все обстоитъ такъ скверно“,—писалъ И. С. Аксаковъ Вѣнскому протоіерею Раевскому,—„что и писать не хочется. Сейчасъ прочелъ манифестъ, объявляющій амнистію Полякамъ, если они положатъ оружіе къ 1 мая (т.-е., 30 апрѣля они еще могутъ рѣзать и потрошить Русскихъ солдатъ: пусть только 31 апрѣля смирятся). Вмѣстѣ съ симъ обѣщается имъ расширеніе политическихъ правъ, хотя и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Манифестъ этотъ возбуждаетъ сильное неудовольствіе въ Россіи, какъ свидѣтельство уступки, вслѣдствіе угрозъ иностранныхъ державъ“ [44]).

Но въ передовой статьѣ Аксакова читаемъ иное: „Въ самый Свѣтлый день Христова Воскресенія, вмѣстѣ съ мѣднымъ гуломъ колоколовъ, благовѣстившимъ міру христіанскую радость, *праздникомъ праздникъ и торжество изъ торжествъ*,— Россія, устами своего государя, произнесла прощеніе и забвеніе обидъ еще воюющимъ и обидящимъ, еще противящимся Полякамъ. Россія переборола въ себѣ оскорбленное чувство народной чести, нетерпящаго ничьего дерзкаго, вооруженнаго посягательства; она усмирила въ себѣ пыла, вполнѣ законнаго и справедливаго въ каждомъ Русскомъ негодованія, въ виду мучительной смерти Русскихъ солдатъ, въ виду стольких жертвъ Польскаго неистовства и злобы, и несмотря на то, что еще льется кровь, что мятежъ еще не совсѣмъ подавленъ,—самая широкая амнистія возвѣщена царскимъ манифестомъ 31 марта всѣмъ Полякамъ безъ исключенія, которые положатъ оружіе къ 1 мая. Цѣлый мѣсяцъ срока и заранѣе прощеннаго сопротивленія! Подобныхъ великодушныхъ условій сдачи не предлагалъ врагу еще ни одинъ побѣдитель... Есть время образумиться! Такъ миловать имѣетъ право только сила, вполнѣ себя сознающая и увѣренная въ окончательной побѣдѣ; такое великодушіе оправдывается только могуществомъ, которому нечего опасаться упрековъ въ слабости, столько щекотливыхъ для самолюбія слабыхъ. Но и для мо-

гущества есть предѣлы. Далѣе тѣхъ крайнихъ предѣловъ милосердія, какіе обозначены манифестомъ 31 марта, идти нельзя, было бы постыдной уступкой, — и горько обманется Европа, и сама горько обманетъ Польшу, если дерзнетъ насиловать снисходительность Русскаго государя, если предъявитъ какія бы то ни было *требованія*, сверхъ дарованнаго и обѣщаннаго въ манифестѣ. При одномъ слухѣ объ Европейскихъ угрозахъ, при одной мысли о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 года, вскипѣло и вскипитъ негодованіе во всѣхъ слояхъ Русскаго населенія, и если бы только найдено было средство услышать голосъ Русской Земли, онъ смутилъ бы Европу, привыкшую считать Русскій народъ нѣмою, бездушною силою. Всѣ мнимые или, вѣрнѣе сказать, только на поверхности общества разыгрывающіеся недуги — космополитизма, федерализма, коммунизма, всѣ эти уродливыя порожденія пашей общественной Исторіи отскочутъ, снимутся какъ рукой—при первыхъ призывныхъ звукахъ народнаго голоса, всѣ и все увлекутся общимъ потокомъ народнаго чувства" [45]).

Съ своей стороны, Катковъ писалъ: „Когда надъ Польшею тяготѣла строгая и крѣпкая рука, она была спокойна, ея выходцы сидѣли въ безсильной праздности по всѣмъ угламъ Европы... Европейскіе доброжелатели Польши хранили молчаніе и полнѣйшее равнодушіе къ судьбамъ этой страны... И вотъ, измѣнился старый порядокъ... Польское національное чувство получило возможность дышать свободно... политическіе преступники возвращены изъ ссылки. Понадобилось въ школахъ учить по-Польски: стали учить по-Польски; понадобился университетъ: данъ университетъ; управленію края предоставлена полная автономія; ...административныя должности поручены Полякамъ, и люди Русскаго происхожденія уволены въ угоду національной щекотливости; во главу гражданскаго управленія поставленъ человѣкъ, маркизъ Велепольскій,—принадлежавшій къ ревностнѣйшимъ Польскимъ патріотамъ, воспитаннымъ на мысли о возстановленіи Польши, — одинъ изъ дѣятелей возста-

нія 1831 года, человѣкъ съ твердой волей, искусный политикъ, и, по признанію зрѣлыхъ людей изъ Поляковъ, несравненно болѣе способный оказать услуги Польскому дѣлу, чѣмъ всѣ прочіе ревнители, взятые вкупѣ... Чего же еще могла желать Польша?.. Всѣ эти облегченія и условія, которыми обезпечивались надежды на спокойное развитіе, послужили къ тому, чтобы вдругъ все заходило и заколебалось и наконецъ произвело вооруженное возстаніе... Пришла въ движеніе Европа, и вдругъ возросъ до громадныхъ размѣровъ Польскій вопросъ, еще такъ недавно бывшій всеобщимъ посмѣшищемъ"...

Въ заключеніе Катковъ спрашиваетъ: „Что́ же предстоитъ теперь дѣлать намъ, по прочтеніи высочайшаго манифеста? Должны ли мы считать дѣло конченнымъ, успокоить наше патріотическое чувство?... Нѣтъ! Если когда, то теперь должно громко заговорить наше Русское чувство. Теперь, теперь должны мы дать ему полный ходъ и полную силу его выраженію. На насъ лежитъ долгъ показать Европѣ, въ какомъ единственномъ смыслѣ Русское чувство понимаетъ этотъ манифестъ и предупредить иныя толкованія" [46]).

По мнѣнію М. Н. Муравьева, манифестъ объ амнистіи „послужилъ къ вящшему поощренію Поляковъ къ мятежу. Они увидѣли изъ него страхъ, обуявшій наше Правительство, и Западныя державы еще болѣе стали настаивать на исполненіи ихъ требованій насчетъ Польши".

Между тѣмъ, по свидѣтельству историка Зибеля, „Польскіе комитеты въ Парижѣ, Лондонѣ, Познани и Галиціи усиленно работали. Несмотря на всякія пограничныя заставы, они доставляли добровольцевъ, оружіе, снаряды, собирали значительныя суммы денегъ и во всѣхъ уголкахъ страны распространяли извѣстіе о вмѣшательствѣ Европы. Послѣдствіемъ было новое усиленіе уже погасавшаго возстанія, умноженіе и усиленіе бандъ и мятежъ Польскаго дворянства въ Литвѣ и Волыни. Варшавское народное правительство расширило свои учрежденія и усилило пріемы устрашенія; всякій неповинующійся его приказаніямъ подвергался поджогу, ограбленію или смерти".

Въ воскресенье, 12-го апрѣля нов. ст., 1863 г., въ Редакціи *Часа* была получена телеграмма, извѣщавшая объ амнистіи Полякамъ, объявленной императоромъ Александромъ II. Телеграмма гласила: „Объявленъ манифестъ царя Александра, обѣщающій амнистію, подъ условіемъ сложенія мятежниками оружія къ 1-му мая стараго стиля и дальнѣйшее веденіе организаціи Царства Польскаго, начатой маркизомъ Велепольскимъ". Телеграмма эта была послана изъ Варшавы вслѣдствіе появившагося въ прибавленіи къ *Всеобщему Дневнику*, отъ 12-го апрѣля 1863 года, слѣдующаго сообщенія: „Его императорское высочество великій князь-намѣстникъ получилъ сегодня изъ С.-Петербурга слѣдующую телеграмму: Сегодняшнимъ манифестомъ для Царства Польскаго объявлена полная амнистія всѣмъ тѣмъ, которые сложатъ оружіе къ 1 (13) мая текущаго года, за исключеніемъ лицъ, совершившихъ частныя преступленія. Дарованныя учрежденія сохраняются неприкосновенно. Императоръ предоставляетъ своему благоусмотрѣнію ихъ развитіе, соотвѣтственно нуждамъ страны и времени, въ видѣ опыта и по мѣрѣ того довѣрія, которое встрѣтятъ монаршія намѣренія".

Указомъ отъ того же числа объявляется такая же амнистія для Западныхъ губерній. „Всѣ поняли",—писалъ Станиславъ Козьминъ, редакторъ *Часа*,—„что наступилъ моментъ, который рѣшаетъ будущность, но никто не зналъ какъ къ нему отнестись. Адамъ Потоцкій и Генрихъ Водзицкій высказались за принятіе амнистіи и упрашивали Козьмина написать въ этомъ духѣ статью въ ближайшемъ нумерѣ *Часа*; они выставляли амнистію, какъ посланный Провидѣніемъ выходъ изъ того отчаяннаго по истинѣ положенія, въ которое повергнуто было возстаніе ожиданіемъ чужеземной помощи. Козьминъ и Александръ Шукевичъ высказались въ томъ смыслѣ, что статья *Часа* въ пользу амнистіи останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ какъ общество ожидаетъ большаго отъ вмѣшательства державъ. Тогда Адамъ Потоцкій въ порывѣ благороднаго негодованія воскликнулъ: *Вся кровь, пролитая отнынѣ, падетъ на ваши головы*, и ушелъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы извѣстіе о двухъ столь важныхъ фактахъ, какъ указъ объ амнистіи и посылка нотъ державами въ Петербургъ, пришли почти одновременно въ Редакцію Краковскаго *Часа*. Если бы второе опоздало на нѣсколько часовъ, амнистія была бы принята и наступилъ бы конецъ заблужденію, вызвавшему возстаніе“ [47]).

По свидѣтельству Татищева, „отвѣтомъ на царскій призывъ къ примиренію послужили два воззванія подпольнаго центральнаго комитета. Въ первомъ изъ нихъ отвергалось обѣщанное прощеніе тѣмъ изъ мятежниковъ, которые изъявятъ покорность; вторымъ—означенный комитетъ присвоилъ себѣ названіе народнаго правительства и конечною цѣлію возстанія провозгласилъ: *полную независимость Польши*, *Литвы и Руси*, какъ нераздѣльныхъ частей единаго государства Польскаго“ [48]).

XVIII.

Между тѣмъ, въ Европѣ, по свидѣтельству Каткова, „изъ конца въ конецъ, отъ Стокгольма до Неаполя, отъ Парижа и Лондона до Берлина, все громче и громче раздавались возгласы противъ Россіи. Изъ рѣчей на публичныхъ собраніяхъ и въ законодательныхъ палатахъ, изъ журнальныхъ статей и дипломатическихъ актовъ составился дружный хоръ устремленныхъ къ намъ обвиненій, нареканій, требованій“ [49]).

5 февраля 1863 г., протоіерей Іосифъ Васильевъ изъ Парижа писалъ преосвященному Леонтію: „Въ Парижѣ теперь жить тяжело; ужасная ненависть къ намъ высказывается въ разговорахъ и журналахъ. Брань, клевета, ложныя извѣстія—все идетъ въ дѣло мнимой мученицы Польши. За что такъ ненавидятъ добрую Россію? Не за то-ли, что она величіемъ своимъ возбуждаетъ зависть? За что такъ злы на Православную Церковь? Безъ сомнѣнія за то, что она хранитъ залогъ чистой вѣры и служитъ обличеніемъ Римскихъ и другихъ заблужденій. Особенно враждебны къ намъ ультрамонтанскіе журналы за возсоединеніе уніатовъ, которыхъ надѣются опять къ себѣ за-

влечь посредствомъ Польскаге мятежа. Здѣшніе епископы, какъ напримѣръ, кардиналъ Бордосскій, публиковали посланія въ пользу Польши и побуждаютъ своихъ чадъ къ денежнымъ приношеніямъ“ [50]).

Никитенко, въ Дневникѣ своемъ, (14 февраля 1863) записалъ: „Говорятъ, Викторъ Гюго написалъ прокламацію къ Полякамъ. Что же дѣлать другого, какъ не возмущать общество этому высокопарному пустомелѣ, который, проповѣдуя равенство, такъ хорошо умѣетъ обдѣлывать свои собственныя дѣла. Вотъ онъ и сейчасъ преподнесъ Европѣ, продавъ ей за четыреста тысячъ франковъ, новый геніальный продуктъ своего уродливаго воображенія. Вообще странна ненависть Европейской печати къ Россіи и радости ея при видѣ замѣшательства въ ней“. Въ томъ же *Дневникѣ* читаемъ: „Былъ Гиляровъ... Съ кѣмъ изъ умныхъ и честныхъ людей ни говори, все слышишь одно и то-же: ужасное время переживаетъ Россія. По дѣламъ Польскимъ намъ угрожаетъ вмѣшательство Европы, которая съ чудовищною непонятною ненавистью, кажется, готова растерзать въ клочки Россію. . . . Боже мой! при такихъ государственныхъ людяхъ, какими теперь мы богаты, немудрено и пасть Россіи. Ни сильной мысли, ни твердой воли, ни живого патріотическаго чувства, которыя бы сообщались другимъ“ [51])!

„Душевная тревога“,—писалъ изъ Парижа В. П. Боткинъ Фету,—„произведенная во мнѣ Польскимъ возмущеніемъ, не утихаетъ и стала хроническою. Читать иностранныя газеты нѣтъ возможности; до такой степени онѣ полны клеветами и ненавистью къ Россіи. Всѣ рады возможности ослабить и уничтожить Россію; наша одна надежда на силу и мощь Россіи. Я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ такой національной струны, которая теперь обнаружилась; все другое замерло во мнѣ“ [52]).

Прочитывая рѣчи, произнесенныя въ февральскихъ засѣданіяхъ Французскаго Сената, Катковъ испытывалъ разнообразныя впечатлѣнія: „То кажется“,—писалъ онъ,—„что вотъ собрались для обсужденія великаго политическаго вопроса люди серьезные, дѣльные, свѣдущіе; то вдругъ переносимся изъ

государственнаго собранія въ балаганъ, гдѣ Французскій принцъ крови разыгрываетъ представленіе для потѣхи публики. Ни министры, ни сенаторы не придаютъ никакого серьезнаго значенія своимъ занятіямъ, и каждый изъ нихъ заботится о томъ, чтобы искуснѣе сыграть назначенную ему роль. Во всемъ чувствуется только фальшь... Одинъ долженъ говорить такъ, чтобы задобрить и расположить въ пользу императорской фамиліи самыхъ завзятыхъ революціонеровъ цѣлой Европы; другой такъ, чтобы задобрить Россію; третій такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы... Но вотъ, на сцену выступаетъ принцъ Наполеонъ, и начинается представленіе. *Чего я хочу*,—спрашиваетъ онъ: *Войны? Нѣтъ*.

Это принцъ знаетъ что такое война... То ли дѣло жить себѣ не въ свою голову, на дачѣ въ Елисейскихъ поляхъ, и съ задняго крыльца принимать къ себѣ и угощать на славу вліятельныхъ людей изъ революціонныхъ партій всѣхъ странъ Европы!

Такъ, значитъ, принцъ хочетъ мира?

Нѣтъ, я не хочу мира, отвѣчаетъ онъ: *что можно сдѣлать, до какихъ предѣловъ можно идти, я не знаю, я не долженъ знать*, прибавляетъ онъ съ видомъ человѣка, посвященнаго во всѣ тайны и революціонеровъ и императорскаго Французскаго Правительства.

Я допускаю, что вы ничего не сдѣлаете для Польши; но императоръ (т.-е. Наполеонъ III), *онъ сдѣлаетъ что нибудь, я въ томъ убѣжденъ. Я вѣрю* въ его намѣренія *и въ его сердце*.

Увѣренность эту придаетъ ему отчасти видъ государственнаго министра Франціи, графа Валевскаго, который въ свою молодость храбро исполнилъ долгъ Польскаго патріота на поляхъ битвы при Гроднѣ и Остроленкѣ, и былъ потомъ дипломатическимъ агентомъ революціоннаго Польскаго правительства въ Лондонѣ.

Должно спѣшить,—продолжаетъ царственный ораторъ: *дѣйствуйте какъ можно скорѣе; какъ? я не знаю, я не могу*

знать; но дѣйствуйте. Возстаніе будетъ длиться, пока оно будетъ поощряемо.

И такъ, вотъ что значатъ эти загадочныя слова: *я не хочу войны, я не хочу и мира.* Двоюродный братъ императора Французовъ, подавившаго революцію въ своей странѣ, хочетъ, чтобы революція поддерживалась въ Польшѣ и въ Россіи. Его посѣтители съ задняго крыльца, за бокаломъ Шампанскаго, сообщили ему о Россіи множество интересныхъ свѣдѣній; но принцъ не выдаетъ всей ихъ тайны... *Освобожденіе крѣпостныхъ*, говоритъ онъ, *породило неудовольствіе во всѣхъ: и въ дворянахъ, и въ крестьянахъ. Россія можетъ имѣть нужду во всѣхъ своихъ силахъ внутри своего собственнаго государства*" [53]).

По свидѣтельству Станислава Козьмина, „отъ Валевскаго, главнаго совѣтника Наполеона III-го, шли вѣсти, что на помощь Франціи разсчитывать нельзя. Левъ Ржевусскій говорилъ: *Императоръ не любитъ блюдъ, не имъ изготовленныхъ.* Наконецъ, *5-го февраля*, Гюяръ Деляленъ и Жюль Фавръ, въ засѣданіи законодательнаго собранія, высказались въ пользу Польши. На это возразилъ Билло (министръ безъ портфеля) слѣдующее: „Правительство не считаетъ для себя удобнымъ входить въ обсужденіе предложеннаго вами вопроса. Франція не потеряла давнишней симпатіи къ Польшѣ, но не думаетъ,— и Правительство съ этимъ согласно,—что эта страна скорѣе могла бы разсчитывать получить автономію по волѣ великодушнаго нынѣ царствующаго императора Александра II, чѣмъ на то, чтобы пріобрѣсть ее настоящимъ возстаніемъ, которое, напротивъ, можетъ навлечь на этотъ несчастный край новыя бѣдствія. Императорское Французское Правительство слишкомъ благоразумно, чтобы пустыми словами поджигать революціонныя страсти, и слишкомъ цѣнитъ свое достоинство и достоинство Франціи, чтобы позволялось, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, повторять въ адресѣ безполезныя слова и безплодные протесты".

Въ Moniteur'ѣ было опубликовано письмо Наполеона III-го къ Билло, въ которомъ читаемъ: „Только что прочиталъ вашу рѣчь",—писалъ императоръ,—„я очень счастливъ, что нашелъ въ

ней вѣрное изложеніе моей политики. Вы съумѣли помирить наши симпатіи къ дѣлу, которое дорого для Франціи, съ уваженіемъ, должнымъ иностраннымъ державамъ и правительствамъ. Ваши слова во всѣхъ отношеніяхъ согласуются съ моими мыслями. Всякое другое толкованіе моихъ чувствъ я отвергаю".

Вообще не всѣ государственные люди Франціи стояли на сторонѣ вмѣшательства въ Польскія дѣла, къ числу послѣднихъ принадлежали Морни и министръ Финансовъ Фульдъ.

Пораженіе Лангевича, паденіе диктаторства и возстановленіе тайнаго правительства поколебали на время надежды Поляковъ. Въ разговорѣ съ княземъ Владиславомъ Чарторыйскимъ Наполеонъ, узнавъ, что диктаторъ разбитъ, сказалъ:

— Теперь все кончено, гибель неминуема и трудно что-либо предпринять.

Чарторыйскій объяснилъ, что паденіе Лангевича не что иное, какъ пораженіе одного отряда, что партизанская война, единственно возможная при данныхъ условіяхъ, продолжается попрежнему и что если только необходимо, можно организовать новые отряды. На это Наполеонъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Если это такъ, то еще посмотримъ; потому что, если бы возстаніе прекратилось, то, очевидно, не было бы повода для вмѣшательства державъ".

Отель Ламберъ прислалъ въ Галицію съ нарочнымъ курьеромъ весьма неблагопріятныя для Польскаго дѣла вѣсти. Отель Ламберъ считалъ возстаніе дѣломъ безразсуднымъ и прямо мѣшавшимъ осуществленію предпринятыхъ Наполеономъ III плановъ, для болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія Польскаго вопроса на почвѣ мирныхъ переговоровъ съ Россіей, и потому совѣтовалъ немедленно пріостановить революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ.

Принимая все это въ соображеніе, Станиславъ Козьминъ съ другими дѣятелями Галиціи старались всѣми мѣрами удержать ее отъ участія въ возстаніи и надѣялись, что въ Царствѣ Польскомъ оно вскорѣ прекратится; что такъ называемые бѣлые одумаются и удержатъ революціонную партію въ гра-

ницахъ законности. Владиміръ Целецкій, посланный изъ Галиціи въ Варшаву, чтобы узнать мнѣніе бѣлыхъ, привезъ отвѣтъ, гласящій:—Не присоединяться къ возстанію, но признать его народнымъ".

Между тѣмъ, 16-го февраля новаго стиля 1863 года, была получена Козьминымъ, въ Краковѣ, шифрованная телеграмма отъ представителей отеля Ламберъ изъ Парижа, гласившая, что всѣ прежнія инструкціи слѣдуетъ забыть, что обстоятельства измѣнились, что борьбу слѣдуетъ продлить возможно дольше и что обо всемъ будетъ подробно сообщено письменно. Телеграмма эта произвела переворотъ въ мнѣніи благомыслящей части общества, до сихъ поръ осуждавшей возстаніе. Она подала надежду на вмѣшательство иностранныхъ державъ, въ которое вѣрило все тогдашнее Польское общество, воспитанное на идеѣ возстановленія Польши Европой. Этой телеграммѣ вскорѣ стали вторить полуофиціальныя Французскія газеты. Надо замѣтить, что къ этому времени стало извѣстнымъ о заключеніи, 8-го февраля, между Россіей и Пруссіей договора.

Чтобы убѣдиться окончательно собственными глазами и ушами въ доброжелательствѣ Наполеона, былъ посланъ въ Парижъ Людвигъ Водзицкій, который видѣлся съ дѣятелями отеля Ламберъ, говорилъ съ министрами Друэнъ-де-Люисомъ и Валевскимъ и наконецъ съ личнымъ секретаремъ Наполеона. Изъ этихъ разговоровъ можно было заключить, что Польское дѣло, со времени раздѣла, не имѣло еще никогда такихъ многообѣщающихъ видовъ на благопріятный оборотъ, какъ въ то время. Валевскій увѣрялъ, что Французское Правительство вошло въ сношеніе съ Англіей и Австріей съ тѣмъ, чтобы требовать отъ Россіи возстановленія существовавшаго до 1831 г. порядка вещей, что въ случаѣ отказа имѣлось въ виду возстановленіе Польши съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ на тронѣ. При этомъ Валевскій прибавилъ: *старайтесь продлить возстаніе и расширить его границы.*

— Распространите,—говорилъ секретарь Наполеона,—„воз-

станіе на возможно большій районъ, такъ какъ это будетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе территоріи, для которой будетъ потребовано возстановленіе народныхъ правъ. Водзицкій вернулся въ Краковъ полный надеждъ и съ тѣхъ поръ вопросъ: нужно ли поощрять возстаніе? былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ" [54]).

XIX.

„Оглашеніе Бисмаркомъ",—повѣствуетъ Татищевъ,—„заключенной Пруссіей съ Россіей конвенціи возбудило тревогу и безпокойство великихъ державъ. Наполеонъ III, видѣвшій угрозу для себя въ сближеніи Русскаго Двора съ Прусскимъ, предложилъ Англіи сообща протестовать въ Берлинѣ противъ международнаго акта, которымъ частный Польскій вопросъ обращенъ въ общеевропейскій, подлежащій обсужденію всѣхъ державъ. Но изъ Лондона ему замѣтили, что несправедливо предъявлять упрекъ къ Пруссіи, оставляя въ сторонѣ *главнаго виновника*, т.-е., Россію; такой же уклончивый отвѣтъ полученъ былъ въ Парижѣ и изъ Вѣны".

26 февраля 1863 года, Англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Непиръ, по порученію Сентъ-Джемскаго кабинета, вручилъ князю Горчакову депешу, въ которой, во имя Вѣнскихъ договоровъ 1815 года, коими Царство Польское присоединено къ Россіи, и участницею которыхъ была Великобританія, требуется пригласить Русскій Дворъ возвратить Польшѣ гражданскія и политическія права, дарованныя ей императоромъ Александромъ I-мъ [55]). Князь Горчаковъ сказалъ послу, что „въ интересахъ миролюбія", онъ отказывается отвѣчать на эту депешу письменно, а на словахъ заявилъ, что Россія согласна, что положеніе въ Польшѣ печальное, и скорбитъ о кровопролитіи, но что возстаніе вызвано вовсе не наборомъ, который явился лишь предлогомъ къ возстанію, а давно подготовлялось эмиграціей изъ иностранныхъ городовъ, не исключая и Лондона. Съ своей стороны, императоръ На-

полеонъ III написалъ довѣрительное письмо къ императору Александру II-му, въ которомъ, не касаясь Вѣнскихъ договоровъ, убѣждалъ Русскаго императора, по собственному почину даровать Полякамъ такія учрежденія, которыя, удовлетворивъ ихъ, *предупредили бы замышленныя Англіею коллективныя представленія.* Императоръ Александръ II далъ черезъ Русскаго посла въ Парижѣ барона Будберга *вѣжливый*, но вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, коимъ отказывался отъ принятія какихъ-либо обязательствъ относительно Поляковъ передъ Франціею. Передайте императору,—сказалъ Наполеонъ Будбергу,— что если, не дай Богъ, я вынужденъ буду перейти въ противный лагерь, то почту себя крайне опечаленнымъ и несчастнымъ" [56]).

Послѣ неудачныхъ попытокъ Англіи и Франціи вмѣшаться въ Польское дѣло, между этими государствами и Австріей возникла переписка о новомъ дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ Польскій вопросъ.

По полученіи отвѣта императора Александра II-го, Наполеонъ III имѣлъ длинный разговоръ съ княземъ Меттернихомъ, Австрійскимъ посломъ при Французскомъ Дворѣ, и послѣдній принялъ на себя миссію уладить въ Вѣнѣ переговоры о заключеніи союза Франціи съ Австріею, для оказанія вооруженной помощи Царству Польскому, и выясненіе вопроса, въ какой формѣ должно выразиться вмѣшательство державъ въ Польскія дѣла. По увѣренію Козьмина, Меттернихъ взялъ съ собою въ Вѣну карту Европы, на которой императрица Евгенія намѣтила будущія границы государствъ, не забывъ провести и границы будущей Польши" [57]).

Вѣнскій корреспондентъ Times (отъ 17 марта 1863 года) сообщаетъ: „Князь Меттернихъ имѣлъ двѣ аудіенціи у императора Франца-Іосифа и много совѣщаній съ графомъ Рехбергомъ; но онъ не успѣлъ убѣдить ни того, ни другого въ томъ, что для Австріи было бы выгодно возстановленіе Польскаго королевства, какъ оно было въ 1771 г. Австрійское правительство провозглашаетъ и дѣйствительно оказываетъ благосклон-

ность къ Полякамъ; но оно не намѣрено ни вступаться, ни возвращать имъ Галиціи и Кракова. Австрійскіе государственные люди никогда не сантиментальничаютъ въ политикѣ, и не будучи такъ легко воспламеняемы какъ Французскіе ихъ собратья, не способны такъ *восторгаться идеей.* Британское правительство предлагаетъ, чтобы Польшѣ предоставлены были всѣ тѣ права, которыми она пользовалась съ 1815 года; но и этотъ проектъ не пригоденъ для Австріи. Она желала бы, чтобы Польша управлялась согласно съ конституціоннымъ порядкомъ вещей, но она вовсе не желаетъ, чтобы она пользовалась правами, въ которыхъ отказываетъ Венгріи. Мысль объ отдѣльныхъ для Польши министрахъ и объ отдѣльномъ Польскомъ войскѣ ненавистна Австрійскому кабинету. О выдѣленіи изъ своего состава Кракова, согласно съ Вѣнскими трактатами, Австрія и не помышляетъ; это единственная крѣпость, на протяженіи всей Галицейской границы, — крѣпость, на которую Австрія потратила милліоны. Нелегко узнавать, что дѣлается при Вѣнскомъ Дворѣ, но мое близкое знакомство съ людьми и дѣлами даетъ мнѣ возможность сообщить, что теперь дѣлаются энергическія усилія въ пользу сближенія между императоромъ Францемъ-Іосифомъ и императоромъ Александромъ II-мъ“ [58]).

Такимъ образомъ, миссія князя Меттерниха въ Вѣнѣ не удалась, и по свидѣтельству Козьмина, „благодаря тремъ лицамъ: графу Маврикію Эстергази, Венгерскому министру графу Рехбергу, министру иностранныхъ дѣлъ, и Шмерлингу, предсѣдателю министровъ. Графъ Эстергази, ярый противникъ Наполеона III, пользовался тогда большимъ вліяніемъ въ правящихъ сферахъ. Ему принадлежатъ извѣстныя слова, повторявшіяся многократно для объясненія причины неудачи миссіи князя Меттерниха: *Можно поднять войну, цѣль которой — пріобрѣтеніе края, но совершенно непонятна такая война, послѣдствіе которой — неминуемая потеря двухъ провинцій.*

Между тѣмъ, постоянныя неудачи, испытываемыя въ Царствѣ Польскомъ, и неизвѣстность о результатахъ переговоровъ,

веденныхъ княземъ Меттернихомъ, заставили Краковскій кружокъ отправить въ Парижъ Козьмина съ цѣлью узнать на мѣстѣ о дѣйствительномъ положеніи Польскаго вопроса. По дорогѣ, въ вагонѣ, Козьминъ встрѣтился съ французомъ Рошебрюномъ, бывшимъ предводителемъ отряда въ партіи Лангевича и разбитымъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ у деревни Гроховиска. Онъ очень нелестно аттестовалъ вожаковъ возстанія, выставлялъ на видъ ихъ ошибки, нераспорядительность, зависть, антагонизмъ и заявлялъ, что Поляки не стоятъ того, чтобы его (Козьмина) соотечественники (т.-е., Галичане) жертвовали собою для ихъ дѣла, которое они сами защищать достойно не умѣютъ. Первое впечатлѣніе не предвѣщало ничего хорошаго. Въ Парижѣ Козьминъ встрѣтился съ редакторомъ *Siècle*, Тексье, который заявилъ, что дѣло проиграно, главнымъ образомъ потому, что Наполеонъ не послѣдовалъ его совѣту.

— Не хотѣлъ онъ меня слушать, говорилъ Тексье, я ему совѣтовалъ, чтобы въ самомъ началѣ двинуть въ Польшу сорокъ тысячь Шведовъ на помощь. Онъ ничего не сдѣлалъ. Теперь уже поздно.

Такое заявленіе редактора большой газеты можетъ служить образчикомъ того, какъ относилось общественное мнѣніе къ смутнымъ событіямъ въ Польшѣ. Къ этому времени выяснилось, что переговоры князя Меттерниха не привели къ положительнымъ результатамъ. Австрійское Правительство было того мнѣнія, что событія еще недостаточно назрѣли, чтобы можно было заключить союзъ съ Франціей съ цѣлью объявленія войны Россіи; что оно тѣмъ не менѣе признаетъ всю важность Польскаго вопроса и оцѣниваетъ по достоинству планы Наполеона, но считаетъ необходимымъ прежде всего отыскать основу, на которую Франція, Англія и Австрія могли бы опереться; что всякому дѣйствію должны предшествовать дипломатическіе переговоры и что только впослѣдствіи можно перейти къ обсужденію средствъ. Дипломатическая неудача эта заставила князя Чарторыйскаго обратиться къ Наполеону.

— Находите ли, ваше величество, спросилъ онъ, продолженіе возстанія необходимымъ?

— Да, отвѣчалъ Наполеонъ, и даже уполномочиваю васъ передать это вашимъ соотечественникамъ.

— Вѣдь во всякомъ случаѣ, говорилъ при этомъ Валевскій, положеніе Польши послѣ возстанія улучшится, а потому продолженіе возстанія не представляетъ никакого риска.

— Обождите, и мы придемъ къ вамъ съ помощью, — замѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ.

Эти послѣднія слова министра иностранныхъ дѣлъ давали полную надежду, тѣмъ болѣе, что во время обсужденія Польскаго вопроса въ Сенатѣ, принцъ Наполеонъ произнесъ пламенную рѣчь въ пользу Польши".

Между тѣмъ, „телеграммы, посылаемыя изъ Кракова въ Парижъ, преувеличивали событія, совершавшіяся въ Царствѣ Польскомъ. Поляки, обманывая себя, хотѣли обмануть Европу, полагая, что это можетъ быть полезно для дѣла, которое само по себѣ не имѣло никакихъ шансовъ на успѣхъ. Въ разговорѣ своемъ съ Валевскимъ, Козьминъ утверждалъ, что солидная и благоразумная часть Польскаго общества всегда была противъ возстанія и пристала къ нему только на основаніи инструкцій отеля Ламберъ, который вселялъ надежду въ вооруженную помощь державъ. Валевскій, съ своей стороны, поддерживалъ ихъ надежду и заявилъ, что Французское Правительство ожидаетъ отвѣта на свои предложенія со стороны Англіи и Австріи, и жаловался на медленность Австріи, которая плохо понимаетъ свои же интересы. Но съ наступленіемъ весны, замѣтилъ Валевскій, сообщеніе будетъ лучше и мятежные отряды будутъ въ состояніи выдвинуть свою артиллерію. Козьминъ былъ очень изумленъ такимъ высокимъ мнѣніемъ о боевыхъ средствахъ мятежниковъ и приписывалъ это преувеличеннымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ въ Парижъ, авторомъ которыхъ былъ часто Козьминъ. Италіанскій посланникъ Нигра, съ которымъ Козьминъ случайно столкнулся въ Парижѣ, обнаружилъ также весьма поверхностное знакомство съ

возстаніемъ и ложное представленіе о его размѣрахъ. Онъ говорилъ, что читалъ въ газетахъ, будто бы Поляки скоро будутъ имѣть свой флотъ. Вообще нельзя было не удивляться фантастическимъ розсказнямъ Тексье объ экспедиціи Шведовъ, Валевскаго — о Польской артиллеріи и Нигры — о Польскомъ флотѣ. Люди благоразумные видѣли все ничтожество возстанія и, съ одной стороны, весь его трагизмъ съ комическимъ оттѣнкомъ, а съ другой—поверхностное знакомство Европейской дипломатіи съ событіями, происходившими въ Польшѣ".

Козьминъ чистосердечно сознается, что когда онъ сдѣлался редакторомъ Краковской газеты *Часъ*, то поставилъ цѣлью, согласно политики отеля Ламберъ, пропагандировать возстаніе и обнадеживать его помощью Франціи, Австріи и Англіи. Кромѣ того, онъ старался представить возстаніе какъ движеніе, направленное единственно противъ Россіи и преслѣдующее исключительно національныя цѣли. Въ тѣсной связи съ Редакціей находилось такъ называемое Краковское бюро, которое снабжало телеграммами о положеніи возстанія иностранныя, преимущественно Французскія, газеты. Телеграммы эти преувеличивали успѣхъ Польскаго оружія и представляли въ самомъ дурномъ свѣтѣ дѣйствія Русскихъ властей. Однако, не вся Европа вѣрила въ извѣстія, сообщаемыя этими телеграммами, что доказывается отвѣтомъ Бисмарка на запросъ о Польскихъ дѣлахъ, сдѣланный въ Прусскомъ сеймѣ. Онъ сказалъ, что возстанія въ Царствѣ Польскомъ собственно не существуетъ и что битвы и стычки, о которыхъ пишутъ газеты, создаются исключительно телеграммами, подписанными разъ Станиславомъ, разъ Козьминымъ".

Хотя Наполеонъ III и потерпѣлъ неудачу въ своихъ переговорахъ съ Россіею и Австріею, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Козьмина, „Наполеонъ, старавшійся прослыть за поборника національностей и столько разъ заявлявшій публично о своемъ желаніи помочь Польшѣ, не могъ совершенно отказаться отъ идеи придти на помощь Полякамъ. Онъ ждалъ удобнаго случая для возобновленія дипломатическихъ переговоровъ по этому

вопросу, такъ какъ этимъ единственно путемъ считалъ возможнымъ вовлечь державы во вмѣшательство“.

Считая свою миссію оконченной, Козьминъ покинулъ Парижъ „съ грустною мыслію о печальномъ исходѣ возстанія, такъ какъ чужеземная помощь была проблематична. Одно было очевидно, именно, что при этомъ положеніи вещей и въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, слѣдуетъ щадить страну и ограничить число жертвъ до минимума. Въ такомъ смыслѣ Козьминъ телеграфировалъ въ Краковъ, за что на него посыпались упреки въ томъ, что этими извѣстіями онъ способствовалъ паденію духа“.

Предъ отъѣздомъ изъ Парижа, на собраніи представителей всѣхъ бывшихъ Польскихъ провинцій, въ ресторанѣ Дюранъ, Козьминъ „представилъ Польское возстаніе, какъ дѣло съ весьма сомнительнымъ исходомъ, а потому предложилъ рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли дальше поощрять возстаніе или отказаться отъ всякаго ему содѣйствія. Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ заключался въ глухомъ молчаніи собранія, такъ какъ и здѣсь проявилась главная черта Польскаго характера — отсутствіе рѣшимости: полякъ способенъ на рѣшительный шагъ въ минуту увлеченія и нерѣшителенъ послѣ обсужденія положенія. Тогда Козьминъ высказался въ томъ смыслѣ, что въ виду выжиданія державъ, и Полякамъ слѣдовало бы занять выжидательное положеніе. По его словамъ, прекратить возстаніе было невозможно, невозможно и отречься отъ него совершенно, въ виду начатыхъ переговоровъ державъ, нужно только стараться ограничить возстаніе территоріально и количественно и ни въ какомъ случаѣ не начинать мятежнаго движенія въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и въ Подоліи, такъ какъ тамъ имѣются еще свои спеціальныя неблагопріятныя условія—общественныя, религіозныя и національныя. Представители этихъ провинцій указали на критическое положеніе, которое заняли они находясь, съ одной стороны, подъ гнетомъ народнаго правительства, съ другой—подъ давленіемъ Русскихъ властей, такъ какъ именно эти провинціи для обѣихъ сторонъ представляются наиболѣе спор-

ной территоріей. Собраніе разошлось, не принявъ никакого рѣшенія. Между тѣмъ, очевидно было съ самаго начала, что участіе бывшихъ Польскихъ провинцій, находящихся во владѣніи Россіи, въ возстаніи, затѣянномъ первоначально въ Царствѣ Польскомъ, могло бы, въ случаѣ неудачи, чрезвычайно затруднить соглашеніе съ Русскимъ Правительствомъ".

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Парижѣ, Козьминъ, накаунѣ отъѣзда обратно въ Краковъ, еще разъ зашелъ къ Валевскому, который въ этотъ вечеръ былъ „занятъ какими-то важными дѣлами и котораго, поэтому, Козьмину не пришлось видѣть. M-me Валевская, отъ имени мужа, передала ему нумеръ *La Patrie*, нѣсколько строкъ въ которомъ, подчеркнутыя синимъ карандашемъ, заключали, по словамъ Валевской, все то, что мужъ ея могъ бы теперь сообщить по Польскому дѣлу. Подчеркнуто было слѣдующее: „Общественное мнѣніе занято теперь переговорами, которые ведутся по Польскому вопросу между различными кабинетами. Было бы неумѣстно и преждевременно опредѣлять сущность этихъ совѣщаній, но мы уже теперь можемъ съ положительностью утверждать, что дѣло идетъ впередъ, что предложенія эти рознятся отъ Англійской ноты, отъ 4-го марта текущаго года, въ томъ отношеніи, что исходной ихъ точкой не служитъ уже трактатъ 1815 года и что вскорѣ можно будетъ убѣдиться, насколько Франція старается объ улаженіи Польскихъ дѣлъ".

По возвращеніи своемъ въ Краковъ, Козьминъ „прежде всего отправился къ Адаму Потоцкому и сообщилъ ему, что не привезъ никакихъ утѣшительныхъ извѣстій, такъ какъ дипломатическое вмѣшательство державъ, не будучи въ состояніи доставить Полякамъ побѣды, принудитъ ихъ только продолжать возстаніе. Потоцкій горько улыбнулся и замѣтилъ, какъ обманчивы надежды, основанныя на вѣрѣ въ Наполеона III, который вмѣсто того, чтобы помочь Польскому народу, умножитъ только его бѣдствія".

XX.

Положившись на обѣщанія Наполеона и содѣйствіе Европы къ возстановленію Польши, заправилы отеля Ламберъ отправили въ Варшаву инструкцію, предписывавшую всѣмъ членамъ совѣта Царства Польскаго, а также членамъ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ подать немедленно въ отставку, чтобы, порвавъ всякую связь съ Русскимъ Правительствомъ, придать движенію характеръ народнаго возстанія. Далѣе, предписывалось совершенно отшатнуться отъ Велепольскаго и его системы. Отставка эта и непризнаніе системы маркиза Велепольскаго, по мнѣнію отеля Ламберъ, дадутъ возможность Европейскимъ державамъ вмѣшаться въ Польскія дѣла.

По порученію совѣта Царства Польскаго, Павелъ Попель отправился въ Парижъ „съ цѣлію узнать, дѣйствительно ли совпадаетъ съ планомъ Неполеона отставка членовъ совѣта. Валевскій далъ понять Попелю, что Польскій вопросъ, со времени раздѣла, не имѣлъ лучшаго момента для рѣшенія его Европейскими державами. Тотъ самый Попель, который съ самаго начала порицалъ возстаніе и удерживалъ молодежь отъ участія, теперь, послѣ поѣздки въ Парижъ, требовалъ, чтобы все Польское дворянство возстало противъ Россіи. Надежда на чужеземную помощь увлекла самыхъ благомыслящихъ и осторожныхъ людей“.

Вскорѣ послѣ одной кровавой стычки Русскихъ войскъ съ мятежниками, члены совѣта Царства Польскаго были приглашены къ великому князю Константину Николаевичу во Дворецъ на вечеръ. Сообща рѣшено было не идти.

Одинъ только членъ совѣта настаивалъ на томъ, чтобы идти, говоря, что надо быть послѣдовательными. Хотя и онъ также не пошелъ, но изъ вѣжливости написалъ письмо гофмейстеру двора великаго князя, графу Хрептовичу, что не можетъ воспользоваться приглашеніемъ по болѣзни матери. Онъ же одинъ отсовѣтывалъ подавать въ отставку, но впослѣдствіи первый сдѣлалъ этотъ неразумный шагъ. Енохъ отговаривалъ

его, утверждая, что отставка его не будетъ принята и ему будетъ выданъ заграничный паспортъ, но тотъ настаивалъ на своемъ, и просилъ Еноха выхлопотать ему аудіенцію у великаго князя, заявляя, что передъ тѣмъ пойдетъ къ исповѣди и причастію.

Енохъ все это передалъ великому князю. Аудіенція была назначена на слѣдующій день. Этотъ членъ совѣта заявилъ, что онъ и его товарищи служили, полагая, что могутъ одновременно служить странѣ и императору, но что теперь наступило, кажется, время военнаго управленія и они не могутъ уже болѣе быть полезными ни странѣ, ни императору.

— Скажи, чего вы желаете, чего желаетъ край? спрашивалъ великій князь.

— Либеральныя реформы,—отвѣтилъ этотъ членъ совѣта,— не могутъ удовлетворить страну; этотъ край обладаетъ чувствомъ народной самобытности. Ваше императорское высочество приняли на себя иниціативу очень важнаго общественнаго вопроса Имперіи,—теперь вамъ представляется великая политическая задача. Если бы Россія взяла на себя иниціативу для международнаго рѣшенія Польскаго вопроса, всѣ Польскія симпатіи были бы на ея сторонѣ, и Польша осталась бы подъ скипетромъ Россійской державы.

— Но чего же еще вы хотите? Сознайся, что здѣсь ваше положеніе несравненно лучше, чѣмъ въ Галиціи и великомъ княжествѣ Познанскомъ.

— Нельзя сравнивать тѣхъ провинцій съ Царствомъ Польскимъ,—возразилъ онъ,—ихъ можно сравнить развѣ только съ Литвой и Южной Русью, такъ какъ Царство Польское имѣетъ свои ясныя права, обезпеченныя трактатами.

— Польскій вопросъ,—сказалъ великій князь,—представляетъ большія трудности; когда вы были сильны, вы нами командовали, теперь мы сильны, мы вами командуемъ, это историческій процессъ. Очень сожалѣю, что ты подалъ въ отставку“ [59]).

„Въ числѣ подавшихъ въ отставку“,—повѣствуетъ Тати-

щевъ, — „былъ и архіепископъ Варшавскій Фелинскій... Уступая убѣжденіямъ великаго князя Константина Николаевича, онъ хотя и взялъ назадъ прошеніе объ отставкѣ, но настоялъ о представленіи государю письма, въ которомъ заявлялъ, что дарованныя Царству учрежденія недостаточны для благоденствія края; что Польша не удовлетворится административною автономіею; что ей нужна полная политическая и національная независимость, предоставленіе которой одно только можетъ, при сохраненіи соединенія Царства съ Имперіею въ лицѣ императора, остановить кровопролитіе и привести къ прочному умиротворенію края“ [60]).

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, (7 іюня 1863) записалъ: „Фелинскій, Варшавскій архіепископъ, привезенъ сюда и находится въ Гатчинѣ. Въ Римско-Католической Академіи мнѣ говорили, что онъ за то вызванъ сюда, что не послушался великаго князя, который требовалъ отъ него не дѣлать уличныхъ процессій въ праздникъ Христова Тѣла, такъ какъ городъ находится на военномъ положеніи и при скопленіи народа могло произойти столкновеніе и многіе могли пострадать“ [61]).

„Событіе дня“, —писалъ Тютчевъ, — „составляетъ не совсѣмъ добровольное прибытіе архіепископа Фелинскаго, которому для пребыванія назначено Гатчино. Менторомъ въ этомъ путешествіи служилъ ему благоразумный, умѣренный Кирѣевъ“ [62]).

Между тѣмъ, въ это время въ Галиціи подготовлялись новыя банды, и революціонная организація мятежа продолжала дѣйствовать. Раскрыть же организацію было трудно, такъ какъ всѣ высшіе слои населенія съ чиновничествомъ и полиціею были втянуты въ дѣло возстанія; дѣйствія же начальника гражданскаго управленія Царства маркиза Велепольскаго носили двойственный характеръ, а организація возстанія была такова, что низшіе органы не знали высшихъ. Маркизъ Велепольскій во многомъ парализовалъ дѣйствія войскъ и вызывалъ несогласія между великимъ княземъ и командовавшимъ войсками генераломъ Рамзаемъ. Эти несогласія кончились тѣмъ, что генералъ Рамзай былъ уволенъ, а великій князь Константинъ

Николаевичъ (17 марта 1863 г.) былъ назначенъ главнокомандующимъ [63]).

Между тѣмъ, управленіе въ Варшавѣ возбуждало *всеобщее неудовольствіе*. „Городъ на военномъ положеніи“,—писалъ Никитенко,—„а тамъ, какъ и во всей Польшѣ, главная правительственная власть въ рукахъ революціоннаго комитета. Полиція состоитъ изъ Поляковъ. Русскій элементъ совершенно подавленъ. Русскіе терпятъ оскорбленія... А главное, по причинѣ совершеннаго безсилія нашего Правительства, возстаніе затягивается болѣе и болѣе и даетъ Европѣ поводъ вмѣшиваться“ [64]).

„Какъ бы хорошо было“,—писалъ Кошелевъ Погодину,—„кабы Константинъ съ женою поѣхалъ куда полѣчиться. Не тѣ теперь времена. Жаль, что старъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, а то его бы въ Варшаву. Онъ бы положилъ Польшу подъ чугунный прессъ, а иначе и поступать теперь нельзя“ [65]).

Князь А. М. Горчаковъ говорилъ Ѳ. И. Тютчеву, „что великій князь Константинъ Николаевичъ дѣйствуетъ въ Варшавѣ по инструкціямъ, изъ Петербурга посылаемымъ, которыя велятъ ничего не предпринимать крутого, ибо это можетъ произвести какой-нибудь рѣшительный взрывъ въ Варшавѣ и тѣмъ побудить .Европейскія державы двинуться тотчасъ въ Польшу, а мы должны всячески выиграть передъ войной время, необходимое намъ для окончательныхъ приготовленій“.

Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранился листокъ, въ которомъ Погодинъ описываетъ свое пребываніе въ Петербургѣ въ 1863 году, и въ немъ читаемъ: „Общее неудовольствіе, которое выражается очень громко и сильно противъ великаго князя Константина Николаевича... Это слышится даже между высшими сановниками. Тютчевъ, въ отвѣтъ на эти слухи, сказалъ мнѣ, что великій князь находится въ затруднительномъ положеніи, получая изъ Петербурга удерживаться отъ слишкомъ строгихъ мѣръ, чтобъ не слишкомъ возбудить населеніе и не подать повода къ такимъ вспышкамъ, которыя бъ могли повлечь за собою Европейское вмѣшательство. Князь Горчаковъ сказалъ

мнѣ, что измѣны быть не можетъ, а развѣ ложная система. Павелъ Мухановъ называетъ прямо Велепольскаго предателемъ. Онъ началъ дѣйствовать еще на князя М. Д. Горчакова, и побуждать къ такимъ мѣрамъ. Павелъ Мухановъ, пользовавшійся прежде неограниченною довѣренностію Горчакова, долго не могъ понять, что это значитъ, потому, что Велепольскій являлся къ Горчакову съ задняго крыльца, наконецъ увидѣлъ, объяснился и вышелъ въ отставку. Разговоръ мой съ Мухановымъ, стариннымъ моимъ знакомымъ, который принялъ меня съ особеннымъ радушіемъ. Мухановъ знаетъ отлично Поляковъ, ну вотъ теперь и употребить бы его, хоть въ Западномъ краѣ.

Жалуются на государя, что онъ дѣйствуетъ такъ слабо въ отношеніи къ Константину. Говорятъ, что къ нему было писано, и что онъ былъ даже вызываемъ нѣсколько разъ, но не слушается. Это такъ же не оправданіе. Чего же онъ хочетъ. Въ дѣйствіяхъ его любимцевъ Рейтерна и Головнина находятъ очень много безсмысленнаго. Гротъ, напримѣръ, принадлежащій къ той же партіи, выбралъ себѣ помощниками въ департаментъ податей и сборовъ двухъ отъявленныхъ Поляковъ: Огризко и Наржинскаго. Огризко былъ издателемъ запрещеннаго журнала, и теперь даже не скрывается въ своемъ расположеніи къ мятежу. А у него въ распоряженіи шесть милліоновъ жалованья и всѣ кабаки. Государь, утверждая вице-директоромъ Наржинскаго, поморщился, и потому объ Огризко представленіе ему не было сдѣлано, и Огризко назначенъ только исправляющимъ должность, для чего не требуется высочайшаго утвержденія“.

Между тѣмъ, *враги* наши, повѣствуетъ Никетенко, „готовы кинуться на насъ со всѣхъ сторонъ, какъ звѣри, то-есть, какъ собаки, а не какъ львы, потому что львы, говорятъ, великодушны и благородны. А что дѣлаетъ наше Правительство—покрыто глубокою тайною. Знаешь только, что тамъ въ разныхъ мѣстахъ дерутся, что наши рѣжутъ на пропалую Поляковъ, вотъ и все. А вотъ тутъ, возлѣ, враги хуже—наши ультра-либералы“ [66]).

XXI.

„Сдѣлалось очевиднымъ",—писалъ Н. В. Бергъ,—„что если Поляки до сихъ не образумились, то ужъ не образумятся никогда. Отсюда являлась необходимость поставить во главѣ управленія Царствомъ обыкновеннаго генерала, съ приказаніемъ: ввести въ странѣ временный терроръ, иначе сказать—усилить военное положеніе, выбить клинъ клиномъ".

Первоначально на этотъ важный постъ былъ выбранъ графъ Сергѣй Павловичъ Сумароковъ. Причиною отмѣны, пишетъ Д. Г. Анучинъ, „уже состоявшагося почти назначенія графа Сумарокова, была неловкая фраза, сказанная имъ гдѣ-то въ большомъ обществѣ о красотѣ Польской короны". Затѣмъ выборъ палъ на бывшаго Финляндскаго генералъ-губернатора, графа Ѳедора Ѳедоровича Берга, который въ то время жилъ въ Петербургѣ на покоѣ, въ званіи почетнаго президента Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, и въ мартѣ 1863 года, графъ Бергъ былъ назначенъ помощникомъ великаго князя Константина Николаевича по званію главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ.

Будучи уже намѣстникомъ Царства Польскаго, графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ разсказалъ П. П. Карцову свою автобіографію, и послѣдній записалъ ее.

„Передъ отечественною войною 1812 года",—разсказывалъ графъ Бергъ,—„я былъ на старшемъ курсѣ въ Дерптскомъ Университетѣ. Заслышавъ о намѣреніи Наполеона поработить Россію, всѣми нами овладѣлъ воинственный духъ, а потому бóльшая часть старшихъ студентовъ оставила Университетъ, съ цѣлью поступить въ военную службу. Помню, что съ этимъ намѣреніемъ, вмѣстѣ со мною, отправились въ Ковно человѣкъ десять. Тамъ мы узнали, что армія стягивается къ Вильнѣ, куда ожидали прибытія Барклай-де-Толли, а затѣмъ и государя. Тѣ, которые были побогаче, отправились въ Петербургъ, для поступленія въ гвардію, я же стремился въ авангардъ, и на послѣдніе гроши кое-какъ, въ жидовскомъ фургонѣ, до-

тащился до Вильны. Тамъ, разспрашивая офицеровъ, которыхъ безцеремонно останавливалъ на улицѣ, я узналъ, что начальникомъ авангарда назначенъ Эссенъ, старинный и близій знакомый моихъ родителей, и что главная квартира находится въ Слонимѣ. Нанять подводу было не на что, и вотъ я, съ котомкою за плечами, а мѣстами и съ сапогами на палкѣ, босой, пробрался пѣшкомъ до Слонима. Подходя къ нему, меня тревожила мысль, гдѣ преклонить голову и какъ добиться поступленія на службу. На счастіе, встрѣчаю знакомаго уланскаго офицера, нзъ Курляндцевъ. Узнавъ меня, онъ былъ пораженъ видомъ обтрепавшагося въ дорогѣ студента, ищущаго пріюта. По его указанію, на другой день, я отправился къ Эссену. Старикъ принялъ меня, сидя въ бѣломъ халатѣ передъ зеркаломъ; камердинеръ завивалъ ему парикъ. Таковъ былъ семидесятилѣтній начальникъ авангарда! Спросивъ мою фамилію и откуда я, онъ сказалъ:

— Хотя я могъ бы теперь отомстить твоей матери, за то, что она отказала мнѣ, когда я сваталъ ее, но прииимаю тебя. Приходи сегодня обѣдать.

Въ поношенномъ сюртучишкѣ, явился я въ назначенный часъ и, войдя въ столовую, очутился въ большомъ обществѣ. Къ обѣду были приглашены всѣ командиры полковъ, входившихъ въ составъ авангарда. Между ними особенно выдавался князь Васильчиковъ, впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Помѣстившись на дальнемъ концѣ стола, возлѣ адъютанта изъ Остзейцевъ, я сидѣлъ какъ на иголкахъ, но ѣлъ преисправно, потому что отъ самой Ковны питался булкою и двумя кружками пива въ день. Въ серединѣ обѣда Эссенъ обратился къ присутствовавшимъ съ словами:

— Не хочетъ ли кто изъ васъ, господа, взять вотъ этого рекрута?—и указалъ на меня.

— Дайте его мнѣ—отвѣчалъ Васильчиковъ.

— Нѣтъ; ваши гусары споятъ его, да ему и не по карману;—а затѣмъ, обратясь къ адъютанту, спросилъ:

— Кто у насъ въ передовомъ отрядѣ?

— Калужскій полкъ,—было отвѣтомъ.

— Ну, такъ туда и зачислить его,—рѣшилъ старикъ.

Покуда меня обмундировывали, не помню при какой пѣхотной части, я былъ приглашенъ землякомъ-уланомъ жить у него и отъ нечего дѣлать, всякій день, ходилъ въ штабъ отряда помогать писарямъ переписывать бумаги. Вскорѣ штабные замѣтили, что я недурно черчу, доложили Эссену, что было бы полезно удержать меня при штабѣ; онъ согласился и такимъ образомъ, хотя первый надѣтый мною мундиръ былъ Калужскій,—но долго потомъ мнѣ не довелось видѣть моего полка.

Вскорѣ убѣдились, что Екатерининскій генералъ, съ завитымъ парикомъ, едва имѣвшій силу сидѣть на конѣ, не можетъ быть начальникомъ авангарда; Эссена смѣнили; но чтобы не обижать старика, его назначили генералъ-губернаторомъ Риги. Представьте себѣ мое огорченіе, когда я узналъ, что онъ беретъ меня съ собою. Это было въ началѣ 1812-го года, и никому тогда не приходило въ голову, чтобы военныя дѣйствія коснулись Риги. Между тѣмъ, не знаю за какія отличія, а можетъ и просто по недостатку офицеровъ, въ началѣ іюня я былъ произведенъ въ прапорщики Калужскаго полка. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ непріятельскій отрядъ, подъ начальствомъ Прусскаго генерала (кажется Граверта), подошелъ къ Двинѣ и расположился лагеремъ, верстахъ въ двѣнадцати выше города. Не знаю, по чьимъ соображеніямъ, но конечно не по инціативѣ генералъ-губернатора, составилось предположеніе атаковать Граверта одновременно съ фронта и съ фланга, со стороны рѣки. Для этого нужно было отыскать бродъ, существовавшій, по словамъ мѣстныхъ жителей, у непріятельскаго лагеря. Порученіе это возложили на меня, какъ знающаго Латышскій языкъ. Переодѣтый чухонцомъ, три ночи бродилъ я съ проводникомъ вдоль праваго берега Двины, покуда удалось перейти рѣку у самаго лагеря и убѣдиться въ полной безпечности непріятеля. Въ ночь, назначенную для подхода къ его позиціи, мнѣ было приказано, по отысканному мною броду,

провести два батальона и на разсвѣтѣ, какъ только услышу выстрѣлы съ фронта, броситься на лагерь. Съ замираніемъ сердца, спустился я, въ головѣ колонны, въ воду. Страхъ, что я могу завести отрядъ въ глубину и погубить его, вмѣстѣ съ опасеніемъ, что насъ могутъ замѣтить, овладѣлъ мною. Больше злила меня лошадь ѣхавшаго за мною маіора, пробовавшая ржать; я велѣлъ затянуть ей морду поводьями. Къ счастью, время движенія было разсчитано чрезвычайно удачно. Первый пушечный выстрѣлъ наступившихъ съ фронта раздался въ то время, когда мы поднимались къ лагерю. Безпечность въ немъ простиралась до того, что ближайшіе часовые были заколоты прежде, чѣмъ успѣли выстрѣлить. Съ крикомъ „ура“ бросились два баталіона на палатки.

Въ Ригѣ всѣ знали о предпринятомъ нападеніи и считали, что отъ его исхода зависитъ участь города. Съ ранняго утра народъ толпами валилъ за заставу, чтобы узнать о результатѣ. Всѣ колокольни, всѣ крыши были покрыты зрителями, слѣдившими за направленіемъ пушечнаго дыма. Какъ только я убѣдился въ побѣдѣ, то понесся къ Ригѣ доложить Эссену объ успѣхѣ атаки. Я встрѣтилъ его въ трехъ верстахъ отъ заставы, въ великолѣпной коляскѣ, запряженной шестерикомъ.

Разспросивъ меня о происходившемъ, онъ велѣлъ подать дорожный портфель, и не выходя изъ экипажа, принялся писать. Отдавая мнѣ запечатанный конвертъ, генералъ-губернаторъ сказалъ:

— Поѣзжай въ Петербургъ и лично вручи это письмо государю.

Чтобы городская публика не задержала меня разспросами, мнѣ было приказано ѣхать прямо на почту. Несмотря на то, что фельдъегерская тройка въ карьеръ несла меня по улицамъ, я не избѣжалъ овацій: крики „ура, побѣда“, маханье платками провожали меня по всему городу.

День и ночь летѣлъ я въ Петербургъ. У Нарвской заставы ко мнѣ приставили двухъ казаковъ для конвоированія до дома генералъ-губернатора, которымъ былъ тогда почтенный

старикъ Вязмитиновъ. Дежурный адъютантъ хотѣлъ взять отъ меня пакетъ, но я не отдалъ, говоря, что мнѣ приказано лично вручить его государю. То же самое пришлось повторить и Вязмитинову.

— Ну, мой любезной,—сказалъ онъ,—въ такомъ случаѣ тебѣ придется подождать государя; онъ теперь въ Финляндіи и возвратится дня черезъ два. А такъ какъ въ городѣ распускаютъ разные нелѣпые слухи объ арміи, то мнѣ приказано всѣхъ присылаемыхъ изъ нея не выпускать никуда, до обратнаго отправленія. Поэтому и тебѣ нужно оставаться въ этомъ домѣ до возвращенія императора. Адъютантъ укажетъ тебѣ особую комнату.

Сильно не понравилось мнѣ это любезное арестованіе.

— Помилуйте, отвѣчалъ я,—за что же мнѣ быть взаперти, когда я привезъ извѣстіе о побѣдѣ и мнѣ приказано доставить донесеніе немедленно.

— Какъ о побѣдѣ!—вскрикнулъ удивленный Вязмитиновъ.

— Это первая радостная вѣсть. Я даже боялся спросить о Ригѣ, думая, не взята ли она. Въ такомъ случаѣ не удерживаю. Поѣзжай скорѣй въ Финляндію. Ты, вѣроятно, застанешь еще государя въ Гельсингфорсѣ.

Вышло иначе. Государь возвращался сутками раньше. На второй станціи отъ Выборга я встрѣтилъ передоваго фельдъегеря. Онъ объявилъ, что его величество въ нѣсколькихъ верстахъ за нимъ и совѣтовалъ мнѣ лучше дожидать на станціи. Черезъ нѣсколько минутъ, коляска императора остановилась у крыльца. Онъ вышелъ изъ нея вмѣстѣ съ княземъ П. М. Волконскимъ. Послѣдній, проходя мимо меня, спросилъ: откуда вы? и какъ только услышалъ, что изъ Риги, отъ Эссена, то вырвавъ у меня пакетъ, пошелъ за государемъ, въ комнату налѣво. Между тѣмъ, подлетѣли другіе экипажи, и я моментально былъ затертъ лицами свиты, вмѣстѣ съ которою, самъ не знаю какъ, очутился въ комнатѣ, изъ сѣней направо, гдѣ и прижался у окна. Никто не обращалъ на меня вниманія. Черезъ отворенныя изъ сѣней двери обѣихъ комнатъ было видно, какъ

государь, сидя у стола, внимательно читалъ письмо Эссена, при чемъ два раза перекрестился. Затѣмъ князь Волконскій, войдя въ комнату, гдѣ была свита, громко сказалъ: „прапорщикъ Бергъ къ государю“. Я пошелъ за нимъ; его величество, увидя мою совершенно статскую фигуру, улыбнулся и говоритъ:

— Эссенъ пишетъ, что вы вели обходную колонну и можете передать подробности дѣла.

— Могу, ваше величество,—отвѣчалъ я.

По моему выговору, вѣроятно, было замѣтно, что я плохо говорю по-Русски, такъ какъ государь спросилъ:

— Какъ вамъ легче объясняться, по-Французски или по-Нѣмецки?

Смекнувъ, что толковое объясненіе на Нѣмецкомъ языкѣ не будетъ вмѣнено нѣмцу въ достоинство, я отвѣтилъ, что мнѣ удобнѣе говорить по-Французски.

— Вотъ какъ,—замѣтилъ государь,—ну такъ разсказывайте.

— Дайте мнѣ карандашъ и бумагу, — обратился я къ Волконскому.

Его передернуло, но всетаки онъ подалъ мнѣ то и другое.

Набрасывая кроки мѣстности, я въ то же время объяснялъ ходъ боя и когда кончилъ, то государь сказалъ:

— Хорошо, ступайте.

Уходя на прежнее мѣсто, къ окну правой комнаты, я ясно слышалъ обращенныя къ Волконскому слова его величества:

— Бойкій юноша, изъ него будетъ толкъ. Перевести его за отличіе въ Литовскій полкъ.

Кто-то изъ стоявшихъ возлѣ меня лицъ свиты, полагая, что я понимаю, что такое Литовскій полкъ и гдѣ онъ, обратился ко мнѣ съ словами:

— Поздравляю васъ, прапорщикъ, гвардейскимъ офицеромъ.

— Какъ гвардейскимъ!—почти закричалъ я:—я не хочу въ гвардію, она всегда въ резервѣ, а я желаю быть въ дѣлахъ.

Для того я и бросилъ Университетъ, чтобы служить въ авангардахъ.

Всѣ засмѣялись, и было слышно, какъ государь, улыбаясь, говорилъ Волконскому:

— Слышишь, отказывается! спроси его, чего онъ желаетъ?

Волконскій, съ досадой на лицѣ, подошелъ ко мнѣ со словами:

— Какъ вы смѣте отказываться отъ гвардейскаго мундира! Это дерзость! Извольте же говорить, чего вы хотите?

— Хочу въ колоновожатые,—было моимъ отвѣтомъ.

Если бы въ ту минуту я понималъ, что колоновожатые, какъ офицеры генеральнаго штаба, состоятъ въ вѣдѣніи Волконскаго, то конечно не посмѣлъ бы высказать такъ просто и откровенно моего желанія.

Вновь возвратясь изъ комнаты, гдѣ былъ государь, князь Волконскій продолжалъ:

— Извольте, вы будете зачислены въ колоновожатые. Черезъ три дня явитесь ко мнѣ для отправленія въ Петрозаводскъ, гдѣ вы будете состоять при генералѣ, формирующемъ резервы.

Какъ ни былъ я неопытенъ, все-таки понялъ, что Петрозаводскъ не Вильна и что меня наказываютъ за мою смѣлость. Но объясниться было некогда, такъ какъ государь выходилъ уже, чтобы сѣсть въ коляску. Все кинулось за нимъ и я остался на крыльцѣ одинъ, ошеломленный, не зная, что дѣлать.

Возвратясь въ Петербургъ, являюсь прямо къ генералъ-губернатору и, со слезами на глазахъ, умоляю его помочь моему горю. Старикъ съ участіемъ отнесся къ моему положенію.

— Скверно, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, — очень плохо! Волконскій не проститъ вамъ, что помимо его желанія вы попали въ генеральный штабъ; не нюхать вамъ пороха во всю войну!

Я заплакалъ.

— Вотъ какъ я могу помочь вамъ,—продолжалъ Вязмитиновъ.—Такъ какъ я не получалъ еще отъ Волконскаго увѣ-

домленія объ отправленіи васъ въ Петрозаводскъ, то вы мнѣ ничего не говорили. Понимаете? Но я имѣю повелѣніе не задерживать курьеровъ изъ арміи и немедленно возвращать ихъ, какъ только будутъ экстренныя депеши. Приготовьтесь; черезъ часъ вы отправитесь къ Барклай-де-Толли.

Я едва не бросился .... на шею, какъ моему спасителю. Черезъ часъ я уже летѣлъ по Смоленскому тракту, а Волконскій, при суетѣ того времени, вѣроятно и забылъ обо мнѣ.

Спустя три года, я возвратился изъ Парижа, въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, но затѣмъ долго не имѣлъ повышеній. До генеральскаго чина Волконскій не только никогда не говорилъ со мною, но даже и не замѣчалъ меня. Только послѣ Аральской экспедиціи, когда я явился ему, онъ принялъ меня довольно ласково, и съ тѣхъ поръ, не могу жаловаться, князь Волконскій сдѣлался внимателенъ къ моей службѣ".

Въ должность помощника главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, графъ Бергъ былъ назначенъ уже будучи семидесятилѣтнимъ старцемъ; но, замѣчаетъ Н. В. Бергъ, „семидесятилѣтній Бергъ былъ свѣжъ и крѣпокъ какъ юноша: отлично ѣздилъ верхомъ, пилъ, ѣлъ за четырехъ, работалъ съ утра до ночи, нисколько не утомляясь. Зрѣніе, память, слухъ—были у него поразительные".

„То, что казалось, по Русскимъ понятіямъ",—продолжаетъ Н. В. Бергъ,—„необходимо нужнымъ для новой роли, было у стараго генерала: солидный чинъ, титулъ графа, множество регалій своихъ и иноземныхъ, неимовѣрная служебная опытность, выдержка, хитрость, достаточно твердый характеръ, способный не смущаться ничѣмъ, Бергъ могъ, въ случаѣ надобности, быть очень, очень мягокъ, пріятно, бархатисто мягокъ; а въ другомъ случаѣ—могъ подписать какой угодно приговоръ, не моргнувъ глазомъ. Что касается исполнительности, настойчивости—этого старому дипломату было не занимать стать. Если какая-нибудь мысль засѣла ему въ голову, онъ разставался съ нею нескоро; она была съ нимъ и во время обѣда, и на смотру войскъ, и въ театрѣ, и на охотѣ, и на балу, и

ночью въ постели. Онъ рѣдко, очень рѣдко не добивался того, чего положилъ себѣ добиться. Ненадо было только мѣшать ему, подталкивать его. Коли онъ пошелъ, вѣрьте, онъ остановится развѣ тогда, когда встрѣтитъ ничѣмъ непробиваемую стѣну. Да и тутъ, посидѣвши немного (а иногда и много) въ креслахъ, онъ встанетъ и снова подойдетъ къ стѣнѣ посмотрѣть: здѣсь ли она и дѣйствительно ли это такъ-таки ничѣмъ непробиваемая стѣна, которая ни отчего не подается"?

По свидѣтельству Карцова, „назначеніе графа Берга было принято войсками сочувственно". Всѣ увидѣли въ этомъ назначеніи, пишетъ историкъ Зибель, „предзнаменованіе скораго отозванія Велепольскаго. Непосредственно за этимъ назначеніемъ послѣдовало дальнѣйшее мѣропріятіе, возвѣщеніе о которомъ относилось не столько до Польскихъ мятежниковъ, сколько до иностранныхъ державъ, ставшихъ на сторону Польскаго возстанія... Россія приготовлялась заблаговременно во всеоружіи встрѣтить всякое проявленіе враждебности со стороны Запада".

Положеніе графа Берга, какъ помощника главнокомандующаго, свидѣтельствуетъ Карцевъ, „было вполнѣ пассивное. Присутствуя при докладахъ, онъ ко всему прислушивался, но рѣдко высказывался. Но вотъ фактъ, характеризующій его взглядъ, какъ военнаго. Возвратившійся изъ экспедиціи генералъ докладывалъ намѣстнику о ея результатѣ, въ присутствіи графа Берга, и между прочимъ сказалъ, что не могъ продолжать преслѣдованіе разбитой банды, потому что имѣлъ предписаніе своего начальника, барона Корфа, возвратиться въ Варшаву къ назначенному дню католическаго праздника Божьяго Тѣла. Графъ Бергъ, отозвавъ генерала въ сторону, сказалъ ему:—Знаете ли, генералъ, я вамъ совѣтую никогда въ военное время не руководствоваться тѣми предписаніями, которыя пишутся не на бивакѣ, а въ штабѣ. Какъ бы ни казались онѣ умными въ кабинетѣ, въ полѣ часто выходятъ глупыми" [67]).

XXII.

1-го апрѣля 1863 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Слухи ходятъ, что Европа принимаетъ въ отношеніи къ намъ видъ все грознѣе и грознѣе. Власть въ дѣлахъ міра принадлежитъ хитрѣйшему и безстыднѣйшему. Теперь она за Людовикомъ-Наполеономъ, и онъ, кажется, намѣренъ воспользоваться ею, увѣривъ всѣхъ, что Россію надобно уничтожить для безопасности Европы, которой угрожаетъ-то собственно онъ.

Какой мы слѣдуемъ политикѣ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Но, кажется, едва ли мы не избрали несчастную систему уступокъ и мира во что бы то ни стало. Ничто не можетъ быть плачевнѣе этой системы, если мы ее приняли. Ею не только нельзя избѣжать войны, но она прямо ведетъ къ ней. Единственный способъ избѣжать ее—это показать Европѣ, что мы не боимся войны. Но непремѣнно показать, дать ей почувствовать это“ [68]).

„Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія“, —повѣствуетъ Татищевъ,—„съ силою высказавшагося въ палатахъ и въ печати въ пользу Поляковъ, императоръ Наполеонъ III рѣшился, въ тѣсномъ согласіи съ Англіею и Австріею, выступить заступникомъ за Польшу, возстановителемъ ея правъ. Завязавшіеся между Парижемъ, Лондономъ и Вѣною оживленные дипломатическіе переговоры не замедлили, однако, выяснить разномысліе трехъ державъ относительно исходной точки представленій, которыя онѣ намѣревались сообща предъявить Россіи по Польскимъ дѣламъ. Англія настаивала на признаніи за таковую Вѣнскихъ договоровъ 1815 года, на которой не хотѣла опираться Австрія, участница трехъ раздѣловъ Польши, а и того менѣе Бонапартовская Франція, ненавидѣвшая эти договоры, которые узаконяли низверженіе Наполеона I и провозглашали его династію лишенною всѣхъ правъ на наслѣдованіе Французскимъ престоломъ. Не безъ труда пришли три державы къ

соглашенію и условясь лишь въ томъ, чтобы сообщенія эти были переданы Русскому Двору въ одинъ и тотъ же день".

Графъ Л. Н. Толстой писалъ Фету: „Что вы думаете о Польскихъ дѣлахъ? Вѣдь дѣло-то плохо! Не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать опять мечъ съ заржавленнаго гвоздя" [69])?

5 апрѣля 1863 года, послы Англіи, Франціи и повѣренный въ дѣлахъ Австріи, прибыли одинъ за другимъ къ князю Горчакову, и соблюдая порядокъ своего старшинства въ дипломатическомъ корпусѣ (сперва герцогъ Монтебелло, потомъ лордъ Непиръ и наконецъ графъ Тунъ), вручали по очереди копіи съ депешъ, полученныхъ каждымъ изъ нихъ отъ правительства. Князь Горчаковъ, какъ говорятъ, принималъ депеши, не входилъ ни въ какія разсужденія съ иностранными министрами и объявилъ имъ только, что депеши будутъ представлены на разсмотрѣніе государя" [70]).

Англійская депеша основывала право вмѣшательства въ Польскія дѣла на 1-ой статьѣ заключительнаго акта Вѣнскаго конгресса, которою Царство Польское присоединено къ Россійской Имперіи, на условіяхъ, перечисленныхъ въ той же статьѣ и которыя, по мнѣнію Правительства ея Британскаго величества, не были исполнены Россіей. Графъ Руссель находилъ, что даже послѣ возстанія 1830—31 годовъ, Русское Правительство не имѣло права обращаться съ Польшею какъ съ завоеванною страною, не нарушая обязательствъ, занесенныхъ въ договоръ, потому что самою Польшею оно владѣетъ въ силу трактата, заключеннаго съ восемью Европейскими державами, въ томъ числѣ и съ Англіей. Но независимо отъ помянутыхъ обязательствъ, на Россіи, какъ на членѣ Европейской семьи, лежитъ и другая обязанность: не увѣковѣчивать въ Польшѣ положенія, служащаго источникомъ опасности не только для Россіи, но и для мира Европы. Польская смута возбуждаетъ общественное мнѣніе въ прочихъ государствахъ, вызываетъ тревогу въ правительствахъ и грозитъ серьезными усложненіями, а потому Правительство королевы „ревностно надѣется", что

Русское Правительство уладитъ это дѣло такъ, чтобы миръ, на прочномъ основаніи, былъ возвращенъ Польскому народу.

Депеша Французскаго Двора не упоминала о Вѣнскомъ трактатѣ и заступничество свое за Поляковъ обусловливала исключительно тою тревогою, которую волненія въ Польшѣ вызываютъ въ сосѣднихъ странахъ, и воздѣйствіемъ ихъ на спокойствіе Европы. Они должны быть прекращены въ общемъ интересѣ Европейскихъ державъ. Французское правительство надѣется, что Русскій Дворъ, одушевленный либеральными намѣреніями, столь часто доказанными на дѣлѣ, въ царствованіе императора Александра II, признаетъ, въ мудрости своей, необходимость „поставить Польшу въ условія прочнаго мира“.

Наконецъ, въ депешѣ Австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ указывалось на возбужденіе умовъ въ Галиціи, какъ на послѣдствія продолжительнаго вооруженнаго возстанія въ сосѣдней Польшѣ, и выражалась надежда, что С.-Петербургскій кабинетъ, сознавъ опасность этихъ, столь часто повторяющихся, потрясеній, „не замедлитъ положить имъ конецъ умиротвореніемъ края“ [71]).

Черезъ девять дней, 14 апрѣля 1863 года, послѣдовали отвѣты, „согласные съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, съ характеромъ нашихъ отношеній къ каждой изъ трехъ державъ и съ достоинствомъ такой великой державы, какъ Россія“ [72]).

Въ депешѣ къ императорскому послу въ Лондонѣ, князь Горчаковъ вступилъ въ пространное разсужденіе объ обязательствахъ, наложенныхъ на Россію по отношенію къ Царству Польскому статьями Вѣнскага договора 1815 года, и доказалъ, что постановленія ихъ не нарушены Русскимъ Правительствомъ, повторивъ всѣ доводы перваго своего словеснаго возраженія Великобританскому послу. Переходя къ заключенію депеши графа Русселя, вице-канцлеръ снова заявилъ, что живѣйшее желаніе государя—придти къ практическому разрѣшенію Польскаго вопроса. Но такимъ отнюдь нельзя считать введеніе въ Польшѣ конституціи, подобной той, что дѣйствуетъ въ Англіи. Прежде чѣмъ достигнуть до политической зрѣлости этой страны,

прочимъ государствамъ приходится перейти нѣсколько ступеней развитія, и обязанность монарха—соразмѣрить даруемыя имъ учрежденія съ истинными потребностями своихъ подданныхъ. Императоръ Александръ, съ самаго своего воцаренія, вступилъ на путь преобразованій и въ короткое время совершилъ общественный переворотъ, для котораго въ другихъ странахъ Европы потребовалось много времени и усилій. Система постепеннаго развитія приложена имъ ко всѣмъ отраслямъ управленія и къ существующимъ учрежденіямъ. Государь не уклонится съ этого пути, шествуя которымъ, онъ пріобрѣлъ любовь и преданность своихъ подданныхъ и право на сочувствіе Европы. Тѣ-же намѣренія одушевляютъ его и относительно Поляковъ. Въ Европѣ не поняли и не оцѣнили по достоинству дарованныхъ Царству Польскому учрежденій, заключающихъ въ себѣ задатки, развить которые зависитъ отъ времени и опыта. Они приведутъ къ полной административной автономіи Польши, на основѣ областныхъ и муниципальныхъ учрежденій, которыя были исходною точкой величія и благосостоянія самой Англіи. Но въ дѣлѣ этомъ императоръ встрѣтился съ препятствіями, возбужденными *партіей безпорядка*. Она помѣшала введенію новыхъ учрежденій. Несмотря на это, въ манифестѣ объ амнистіи государь заявилъ, что не возьметъ обратно дарованныхъ Царству правъ и преимуществъ и предоставляетъ себѣ дать имъ дальнѣйшее развитіе.

„И такъ", разсуждалъ Русскій министръ, „его величество можетъ сослаться на прошлое, въ прямодушіи своей совѣсти; что же касается до будущаго, то оно, естественно, зависитъ отъ довѣрія, съ коимъ отнесутся къ его намѣреніямъ. Не покидая этой почвы, нашъ августѣйшій государь увѣренъ, что поступаетъ какъ лучшій другъ Польши и одинъ только стремится къ ея благу практическимъ путемъ". Князь Горчаковъ не оставилъ безъ возраженія напоминанія графа Русселя объ обязанностяхъ Россіи относительно прочихъ Европейскихъ государствъ. Обязанности эти она никогда не теряла изъ виду, но ей не всегда отвѣчали взаимностью. Въ доказательство

князь Горчаковъ ссылался на то, что заговоръ, приведшій къ мятежу въ Польшѣ, составился внѣ ея. Съ одной стороны, возбужденіе извнѣ вліяло на возстаніе, съ другой—возстаніе вліяло на возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Русскій императоръ искренно желаетъ возстановленія спокойствія и мира въ Царствѣ Польскомъ. Онъ допускаетъ, что державы, подписавшія актъ Вѣнскаго конгресса, остаются небезучастными къ событіямъ, происходящимъ въ этой странѣ, и что дружественныя объясненія съ ними могутъ повести къ результату, отвѣчающему общимъ интересамъ. Онъ принимаетъ къ свѣдѣнію довѣріе, выраженное ему Великобританскимъ Правительствомъ, которое полагается на него въ дѣлѣ умиротворенія Царства Польскаго. Но на немъ лежитъ долгъ обратить вниманіе Лондонскаго Двора на пагубное дѣйствіе возбужденій Европы на Поляковъ. Возбужденія эти исходятъ отъ партій всесвѣтной революціи, всюду стремящейся къ ниспроверженію порядка, и нынѣ идущей къ той же цѣли не въ одной только Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ. Если Европейскія державы дѣйствительно желаютъ возстановленія спокойствія въ Польшѣ, то достиженію этой цѣли онѣ должны содѣйствовать принятіемъ мѣръ противъ нравственнаго и матеріальнаго броженія, распространеннаго въ Европѣ, такъ, чтобы изсякнулъ этотъ постоянный источникъ смутъ. Россія надѣется, что, скрѣпивъ въ этомъ духѣ узы, связующія ихъ съ нею, онѣ дѣятельно послужатъ дѣлу мира и общей пользы".

Въ отвѣтѣ Тюльирійскому Двору князь Горчаковъ ограничился повтореніемъ заключенія своей депеши къ Русскому послу въ Лондонѣ, и приглашалъ императора Наполеона оказать намъ нравственное содѣйствіе въ исполненіи задачи, возлагаемой на Русскаго государя попеченіемъ о благѣ его Польскихъ подданныхъ и сознаніемъ долга передъ Россіей и великими державами.

Въ томъ же смыслѣ послѣдовалъ отвѣтъ и Вѣнскому Двору, съ прибавленіемъ, что отъ Австріи зависитъ помочь Россіи и умиротворить Царство Польское, принятіемъ строгихъ мѣръ противъ мятежниковъ въ пограничныхъ съ нею областяхъ.

Между тѣмъ, кабинеты Лондонскій и Парижскій, не довольствуясь собственными представленіями въ пользу мятежныхъ Поляковъ, обратились ко всѣмъ Европейскимъ державамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ давленіи на Россію, съ цѣлью вызвать ее на уступки. „Дипломатическое вмѣшательство всѣхъ кабинетовъ“, — писалъ по этому поводу Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, — „оправдывается само собою въ дѣлѣ обще-Европейскаго интереса и они не могутъ сомнѣваться въ спасительномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, вліяніи единодушной манифестаціи Европы“.

Далеко не всѣ державы откликнулись на этотъ призывъ. Бельгія и Швейцарія уклонились отъ участія въ манифестаціи, ссылаясь на свою нейтральность. Глава Берлинскаго кабинета прямо заявилъ Англійскому посланнику, что согласіе на предложеніе его Двора поставило бы его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Нельзя же ему, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ онъ самъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, настаивалъ предъ Русскимъ Дворомъ на необходимости не отступать предъ строгими мѣрами для подавленія мятежа, вдругъ обратиться къ нему же съ совѣтомъ даровать Полякамъ автономію. Слѣдуя примѣру Пруссіи, воздержались отъ всякаго вмѣшательства и второстепенные Германскіе дворы. Зато, съ болѣе или менѣе настойчивымъ ходатайствомъ за Польшу выступили въ Петербургѣ: Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и даже — Турція. Князю Горчакову не много труда стоило отклонить всѣ эти представленія. Отвѣтъ его всѣмъ державамъ звучалъ одинаково: сперва нужно усмирить мятежъ, послѣ чего наступитъ пора и для проявленія милосердія.

Папа Пій IX, съ самаго начала возстанія въ Польшѣ проявившій сочувстіе къ Полякамъ и оказывавшій имъ всевозможныя поощренія, обратился съ личнымъ письмомъ къ государю, въ которомъ жаловался на положеніе Римско-католической церкви въ краѣ, на терпимыя ею притѣсненія и требовалъ для себя права непосредственно сноситься, внѣ всякаго правитель-

ственнаго контроля, съ мѣстными епископами, а для духовенства—возстановленія его вліянія на народное образованіе.

Императоръ Александръ отвѣчалъ Римскому Первосвященнику письмомъ, въ которомъ упрекамъ его противопоставилъ обвиненіе духовныхъ лицъ въ участіи въ мятежѣ, въ вызванныхъ ими безпорядкахъ и даже въ совершенныхъ преступленіяхъ. „Это союзъ", — писалъ государь, — „пастырей церкви съ виновниками безпорядковъ, угрожающихъ обществу — одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій нашего времени. Ваше святѣйшество должны не менѣе меня желать его прекращенія", и заключилъ такими словами: „Я увѣренъ, что прямое соглашеніе съ Правительствомъ вашего святѣйшества, на основаніи заключеннаго между нами конкордата, вызоветъ желаемый мною свѣтъ, при которомъ разсѣются недоразумѣнія, порожденныя ошибочными или злонамѣренными донесеніями и преуспѣетъ дѣло политическаго порядка и религіозныхъ интересовъ, нераздѣльныхъ въ такое время, когда и тому, и другимъ приходится обороняться отъ нападеній революціи. Всѣ дѣйствія моего царствованія и заботливость моя о духовныхъ нуждахъ моихъ подданныхъ всѣхъ исповѣданій служатъ залогомъ чувствъ, одушевляющихъ меня въ этомъ отношеніи".

Въ числѣ прочихъ державъ приглашеніе присоединиться къ дипломатическому походу на Россію получило и Правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Но, помня отказъ Русскаго Двора принять участіе въ подобной же демонстраціи противъ единства заатлантической республики во время послѣдней междоусобной войны, Вашингтонскій кабинетъ рѣшительно отклонилъ Англо-Французское предложеніе, ссылаясь на непреложное правило Правительства Соединенныхъ Штатовъ: ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ политическія пререканія государствъ Стараго Свѣта. Депеша о томъ статсъ-секретаря Сьюарда къ Сѣверо-Американскому посланнику въ Парижѣ, была сообщена Русскому Двору и князь Горчаковъ, именемъ государя, выразилъ Правительству Джонсона, какъ высоко цѣнитъ его величество проявленную имъ твердость въ

соблюденіи начала невмѣшательства, а равно и добросовѣстность (loyauté), съ которою оно отказалось нарушить во вредъ другому государству правило, нарушеніе коего само не потерпѣло бы по отношенію къ этой странѣ. „Федеральное правительство“,—заявилъ по этому поводу князь Горчаковъ,—„дало тѣмъ примѣръ прямодушія и честности, отъ котораго можетъ только возрасти уваженіе, питаемое нашимъ государемъ къ Американскому народу“ [73]).

XXIII.

13 апрѣля 1863 года, старый дипломатъ Любимовъ писалъ Погодину: „Наполеонъ, — какъ уже это теперь всѣмъ извѣстно,—*remue ciel et terre*, чтобы поднять на насъ всю Европу. Но, кажется, что кромѣ Швеціи едва ли кого воздвигнетъ на *дѣйствительную* войну. Англія во время этой войны (если война состоится), кажется, будетъ *нейтральною.* Говорятъ, что онъ (все тотъ же нашъ другъ и пріятель) разослалъ уже конфиденціальныя ноты и письма ко всѣмъ почти Германскимъ дворамъ, прося ихъ согласія на пропускъ его войскъ. Пруссія, разумѣется, отказываетъ; но едва ли и Австрія на это согласится (Впрочемъ, увидимъ). Сверхъ того, по его же наущеніямъ и приглашеніямъ, продолжаютъ присылаться отъ разныхъ кабинетовъ ноты, или депеши, въ смыслѣ трехъ полученныхъ: даже, какъ сказываютъ, и Оттоманскую Порту подбилъ къ этому посланникъ его въ Константинополѣ, — и та, говорятъ, шлетъ такую же депешу (Это просто уже смѣшно). Что изъ всего этого выйдетъ — одному только Богу извѣстно. Главное, съ нашей стороны (если уже быть войнѣ), принять ее не робѣя,—и, при могущихъ даже быть неудачахъ, *умѣть выдержать.* Вся сила будетъ въ этомъ. 12-й годъ, кажется, долженъ бы научить насъ. Ужели теперь Россія другая? Есть, правда, много гадовъ, много развелось гнусныхъ насѣкомыхъ, самыхъ отвратительныхъ *); но великаны все тѣ же,—и стоитъ

*) Читали ли въ *Современникѣ* новый романъ Чернышевскаго? Что это такое!.. Боже, Ты мой милостивый.

имъ просто чихнуть, какъ и духа ихъ не будетъ, и разлетятся какъ быліе. И теперь уже, при *возрастающемъ* общемъ сомнѣніи, они почти стихли: у васъ въ Москвѣ, кажется, совсѣмъ исчезли; здѣсь еще нѣтъ, но продлись кризисъ — и скроются, уползутъ въ преисподнюю, для собственной безопасности.

Взявши и сообразивши все, и все взвѣсивъ (особенно *Русское сердце*, *натуру Русскаго человѣка)*, намъ, кажется, нечего такъ страшиться. Страхъ одинъ можетъ быть,—одинъ и единственный: если не поймутъ нынѣшняго у насъ движенія, — если станутъ дѣлать *уступки*... Вотъ она въ чемъ истинная-то наша бѣда! А уступки и снисканіе этимъ мира будетъ не просто позоръ на позоръ, а будетъ послѣ прежняго позорнаго мира *задушеніе самихъ себя*,—и вопросъ: позволитъ ли Россія душить себя?..

Говорятъ, что государь, открывая первое засѣданіе по поводу трехъ Европейскихъ нотъ (а послѣ уже было нѣсколько у него засѣданій), началъ съ того, — сказавъ съ глубокимъ чувствомъ убѣжденія: „Мы сдѣлали,—я сдѣлалъ въ 1856 году великую ошибку, великій грѣхъ, — *сдѣлалъ подлость* и каюсь въ томъ: это *заключеніе постыднаго мира*, — *трактата Парижскаго*“. — Старикъ графъ Паленъ хотѣлъ-было что-то сказать въ оправданіе этого поступка, но государь съ горячностью прервалъ его и просилъ лучше уже не говорить объ этомъ.— Вся теперь надежда, въ будущихъ нашихъ политическихъ дѣйствіяхъ, *на него самого и единаго*. Какъ онъ не обманулъ нашихъ надеждъ при вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ (а вы знаете, какія были тогда козни и интриги...), такъ и теперь, вѣрно, не обманетъ. Да подкрѣпитъ его Господь Богъ! Въ немъ всѣ наши надежды. Но мы всѣ до единаго должны и молить за него Бога и поддерживать его словомъ и дѣломъ. Отвѣтъ на три депеши, говорятъ, уже на дняхъ посланъ, и въ томъ смыслѣ, *въ какомъ слѣдовало*. Дай-то Богъ“ [74])!...

Съ своей стороны, Погодинъ писалъ: „Давно ли почти вся Европа шла на Россію, потому что Россія заступалась за не-

счастныхъ Славямъ и вообще за Христіанъ, угнетенныхъ Турками? Права султана нарушались намѣреніями Россіи! Прекрасно! А теперь тѣ же самыя государства вооружаются на ту же Россію, заступаясь за Поляковъ!.. Помилуйте! Чѣмъ требованія императора Николая I-го были больше требованій, выражаемыхъ нотами Франціи, Англіи и Австріи, къ коимъ присоединяется Италія, и чуть ли не сама чувствительная Турція? Если императоръ Николай I-й поступалъ несправедливо, то ваши поступки какъ назвать слѣдуетъ? Вспомните, что невинные Турецкіе Славяне подвергались страшнымъ мукамъ, истязаніямъ, а виноватые Поляки получаютъ со всякимъ днемъ отъ Александра II-го новыя права и торжественный обѣтъ ихъ расширенія наравнѣ съ вѣрными Русскими“!

Сдѣлавъ предположеніе, что Французы, Англичане, Австрійцы сознали несправедливость своихъ прежнихъ дѣйствій, одушевились человѣколюбивыми чувствами, захотѣли помочь несчастнымъ, угнетеннымъ народностямъ, и потому идутъ освободить Поляковъ, Погодинъ спрашиваетъ: „почему же вы не хотите освободить Черногорцевъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ, Сербовъ, Болгаръ, которыхъ бѣдствія не идутъ и въ сравненіе съ нынѣшнимъ положеніемъ Поляковъ,—что́ печатаете вы сами ежедневно во всѣхъ вашихъ газетахъ, по свидѣтельствамъ консуловъ и путешественниковъ“?

Затѣмъ, Погодинъ обращается къ Италіанцамъ и Шведамъ. „Италіанцы“,—писалъ онъ,—„идутъ помогать Полякамъ—да что же они не освобождаютъ своей Венеціи, томящейся въ рукахъ Австрійцевъ? Италіанцы идутъ помогать Полякамъ,—да что же они не выгоняютъ изъ своего Рима Французовъ? Италіанцы идутъ помогать Полякамъ, — да что же они не искоренятъ разбойниковъ, наводняющихъ Неаполь, Сицилію, Папскія области“?

Обращаясь къ Швеціи, Погодинъ говоритъ: „Хороша и Швеція! Она собирается также воевать. Одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ патріотовъ (именно Бакунинъ) уступилъ ужъ ей Финляндію, Лифляндію, Эстляндію и Курляндію, даже съ Ли-

товскими племенами... А Финляндцы и думать не хотятъ о старомъ господствѣ Швеціи. Наполеонъ прельстилъ Швецію, но Наполеонъ уйдетъ, и когда-нибудь пройдетъ, а Россія останется подлѣ нея"...

Затѣмъ, Погодинъ предлагаетъ Пруссіи, Австріи и Англіи заключить союзъ съ Россіей для борьбы съ Наполеономъ III.

Въ одномъ изъ своихъ политическихъ писемъ, во время Крымской войны, Погодинъ писалъ, что Наполеонъ, „порѣшивъ войну съ Россіей, не оставитъ въ покоѣ Австрію, и примется непремѣнно за Италію". Что и случилось. О Наполеонѣ же Погодинъ, въ 1863 году, написалъ пророческія строки:

„Наполеонъ III играетъ въ большую игру... Одно проигранное имъ сраженіе, гдѣ бы то ни было, пробудитъ дѣятельныя козни въ Парижѣ, гдѣ Талейранъ оставилъ по себѣ вѣдь много наслѣдниковъ, да и Фуше скончался не бездѣтнымъ. Легитимисты и орлеанисты, а съ другой стороны республиканцы и соціалисты, не преминутъ воспользоваться обстоятельствами, и... и... Англія, вѣроятно, не поскупится для закадычнаго своего друга отдѣлать Лонгвудское помѣщеніе, остающееся такъ долго безъ жильцовъ послѣ кончины Наполеона І-го".

За симъ, Погодинъ предлагаетъ перенестись „изъ Стараго ветшающаго Свѣта въ Новый Свѣтъ" и спрашиваетъ: „Не умнѣе ли онъ насъ"? Увы! — восклицаетъ онъ, — „тамъ идутъ дѣла пока хуже нашего... Тамъ сорокамилліонное почти населеніе идетъ стѣна на стѣну, воюетъ и дерется между собою, несмотря на то, что воевать и драться не умѣютъ, а только проливаютъ кровь и истребляютъ другъ друга. За что? За свободу"!

Несмотря на то, что эта братоубійственная война вредила торговымъ и промышленнымъ интересамъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи, — Европейцы, исповѣдуя *правило невмѣшательства*, не вмѣшались въ Американскія дѣла. „А въ Русскія дѣла", — спрашивалъ Погодинъ, — „почему они вмѣшиваются"?

Въ заключеніе Погодинъ ставитъ вопросъ: „Неужели во всѣхъ этихъ явленіяхъ виденъ высокій политическій и нравственный смыслъ, которымъ имѣетъ право гордиться Европа“?

„Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ“,—отвѣчаетъ онъ,—„мы смѣло повторяемъ замѣчаніе одного Англійскаго мыслителя, *что душа убываетъ на Западѣ*.

Душа убываетъ на Западѣ, а прибываетъ ли она на Востокѣ? Подай Господи“!

XXIV.

Въ Польскомъ мятежѣ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ участіе и знаменитый Гарибальди. Ему, конечно, обязаны мы тѣмъ, что Италія, вмѣстѣ съ Испаніею, Швеціею, Голландіею, Португаліею, Турціею и пр., выступили „съ настойчивымъ ходатайствомъ“ за Польшу.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, лѣтомъ 1863 г., Погодинъ написалъ письмо къ Гарибальди и прочелъ его Никитенко, который нашелъ, что письмо „очень умно и благородно написано“.

Гарибальди представлялся Погодину только „съ свѣтлой стороны, какъ ревнитель угнетенной Италіанской народности“, а потому онъ и рѣшился написать къ Гарибальди письмо и представить ему Поляковъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Погодинъ писалъ ему: „Мы васъ любили и уважали, мы желали вамъ всякаго успѣха въ освобожденіи Италіанскаго народа отъ ига иноплеменниковъ,—и крайне огорчаемся теперь, слыша о томъ участіи, которое вы приняли въ Польскомъ дѣлѣ. Вы приведены въ заблужденіе, благородный генералъ, и хотите дѣйствовать именно вопреки тому принципу, которымъ одушевлялась ваша прекрасная жизнь... Въ нынѣшней Польской войнѣ рѣчь идетъ не объ освобожденіи Поляковъ отъ Русскаго ига, а о покореніи Русскаго населенія въ Западныхъ губерніяхъ, подъ власть будущей Польши... Западныя Русскія губерніи составляютъ теперь яблоко раздора между Поляками и Русскими.

Это наша Ницца, которую у насъ хотятъ отнять. Вамъ жаль вашей Ниццы съ нѣсколькими тысячами жителей, а вы требуете, чтобъ мы отпустили девять милліоновъ подъ чуждое иго... Свободы мы, Русскіе, желаемъ не меньше Поляковъ, какъ для себя, такъ и для нихъ; мы ея ожидаемъ и получаемъ со всякимъ днемъ, болѣе и болѣе, благодаря благодушію государя; двадцать пять почти милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ имъ освобождено, а Поляковъ въ Царствѣ только пять милліоновъ! Но Поляки желаютъ не только свободы себѣ, но вмѣстѣ и неволи нашихъ единоплеменниковъ, одной съ нами вѣры, одного языка и происхожденія, одного образа жизни и обычаевъ. Это не можемъ допустить мы, всѣ Русскіе, не только наше Правительство, а еслибъ это и случилось, то въ ту же минуту само населеніе, ненавидящее Поляковъ за долговременное враждебное ихъ управленіе, перерѣзало бы всѣхъ помѣщиковъ, чему недавно былъ примѣръ въ Галиціи. Русскія войска до сихъ поръ почти безпрестанно ходятъ отъ одного Польскаго помѣщика къ другому, для защиты отъ движеній крестьянскихъ. Пусть друзья Поляковъ посѣтятъ эти страны, и тогда они своими глазами удостовѣрятся, кто правъ и кто виноватъ. Поляки умышленно скрываютъ всѣ эти обстоятельства отъ Европейскихъ своихъ друзей, которые, увлекаясь общими человѣческими чувствами, не имѣя возможности узнать дѣло, какъ оно есть, а судя по наружности, кричатъ, неистовствуютъ, и не понимаютъ чего хотятъ. Дадутъ отвѣтъ Богу тѣ, которые ... возбудили ихъ къ возстанію... Вы, генералъ, можете, кажется, лучше всѣхъ судить объ искренности подобнаго участія, вспомнивъ о своей любезной Ниццѣ, и видя Римъ въ рукахъ Французовъ, и Венецію въ рукахъ Австрійцевъ. Что же Европейцы, разнѣжась такъ къ Полякамъ, оставляютъ Турецкихъ Славянъ безъ своей помощи, и напротивъ, помогаютъ Туркамъ бомбардировать Бѣлградъ, стѣснять Черногорію, разорять Боснію и Герцеговину? Мы не можемъ уступить Полякамъ Западныя губерніи. А безъ Западныхъ губерній, Польша, въ предѣлахъ своего языка, не можетъ имѣть никакого политическаго значенія. Слѣ-

довательно — сама судьба, исторія и географія велятъ жить намъ вмѣстѣ, и мы должны заботиться только о томъ, какъ бы устроить это совокупное житіе, соотвѣтственно требованіямъ времени, съ полнымъ уваженіемъ къ національностямъ, Польской и Русской, сохраняя преданія Исторіи. Поляки имѣютъ многія блистательныя качества, но они не имѣютъ одного очень нужнаго, терпѣнія, да не умѣютъ соразмѣрять желаній со средствами, и увлекаются мечтами. — Образъ ихъ дѣйствій предательскій.—Богъ знаетъ, что они говорятъ объ насъ въ Европѣ, а въ Россіи, во время убійствъ Польскихъ, до сихъ поръ ни одинъ полякъ не былъ оскорбленъ не только дѣломъ, но ниже словомъ и взглядомъ, ни отъ одного русскаго; но вотъ, напечатанъ теперь Польскій катихизисъ, или правила, какъ Поляки должны жить и служить въ Россіи, получаются безпрестанно подтвержденія о приложеніи ими этихъ правилъ въ жизни, глаза раскрываются, и... и... но лучше пройдти молчаніемъ несчастное замѣшательство, угрожающее еще большими бѣдствіями.

Всѣ порядочные люди въ Европѣ, не говоря уже о правительствахъ, должны стараться всѣми силами о водвореніи мира и о прекращеніи ужаснаго положенія. Не ободрять Поляковъ, а вразумлять—вотъ обязанность истинныхъ ихъ друзей... Если мятежъ до сихъ поръ не прекращенъ, то это происходило только отъ великодушія и милосердія Александра II-го, такъ думаемъ мы, всѣ Русскіе... Государю не хотѣлось принимать крутыя и рѣшительныя мѣры,—но вотъ онѣ уже начинаются! Народъ Русскій выходитъ изъ терпѣнія, особенно въ Западныхъ губерніяхъ.

„Ахъ, генералъ“,—заключаетъ Погодинъ свое письмо,—„не давайте вашего любезнаго для Европы имени въ это нечистое, темное дѣло, коимъ руководствуютъ — по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части предводителей — больше низкія страсти, или особые разсчеты, чѣмъ чистое чувство любви къ Отечеству, и человѣчеству, котораго однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей въ Европѣ мы привыкли почитать васъ“.

Свое письмо къ Гарибальди, Погодинъ прочелъ также и князю А. М. Горчакову, и онъ посовѣтовалъ Погодину „ослабить нѣсколько выраженія одобренія дѣйствій Гарибальди“. Этотъ совѣтъ вызвалъ со стороны Погодина слѣдующее примѣчаніе: „Авторъ, можетъ быть, слишкомъ идеализировалъ Гарибальди. Тѣни ускользаютъ съ этой точки зрѣнія. Впрочемъ, здѣсь дѣло идетъ не о личности Гарибальди а объ его отношеніи къ Польскому вопросу“ [75]).

Послѣ апрѣльскихъ переговоровъ наступилъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ перерывъ, во время котораго державы обдумывали дальнѣйшіе шаги. Война казалась неизбѣжною.

„Не въ состояніи вамъ передать“,—писалъ изъ Парижа И. С. Тургеневъ къ Фету,—„до какой степени меня мучаютъ Польскія дѣла. Здѣсь всѣ готовятся къ войнѣ“ [76]).

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ: „Толки на тему: будетъ ли у насъ война? Я развилъ ту мысль, что это совершенно зависитъ отъ нашего поведенія; если мы съ твердостію покажемъ Европѣ, что не желаемъ, но и не боимся войны, и выразимъ полную къ ней готовность, то Европа не начнетъ ее. Боже сохрани Правительство отъ уступокъ, противныхъ чести и безопасности Россіи. Національное чувство начинаетъ повсюду, здѣсь и въ губерніяхъ, сильно возбуждаться. Если . . . . Наполеонъ высказался такъ, что подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія онъ можетъ нарушить союзъ дружбы съ Россіею, то Александръ можетъ ему отвѣтить, что подъ гнетомъ всеобщей ненависти и негодованія своего народа къ чужому вмѣшательству, онъ не ручается за то, что этотъ народъ въ состояніи надѣлать. Европа не можетъ желать такой войны, какая грозитъ возникнуть изъ-за вмѣшательства Наполеона, и потому легко можетъ случиться, что то общественное мнѣніе, на которое Наполеонъ опирается, не будетъ за него, а противъ него. Имперія—это война, безпощадная, вѣчная война. Наполеонова династія можетъ какъ червь жить и питаться только трупами. Вотъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ узурпаторъ распоряжается въ Европѣ — она не слагаетъ съ себя оружія.

Можетъ быть, въ случаѣ войны, племяннику, какъ и дядѣ, придется разбиться въ дребезги объ этотъ колоссъ, который они называютъ варварскимъ народомъ" [77]).

Н. И. Любимовъ писалъ Погодину: „О *войнѣ* или *мирѣ* ничего нельзя еще сказать положительнаго. Есть нѣкоторыя данныя къ предположенію, что война не будетъ. Надобно ждать положительныхъ отвѣтовъ (на извѣстныя теперь отвѣтныя депеши нашего Кабинета), которыя должны все разъяснить. Люди, посвященные въ политику, болѣе того мнѣнія: что *война будетъ*,—что Англія не устоятъ противъ настоящаго искушенія, открывается-де блистательная ей перспектива низвести насъ на степень третье-классной державы,—и она не упуститъ подобный случай!—Ну, если Англія присоединится къ Наполеону,—тогда, разумѣется, война кровавая,—на жизнь и на смерть".

Въ другомъ письмѣ Любимова къ Погодину читаемъ: „Вся штука теперь,—для самого предупрежденія войны,—не терять духа, пріосаниться, *не уступать ни на волосъ*. Уступками только себя осрамимъ и *ровно ничего не выиграемъ*, а все потеряемъ. Это — мнѣніе всѣхъ здравомыслящихъ, — даже тѣхъ, которые боятся войны. Поэтому-то *адресы* и всякія въ этомъ родѣ писательства, заявленія и проч. и проч., теперь — *какъ хлѣбъ насущный* (не о хлѣбѣ одномъ человѣкъ живъ бываетъ), — и въ этомъ пока должна состоять вся наша политика. Адресы эти и заявленія отъ всѣхъ сословій, отъ всѣхъ Русскихъ людей,—не только въ настоящій моментъ поддержка для Правительства, для государя, но онѣ *необходимы* для вразумленія Европы.—Пусть же они шлются со всѣхъ концовъ Россіи,—пусть вездѣ пишутся, въ самыхъ отдаленныхъ даже углахъ ея! Всякій, кто этому содѣйствуетъ словомъ и дѣломъ (и вообще содѣйствуетъ настроенію умовъ, какое *должно быть* въ настоящую великую минуту), *творитъ великое дѣло*. Вотъ именно время для людей, обладающихъ силою духа и слова!.. Да поможетъ имъ Господь Богъ!—*Да дастъ имъ глаголъ,—благовѣствующимъ силою многою*!..—Великій грѣхъ, если они не поймутъ этого" [78]).

XXV.

Наконецъ, „чаша Русскаго долготерпѣнія переполнилась". Русская кровь, проливаемая мятежниками, вмѣшательство Европейскихъ дворовъ въ наше внутреннее дѣло, посягательство на драгоцѣннѣйшее достояніе Россіи глубоко насъ возмутило, и всѣ сословія, званія и состоянія Русскаго народа „тѣсно сплотились вокругъ престола", изъявляя царю своему „полное довѣріе и безпредѣльную любовь и преданность" [79]).

„Они собраній не имѣютъ",—писалъ Катковъ,—„рѣчей не говорятъ и адресовъ никакихъ не посылаютъ. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бѣдные и нищіе духомъ. Но они Русскіе люди, и они издалека, въ своей темной глубинѣ, прежде чѣмъ люди на горахъ, люди просвѣщенные и умные, говорящіе, и пишущіе, и правоправящіе,—они издалека заслышали голосъ Отечества, и отозвались на него, въ простотѣ и смиреніи сердца, тихою молитвой. Они не дѣлали торжественныхъ заявленій, они не имѣли намѣренія производить впечатлѣніе; они и слыхомъ не слыхали о политическихъ демонстраціяхъ. У нихъ одно прибѣжище, гдѣ пробуждается и говоритъ въ нихъ духовное начало, одно прибѣжище — храмъ, и тутъ ихъ политика, тутъ ихъ философія. Тысячи ихъ собирались въ храмы молиться за упокой Русскихъ солдатъ убитыхъ въ бояхъ противъ Польскихъ мятежниковъ, и молиться о ниспосланіи успѣховъ Русскому оружію, — собирались въ то время, когда наши враги съ торжествомъ свидѣтельствовали о недостаткѣ патріотическаго духа въ нашемъ обществѣ, и указывали на признаки разложенія и гніенія на его поверхности. И никому не были извѣстны эти громадныя заявленія, никто не зналъ, что въ Москвѣ *до десяти тысячъ* простого народа изъ фабричныхъ рабочихъ собирались въ церквахъ служить панихиду по убитымъ Русскимъ воинамъ и молебствіе о торжествѣ Русскаго оружія. Это было въ первыхъ числахъ марта; никто тогда не думалъ ни о ка-

кихъ демонстраціяхъ. И до сихъ поръ это оставалось неизвѣстнымъ: пусть же судятъ о правдивости и искренности этого движенія“ [80]).

Согласно съ этими „простыми и темными людьми“, Петербургское дворянство писало государю: „Дворянство, не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями, станетъ на защиту предѣловъ Имперіи. Да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего Отечества“.

Съ своей стороны, государь, въ слѣдующихъ словахъ изъявилъ свою признательность поднесшей ему адресъ дворянской депутаціи: „Благодарю васъ за адресъ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ доставилъ мнѣ одну изъ самыхъ пріятныхъ, утѣшительныхъ минутъ. Я вполнѣ раздѣляю ваши чувства, *какъ дворянинъ*, и увѣренъ, что все Русское дворянство ихъ раздѣляетъ съ вами. Надѣюсь, что вы и дѣтямъ вашимъ передадите такія же чувства, какими теперь меня порадовали. Понимаю любовь къ Отечеству такъ, какъ вы ее выразили: она составляла въ теченіе вѣковъ силу Россіи; она же, переходя изъ рода въ родъ, останется вѣрнѣйшею охраною ея могущества. Еще разъ благодарю васъ и прошу передать искреннюю мою благодарность дворянству“.

Нѣсколько дней спустя, въ Свѣтлое Воскресеніе, принимая депутацію Петербургскаго городского общества, государь сказалъ городскому головѣ и старшинамъ сословій: „Истинно благодарю васъ, господа, за красное яичко, которое поднесъ мнѣ отъ васъ князь Суворовъ въ день Свѣтлаго праздника. Ничѣмъ лучшимъ не могли вы порадовать меня въ этотъ день. Вѣрю, что ваши патріотическія чувства искренни, что вы вполнѣ ихъ раздѣляете со всѣмъ Русскимъ дворянствомъ и передадите вашимъ дѣдамъ и внукамъ. До тѣхъ поръ, пока эти чувства будутъ жить въ васъ, пока въ васъ будетъ та же вѣра и молитва къ Богу — она сохранитъ Россію. Еще разъ благодарю васъ“.

„Первопрестольная столица“,—повѣствуетъ Татищевъ,—„не отстала отъ Петербурга въ патріотическомъ одушевленіи. Московское дворянство, Дума, Университетъ, старообрядцы Рогожскаго кладбища и безпоповцы Преображенскаго богадѣленнаго дома, наконецъ, водворенные въ Москвѣ временно-обязанные крестьяне изъ разныхъ губерній, всѣ спѣшили наперерывъ повергнуть къ подножію престола выраженіе благоговѣйной любви къ царю, преданности, довѣрія, готовности жертвовать всѣмъ для защиты Отечества“ [81]).

Московскіе дворяне писали: „...Государь, мы всѣ предъ вами какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ Отечества“...

По свидѣтельству Н. А. Любимова, въ составленіи адреса Московскаго дворянства участвовалъ Катковъ. По всей видимости, ему принадлежатъ слова въ адресѣ дворянъ: „Государь, мы всѣ передъ вами какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ Отечества. Враги, возмутившіе Западный край вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой вами къ новой исторической жизни. Государь! Наше право на Царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено Русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ Польскаго властолюбія и Польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское Царство неразрывно съ вашею державой“.

Погодинъ, судя по записямъ *Дневника* его, принималъ также участіе въ составленіи дворянскаго адреса:

8 апрѣля 1863 года: „Вечеромъ въ Собраніи. Глупая выходка Кошелева (лучше не напишете, никто не напишетъ). Сѣлъ въ 10-ть и просидѣлъ до 5-ти за полночь. Переписалъ десять разъ. Передъ Собраніемъ обѣдалъ у Лонгинова и уснулъ; а поутру Собраніе у Головина, гдѣ единомысленно почти поручено мнѣ составленіе адреса“.

9 — — —: „Не уснувъ двухъ часовъ, проснулся въ 8, переписалъ и исправилъ еще два раза. Отправилъ къ Головину узнать, гдѣ живетъ Жеребцовъ. Прочелъ ему. Потомъ

въ Собраніе. Отмѣнно всѣ довольны. Читаютъ прочіе адреса, и начинается страшная комичная перебивка. Какая-то партія проводитъ Подольскій адресъ, съ участіемъ Каткова. Шумъ и гамъ. Стыдно. Предлагаютъ разсмотрѣть Каткову и тому подобное. Чуть ли тутъ нѣтъ вліяніи Правительства, съ прибытіемъ Потапова, точно какъ и Щербатова съ Бутковымъ. Богъ съ ними со всѣми. Усталъ и уснулъ послѣ обѣда. Заѣзжалъ къ Аксакову".

10 — — — : „Обѣдалъ у Кошелева, и потомъ въ Собраніи у Гагарина. Принятъ адресъ Подольскій. Толки. Вѣроятно одобренъ предварительно Правительствомъ. Какъ будто оскорбленъ самими, но нѣтъ: это досада на глупость".

Въ адресѣ Московской Думы, между прочимъ, было сказано: „Государь! Люди выборные отъ всѣхъ сословій вашей первопрестольной столицы, мы дерзаемъ свидѣтельствовать передъ лицомъ вашимъ объ общемъ чувствѣ, одушевляющемъ вашихъ вѣрноподданныхъ. Весь народъ вашъ съ вами, государь! Весь народъ вашъ станетъ крѣпко, не страшась никакой борьбы, и готовый на всякія жертвы, за неприкосновенность вашей державы, за величіе дорогого Отечества.

Крестьяне выражали готовность поголовно идти въ огонь и въ воду, не щадя живота своего за тебя и за святую Русь".

Старообрядцы Рогожскаго кладбища писали: „Допусти и насъ къ подножію твоего престола. Прими, Русскій царь, наши клятвы, что мы, старообрядцы, Русскіе по крови и по любви къ нашей родинѣ, готовы жертвовать своимъ достояніемъ, своею жизнію, дѣтьми — для огражденія величія, славы и неприкосновенности Россіи и за тебя, великій государь Земли Русской, отъ котораго мы единственно только и можемъ и привыкли ждать милосердія и правды. Воздвигни же, великій государь, хоругвь свою, и около тебя соединятся всѣ вѣрные сыны Россіи".

Безпоповцы Преображенскаго богадѣленнаго дома писали: „Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ.

Мы хранимъ свой обрядъ, но мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но тебѣ, царь освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. *Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится.* На тебѣ, государь, почіетъ духъ нашихъ царей добродѣтельныхъ"...

Слѣдуетъ замѣтить, что адресъ старообрядцевъ писалъ И. С. Аксаковъ; а адресъ безпоповцевъ писалъ М. Н. Катковъ.

Подалъ свой голосъ и Московскій Университетъ; выразителемъ его явился историкъ Россіи С. М. Соловьевъ: „Въ то время, когда разныхъ чиновъ Русскіе люди, заслыша врага и руководясь святымъ преданіемъ отцовъ, заявляютъ предъ престоломъ царскимъ готовность пожертвовать всѣмъ за единство Русской Земли, неприкосновенность Русской государственной области, за права Россіи, ... *люди науки, проповѣдники разумѣнія и правды*, не могутъ оставаться безмолвными . . . У насъ преданія царей и народа одни, и неодолима сила народа, и несокрушимъ престолъ царей, пока существуетъ это единство. Какъ только вмѣсто многихъ князей, явился въ Москвѣ государь, онъ уже принялъ именованіе *государя всея Руси*. Этимъ наименованіемъ указанъ былъ дальнѣйшій подвигъ царей, дальнѣйшая Исторія народа; этотъ подвигъ, эта Исторія—собраніе Земли Русской, разнесенной чужими. Всѣмъ, всѣмъ было пожертвовано для великаго дѣла. Вѣковая, упорная, кровавая борьба шла за него . . . Мы свято хранили память этой борьбы: она развила наше народное чувство, наше народное сознаніе, и Московское государство стало Всероссійскою Имперіей. Теперь хотятъ возобновить эту борьбу; дѣлаютъ запросъ нашему народу: тотъ ли онъ прежній Русскій народъ, помнитъ ли свое прошедшее, достоинъ ли потому имѣть будущее? И народъ даетъ свой отвѣтъ. Онъ обращается къ царю съ полною вѣрой, что это старый Русскій народъ, готовый пожертвовать всѣмъ за эту единую, за эту *всю* Русь. Государь! въ этой вѣрѣ наша сила, въ этой вѣрѣ наше спасеніе" [82]).

Примѣру Петербурга и Москвы послѣдовали всѣ прочіе города и области Русскаго Царства. Со всѣхъ концовъ Россіи

поступали адресы отъ всѣхъ сословій, обществъ, учрежденій и депутаты спѣшили въ столицу ко дню рожденія государя.

XXVI.

17 апрѣля 1863 года, въ день своего рожденія, государь принималъ въ Бѣлой залѣ Зимняго Дворца депутатовъ, привезшихъ адресы со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ Зимній Дворецъ собрались губернскій и уѣдные предводители Московской губерніи, Московскій городской голова и сословные старшины, ректоръ и одинъ изъ декановъ Московскаго Университета, губернскіе предводители дворянства: Новгородскій, Тверской, Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій, депутаціи отъ городскихъ обществъ: Тверскаго, Ярославскаго, Владимірскаго, Рязанскаго и отъ Московскихъ старообрядцевъ и безпоповцевъ.

Выйдя къ нимъ, вмѣстѣ съ императрицею, государь произнесъ слѣдующую рѣчь: „Благодарю васъ, господа, за поздравленіе, а особенно за выраженіе вашихъ патріотическихъ чувствъ, вызванныхъ смутами, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Западныхъ губерніяхъ и посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее Русское достояніе. Адресы ваши и тѣ, которые я ежедневно получаю отъ всѣхъ сословій и изъ другихъ губерній, составляютъ для меня истинное утѣшеніе посреди всѣхъ моихъ заботъ. Я горжусь единствомъ этихъ чувствъ вмѣстѣ съ вами и за васъ. Они составляютъ нашу силу, и пока они будутъ сохраняться и мы будемъ призывать Бога на помощь, Онъ насъ не оставитъ и единство Царства Всероссійскаго непоколебимо. Враги наши надѣялись найти насъ разъединенными, но они ошиблись. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности, всѣ сословія Земли Русской соединились вокругъ престола и показали царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдетъ, но если она намъ суждена, то я увѣренъ, что съ помощью Божіею, мы сумѣемъ

отстоять предѣлы Имперіи и нераздѣльно соединенныхъ съ нею областей. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ за чувства вашей преданности, которымъ я вѣрю; вѣрьте же и мнѣ, что моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего Отечества и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ трудномъ поприщѣ всякая торопливость не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда я почту это возможнымъ и полезнымъ. Взаимное наше довѣріе есть залогъ будущаго благоденствія Россіи. Да, благословеніе Божіе съ нами. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ души".

За симъ, государь и императрица долго и милостиво разговаривали съ депутатами, обходя ихъ ряды. Привѣтливо обошелся государь и съ старообрядцами и безпоповцами, сказавъ имъ: *Я радъ васъ видѣть и благодарю за сочувстіе общему дѣлу. Мнѣ хотѣли васъ очернить, но я этому не повѣрилъ и увѣренъ, что вы такіе же вѣрноподданные, какъ и всѣ прочіе. Вы мои дѣти, а я—вашъ отецъ, и молю Бога за васъ такъ же, какъ и за всѣхъ, которые такъ же, какъ и вы, близки моему сердцу.*

По окончаніи пріема въ Бѣлой залѣ, государь принялъ хлѣбъ-соль отъ депутаціи поселенныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ временно-обязанныхъ крестьянъ, которые были выстроены на площади предъ Зимнимъ Дворцемъ и представлены Петербургскимъ и Московскимъ генералъ-губернаторами [83]).

По отзыву современниковъ, „рѣчь государя къ депутаціямъ превосходна: спокойствіе, умѣренность, твердость. Въ Европѣ увидятъ, что новая война съ Россіей не будетъ похожа на Крымскую".

Говорили объ адресѣ Финляндцевъ, „но",—замѣчаетъ Никитенко,—„въ печати его нѣтъ. Жаль, если это только слухъ. Швеція вооружается не на шутку, грозя отнять у насъ Финляндію и чуть ли не Петербургъ".

Въ тотъ же день вечеромъ, по свидѣтельству Никитенко, „въ театрѣ происходила манифестація. Играли: *Жизнь за*

царя. Тутъ не было конца восторженнымъ кликамъ, рукоплесканіямъ. Въ театрѣ, между прочимъ, былъ Англійскій курьеръ, наканунѣ пріѣхавшій съ депешами къ своему послу. Онъ былъ изумленъ выраженіемъ всеобщаго восторга,—и сказалъ, что онъ будетъ бояться разсказывать объ этомъ въ Лондонѣ, потому что тамъ этому не повѣрятъ".

Д. А. Милютинъ писалъ своему брату Николаю: „Общество вообще несравненно лучше настроено теперь, чѣмъ прежде. Одни только завзятые нигилисты долгомъ считаютъ проявлять свое безпристрастіе и даже сочувствіе къ Польшѣ; вся же масса благоразумныхъ людей выказываетъ неоспоримый порывъ патріотизма, опровергающій множество идей, распространенныхъ за границею нашими революціонными выходцами и нелѣпыми туристами".

Въ тотъ же день, т.-е., 17 апрѣля, въ Москвѣ,—сообщаетъ Никитенко,—„былъ невыразимый народный энтузіазмъ. Народъ потребовалъ, чтобы молебенъ былъ отслуженъ на площади противъ тѣхъ комнатъ Дворца, гдѣ родился государь. Народъ палъ на колѣни и молился за Россію и государя съ глубокимъ чувствомъ. Очевидцы говорятъ, что это было зрѣлище великолѣпное и трогательное" [84]).

„Извѣстія изъ Москвы,—писалъ Погодину Любимовъ,—„все отрадныя... Здѣсь, *въ Журналистикѣ*, какъ видите, *не то*... Боже мой! какія чувства въ иныхъ газетахъ проглядываютъ *даже въ настоящую великую минуту*!.. Да, зло *глубоко внѣдрилось*,—и ниспосылаемыя всеблагимъ Промысломъ бури всеконечно часто бываютъ къ нашему же спасенію,—къ очищенію воздуха отъ смертоносныхъ міазмовъ!.. Да спасетъ насъ Господь Богъ и помилуетъ! и не до конца прогнѣвается" [85])!

Между тѣмъ, въ газетѣ *l'Opinion National* было напечатано сужденіе объ адрессѣ Петербургскаго дворянства, увѣряющее, что мнѣніе, выраженное въ адрессѣ, не раздѣляется многочисленнѣйшею, именно космополитическою, частью Русскаго дворянства. По поводу этого сужденія, И. С. Аксаковъ писалъ: „Если и дѣйствительно Русскіе путешественники за границей

могли подать поводъ редактору Французско-Польской газеты (*l'Opinion National*) къ такому невыгодному о Русскомъ дворянствѣ заключенію, то пусть знаетъ Европа, что сила Россіи не въ обществѣ, рабствующемъ Западу и отчужденномъ отъ народа, а въ пятидесяти милліонной, *однородной* массѣ Русскаго народа, освобожденнаго Русскимъ государемъ отъ крѣпостного рабства и освобождаемаго имъ постепенно отъ рабства Нѣмцамъ и отъ остальныхъ, еще тяготѣющихъ на немъ узъ, сковывающихъ его правильное, естественное развитіе. Наша сила неистощима, но она ослабляется нашимъ собственнымъ невѣдѣніемъ ея и непониманіемъ; наша истинная сила въ разумѣніи нашей силы“ [86]).

Изъ своего уединеннаго Малороссійскаго хутора, Кохановская писала Аксакову: У насъ ходятъ гомерическіе слухи о вашемъ Московскомъ воодушевленіи,—между прочимъ: Купецъ съ ключемъ въ рукѣ, который говоритъ: „подъ эфтимъ-съ ключикомъ у меня-съ золотомъ двадцать восемь милліоновъ лежитъ-съ—всѣ царю на войну даю“. Что Филаретъ и Кіевскій митрополитъ Арсеній дали по три милліона и пр. На это Аксаковъ отвѣчалъ: „Пора было явиться могучему талантливому слову въ современной атмосферѣ посредственности всякаго вида. Пора освѣтить наши умы и души, загрязненные политическими комбинаціями, разсчетами, сочувствіемъ къ висѣлицамъ, къ насильствамъ... Прескверное современное настроеніе общества, при всемъ его пресловутомъ патріотизмѣ,—или, вѣрнѣе, сказать, много грубаго и глупаго въ этомъ патріотизмѣ: это какой-то инстинктъ силы, проявленіе натуры большого государства, но мало разума, мало истинной любви къ родной Землѣ“ [87]).

XXVII.

30 апрѣля 1863 года, Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ къ Лаврскому намѣстнику Антонію: „Вопросъ, не должно ли и духовенство изъявить государю императору чув-

ствованія, возбуждаемыя въ сердцахъ вѣрноподданныхъ настоящими обстоятельствами Отечества, но болѣзнь не допустила меня сдѣлать сіе благовременно. И думаю, что это былъ бы шагъ весьма сомнительный. Не видно сего со стороны духовенства въ такихъ государствахъ, въ которыхъ оно болѣе сближено съ политикою, и гдѣ адресы народа или сословій давно обычны. Трудно слову церковному вступить въ политическую сферу, не соступя съ поприща духовнаго. Но вступивши въ сей путь однажды, окажется нѣкоторая необходимость продолжать идти по немъ, и могутъ даже повлечь, куда неудобно слѣдовать. Въ войну 1806 и 1807 годовъ, Св. Сѵнодъ, думая сильно поддержать Правительство, назвалъ Наполеона антихристомъ: а потомъ съ антихристомъ заключенъ миръ. Адрессъ Св. Сѵнода былъ бы выступъ изъ ряда: потому что и Государственный Совѣтъ и Сенатъ не пишутъ адрессовъ" [88]).

Въ то же время по Москвѣ ходило письмо неизвѣстнаго *о внутреннемъ преобразованіи Россіи*. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „Наше духовенство, еще мертвое, когда оно до такой степени безжизненно, что это одно въ Россіи сословіе, которое не выразило своего чувства въ настоящихъ обстоятельствахъ Отечества и осталось безмолвнымъ, даже при мученическихъ страданіяхъ нѣкоторыхъ православныхъ служителей алтаря".

На эти слова митрополитъ Московскій замѣтилъ: „Можетъ быть, Россійское духовенство признается, что оно не довольно сильно дѣйствуетъ, послѣ того, какъ недовѣрчивое воззрѣніе, которому подверглось въ Европѣ Западное духовенство, по недоразумѣнію, обращено было на Православное Русское духовенство, и болѣе столѣтія принимаемы были мѣры, чтобы оно не дѣйствовало сильно. Когда говорятъ, что оно *мертво* и *безжизненно*: на сей случай оно можетъ оказаться мертвымъ, не поднимая руки съ перомъ, не отверзая уста противъ тяжкаго порицателя. Но когда у него хотятъ отнять патріотическія чувства къ царю и Отечеству, въ прежнихъ или въ настоящихъ обстоятельствахъ: сіе самое чувство заставляетъ сказать: нѣтъ!

Патріотическихъ адрессовъ вообще не было до настоящаго времени: потому что царь увѣренъ въ преданности ему народа; а народъ увѣренъ, что царь совершенно знаетъ его преданность. Неблагопріятные голоса, изъ-заграницы, и особенно неблагонамѣренныя разглашенія въ Европѣ, будто у Россіянъ не достаетъ полнаго сочувствія къ своему Правительству, побудили Россіянъ гласно и торжественно отразить клевету, и патріотическіе адрессы понеслись отовсюду къ престолу императора Всероссійскаго. Содержаніе всѣхъ адрессовъ одно: за царя и Отечество мы готовы на войну, хотя бы то было съ самыми тяжкими пожертвованіями. Это все таково, что при семъ Православное духовенство, соотвѣтственно существенному характеру своего званія, должно было пребывать въ предѣлахъ своего мирнаго молитвеннаго положенія. Оно приносило и приноситъ молитвы о подвизающихся за царя и Отечество противъ мятежниковъ... Оно выражаетъ свое, и поддерживаетъ народное патріотическое чувство словомъ церковныхъ поученій и, при случаяхъ, публичныхъ рѣчей... Армія не написала адресса, выражающаго ея ревность на защиту царя и Отечества. Неужели это потому, что она мертва?—Нѣтъ, потому, что такой адрессъ написанъ на ея оружіи, на самомъ ея имени. Предположить надобность новаго отъ нея адресса, значило бы бросить иа нее тѣнь. Подобное разсужденіе можно приложить къ духовенству".

Далѣе, въ томъ же письмѣ сказано: „Великій и прекрасный народъ Русскій теперь безъ пастырей, когда каждый ксендзъ полонъ жизни, мысли и воли".

На это Филаретъ замѣчаетъ: „Видно сочинитель письма думаетъ, что когда пастыри исполняютъ свои церковныя обязанности, тогда оно ничто; а начинаютъ существовать только тогда, когда отъ дѣлъ вѣры переходятъ къ дѣламъ политики. И умѣлъ же онъ найти образецъ, чтобы указать его для Русскаго духовенства! Это ксендзы, проповѣдующіе мятежъ, благословляющіе мятежниковъ, служащіе въ шайкахъ мятежниковъ, образующіе вѣшателей"?

Въ заключеніе Филаретъ сообщаетъ: „Писавшій письмо велитъ неизвѣстному другу прочитать письмо Каткову, Аксакову и Погодину, не какъ извѣстнымъ уже единомышленникамъ его, а какъ людямъ, которыхъ *мнѣніемъ онъ дорожитъ*. Совѣтъ дѣло доброе" [89]).

Адрессы старообрядцевъ и безпоповцевъ, произведшіе сильное впечатлѣніе, не ускользнули отъ вниманія митрополита Филарета.

8 мая 1863 года, святитель Московскій писалъ оберъ-прокурору Св. Сѵнода А. П. Ахматову: „Ко мнѣ пришли единовѣрцы, показали мнѣ листъ *Московскихъ Вѣдомостей* и говорили: подлинна ли рѣчь государя императора къ глаголемымъ старообрядцамъ? Катковъ расположенъ къ нимъ, и адресъ имъ писанъ. Они, возвратясь послѣ адресса изъ Петербурга, подняли голову, но о рѣчи не говорили, а теперь, прочитавъ рѣчь, подняли голову выше. Замѣчаютъ къ нимъ видимое благоволеніе въ рѣчи въ сравненіи съ другими.

И что значитъ, что ихъ *оклеветали*?

Я отвѣчалъ: никто не дерзнетъ напечатать рѣчь государя императора, не удостовѣрясь, что это истинныя слова его. Онъ, безъ сомнѣнія, благоволитъ отечески ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, а изъявляетъ свое благоволеніе примѣнительно къ обстоятельствамъ. Скрытые недоброжелатели за границей и въ Россіи говорили и писали, что раскольники единомышленны съ ними. Вѣроятно, сіе дошло до свѣдѣнія государя императора, и онъ не повѣрилъ и сказалъ сіе къ успокоенію раскольниковъ, изъявившихъ свою вѣрность.

Православные не доходятъ до сомнѣнія о рѣчи; но, думаю, и у нихъ есть мысли, подобныя единовѣрческимъ.

Такъ, когда погладили по головѣ пасынковъ, это оказалось не по шерсти приснымъ дѣтямъ. Но пасынки едва-ли такъ надежны, какъ дѣти присныя.

Трудное время, когда изъ прекращенія одного неудобства рождается другое неудобство".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ счелъ полезнымъ написать

Записку о расколѣ въ настоящее время, которую препровождая, 14 іюня 1863 года, къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода, писалъ ему: „Воззрѣніе на расколъ во всякомъ преданномъ Православію, въ настоящее время, возбуждаетъ заботливыя помышленія.

Изъ сего источника произошла прилагаемая при семъ Записка, къ которой призываю ваше вниманіе.

Смѣю признавать согласнымъ съ обстоятельствами, чтобы соображенія такого рода, какъ здѣсь изложенныя, достигли до высочайшаго вниманія самодержавнѣйшаго защитника Православной церкви.

Желательно было бы мнѣ знать, какія будутъ ваши мысли по прочтеніи означенной Записки.

При чтеніи Записки можетъ представиться вопросъ: почему раскольники сперва молчали о всемилостивѣйшихъ словахъ государя императора?

Вѣроятное изъясненіе есть слѣдующее. Сказываютъ, что государь императоръ, между прочимъ, сказалъ имъ: *желаю, чтобы Богъ просвѣтилъ васъ*. Слова назидательныя для раскольниковъ, утѣшительныя для православныхъ, но по сему самому не такія, чтобы раскольники могли хвалиться ими. Но какъ-то, при записаніи словъ царскихъ, сдѣлано въ печати опущеніе означеннаго важнаго изреченія, и тогда стало удобнѣе раскольникамъ хвалиться и торжествовать.

Когда-то, не помню по какому предмету, вы сказали, что вѣроятно генералъ-губернаторъ со мною посовѣтуется. Это бывало при князя Дмитріѣ Владиміровичѣ *). Послѣ же его, помню только, что я иногда вызывался съ моими мнѣніями, какъ напримѣръ, случилось во время восшествія на престолъ нынѣ царствующаго государя. Раскольники два дня не шли къ присягѣ, не желая, чтобы при семъ былъ православный священникъ, чего требовалъ законъ, который предоставлялъ только употребить при семъ старопечатное Евангеліе и древній

*) Голицынѣ. *Н. Б.*

крестъ. Я предложилъ графу Закревскому прислать раскольничьихъ старшинъ ко мнѣ, изъяснилъ имъ, какъ неблаговидно въ такомъ случаѣ медлить изъявленіемъ вѣрности государю, какъ противно сіе закону, какъ требуемое отъ нихъ не противно ихъ вѣрованіямъ, предложилъ имъ священника единовѣрческаго, и тогда они сами предпочли православнаго, и присяга состоялась.

Не навязаться ли мнѣ и теперь съ моимъ мнѣніемъ и не представить ли ему Записку. посылаемую теперь къ вамъ, чтобы политическія соображенія менѣе сильно влекли его мимо церковныхъ соображеній" [90]).

Въ этой *Запискѣ*, мы, между прочимъ, читаемъ: „До нынѣшняго 1863 годи, Правительство оффиціальнымъ образомъ не признавало раскольниковъ въ качествѣ особаго сословія. Особенныя обстоятельства настоящаго времени, возбудившія изъявленіе патріотическихъ чувствованій отъ всѣхъ сословій, дали случай раскольникамъ предстать предъ государя императора со всеподданнѣйшими письмами, отдѣльно, отъ секты пріемлющей священство, и отъ непріемлющей. По всемилостивѣйшемъ принятіи оныхъ, раскольники Московскіе примѣтно почувствовали себя выше прежняго, но они не хвалились всемилостивѣйшими словами государя императора, и, что особенно непонятно, даже не упоминали о нихъ; а когда они появились въ печати, радость и надежда раскольниковъ еще болѣе возвысились. Напротивъ того, въ ревностереннѣйшихъ изъ православныхъ и единовѣрцевъ возбудились заботливыя размышленія, о сохраненіи мира и спокойствія Православной церкви. Нельзя оставить безъ вниманія и того, что всеподданнѣйшее письмо наравнѣ съ раскольниками поповщинскаго толка, поднесли и всемилостивѣйшаго слова удостоены также и раскольники толка безпоповщинскаго, почитающіе нынѣшнее Правительство антихристовымъ, не признающіе брака, проповѣдующіе безнравственное ученіе, что блудъ менѣе грѣховенъ, нежели бракъ, отвергающіе всякое священство, имѣющіе только самопоставленныхъ отцевъ, или большаковъ и попечителей молен-

ныхъ. И сіи почитаютъ себя въ правѣ требовать тѣхъ же уступокъ, если какія были бы сдѣланы поповщинскому толку. Можно ли сему безобразному обществу сдѣлаться оффиціально признаннымъ вѣроисповѣданіемъ? Можно ли дать ему сколько-нибудь правильную организацію" [91])?

XXVIII.

Между тѣмъ, „дѣла въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ",—по свидѣтельству М. Н. Муравьева,—„болѣе и болѣе запутывались и усложнялись: насилія, грабежи, неистовства мятежными шайками надъ Русскими, захваченными вездѣ въ расплохъ, увеличивали обуявшій наши правительственныя лица страхъ.

Они боялись уже не за Литву, а за Петербургъ и за себя, они страшились всеобщаго развитія демократическихъ началъ..... Въ Петербургѣ, во второй половинѣ апрѣля 1863 г., между главными правительственными дѣятелями была общая паника. Событія подъ Динабургомъ, т.-е., разграбленіе графомъ Плятеромъ транспорта съ оружіемъ, до того устрашили Петербургъ, что по желѣзной дорогѣ былъ посланъ уланскій полкъ для усмиренія ничтожной этой шайки, съ которой не могли справиться мѣстныя власти, потому что само высшее Правительство не принимало на мѣстѣ никакихъ мѣръ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и жандармская часть вполнѣ бездѣйствовали.

Надо замѣстить, что возстаніе Динабургское было перетолковано Поляками, имѣвшими большое вліяніе на Петербургскія власти, совсѣмъ иначе, чѣмъ было. Жандармерія увѣряла, что это есть бунтъ раскольниковъ противъ помѣщиковъ, что это предвѣщаетъ рѣзню, бывшую въ Галиціи въ 1846 году, что Плятеры, Моли и прочіе помѣщики совершенно покойны и нѣтъ никакого заговора противъ Правительства. Виленскій окружной жандармскій генералъ Гильдебрандтъ, въ душѣ полякъ, и имѣвшій много родныхъ въ Динабургскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ, всѣми средствами старался увѣрить, что въ краѣ

мятежа нѣтъ, и что надобно смирить старообрядцевъ, которые грабятъ мызы помѣщичьи. Князь В. А. Долгоруковъ увѣрилъ государя въ этомъ, и 16-го апрѣля 1863 года испросилъ высочайшее повелѣніе отправить туда войско и генерала для усмиренія старообрядцевъ, которые управлялись Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, и извѣстилъ о томъ министра Зеленаго.

Генералъ-адъютантъ Зеленый, знавши превратное толкованіе этого дѣла со стороны жандармовъ, ввечеру 16-го апрѣля отправился къ государю, объяснилъ ему настоящее положеніе дѣла и испросилъ отмѣну посылки особаго генерала отъ шефа жандармовъ и разрѣшеніе о предоставленіи ему, министру государственныхъ имуществъ, прекратить тамошніе безпорядки, безъ вмѣшательства жандармовъ, для чего и посланъ былъ имъ, служившій въ Министерствѣ генералъ Длотовскій, съ предоставленіемъ ему правъ военнаго начальника той мѣстности. Генералъ Длотовскій, по прибытіи въ Динабургъ, обнаружилъ настоящее положеніе дѣлъ, весь заговоръ тамошнихъ помѣщиковъ и развивавшійся мятежъ во всѣхъ сосѣднихъ уѣздахъ, какъ въ Витебской, такъ и въ Виленской губерніяхъ, причемъ принялъ мѣры къ охраненію крѣпости Динабурга, въ которой все управленіе было въ рукахъ Польскихъ чиновниковъ и почти не было для охраненія оной войскъ, кромѣ одного резервнаго баталіона и прибывающихъ для комплектованія рекрутовъ. Динабургъ не былъ взятъ мятежниками по собственному ихъ безсмыслію, ибо, не дождавшись предназначеннаго ими дня для взятія его, графъ Плятеръ, со своими сообщниками, семью днями ранѣе кинулся на транспортъ и тѣмъ обнаружился ихъ замыселъ и вооруженный мятежъ; старообрядцы, ненавидящіе Поляковъ, давно видѣли ихъ приготовленія къ возстанію, и при первомъ покушеніи Плятера, всѣ вооружились, отбили транспортъ, разсѣяли шайку и взяли самого Плятера. Не ограничиваясь симъ, старообрядцы отправились по Динабургскому и Рѣжицкому уѣздамъ укрощать мятежъ и тѣмъ самымъ отняли возможность сформироваться со-

бирававшимся мятежнымъ бандамъ. Поляки испугались, въ особенности помѣщики, ибо увидѣли, что всѣ ихъ замыслы уничтожены одними старообрядцами, которые, за неимѣніемъ войскъ, сами усмирили мятежъ въ Динабургскомъ уѣздѣ. Вотъ причина всѣхъ возгласовъ бывшихъ въ Петербургѣ, противъ старообрядцевъ, которые подверглись бы страшному гоненію отъ нашего Правительства за исполненіе ими вѣрноподданнической присяги. Таково было настроеніе Петербургскаго управленія. Генералъ Зеленый первый показалъ необходимость принять рѣшительныя мѣры противъ мятежа и противодѣйствовать Петербургскимъ дѣятелямъ".

17-го апрѣля 1863 г., въ день рожденія государя, М. Н. Муравьевъ былъ на маломъ выходѣ въ церкви; тамъ только и говорили о Динабургскомъ происшествіи. Государь подошелъ къ Муравьеву и спросилъ:

— „Слышали ли вы, что случилось въ Динабургѣ"? Муравьевъ отвѣчалъ, что слышалъ и что ожидать этого надо было не только въ Динабургѣ, но и вездѣ въ Западныхъ губерніяхъ, и въ особенности въ Ковенской. Надо замѣтить, что до апрѣля мѣсяца, Ковенскій и Виленскій генералъ-губернаторъ увѣрялъ, что въ Самогитіи все спокойно и никакихъ нѣтъ приготовленій къ мятежу, тогда какъ тамъ было все его основаніе. Государь отвѣчалъ Муравьеву, что послалъ туда полкъ и надѣется, что все это будетъ прекращено. Муравьевъ же старался увѣрить государя *въ противномъ*, прибавивъ, что уже болѣе тридцати лѣтъ знаетъ тотъ край и что тѣ фамиліи, которыя замѣшаиы въ Динабургскомъ дѣлѣ, участвовали въ мятежѣ 1830 года".

Въ это же самое время въ Вильнѣ распространились слухи, что В. И. Назимовъ оставляетъ край, „такъ крѣпко ему насолившій". Сначала мы думали,—пишетъ Никотинъ,—„что это были одни пустые городскіе толки, но слухи эти нисколько не унимались, а становились день ото дня настойчивѣе. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля, генералъ-губернаторъ объявилъ за чаемъ, что онъ не останется въ Вильнѣ и просилъ государя

отозвать его въ Петербургъ. На сдѣланный же ему собесѣдниками вопросъ о преемникѣ, отозвался совершеннымъ незнаніемъ. Грустно было намъ, Русскимъ, выслушать тяжелую вѣсть о предстоявшей разлукѣ съ добрѣйшимъ Владиміромъ Ивановичемъ и его милымъ семействомъ, но, увы! нужно было свыкаться съ этою мыслію".

XXIX.

25 апрѣля 1863 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Государь рѣшился, сегодня, проститься съ генераломъ Назимовымъ" [92]).

Народное чувство и одушевленіе, пробудившіяся, по виду, вверху и внизу, вызвали снова Михаила Николаевича Муравьева на поприще государственной дѣятельности.

„Живо помню",—пишетъ графъ С. Д. Шереметевъ,—„то время передъ началомъ Польскаго возстанія 1863 года. М. Н. Муравьевъ уже не былъ министромъ Государственныхъ Имуществъ. Онъ готовился къ выѣзду изъ удѣльнаго дома. Странно было видѣть Михаила Николаевича въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, куда бывало проникали къ нему только съ дѣлами. Теперь онъ весь день принималъ гостей и, какъ частное лицо, со стороны наблюдалъ за ходомъ дѣлъ. Однажды пришлось мнѣ у него встрѣтиться съ Софіею Петровною Апраксиной, дочерью графа Петра Александровича Толстого. Между семьей ея и Муравьевыми были давнія дружескія отношенія еще съ Москвы. Софія Петровна разсуждала о трудности положенія, въ виду вспыхнувшаго возстанія, и говорила, что безъ участія Муравьева дѣло не обойдется. Михаилъ Николаевичъ только улыбался и отшучивался, напирая на то, что *устарѣлъ*. А между тѣмъ, дѣла шли все хуже, и общественное мнѣніе все громче и сильнѣе вызывало Муравьева. Наконецъ, состоялось давно желанное назначеніе" [93]).

„При нерасположеніи государя къ Михаилу Николаевичу",—писалъ его братъ А. Н. Муравьевъ,—„довольно странно вне-

запное его назначеніе въ Вильну, когда до такой степени о немъ забыли, что даже прежде вызвали его брата Николая Николаевича изъ Москвы, чтобы совѣщаться о военныхъ дѣйствіяхъ, и то только по внушенію вице-канцлера князя Горчакова, который не зналъ куда ему броситься, à quel saint se vouer; потому что дипломатическая петля все болѣе и болѣе стягивалась на его шеѣ отъ постепенно болѣе грозныхъ нотъ Запада, и по этой причинѣ, въ эту роковую минуту, это былъ самый дѣйствительный совѣтникъ государя.

За дня два до призванія брата, случилось мнѣ быть въ Азіатскомъ Департаментѣ, чтобы взять себѣ отпускъ въ Кіевъ у Н. П. Игнатьева. По давнишнимъ связямъ онъ объяснился со мною откровенно о бѣдственномъ положеніи дѣлъ и сравнилъ обѣщанную на 1 мая амнистію съ тою, которая дана была бунтовщикамъ Небесной Имперіи, такъ что совѣстно было рядомъ печатать ихъ въ газетахъ, какъ будто первая была заимствована отъ послѣдней.

— Покамѣстъ мой тупой родичъ будетъ въ Вильнѣ, говорилъ Игнатьевъ,—нечего намъ ожидать тамъ добраго. Я возразилъ ему: Покамѣстъ не будетъ посланъ туда братъ мой Михаилъ, знающій на опытѣ тотъ край, не будетъ спасена Литва; ибо уже шла рѣчь о томъ, что если будутъ высадки Французовъ въ Курляндіи, то дѣло уже пропало.—Какъ же это можетъ статься? сказалъ Игнатьевъ. Братъ твой ни за что не согласится, а особенно послѣ послѣднихъ неудовольствій по Министерству.—Знаю, что онъ несогласенъ, отвѣчалъ я, ибо я испытывалъ уже его мысль; но на все есть своя манера. Если только государь безъ всякаго предваренія пошлетъ за нимъ фельдъегеря и скажетъ ему: Муравьевъ, Отечество въ опасности, спасай его! то какъ конь ретивый и вѣрный сынъ Отечества, онъ не можетъ отказаться. — А это ты думаешь? сказалъ Игнатьевъ. Въ эту минуту вошелъ курьеръ, требуя его къ вице-канцлеру съ бумагами, потому что тотъ немедленно ѣхалъ съ докладомъ къ государю. Вотъ удачная минута,—сказалъ я,—воспользуйся ею! И мы разстались.

Такъ и случилось. Князь Горчаковъ сгоряча подалъ эту мысль государю, который однако призадумался, и въ первую минуту не могъ рѣшиться и посовѣтовался съ своими приближенными. Видя неминуемую опасность и не ожидая ничего добраго отъ такого посольства, кромѣ гибели брату, крѣпко нелюбимому, они согласились, тѣмъ болѣе, что князь Горчаковъ и Зеленый, бывшій въ Совѣтѣ, поддерживали эту мысль, хотя уже не съ враждебной стороны. Прямо съ совѣщанія князь Горчаковъ призвалъ Игнатьева и сказалъ ему съ торжествомъ: Удалось! Сейчасъ ѣду предварить Муравьева. — Что вы дѣлаете? возразилъ Игнатьевъ. Вы испортите все дѣло. Онъ навѣрно откажется, если будетъ предваренъ вами, и вы будете отвѣчать передъ государемъ за ваше предложеніе. Пусть государь дѣйствуетъ самъ собою и пошлетъ за нимъ фельдъегеря; самая неожиданность скорѣе его побѣдитъ.

Такъ все и было исполнено. Игнатьевъ разсказалъ мнѣ о послѣдующемъ, по возвращеніи моемъ изъ Кіева, когда братъ уже совершилъ свое великое дѣло. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ, т.-е., Игнатьевъ, пріѣхалъ ко мнѣ и, радостно обнявъ, сказалъ: Какъ счастливъ, что мы были первыми двигателями этого назначенія. Я никогда не разсказывалъ этого покойному брату, чтобы его не оскорбить; но мнѣ такъ совѣстно было передъ его семействомъ, которое какъ бы на смерть отпускало его въ Вильну, что я оставался въ Петербургѣ до самаго его отъѣзда“ [94]).

Самъ же М. Н. Муравьевъ, въ своихъ *Запискахъ*, повѣствуетъ: „Въ виду Европейскаго напора и могущихъ быть военныхъ дѣйствій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г., вызванъ былъ сюда, въ Петербургъ, братъ мой генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ для совѣщанія о защитѣ прибрежья отъ Свеаборга, въ Финляндіи, до границъ Пруссіи.

25-го апрѣля 1863 г., братъ мой былъ у государя, и, какъ я послѣ узналъ, государь былъ очень разстроенъ полученными изъ Литвы свѣдѣніями. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія брата отъ государя, чтобы узнать о ходѣ дѣлъ

на Западѣ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ отъ государя фельдъегерь съ приглашеніемъ меня къ нему. Я немедленно отправился во Дворецъ и нашелъ въ аванзалѣ государя одного министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, очень смущеннаго. Я у него спросилъ, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ государь меня потребовалъ и кто теперь у государя? Онъ отвѣчалъ, что у его величества еще мой братъ и государю угодно со мной поговорить о дѣлахъ Западныхъ губерній. Не прошло пяти минутъ, братъ вышелъ отъ государя и сказалъ, что государь меня требуетъ. Ему государь объявилъ о своемъ намѣреніи на счетъ меня.

Взойдя къ государю, я его нашелъ весьма смущеннымъ. Онъ мнѣ разсказывалъ о положеніи Литвы и Царства Польскаго, обо всѣхъ своихъ опасеніяхъ относительно возможности удержать за нами Литву, въ особенности при Европейской войнѣ, которую должно ожидать послѣ сдѣланныхъ намъ угрозъ Франціею и Англіею. При этомъ его величество сказалъ, что имѣетъ до меня просьбу, чтобы я принялъ на себя управленіе Сѣверозападнымъ краемъ, съ командованіемъ всѣми войсками, въ немъ расположенными, и съ присоединеніемъ къ четыремъ губерніямъ Виленскаго генералъ-губернаторства, двухъ Бѣлорусскихъ: онъ надѣется, что я прекращу мятежъ и приведу тамъ все въ надлежащій порядокъ, что онъ даетъ мнѣ всѣ полныя права дѣйствовать по усмотрѣнію надобности и что отъ меня будетъ зависѣть, по укрощеніи мятежа, ежели пожелаю, или оставаться тамъ генералъ-губернаторомъ, или возвратиться.

Предложеніе государя было для меня совершенно неожиданно. Мнѣ и мысли не приходило, что я буду въ Литву, а въ особенности когда, оставляя Министерство, я видѣлъ нерасположеніе государя... На предложеніе государя я отвѣчалъ, что, какъ русскому, было бы безчестно мнѣ отказываться отъ исполненія возлагаемой нынѣ на меня его величествомъ обязанности: всякій русскій долженъ жертвовать собою для пользы Отечества, и потому я безпрекословно принимаю на себя эту трудную обязанность генералъ-губернатора въ томъ краю, что отъ его величества будетъ

зависѣть приказать мнѣ оставаться тамъ столько времени, сколько онъ найдетъ это нужнымъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу полнаго со стороны его величества довѣрія, ибо, въ противномъ случаѣ, не можетъ быть никакого успѣха. Я съ удовольствіемъ готовъ жертвовать собою для блага и пользы Россіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ желаю, чтобы мнѣ были даны и всѣ средства къ выполненію возлагаемой на меня обязанности, и, главнѣе всего, условиться предварительно въ системѣ дѣйствій; при чемъ я сказалъ его величеству, что нахожу дѣйствія по управленію Царствомъ Польскимъ вовсе несоотвѣтственными настоящимъ обстоятельствамъ, необходимо, чтобы какъ въ Западныхъ губерніяхъ, такъ и въ Царствѣ, была одна система, т.-е., строгое преслѣдованіе крамолы и мятежа, возвышеніе достоинства Русской національности и самого духа въ войскѣ, которое теперь негодуетъ отъ того, что оно, будучи постоянно оскорбляемо Поляками, не имѣло даже права противодѣйствовать ихъ буйству; что необходимо дать рѣшительный отпоръ иностраннымъ державамъ, которыя будутъ всѣми средствами опорочивать предлагаемую мною систему строгаго преслѣдованія мятежа и Польскаго революціоннаго духа; что необходимо, дабы и министры его величества были проникнуты тою же системою и тѣми же мысляли, ибо, въ противномъ случаѣ, не можетъ быть успѣха въ дѣйствіяхъ на мѣстахъ. Все это, совокупно взятое, заставляетъ меня просить его величество еще разъ обсудить, не найдетъ ли онъ другое лицо для выполненія возлагаемаго теперь на меня порученія, система дѣйствій котораго привлекала бы къ себѣ болѣе расположенія Европы и Петербургскихъ правительственныхъ лицъ. Я впередъ знаю, что система моихъ дѣйствій не будетъ нравиться; но я отъ нея отступить не могу и заявляю впередъ, ибо знаю довольно народъ Польскій и увѣренъ, что уступчивостью и послабленіями мы только ухудшимъ дѣло, а единственно мѣрами строгой справедливости и преслѣдованія крамолы мы можемъ возстановить спокойствіе въ краѣ. При этомъ я выразилъ его величеству мое убѣжденіе, что край тотъ искони Русскій, что мы сами

его ополячили, и что опытъ 1831 года намъ послужилъ въ пользу и что теперь надо рѣшительно подавить мятежъ и уничтожить крамолу и возстановить Русскую народность и Православіе въ краѣ. Говоря о политическомъ и нравственномъ положеніи края, я ссылался его величеству на пріобрѣтенный мною опытъ въ распознаніи Польскаго характера и враждебныхъ его противъ Россіи направленій; что въ бытность мою въ томъ краѣ, т.-е., въ Витебскѣ, вице-губернаторомъ, въ Могилевѣ и въ Гроднѣ—губернаторомъ, и находившись во время всего похода 1831 года въ Литвѣ, при главнокомандующемъ графѣ Толстомъ, который ввѣрилъ мнѣ всѣ распоряженія по гражданской части во время мятежа, я могъ узнать, какъ тотъ край, такъ и революціонные замыслы и Польскія крамолы.

На все это государь мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня благодаритъ за самоотверженіе и готовность принять эту трудную обузу, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мой образъ мыслей, предлагаемую систему и отъ оной не отступитъ.

Весь этотъ разговоръ съ государемъ былъ такъ неожиданъ, что когда мнѣ государь сказалъ, что поэтому можно отдать въ приказахъ о назначеніи меня генералъ-губернаторомъ, я просилъ его еще повременить и приказать своимъ министрамъ со мною объясниться по дѣламъ Западныхъ губерній, дабы я могъ разъяснить имъ мой взглядъ на управленіе тамошнимъ краемъ, ибо я долженъ быть увѣренъ, что и министры будутъ мнѣ во всемъ содѣйствовать. Государь на это согласился и сказалъ: — я поручаю вамъ объясниться по этому дѣлу, въ видѣ комитета, съ княземъ Долгоруковымъ, военнымъ министромъ Милютинымъ, министромъ государственныхъ имуществъ Зеленымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, но прошу васъ только ускорить этимъ, ибо время не терпитъ; по окончаніи съ ними соглашенія, вы мнѣ напишите, и я васъ тотчасъ призову для окончательныхъ мѣропріятій“.

Подъ 25 апрѣля 1863 года, П. А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Государь рѣшился сегодня проститься съ генераломъ Назимовымъ. Онъ послалъ за М. Н. Муравьевымъ,

который принимаетъ Назимовское наслѣдіе и былъ у меня, чтобы о томъ сообщить. Конечно, не безъ обычныхъ оговорокъ. Во всякомъ случаѣ похвально, что въ такое время онъ не уклонился отъ такой ноши".

„Во исполненіе высочайшей воли, 27 числа апрѣля 1863 года",—повѣствуетъ Муравьевъ,—„мы закончили совѣщаніе. Министры всѣ были со мною согласны на словахъ, хотя видимо было, что князь Долгоруковъ и Валуевъ колебались, но видя трудность положенія дѣлъ, вынуждены были согласиться, ибо, какъ я сказалъ выше, страхъ обуялъ ихъ всѣхъ".

На другой день, Муравьевъ былъ уже у государя, объявилъ ему соглашеніе съ министрами и представилъ его величеству нѣкоторые вопросы по управленію съ расширеніемъ правъ дѣйствія; на всѣ предположенія Муравьева государь изволилъ согласиться. Но вслѣдъ затѣмъ Муравьевъ „увидѣлъ уже возраждавшееся противодѣйствіе со стороны Валуева и Долгорукова. Имъ не нравились испрошенныя права по управленію".

Посѣтивъ, 30-го апрѣля, государя, Муравьевъ замѣтилъ уже въ немъ, нѣкоторую холодность, такъ что вынужденъ былъ повторить государю, что не лучше ли послать другого въ Западныя губерніи. Государь прогнѣвался и сказалъ:

— Я однажды высказалъ свои убѣжденія и не намѣренъ ихъ повторять.

А когда Муравьевъ сказалъ, что его министры не совсѣмъ раздѣляютъ его убѣжденія, то государь съ нѣкоторою грубостью отвѣчалъ: *это неправда*. Тогда Муравьевъ всталъ и сказалъ его величеству: *найдите другого вмѣсто меня*.

Государь взялъ тогда Муравьева подъ руку и просилъ извиненія въ неправильномъ выраженіи, которое вырвалось, какъ онъ говорилъ, невольнымъ образомъ. Муравьевъ сказалъ государю, что „неправды не говорю и еще разъ повторилъ: найдите другого, который вашему величеству будетъ говорить правду".

Тогда государь обнялъ Муравьева, просилъ еще разъ изви-

нія и чтобы онъ навсегда это забылъ, что такой у него „дурной характеръ, иногда высказываетъ противъ желанія недолжное слово“. Произошло примиреніе, и государь спросилъ только: „и такъ, я могу отдать въ приказахъ о вашемъ назначеніи“?

Муравьевъ отвѣчалъ, что „когда и какъ будетъ угодно вашему величеству. Я согласенъ и сдѣлаю все, что могу для исполненія этого важнаго возлагаемаго на меня порученія. Я служу Россіи и готовъ жертвовать собою для нея и вашего величества. Прошу только не оставлять жены и дочери“.

„Мы“—,писалъ Муравьевъ,—„обнялись съ государемъ и разстались очень дружелюбно; но, можетъ быть, на сердцѣ у него что́ и осталось“.

За описываемое время, въ *Дневникѣ* П. А. Валуева имѣются слѣдующія записи:

2-ое мая: „Генералъ Муравьевъ присутствовалъ въ Западномъ комитетѣ. Всѣ его старыя замашки налицо“.

Далѣе,—*6-ое мая:* „Особое совѣщаніе съ княземъ Долгоруковымъ, генераломъ Милютинымъ, генераломъ Зеленымъ и генераломъ Муравьевымъ по западнымъ дѣламъ. Генералъ Муравьевъ былъ въ высшей степени неприличенъ... Полагая себя необходимымъ, онъ этимъ пользуется, чтобы заявлять самыя неумѣстныя притязанія и позволять себѣ самыя неумѣстныя выходки“...

Еще далѣе,—*10-ое мая:* „Совѣщаніе у государя съ военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ, генераломъ Муравьевымъ и генераломъ Зеленымъ. Государь былъ жо́стокъ съ Муравьевымъ“ [95]).....

1-го мая 1863 года отданъ былъ приказъ о назначеніи Муравьева генералъ-губернаторомъ шести Сѣверозападныхъ губерній. Тогда,—свидѣтельствуетъ графъ С. Д. Шереметевъ,—„кабинетъ М. Н. Муравьева вдругъ преобразился; въ удѣльномъ домѣ опять закипѣла жизнь и началась усиленная дѣятельность“ [96]).

Государь торопилъ Муравьева отъѣздомъ въ Вильно, ибо

„дѣла въ Литвѣ очень плохи, что Назимовъ проситъ поскорѣе его смѣнить“. Съ своей стороны, Муравьевъ просилъ государя, „по крайней мѣрѣ, недѣлю времени, чтобы приготовиться, собрать людей и вообще Русскихъ дѣятелей“.

До 12-го мая Муравьевъ оставался въ Петербургѣ, пріискивая людей на службу, входилъ въ сношенія съ министрами на счетъ различныхъ мѣроположеній, кои онъ признавалъ необходимыми, какъ въ отношеніи гражданскаго, такъ и военнаго устройства.

Передъ отъѣздомъ, Муравьевъ представлялся императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая,—свидѣтельствуетъ Муравьевъ,— „была въ большомъ смущеніи о положеніи дѣлъ въ Царствѣ и Западныхъ губерніяхъ. Она благодарила меня за рѣшимость и самоотверженіе и, между прочимъ, объясняя трудности положенія дѣлъ и о напорѣ противъ насъ Западныхъ державъ, сказала: *если бы мы могли удержать за собою хотя Литву!* а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи, — вотъ въ какомъ расположеніи были тогда сами царственныя лица“ [97]).

„Великій Архистратигъ Божій да покрываетъ Михаила Николаевича щитомъ небеснымъ, и все враждебное да низложитъ предъ нимъ“ [98]),—писалъ Филаретъ А. Н. Муравьеву.

XXX.

12-го мая 1863 года, „помолившись въ Казанскомъ соборѣ“, въ 10 часовъ вечера, М. Н. Муравьевъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Вильну. „Грустна была разлука съ женою и дѣтьми“.

„Я“,—писалъ Муравьевъ,—„скрѣпя сердце, разстался со всѣми, полагая одну надежду на помощь Божію, ибо я видѣлъ, что въ Петербургѣ не будетъ мнѣ никакой опоры; въ краѣ также я не могъ ожидать ничего благопріятнаго, ибо всѣ шесть губерній были охвачены пламенемъ мятежа; правительственной власти нигдѣ уже не существовало; войска наши сосредоточивались только въ городахъ, откуда дѣлались экспе-

диціи, какъ на Кавказѣ, въ горы; всѣ же деревни, села и лѣса были въ рукахъ мятежниковъ. Русскихъ людей почти нигдѣ не было, ибо всѣ гражданскія должности были заняты Поляками. Вездѣ кипѣлъ мятежъ и ненависть и презрѣніе къ намъ, къ Русской власти и Правительству; надъ распоряженіями генералъ-губернатора смѣялись и никто ихъ не исполнялъ. У мятежниковъ были вездѣ, даже и въ самой Вильнѣ, революціонные начальники; въ уѣздныхъ городахъ окружные и парафіальные; въ губернскихъ городахъ цѣлыя полныя гражданскія управленія, министры, военные революціонные трибуналы, полиція и жандармы, словомъ, цѣлая организація, которая безпрепятственно вездѣ дѣйствовала, собирала шайки, образовывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже регулярное войско, вооружала, продовольствовала, собирала подати на мятежъ, и все это дѣлалось гласно для всего Польскаго населенія и оставалось тайною только для одного нашего Правительства. Надо было со всѣмъ этимъ бороться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уничтожить вооруженный мятежъ, который болѣе всего занималъ Правительство. Генералъ-губернаторъ ничего этого не видалъ, Русскія власти чувствовали только свое безсиліе и всеобщее презрѣніе къ нимъ Поляковъ, ознаменовавшееся всевозможными дерзостями и неуваженіемъ даже къ самому войску, которому было приказано все терпѣть и переносить съ самоотверженіемъ, такъ все это переносили Русскіе и даже само семейство генералъ-губернатора было почти оплевано Поляками“.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи находился край, когда М. Н. Муравьевъ приближался къ Вильнѣ. Въ Динабургѣ Муравьевъ остановился для ночлега. „Я былъ боленъ“, — писалъ Муравьевъ, — „и притомъ крѣпко усталъ. Мнѣ необходимо было видѣть также власти Динабургскія, чтобы узнать о положеніи края, ибо въ Петербургѣ ничего не знали. Генералъ Длотовскій мнѣ подробно изложилъ все бѣдственное положеніе гражданскаго и военнаго управленія. Я здѣсь еще болѣе удостовѣрился въ необходимости принять строгія и рѣшительныя мѣры, ибо мятежъ разгорался, Поляки были увѣ-

рены въ успѣхѣ, и увѣряли въ томъ все населеніе, такъ что даже Русскіе старожилы въ томъ краѣ считали дѣло потеряннымъ и убѣждены были, что мы будемъ вынуждены уступить требованіямъ Поляковъ, желавшихъ присоединенія къ независимой Польшѣ нашихъ Западныхъ губерній. Никто не вѣрилъ, что Правительство рѣшится на какія-либо мѣры, несогласныя съ намѣреніями Западныхъ державъ, и что оно признаетъ законность Польскихъ притязаній о возстановленіи Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Мнѣ было надо на первыхъ порахъ разсѣять Польскую дурь и возродить въ Русскихъ и въ войскѣ увѣренность въ непоколебимости предпринимаемыхъ Правительствомъ мѣръ. Словомъ, надобно было возстановить правительственную власть и довѣріе къ оной—безъ этого ничего нельзя было дѣлать. Задача трудная, но я, рѣшившись на всѣ самопожертвованія, какъ матеріальныя, такъ и моральныя, съ полнымъ упованіемъ на Бога, взялся за дѣло.

Въ Динабургѣ я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для охраненія его отъ мятежныхъ покушеній и, призвавъ предводителя дворянства и бывшихъ въ городѣ дворянъ, громогласно, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, высказалъ имъ свой взглядъ на дѣло и ту систему, которой буду руководиться въ моихъ дѣйствіяхъ. Чтобы выказать свою рѣшимость дѣйствовать не на словахъ, а на дѣлѣ, я тутъ же приказалъ отдать подъ строгій надзоръ полиціи предводителя дворянства, который явнымъ образомъ показывалъ увѣренность, что Польское дѣло останется торжествующимъ. Это былъ двоюродный братъ того Плятера, который напалъ на транспортъ съ оружіемъ и впослѣдствіи былъ разстрѣлянъ. Но моимъ словамъ еще мало вѣрили, ибо въ продолженіи почти десяти лѣтъ не было никакого управленія и власти въ краѣ, и Поляки вездѣ господствовали, такъ что даже войска были наполнены офицерами Польскаго происхожденія, бывшими по большей части въ заговорѣ и многіе изъ нихъ ушли въ лѣса для формированія шаекъ. Римско-католическое духовенство было во главѣ Польской пропаганды, раздувало мятежъ и вну-

шало это всѣмъ отъ мала до велика, даже на исповѣди. Усмотрѣвъ въ Динабургѣ, что главнѣйшія силы мятежниковъ совокупляются въ лѣсахъ за Двиною, въ Новоалександровскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, я присоединилъ эти два уѣзда къ раіону дѣйствій генерала Длотовскаго".

Какъ только получено было въ Вильнѣ оффиціальное извѣстіе, что главнымъ начальникомъ Сѣверозападнаго края назначенъ М. Н. Муравьевъ, въ домѣ Назимовыхъ начались „поспѣшные сборы въ дорогу". Наконецъ, къ 12 мая все было „упаковано, цѣлый верхъ былъ приготовленъ къ принятію новаго начальника".

14 мая 1863 года, въ 3-мъ часу пополудни, пріѣхалъ въ Виленскій дворецъ, „подъ охраною гвардейскихъ казаковъ", новый начальникъ Сѣверозападнаго края. Послѣ молитвы въ дворцовой церкви, Муравьевъ по телеграфу извѣстилъ государя о вступленіи своемъ въ должность.

„Въ Вильно",—повѣствуетъ М. Н. Муравьевъ,—„я былъ принятъ бывшимъ генералъ-губернаторомъ очень радушно, онъ угостилъ обѣдомъ меня со всѣмъ штабомъ, прибывшими изъ Петербурга военными и гражданскими чиновниками. Назимовъ, повидимому, былъ доволенъ моимъ пріѣздомъ, ибо дѣйствительно находился въ безвыходномъ положеніи; онъ не зналъ и не понималъ ни края, ни обстоятельствъ, среди которыхъ находился и видѣлъ только, что все идетъ очень дурно; былъ крайне недоволенъ Петербургскими властями и въ особенности министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, которому онъ неоднократно писалъ о необходимости измѣнить систему уступчивости и такъ-называемой легальности, которою хотѣли побороть мятежъ. Назимовъ не могъ ничего разсказать мнѣ о положеніи края и послѣ обѣда, провожая меня наверхъ, въ мой кабинетъ, пригласилъ только зайти въ церковь посмотрѣть изготовленныя имъ ризы, разложенныя нарочно для показа на столахъ и потомъ объяснилъ только, что около дома всѣ посадки кустарниковъ сдѣланы его женою. Въ отношеніи края онъ ничего не могъ указать, кромѣ реляцій, получаемыхъ ежедневно отъ военныхъ начальниковъ

о встрѣчѣ съ мятежниками, въ которыхъ они выставляли блистательныя побѣды надъ огромными будто бы бандами мятежниковъ, тогда какъ большею частью шайки эти были самыя ничтожныя. Объ секретной же организаціи мятежа Назимовъ и понятія не имѣлъ; когда же я у него спросилъ, какія онъ имѣетъ средства для секретныхъ дознаній о мятежѣ, то онъ объяснилъ мнѣ, что поручаетъ ихъ своему племяннику Модестову".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Муравьевъ былъ „весьма затрудненъ пребываніемъ Назимова въ Вильнѣ, тѣмъ болѣе, что отъ него узнать ничего не могъ и былъ очень доволенъ, узнавъ, что онъ черезъ два дня уѣдетъ, ибо онъ только мѣшаетъ ему пустыми разсказами и просьбами протекцій разнымъ чиновникамъ".

Наконецъ, желаніе Муравьева исполнилось, и 16 мая 1863 года, въ 3-мъ часу пополудни, В. И. Назимовъ съ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Вильны. „Отъѣздъ его",— писалъ Никотинъ,—„навелъ на меня тяжелую думу и показалъ наглядно непрочность и перемѣнчивость людского счастья. Дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ, 27 мая, дворянство цѣлаго края давало блестящій балъ Назимовымъ, восторгамъ и оваціямъ не было конца. Заказанный въ Парижѣ портретъ Владиміра Ивановича, въ количествѣ шести тысячъ экземпляровъ, былъ распроданъ въ двѣ недѣли. Имя Анастасіи Александровны Назимовой произносилось Поляками и Польками, повидимому, съ полнымъ благоговѣніемъ. И что же? Въ минуту отъѣзда никто изъ Поляковъ не счелъ даже нужнымъ проводить уѣзжавшихъ на желѣзную дорогу".

Вмѣстѣ съ симъ Никотинъ сообщаетъ и нѣкоторыя подробности отъѣзда:

„По выслушаніи напутственнаго молебна въ дворцовой церкви, В. И. Назимовъ съ семействомъ своимъ, въ полдень 16-го мая, пѣшкомъ отправился на квартиру жившаго по сосѣдству отъ дворца генералъ-адъютанта И. С. Фролова, который предложилъ имъ напутственный хлѣбъ-соль, экипажамъ прика-

зано пріѣхать туда, чтобы отвезти ихъ на желѣзную дорогу. Торжественный въѣздъ генералъ-губернаторскаго семейства въ Вильну въ 1857 году и болѣе чѣмъ скромный отъѣздъ его въ Петербургъ въ 1863 году, составляетъ двѣ такія противоположности, что, не видѣвши того, трудно даже и повѣрить. Къ отходу поѣзда собрались на желѣзную дорогу всѣ Русскіе знакомые Назимовыхъ, чтобы сказать свое послѣднее *прости.*

Послѣ трогательныхъ, искреннихъ прощаній, раздался свистокъ оберъ-кондуктора, начались послѣднія прощальныя пожеланія, поѣздъ тронулся и вскорѣ скрылся изъ глазъ, унося съ собою тѣхъ, которые въ продолженіе семи лѣтъ сосредоточивали въ своемъ домѣ Русское широкое гостепріимство и неподдѣльное веселье. Нижеслѣдующее письмо отъ А. А. Назимовой, сохраненное мною, какъ самая дорогая память о ней, покажетъ то настроеніе во истину доброй ея души, съ какимъ выѣхала она изъ края, гдѣ потратила много своихъ духовныхъ и физическихъ силъ и гдѣ пріобрѣла болѣзнь, такъ преждевременно сведшую ее въ могилу".

6 іюля 1863 года, изъ своего сельскаго уединенія, села Устья, А. А. Назимова писала Никотину: „Теперь у насъ погода совершенно по вашему вкусу. Холодъ, дождь, вѣтеръ— все озеро всколыхалось. Вы бы тутъ сейчасъ на островахъ фейерверкъ задали бы! Пускай себѣ озеро колышется, вѣтеръ свищетъ, люди клевещутъ—у моего Владиміра Ивановича легко на душѣ. Онъ несъ цѣлыя семь лѣтъ тяжелый крестъ, безпощадно трудясь день и ночь, борясь сильно и мочно со всѣми противоборствующими элементами, и честно вышелъ изъ борьбы, что́ Богъ со временемъ покажетъ. А мнѣ весело смотрѣть на отдыхъ моего добраго, честнаго мужа, и нѣтъ выше счастія на землѣ. Люди его у насъ не отнимутъ".

XXXI.

М. Н. Муравьевъ прибылъ въ Вильну безъ семьи, съ нѣсколькими приближенными. „Комнаты во дворцѣ“,—по замѣчанію Мосолова,—„были похожи на бивакъ вокругъ ставки главнокомандующаго.

Наканунѣ отъѣзда В. И. Назимова, 15 мая 1863 года, новый начальникъ Сѣверо-западнаго края сдѣлалъ общій пріемъ чиновниковъ, духовенства и вообще всѣхъ сословій въ Вильнѣ, но передъ этимъ ѣздилъ къ митрополиту Іосифу, вмѣстѣ съ Назимовымъ, и молился въ Николаевскомъ соборѣ, гдѣ нашелъ убитаго гвардейскаго солдата, окруженнаго товарищами своими, ожидавшими прибытія священника для панихиды. „Это первое явленіе произвело на Муравьева грустное впечатлѣніе“. Возвратившись домой, онъ засталъ уже залы дворца наполненными.

Военные встрѣтили Муравьева „съ большимъ радушіемъ и радостію, особенно гвардейцы 2-й пѣхотной дивизіи, ибо они увѣрены были, что съ прибытіемъ Муравьева, измѣнится система управленія, и Поляки, дотолѣ горделивые и дозволявшіе себѣ всевозможныя грубости и невѣжливости при встрѣчѣ съ Русскими, скоро смирятся.

Гражданскіе чины, кромѣ Русскихъ, бывшихъ въ небольшомъ числѣ, встрѣтили Муравьева съ видимымъ неудовольствіемъ, а въ особенности предводители дворянства и городское общество, преимущественно католическое. Евреи же играли двусмысленную роль и выказывали будто радость, но это было притворство, ибо они вездѣ тайно содѣйствовали мятежу, и даже помогали оному деньгами. Римско-католическое духовенство было принято Муравьевымъ въ особой залѣ, и на лицахъ, и изъ разговоровъ ихъ, въ особенности же епископа Красинскаго, замѣтна была полная увѣренность, что Муравьевъ не успѣетъ подавить мятежъ. Муравьевъ всѣмъ представляв-

шимся высказалъ предназначенную себѣ систему дѣйствій, т.-е. строгое и справедливое преслѣдованіе мятежа и крамолы, не взирая ни на какія лица, и потому выражалъ надежду найти въ нихъ самыхъ усердныхъ помощниковъ, при чемъ совѣтовалъ тѣмъ, которые не раздѣляютъ этихъ убѣжденій, оставить службу; ибо, въ противномъ случаѣ, онъ самъ немедленно ихъ отъ оной уволитъ и предастъ законной отвѣтственности. Всѣ они болѣе молчали, вѣроятно желая убѣдиться на опытѣ въ твердости его намѣреній, и не будетъ ли онъ вынужденъ уступить и подчиниться другой системѣ . . .

Епископъ Красинскій такъ былъ убѣжденъ въ неисполнимости предположеній Муравьева, что ему онъ съ улыбкою отвѣчалъ:—„Какой здѣсь мятежъ? Здѣсь просто погоня за нѣсколькими несчастными повстанцами, за ними гоняется войско въ лѣсахъ какъ за зайцами".

Еще замѣчательнѣй былъ разговоръ жандармскаго окружного генерала Гильдебрандта, который во всеуслышаніе обвинялъ генерала Длотовскаго въ потачкѣ старообрядцевъ, уничтожившихъ шайку графа Плятера. Онъ старался доказать въ присутствіи Поляковъ, всѣхъ чиновниковъ и Римско-католическаго духовенства, что тамъ мятежа не было, а что это чистый грабежъ и разбой старообрядцевъ и Русскихъ мужиковъ.

Муравьевъ заставилъ его замолчать и когда всѣ уже разошлись, высказалъ генералу Гильдебрандту, что онъ подобныхъ ему лицъ, во ввѣренномъ ему краѣ, оставлять не можетъ, что жандармерія должна помогать ему, а не противодѣйствовать и, еще менѣе, ободрять Поляковъ и обвинять Русскихъ за то, что они исполнили обязанности вѣрноподданныхъ; что засимъ онъ съ нимъ служить не будетъ и просилъ отправиться въ Петербургъ къ шефу жандармовъ, которому напишетъ для доклада государю съ просьбою о замѣнѣ его другимъ.

Гильдебрандтъ былъ удивленъ рѣшимостью Муравьева, ибо онъ привыкъ по своему произволу распоряжать дѣйствіями мѣстнаго начальства. Черезъ недѣлю Гильдебрандта уже не было въ Вильнѣ и князь Долгоруковъ, хотя съ видимымъ не-

удовольствіемъ, вынужденъ былъ его уволить отъ занимаемой должности“.

На этотъ пріемъ, по замѣчанію Никотина, „благодаря непонятному распоряженію Виленскаго губернатора Галлера, не попали одни только члены повѣрочныхъ коммиссій. Впрочемъ, это обстоятельство послужило къ лучшему, такъ какъ нѣсколько дней спустя, для нихъ назначенъ былъ особый пріемъ и представлялъ ихъ Л. С. Маковъ“.

О пріемѣ Римско-католическаго духовенства Мосоловъ, въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ*, сообщаетъ слѣдующія подробности:

„Во главѣ духовенства стоялъ Виленскій епископъ Красинскій, отличавшійся особеннымъ нерасположеніемъ къ Правительству и полнымъ сочувствіемъ къ мятежу. Епископъ чрезвычайно много говорилъ, смѣялся надъ мятежемъ и называлъ усмиреніе его охотой за повстанцами. Генералъ-губернаторъ строго ему замѣтилъ неточность его выраженій и объяснилъ ему необходимость, чтобы Римско-католическое духовенство, пользующееся такимъ огромнымъ вліяніемъ въ краѣ, подало примѣръ преданности законному Правительству и чтобы онъ, стоящій во главѣ сего духовенства, принялъ чрезвычайныя мѣры къ удержанію его отъ мятежа и къ увѣщанію Римско-католической паствы своей. На это епископъ улыбнулся и высказалъ, что онъ не можетъ унять неудовольствій, охватившихъ край, но подчиненное ему духовенство вполнѣ благонадежно; тогда генералъ-губернаторъ нашелся вынужденнымъ представить ему нѣсколько случаевъ, совершенно несогласныхъ съ этимъ заявленіемъ, и напомнить, что политическія тюрьмы не напрасно наполнены ксендзами.

— Я не могу ручаться ни за чьи убѣжденія,—возражалъ епископъ.

— Но вы должны отвѣчать за вашихъ подчиненныхъ.

При этомъ генералъ-губернаторъ указалъ на прелата Бовкевича, котораго онъ зналъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ, въ Гроднѣ, и высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что есть

люди, не принимавшіе, подобно ему, участія въ мятежѣ, но что, конечно, такихъ между Римско-католическими духовными можно пересчитать. Римско-католическое духовенство вышло отъ генералъ-губернатора съ твердымъ намѣреніемъ упорствовать, но слова новаго начальника произвели уже свое дѣйствіе на умы нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ представителей этого сословія".

По свидѣтельству Мосолова, „общее впечатлѣніе, произведенное Муравьевымъ, было самое сильное. Всѣ увидѣли предъ собою человѣка твердаго и проницательнаго; тутъ уже не приходилось шутить и надо было переходить въ тотъ или другой лагерь; но всѣ еще ждали за словами дѣйствій, и они не заставили себя долго ждать".

Другой очевидецъ, Никотинъ, писалъ: „Представлявшіеся въ этотъ день Русскіе вынесли самое отрадное впечатлѣніе; впервые услышанъ былъ незнакомый дотолѣ голосъ твердой правительственной власти, призывавшей всѣ сословія нести ей свое посильное пособіе въ трудной борьбѣ съ крамолою и обѣщавшей строгое преслѣдованіе мятежниковъ. Голосъ этотъ не выводилъ высокихъ нотъ, но каждое произнесенное слово мѣтко попадало въ цѣль и запечатлѣвалось въ памяти слушавшихъ" [99]).

И вотъ,—восклицаетъ Карцовъ, — „по высочайшей волѣ, въ Сѣверо-западный край былъ назначенъ человѣкъ, хотя нѣсколько и поздно, съ твердою волею и непоколебимою рѣшимостью. Онъ объявилъ, чего хочетъ, указалъ, что̀ дѣлать, ободрилъ всѣхъ, нашелъ людей, сумѣвшихъ выполнить его предначертанія. Никто не смѣлъ давать ему свои непрошенные совѣты. Властью своею онъ не дѣлился ни съ кѣмъ, все дѣлалъ самъ и одинъ бралъ на себя всю отвѣтственность за послѣдствія. Храбрыя и неутомимыя Русскія войска, по его приказанію, пошли въ лѣса и болота, и тамъ сокрушили и переловили мятежныя вооруженныя банды. Тогда началось умиротвореніе и устройство потрясеннаго мятежемъ края, и имя Михаила Николаевича Муравьева прославляется теперь тамъ, куда онъ нѣкогда явился столь грознымъ".

Вскорѣ по вступленіи Муравьева въ должность начальника Сѣверо-западнаго края, 13 мая 1863 года, Ѳ. И. Тютчевъ писалъ изъ Петербурга: „Вчера пошелъ я къ кузинѣ Муравьевой *), чтобы услышать отъ нея новости о ея мужѣ. По городу эти дни ходили слухи, что, проходя черезъ Динабургъ, этотъ чудный человѣкъ повѣсилъ двухъ Поляковъ. Я думаю, что это сказка; но достовѣрно, что по прибытіи въ Вильну, онъ былъ принятъ съ изступленнымъ восторгомъ войсками, съ радостнымъ веселіемъ Евреями и съ ужасомъ Поляками, особенно ихъ духовенствомъ. Кузина разсказала мнѣ очень характерный разговоръ ея мужа съ представителями этого духовенства. Добрые люди были столь наивны, что выразили притязаніе, чтобы за государственныя преступленія ихъ судило особое судилище. Муравьевъ отвѣчалъ имъ, что не видитъ никакихъ основаній для подобныхъ притязаній и что въ случаѣ доказанной измѣны, священникъ будетъ повѣшенъ такъ же, какъ всякій другой. Говорятъ, что это произвело на нихъ сильное впечатлѣніе... Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что именно излишекъ безнаказанности наиболѣе способствовалъ до сихъ поръ продолженію безпорядковъ. По этому поводу разсказываютъ прямо невѣроятныя вещи“ [100]).

Самъ П. А. Валуевъ находилъ, что „первые мѣсяцы управленія Муравьева можно назвать не только правильными и успѣшными, но даже блистательными. Поворотъ совершился тогда, когда на мѣстахъ стало легче и когда давленіе спѣшныхъ обстоятельствъ и нуждъ перестало стѣснять порывы заносчивой воли Муравьева“.

Первое сочувственное заявленіе къ своимъ дѣйствіямъ Муравьевъ получилъ изъ Москвы отъ митрополита Филарета, который прислалъ ему икону Св. Архистратига Михаила, при слѣдующемъ письмѣ: „Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходитель-

*) Супруга графа М. Н. Муравьева, Пелагея Васильевна, была дочерью Н. Н. Шереметевой, урожд. Тютчевой, родной тетки Ѳедора Ивановича Тютчева.

ства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностного труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро царское слово васъ вызвало на защиту и умиротвореніе Отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя, не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ царю и Отечеству.

Вѣрные сыны царя и Отечества узнали о семъ съ радостію и надеждою: ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ Отечества. Ваше имя—побѣда.

Господь силъ да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира.

Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго Архистратига, да идетъ предъ вами съ мечомъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ, вмѣстѣ съ симъ, въ благословеніе икону святого Архистратига Михаила".

На это письмо Муравьевъ отвѣчалъ слѣдующимъ: „Глубоко коснулось сердца моего милостивое посланіе ваше и архипастырское благословеніе иконою святого Архистратига Михаила. Пути Всевышняго неисповѣдимы; я неожиданно призванъ волею государя отъ жизни мирной на поприще брани, для подавленія крамолы и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворять край, карать клятвопреступниковъ мѣрами казни и крови. Человѣческій взоръ не можетъ прозрѣть сквозь завѣсу, покрывающую будущность этого дѣла.

Исполняя долгъ вѣрноподданнаго и русскаго, въ полномъ упованіи на Бога, я духомъ покоенъ и иду смѣло по пути, мнѣ свыше предопредѣленному. Съ содѣйствіемъ доблестнаго воинства нашего въ успѣхѣ сомнѣваться не смѣю.

Повергая себя и порученное мнѣ дѣло умиротворенія Литовскаго края архипастырскому благословенію и святой молитвѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ" и т. д.

XXXII.

По вступленіи въ должность главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, М. Н. Муравьевъ, по выраженію Никотина, „какъ бы исчезъ; знали только, что въ верхнемъ помѣщеніи дворца, да въ генералъ-губернаторской Канцеляріи шла усиленная работа, о которой въ прежнее счастливое время и понятія никто не имѣлъ“.

„Распредѣленіе занятій Муравьева“,—свидѣтельствуетъ Мосоловъ,—„было достойно вниманія; конечно, немного на свѣтѣ людей, которые могли бы посвятить, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, столько же часовъ въ день усиленной и внимательной работѣ, сколько посвящалъ ей Муравьевъ. Вниманіе было отличительною чертою въ занятіяхъ его. Онъ какъ бы увлекался всякимъ дѣломъ, которымъ былъ занятъ въ данную минуту, но это увлеченіе, ни на мигъ не ослабѣвающее, было не что иное, какъ изумительная энергія и сила мысли, выработанныя въ теченіе долголѣтней дѣятельной жизни и согрѣтыя высокимъ патріотизмомъ“.

По описанію Мосолова, „день Муравьева начинался довольно рано. Въ 8-мъ, онъ подымался снизу въ свой кабинетъ и въ то же время посылалъ за генераломъ Лошкаревымъ, а впослѣдствіи за полковникомъ Черевинымъ. Утромъ докладывались бумаги, полученныя изъ Петербурга въ теченіе ночи, диктовались отвѣты на телеграммы, назначалось за кѣмъ послать и отдавались другія текущія приказанія. Послѣ того принимаемъ былъ комендантъ съ рапортомъ о числѣ арестантовъ, затѣмъ губернскій почтмейстеръ, д. с. с. Россильонъ. Онъ читалъ выдержки изъ иностранныхъ газетъ, и надо замѣтить, что генералъ-губернаторъ часто позволялъ пропускать такія статьи, какія вымарывались въ Петербургѣ—такъ мало онъ придавалъ значенія западнымъ ругательствамъ. Баронъ Россильонъ приносилъ также списокъ всѣхъ писемъ, полученныхъ въ это утро, въ алфавитномъ порядкѣ, и если какое-нибудь имя было по-

дозрительно, то письма вскрывались. Послѣ губернскаго почтмейстера генералъ-губернаторъ выслушивалъ доклады по слѣдственнымъ дѣламъ и подписывалъ по нимъ рѣшенія. Часовъ въ 11-ть являлся полиціймейстеръ съ рапортомъ и докладывалъ; затѣмъ Виленскій губернаторъ, а въ пріемной уже собирались представляющіяся и должностныя лица, почти ежедневно появлявшіяся къ этому времени, какъ-то: попечитель Учебнаго Округа Иванъ Петровичъ Корниловъ, начальникъ Полицейскаго Управленія С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги полковникъ Житковъ, завѣдующій тюрьмами полковникъ Петръ Семеновичъ Лебедевъ, а впослѣдствіи полковникъ Бушенъ, военный начальникъ Виленскаго уѣзда князь Хованскій, командующій войсками въ губерніи (сперва генералъ Дрентельнъ, по уходѣ гвардіи—князь Яшвиль, а по смерти его, съ февраля 1864 г.—генералъ Криденеръ), всѣ чиновники особыхъ порученій, адъютанты и разныя другія лица. Иногда въ это же время посѣщалъ генералъ-губернатора митрополитъ Іосифъ. Начальникъ края выходилъ встрѣчать его въ первой залѣ, а провожалъ до дверей прихожей. Архипастырь едва уже двигался, но каждое посѣщеніе его продолжалось не менѣе получаса.

Послѣ пріема, на которомъ почти никогда не было дамъ, начальникъ края принималъ отдѣльно попечителя Округа, разныхъ пріѣзжихъ, которыхъ просилъ обождать, и другихъ изъ экстренныхъ посѣтителей; нерѣдко бесѣдовалъ онъ о дѣлахъ церкви съ священникомъ Антоніемъ Пчелкою и съ католическимъ прелатомъ Немѣкшею, всецѣло руководившимъ дѣлами Виленской епархіи. Начиная со 2-го часа докладывалъ правитель Канцеляріи Тумановъ свой нескончаемый докладъ, постоянно прерываемый депешами и другими экстренными дѣлами; Тумановъ жаловался, что никакъ не можетъ доложить всѣхъ своихъ бумагъ и часто дожидался доклада по нѣскольку часовъ сряду. Въ 4-мъ часу пріѣзжалъ начальникъ Окружнаго Штаба генералъ Циммерманъ, и докладъ его длился до обѣда.

Въ 5 часовъ семейство генералъ-губернатора, нѣсколько

приближенныхъ, дежурный адъютантъ и ординарецъ собирались въ столовую; большею частью было человѣка два, три приглашенныхъ, изъ высшихъ должностныхъ лицъ, или пріѣзжихъ. Вообще приглашеніе къ обѣду въ домъ генералъ-губернатора дѣлалось рѣдко и считалось между служащими за особенную честь.

Отдохнувъ послѣ обѣда около часу, въ концѣ 8-го, Михаилъ Николаевичъ снова приступалъ къ занятіямъ. Полковникъ Черевинъ докладывалъ всѣ поступившія на имя начальника края бумаги отъ губернаторовъ, командующихъ войсками, военныхъ начальниковъ, сосѣднихъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, епархіальныхъ архіереевъ и прочихъ, разныя просьбы и докладныя записки служащихъ. Иногда количество бумагъ, всегда значительное, доходило до ста въ день. Многія требовали серьезнаго обсужденія, нѣкоторыя немедленнаго рѣшенія и лишь малую часть составляли текущія донесенія, которымъ впрочемъ придавалось всегда значеніе. Вечеромъ число докладчиковъ было еще болѣе. Всѣ они тѣснились въ дежурной комнатѣ и ожидавшимъ разносили чай. Тутъ были полиціймейстеръ, правитель Особой Канцеляріи, управляющій Политическимъ Отдѣленіемъ, управляющій Коммисіей по крестьянскимъ дѣламъ, иногда снова правитель Общей Канцеляріи, предсѣдатель Особой слѣдственной коммисіи, чиновники, получившіе особыя приказанія съ докладомъ объ ихъ исполненіи, князь Михаилъ Валентиновичъ Шаховской съ корректурой *Виленскаго Вѣстника* и съ проектами реформъ по театру, генералъ Соболевскій, всегда въ полночь, съ передовой статьей *Московскихъ Вѣдомостей* и иные менѣе важные докладчики. Все это дѣлалось быстро, но иногда и въ 2 часа ночи нѣкоторымъ приходилось возвращаться безъ доклада. О каждомъ посѣтителѣ докладывалъ предварительно адъютантъ, въ дежурной же комнатѣ постоянно находился и дежурный ординарецъ изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи или полковъ Виленскаго округа для посылокъ, или замѣны адъютантовъ во время отлучекъ.

Въ первый годъ пребыванія Муравьева въ Вильнѣ, занятія оканчивались всегда около 2-хъ часовъ ночи, пока докторъ не входилъ въ кабинетъ и не замѣчалъ, что уже спать пора; тогда отворялись изъ дежурной комнаты въ кабинетъ генералъ-губернатора двѣ маленькія двери и нѣсколько человѣкъ приближенныхъ входили въ него; генералъ-губернаторъ докуривалъ трубку, иногда шутилъ, спрашивалъ о погодѣ, о томъ, что дѣлалось сегодня въ городѣ и черезъ минуту или двѣ прощался и уходилъ къ себѣ".

„Извѣстно",—замѣчаетъ Мосоловъ,—что многія высшія государственныя лица всегда жалуются на недостатокъ времени и что отъ этого часто страдаютъ дѣла въ сложныхъ управленіяхъ, но это по большей части происходитъ отъ неосновательнаго распредѣленія времени и еще болѣе отъ занятія мелочами. Между тѣмъ, Муравьевъ умѣлъ облечь иныхъ лицъ обширною властью и, удовлетворяя тѣмъ ихъ самолюбіе, онъ въ тоже время отклонялъ отъ себя тысячи второстепенныхъ дѣлъ и вопросовъ, которые, при твердой и ясно опредѣленной системѣ управленія, были также удовлетворительно и въ томъ же направленіи разрѣшаемы второстепенными лицами".

Въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ*, А. Н. Мосоловъ сообщаетъ намъ интересныя свѣдѣнія о сотрудникахъ Муравьева и объ ихъ образѣ жизни.

„Въ настоящихъ *Очеркахъ*",—пишетъ Мосоловъ,—„мнѣ неудобно представить полную характеристику главнѣйшихъ изъ дѣйствовавшихъ въ то время лицъ; но скажу только, что при замѣчательномъ разнообразіи характеровъ и наклонностей, всѣ мы были одушевлены какъ бы однимъ духомъ, и стремились къ одной цѣли. Это направленіе сообщалось и всѣмъ служащимъ въ краѣ въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ. Ежедневные пріемы генералъ-губернатора и доступность его всѣмъ служащимъ, а равно и наша Особенная Канцелярія много способствовали этому объединенію. До пріемовъ и послѣ того всѣ представляющіяся должностныя лица и болѣе или менѣе намъ извѣстныя заходили въ нашу Канцелярію, которая, какъ я уже

сказалъ, была рядомъ съ пріемной. То, что не было договорено генералъ-губернаторомъ, здѣсь пояснялось, здѣсь каждый могъ понять господствовавшія мысли и примѣнять къ нимъ свою дѣятельность, сюда стекались всѣ свѣдѣнія, всѣ лица, словомъ сказать, это былъ маленькій foyer. Тутъ же составлялись отвѣты на депеши, шифровались и расшифровывались секретныя телеграммы.

„Утро проходило за занятіями, обѣдали мы всѣ за общимъ столомъ въ гостинницѣ Европа, а въ 7 часовъ всѣ отправлялись въ Ботаническій садъ, гдѣ играла музыка. Мы составили изъ себя небольшой тѣсный кружокъ. Тутъ душою общества сдѣлался Левъ Саввичъ Маковъ. Онъ былъ присланъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Дмитріевичемъ Левшинымъ еще при генералѣ Назимовѣ, въ концѣ марта 1863 года, для приведенія въ дѣйствіе указовъ 1-го марта, объ обязательномъ выкупѣ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, и отъ 9-го апрѣля, объ устройствѣ повѣрочныхъ коммиссій. Вотъ начало обширной крестьянской реформы во всемъ Западномъ краѣ. До мая мѣсяца 1863 года, за разгоравшимся мятежемъ, Маковъ былъ лишь зрителемъ картины; съ прибытіемъ новаго генералъ-губернатора, онъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; я очень съ нимъ тогда сблизился и наслаждался его умною, живою и своеобразною рѣчью; грустно было тогда у каждаго изъ насъ на сердцѣ, онъ оживлялъ насъ и группировалъ вокругъ себя; всѣ въ этомъ обществѣ дѣлались самыми пріятными и добрыми товарищами“.

Самъ М. Н. Муравьевъ, 31 августа 1863 года, писалъ П. А. Валуеву: „Вы мнѣ пишете, что желали бы командировать Макова въ Кіевъ; убѣдительно прошу васъ его оставить здѣсь, онъ мнѣ совершенно необходимъ, ибо только теперь начали свои дѣйствія повѣрочныя коммиссіи, и необходимо ими руководить... Мнѣ некогда самому этимъ заниматься, а дѣло чрезвычайно важно... Я могу поручить это одному Макову; съ отъѣздомъ же его отсюда все дѣло остановится, и мы рискуемъ новыми въ семъ краѣ безпорядками и неустройствами. Лучше

въ одномъ мѣстѣ дѣло установить на прочномъ основаніи, чѣмъ въ двухъ мѣстахъ взяться за дѣло и ничего не сдѣлать... Еще разъ прошу оставить здѣсь Макова. Безъ него я не ручаюсь за успѣхъ дѣла. Онъ самъ ѣдетъ въ Петербургъ на три дня и лично все вамъ объяснитъ".

„Всѣ вновь прибывшіе молодые люди",—продолжаетъ Мосоловъ,—„изъ хорошаго общества невольно примыкали къ нашему кружку и такимъ образомъ составилось въ Вильнѣ первое вполнѣ независимое Русское общество; впослѣдствіи оно разрослось и распалось на группы; но почти до выѣзда нашего изъ Вильны оставалось въ тѣсномъ сближеніи".

Въ концѣ іюля 1863 года, прибылъ въ Вильну, въ мундирѣ Севастопольскаго полка, подполковникъ Петръ Александровичъ Черевинъ, котораго Муравьевъ выписалъ съ Кавказа. „Первое время",—повѣствуетъ Мосоловъ,—„дѣятельность Черевина была весьма ограниченная: разъ только ему было дано порученіе въ Вилькомірскій и Поневѣжскій уѣзды для разъясненія мѣстныхъ недоразумѣній. При веселомъ нравѣ, соединенномъ съ самымъ плѣнительнымъ остроуміемъ и находчивостью, онъ сдѣлался душою небольшого кружка состоящихъ при генералъ-губернаторѣ, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда генералъ Лошкаревъ долженъ былъ возвратиться къ своему мѣсту, должность его была поручена Черевину. Всѣ сначала были изумлены, такъ какъ никто еще, кромѣ самого генералъ-губернатора, не зналъ серьезныхъ свойствъ веселаго товарища. Исполняя важную свою должность до 1865 г., онъ всегда оставался неизмѣннымъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлалъ много добра, сдерживалъ своимъ вліяніемъ разныя увлеченія и порывы служащихъ и всегда былъ удивительно скроменъ. Онъ имѣлъ несомнѣнно нѣкоторое вліяніе не только на ходъ дѣлъ, но и на самаго генералъ-губернатора, который любилъ всегда имѣть его близъ себя и совѣтоваться съ нимъ: совершенно независимаго характера, онъ смѣло и съ достоинствомъ высказывалъ свое мнѣніе, и хотя начальникъ края не всегда слѣдовалъ его указаніямъ, тѣмъ не менѣе выслушивалъ

ихъ и цѣнилъ. Не выказывая безъ нужды своихъ знаній, онъ обладалъ однако познаніями и понятіями, всегда точными, ясными и опредѣлительными. Истинное наслажденіе говорить о такомъ человѣкѣ“ [101]).

„Виленскую обстановку“,—пишетъ графъ С. Д. Шереметевъ, — „видѣлъ я только однажды, когда проѣздомъ изъ-за границы, вовремя Польскаго возстанія, провелъ дня два у М. Н. Муравьева въ Вильнѣ и остановился въ мрачномъ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Здѣсь держался тотъ же Петербургскій порядокъ; сидѣли у него послѣ обѣда въ кабинетѣ, пока онъ не отправлялся отдыхать. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать въ театръ, гдѣ, несмотря на военное положеніе, были представленія и въ то время игралъ извѣстный комикъ Васильевъ“ [102]).

XXXIII.

Первою заботою Муравьева, при вступленіи его въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, было „обузданіе мятежа“, а для сего, по мнѣнію его, необходимо было, „кромѣ возвышенія духа въ войскѣ и вообще въ Русскихъ дѣятеляхъ, преподать правила для управленія на мѣстахъ, т.-е., инструкцію съ подробнымъ изложеніемъ обязанностей военныхъ начальниковъ и другихъ лицъ, коимъ ввѣрялись участки. Главное состояло въ раздѣленіи всего края и всѣхъ уѣздовъ на соотвѣтственные военные отдѣлы, съ подраздѣленіемъ оныхъ на участки, которые, съ полными правами главнаго распорядителя, ввѣрялись особо-назначеннымъ для сего лицамъ, съ полнымъ подчиненіемъ имъ всего населенія въ тѣхъ отдѣлахъ“. Написавъ подробную инструкцію военнаго полицейскаго управленія и обозначивъ въ оной ту систему, которой Муравьевъ предположилъ руководствоваться при управленіи краемъ, съ обозначеніемъ обязанностей каждаго военнаго начальника къ прочимъ властямъ и лицамъ, равно съ полною отвѣтственностью тѣхъ и другихъ, Муравьевъ разослалъ ее повсемѣстно, къ точному и непремѣнному исполненію, сдѣлавъ распредѣленіе участковъ и

постепенно назначая въ оные благонадежныхъ, по возможности, начальниковъ, съ подчиненіемъ имъ всѣхъ войскъ, въ участкѣ находящихся.

Инструкція эта приведена въ исполненіе съ 24-го мая 1863 г., и послужила краеугольнымъ камнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженій по укрощенію мятежа и устройству края.

По мнѣнію М. Н. Муравьева, „мятежъ былъ страшенъ не численностію вооруженныхъ шаекъ, а силою и таинственностью революціонной организаціи, покрывшей своею сѣтью всю страну“, а потому на первыхъ порахъ, главною задачею дѣйствій Муравьева было „открытіе и задержаніе главныхъ секретныхъ дѣятелей мятежа и огражденіе сельскаго населенія отъ насилій и неистовствъ мятежниковъ“.

Еще до вступленія Муравьева въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ, въ Вильнѣ повторилось то же, что и въ Варшавѣ. „Въ началѣ мая мѣсяца 1863 г.“,—повѣствуетъ Муравьевъ,—„большая часть мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ предводителей дворянства, и нѣкоторые изъ Польскихъ чиновниковъ (еще при бывшемъ генералъ-губернаторѣ) прислали просьбы объ увольненіи ихъ отъ службы; въ просьбахъ сихъ употреблялись самыя дерзкія на счетъ Правительства выраженія, въ томъ смыслѣ, что будто бы оно возмущаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и готовитъ Галиційскую рѣзню; что посему мировые посредники и предводители дворянства, въ томъ числѣ и губернскіе: Гродненскій—Старжинскій и Минскій—Лаппа, признавали неприличнымъ служить такому Правительству; цѣль же ихъ существенно заключалась въ томъ, чтобы возбудить общее негодованіе помѣщиковъ противъ Правительства и склонить ихъ къ болѣе усердному содѣйствію мятежу, во главѣ коего они сами находились. Генералъ-адъютантъ Назимовъ былъ испуганъ этимъ общимъ заговоромъ чиновниковъ, оставлявшихъ службу, какъ видно, по приказанію революціоннаго жонда; нѣкоторыхъ онъ уговаривалъ остаться на службѣ, а большую часть просьбъ оставилъ безъ разрѣшенія“.

По прибытіи въ Вильну, Муравьевъ „на эту дерзкую манифестацію“ отвѣтилъ рѣшительной мѣрой, и „распорядился немедленно отрѣшить отъ должностей всѣхъ просившихъ объ увольненіи, а тѣхъ изъ мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, которые въ просьбахъ своихъ употребили дерзкія выраженія, или замѣчены были въ тайныхъ съѣздахъ и заговорахъ противъ Правительства, приказалъ, арестовавъ, доставить въ губернскіе города, подъ строгій надзоръ полиціи; болѣе виновныхъ содержать подъ строгимъ карауломъ, предавъ ихъ на мѣстѣ военному суду; мировыя же учрежденія во всѣхъ четырехъ, такъ называемыхъ, Литовскихъ губерніяхъ, какъ дѣйствовавшія ко вреду Правительства и къ угнетенію крестьянъ, окончательно закрыть, поручивъ огражденіе крестьянъ отъ притѣсненія владѣльцевъ военнымъ начальникамъ и уѣздной полиціи, которую постепенно наполнялъ Русскими чиновниками.

Принятая противъ лицъ, подавшихъ заговоромъ въ отставку, мѣра произвела всеобщій страхъ; многіе изъ неблагонадежныхъ мировыхъ посредниковъ и предводителей дворянства были отправлены на житье въ отдаленныя губерніи съ секвестромъ ихъ имуществъ; другіе же содержались подъ стражею до окончанія о нихъ военно-судныхъ дѣлъ; затѣмъ, не только прекратилась подача просьбъ объ увольненіи, но многіе стали просить о помилованіи и возвращеніи къ должностямъ; симъ послѣднимъ было, конечно, отказано; но Польскій чиновничій міръ, хотя наружно, смирился“.

Особое вниманіе Муравьева обратили на себя два губернскихъ предводителей дворянства, какъ „главные дѣятели мятежа“, Минскій—Лаппа и исправляющій должность Гродненскаго — графъ Старжинскій. По распоряженію Муравьева, „Лаппа былъ привезенъ арестованнымъ въ Вильну и отправленъ въ Пермскую губернію, а графа Старжинскаго велѣно было оставить въ Вильнѣ, и произвести надъ нимъ военный судъ“.

Въ Запискахъ Муравьева имѣются любопытныя свѣдѣнія о графѣ Старжинскомъ, объ этомъ замѣчательномъ лицѣ Поль-

ской пропаганды и мятежа. За участіе въ политическихъ заговорахъ графъ Старжинскій былъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ и служилъ рядовымъ. Въ 1856 году, онъ былъ прощенъ и, вмѣстѣ съ прочими, возвращенъ на родину, избранъ Гродненскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и исправлялъ, съ 1861 года, должность губернскаго предводителя. Онъ умѣлъ вкрасться въ ближайшее знакомство съ главными нашими властями въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ тайныя сношенія съ заграничными революціонными агентами и особенно Варшавскими; тамъ ему покровительствовалъ Велепольскій. Будучи протежированъ и министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ представлялъ ему проекты о возстановленіи Литвы, отдѣльной отъ Россіи, но соединенной съ Польшей, увѣряя, что этимъ однимъ можно усмирить продолжающееся болѣе трехъ лѣтъ революціонное волненіе въ краѣ; покровительствуемый такимъ образомъ Валуевымъ, княземъ Долгоруковымъ и иными лицами, которые, по несчастію, тогда признавали, какъ и нынѣ, весь Западный край не Русскимъ, но искони будто бы Польскимъ, Старжинскій былъ представленъ государю, ему даже отведена была квартира во Дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ, и онъ не однажды удостоивался быть у государя, прочитывая ему свои проекты; осенью же 1862 г. онъ даже былъ приглашенъ сопровождать государя въ Москву, гдѣ находился все время царскаго пребыванія тамъ, стараясь всѣми мѣрами доказать, что „смирить Поляковъ можно только кротостью, милостью и возстановленіемъ границъ 1772 года“. Доводы Старжинскаго очевидно произвели впечатлѣніе, и „тайно разрѣшено ему было сообщить министру Внутреннихъ Дѣлъ свой взглядъ на дѣло для будущаго успокоенія края. Старжинскій, по возвращеніи, въ 1862 г., въ Гродно, не хотѣлъ уже и знать генералъ-губернатора и показывалъ ему полное пренебреженіе, разсказывая всѣмъ о блистательномъ пріемѣ государемъ и о покровительствѣ Петербургскихъ властей; подъ симъ обаяніемъ онъ овладѣлъ всѣми умами Польской интеллигенціи въ краѣ; всѣ Поляки смотрѣли на него, какъ на бу-

дущаго избавителя, смѣло уже пренебрегавшаго правительственную власть.

Въ февралѣ 1863 г., когда вспыхнулъ мятежъ, Старжинскій рѣшился дѣйствовать уже самостоятельно, написалъ дерзкія письма государю и министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ которыхъ обвинялъ Правительство въ допущеніи будто бы демократическихъ началъ и въ возстановленіи крестьянъ противъ владѣльцевъ, такъ же въ принятіи строгихъ мѣръ къ гоненію Польскаго начала въ краѣ и въ употребленіи вооруженной силы противъ онаго, тогда какъ, напротивъ того, Правительство безнаказанно допускало распространеніе революціонныхъ началъ и только принимало полумѣры для прекращенія манифестацій и начавшейся рѣзни отдѣльныхъ Русскихъ командъ, объявляя, что засимъ онъ не считаетъ себя обязаннымъ служить Правительству въ качествѣ предводителя дворянства и слагаетъ съ себя это званіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ о томъ всѣмъ Гродненскимъ уѣзднымъ предводителямъ, дабы и они послѣдовали его примѣру, что и было ими исполнено. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, не сознавая въ этомъ поступкѣ ничего противнаго чести поляка и обязанности вѣрноподданнаго, исходатайствовалъ всемилостивѣйшее увольненіе его отъ должности по *прошенію*, съ тѣмъ только, чтобъ онъ оставался на жительствѣ въ Гроднѣ.

Генералъ-губернаторъ Назимовъ, находя пребываніе Старжинскаго въ Гроднѣ, по связямъ его съ революціонерами, вреднымъ и опаснымъ для края, поступокъ же въ высшей степени дерзкимъ и противозаконнымъ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы подвергнуть его законной отвѣтственности, но министръ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ разными предлогами, оттягивая дѣло, не давалъ никакого отвѣта. По прибытіи въ Вильну, Муравьевъ, удостовѣрившись во вредѣ, приносимомъ Старжинскимъ въ Гроднѣ, приказалъ доставить его арестованнымъ въ Вильну, гдѣ и предалъ его военному суду, извѣстивъ о томъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы доставилъ всю бывшую съ нимъ и о немъ переписку. Само собою разумѣется, что министръ не

смѣлъ противорѣчить, но доставилъ Муравьеву кое-какія неполныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Старжинскаго въ Петербургѣ“.

Все сообщенное Муравьевымъ въ *Запискахъ* своихъ о Старжинскомъ подтверждалось собственными бумагами послѣдняго.

„Военный судъ, на точномъ основаніи законовъ, приговорилъ Старжинскаго къ каторжной работѣ“; но въ Петербургѣ „старались прикрыть сношенія съ Старжинскимъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, и смягчить приговоръ ссылкою Старжинскаго на жительство въ отдаленныя губерніи, съ выдержаніемъ въ крѣпости одного года; но и этотъ приговоръ въ Петербургѣ былъ ослабленъ: крѣпостное содержаніе ему назначено въ Бобруйскѣ, т.-е. въ краю, гдѣ Польская пропаганда еще сильно дѣйствовала, и потомъ онъ высланъ въ Воронежскую губернію“.

Все это привело Муравьева къ заключенію, что Петербургскія власти „были болѣе виновны въ совершавшихся событіяхъ, нежели тѣ жертвы Польскаго сумасбродства и безумія, которыя рѣшились поднять оружіе противъ Правительства нашего, потому лишь, что они были увѣрены въ его слѣпотѣ и безсиліи, а частію въ надеждѣ даже на покровительство нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Петербургѣ“...

XXXIV.

Признавая необходимымъ показать Полякамъ, что Правительство наше ихъ не страшится, Муравьевъ „немедленно занялся разсмотрѣніемъ приговоровъ о болѣе важныхъ преступникахъ; конфирмовалъ ихъ и немедленно приказалъ исполнить приговоры въ Вильнѣ, на торговой площади, въ самый полдень, и съ оглашеніемъ по всему городу съ барабаннымъ боемъ. Муравьевъ началъ съ ксендзовъ, какъ главныхъ дѣятелей мятежа. Поляки не вѣрили, что онъ рѣшится на это, но когда увидѣли исполненіе сего на дѣлѣ, а не на словахъ, всѣхъ ихъ обуялъ страхъ. Воплю и крику было много въ городѣ и многіе даже уѣзжали изъ него. Епископъ Красинскій болѣе другихъ испугался казни ксендзовъ. Онъ боялся и за себя и за свой

Капитулъ, и когда Муравьевъ потребовалъ, чтобы онъ циркулярно предписалъ Римско-католическому духовенству противодѣйствовать мятежу, то онъ притворно сказался больнымъ и передалъ другому распоряженіе Консисторіею. Для примѣра другимъ, Муравьевъ отправилъ его съ жандармомъ въ Вятку. Въ числѣ лицъ, находившихся подъ стражею, былъ раненый, бывшій капитанъ Русскаго Генеральнаго Штаба Сѣраковскій, командовавшій самою большою шайкою въ Самогитіи, уничтоженной командиромъ Финляндскаго полка генераломъ Ганецкимъ; также дворянинъ Колышко, начальникъ другой значительной шайки. Муравьевъ приказалъ ускорить производимыя о нихъ дѣла и также конфирмовалъ—обоихъ повѣсить. Эти четыре примѣра сильно подѣйствовали на Поляковъ и они стали удостовѣряться, что съ ними шутить не будутъ, и потому, по обычному Польскому характеру, многіе искали уже у насъ покровительства, тѣ, которые наканунѣ съ гордостью называли себя возстановителями Польской отчизны и гонителями Москалей и Монголовъ"!

Въ то время пріѣхалъ въ Вильну корреспондентъ какой-то Англійской газеты и на общемъ представленіи просилъ позволенія у главнаго начальника края осмотрѣть политическія тюрьмы и прочитать слѣдствіе о Сѣраковскомъ, чтобы затѣмъ печатнымъ словомъ опровергнуть разные неблагопріятные по этому поводу для Россіи толки. Муравьевъ приказалъ состоявшему при немъ молодому чиновнику Мосолову передать корреспонденту, что не дѣло Европы вмѣшиваться въ разсмотрѣніе слѣдствія о Сѣраковскомъ,—на это въ Россіи установленъ судъ, и если онъ признаетъ его виноватымъ, то Сѣраковскій, не смотря на чье бы то ни было заступничество, будетъ повѣшенъ. Осмотрѣть же политическія тюрьмы, пищу и содержаніе политическихъ арестантовъ было разрѣшено корреспонденту, подъ единственнымъ условіемъ, не разговаривать по секрету съ заключенными.

А. Н. Мосоловъ сообщаетъ, что „во время казни, Сѣраковскій выказалъ необыкновенное малодушіе: бранился, кри-

чалъ и даже ударилъ палача“. Между тѣмъ, уже впослѣдствіи Мосоловъ отыскалъ во Французской иллюстраціи того времени портретъ Сѣраковскаго съ краткою біографіею, въ которой сказано, что онъ, пронженный пулею въ грудь, погибъ на полѣ брани за свое отечество“.

Казнь Литовскаго и Ковенскаго воеводы Сѣраковскаго, по свидѣтельству очевидцевъ, „еще болѣе усилила панику Поляковъ, и они окончательно упали духомъ“ [103]).

„А Муравьевъ хватъ“, — писалъ Кошелевъ Погодину,— „вѣшаетъ да разстрѣливаетъ! Дай Богъ ему здоровья“.

Мѣрами Муравьева былъ недоволенъ графъ Сумароковъ. „Вѣдь вы“,— писалъ онъ Погодину,— „не предлагали вѣшать ксендзовъ, и приступать къ Муравьевскимъ жестокимъ мѣрамъ, которыми такъ восхищаются ваши Москвичи. Мнѣ кажется, что во избѣжаніе оскорбленія духовнаго сана, приличнѣе было бы негодяевъ этихъ, волнующихъ умы, разстригать и отсылать въ Сибирь, вмѣсто позорной смерти, возбуждающей только фанатизмъ“.

Самъ же Муравьевъ писалъ П. А. Валуеву: „Повидимому начинаютъ смиряться непокоривые. Нѣсколько примѣровъ смертныхъ казней произвели желаемое дѣйствіе. Я полагаю, что теперь можно будетъ на нѣкоторое время остановиться исполненіемъ подобныхъ приговоровъ. Признаюсь, что крѣпко тяжело и грустно быть вынужденнымъ утверждать смертные приговоры, какъ бы нарочно оставленные безъ разрѣшенія въ продолженіе почти шести мѣсяцевъ. Безнаказанность доходила до того, что никто не вѣрилъ въ Вильнѣ, что я рѣшусь приказать исполнить смертный приговоръ. Я вынужденъ былъ по этой причинѣ исполнить еще два приговора, и теперь партія мятежниковъ, по крайней мѣрѣ въ Вильнѣ, пріуныла и въ особенности духовенство“ [104]).

Въ своихъ же *Запискахъ* Муравьевъ свидѣтельствовалъ, что изъ вѣдомости, сообщенной военному министру, „ясно видно, какъ преувеличены были всѣ толки и возгласы объ огромномъ будто бы числѣ лицъ, сдѣлавшихся жертвою жестокости упра-

вленія Сѣверозападнымъ краемъ. Едва ли когда-либо мятежъ, столь сильно охватившій всѣ шесть Сѣверозападныхъ губерній (съ населеніемъ болѣе 6.000,000), могъ быть оконченъ съ меньшимъ числомъ жертвъ; всѣ бывшія революціи въ Европѣ и возстанія въ Англійскихъ колоніяхъ стоили нѣсколько кратъ болѣе жертвъ, чѣмъ бывшее въ Западныхъ губерніяхъ возстаніе — ибо главное начальство сего края заботилось о томъ только, чтобы введеніемъ строго отвѣтственной и правильной администраціи возстановить достоинство Правительства и только нѣкоторыми болѣе разительными примѣрами смертной казни главныхъ руководителей мятежа и въ особенности лицъ, учредившихъ правильныя неистовства и злодѣянія надъ безоружнымъ народомъ, надо было остановить тотъ терроръ, который они повсюду распространяли. Здѣсь дѣло заключалось не въ однихъ строгихъ наказаніяхъ, ибо ихъ было весьма немного, но въ совокупности всѣхъ принятыхъ мѣръ къ подавленію мятежа и къ предупрежденію всѣхъ безпрестанно измѣняющихся способовъ дѣйствія мятежнаго жонда; въ этомъ собственно и заключалось достоинство управленія и успѣхъ его дѣйствій; мятежъ самъ собою погасъ и все смирилось, потому только, что во всѣхъ покушеніяхъ своихъ онъ находилъ своевременное правительственное противодѣйствіе. Польскіе умы отрезвились и все затихло въ краѣ, когда убѣдились, что правительственная власть возстановлена и идетъ непреоборимо къ предначертанной цѣли, не останавливаясь ни передъ какими препонами повсюду поставляемыми. Мятежъ прекратился, когда самые происки Петербургскихъ и Варшавскихъ революціонеровъ не могли побороть и ниспровергнуть систему дѣйствій главнаго начальства Западнаго края“.

12 сентября 1863 года, П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту: „Посольство наше не получаетъ никакихъ Русскихъ газетъ, какъ бы экспатрированное общество. Газетамъ здѣшнимъ никакого дѣла нѣтъ до личности Русскихъ, управляющихъ разными частями администраціи, кромѣ одного счастливца: М. Н. Муравьева“ [105]).

XXXV.

Изъ Литвы перенесемся въ Царство Польское. Тамъ возстаніе продолжало развиваться. Причиною тому, какъ полагаетъ Татищевъ, было, съ одной стороны, „нежеланіе великаго князя-намѣстника принимать безпощадныя мѣры строгости, къ коимъ прибѣгалъ въ Литвѣ Муравьевъ, съ другой—бо́льшее или меньшее соучастіе въ мятежѣ Польскихъ властей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось управленіе Царствомъ Польскимъ. Кровь лилась не въ однѣхъ схваткахъ съ повстанцами, но и вслѣдствіе многочисленныхъ убійствъ, совершаемыхъ по распоряженію подпольнаго жонда агентами его, такъ называемыми жандармами-вѣшателями и кинжальщиками, надъ мирными обывателями, непричастными мятежу. Къ тому же между Правительствомъ, намѣстникомъ и высшимъ духовенствомъ и дворянствомъ обозначался окончательный разладъ... Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, попытку примиренія съ Польшей, на началахъ программы Велепольскаго, нельзя было не признать окончательно неудавшеюся“ [106]).

Между тѣмъ, въ началѣ іюня (н. с.) 1863 года, изъ Варшавскаго Главнаго Казначейства совершено, при участіи двухъ служащихъ въ Казначействѣ чиновниковъ, крупное похищеніе: три милліона шестьсотъ тысячь рублей. Вся эта сумма поступила въ распоряженіе ржонда, доставившаго средства чиновникамъ-похитителямъ удрать за границу. Велепольскій успѣлъ устранить прежде того предложеніе о замѣщеніи чиновниковъ Казначейства Поляковъ Русскими и поручился за честность своихъ земляковъ [107]).

„Стало извѣстнымъ“,—писалъ Тютчевъ,—„что въ Варшавѣ, подъ самыми глазами нашихъ властей, изъ Банка похищено три милліона рублей. Въ высшихъ кругахъ немного смущены *за бѣднаго Константина*. Чувствуютъ, что это не возвыситъ его значенія въ странѣ“. Въ томъ же письмѣ Тютчева чи-

таетъ: „Въ самое послѣднее время благодѣтельный примѣръ Муравьева вызвалъ, какъ кажется, нѣкоторое соревнованіе въ энергіи среди бѣдныхъ правящихъ круговъ Варшавы. Было произведено нѣсколько повѣшеній въ крѣпости, и этотъ *великій произволъ*, какъ говорятъ, всѣ сочли за страшное оскорбленіе. Говорятъ даже, монсеньеру Фелинскому предложили отправиться въ Гатчино именно за то, что онъ протестовалъ противъ повѣшенія одного изъ своихъ“ [108]).

Погодинъ, въ своихъ *Замѣткахъ*, писалъ: „Да что же это дѣлается въ Варшавѣ, въ Царствѣ Польскомъ? слышишь вопросъ на всякомъ шагу въ Москвѣ, и не получаешь отвѣта! Вотъ ужъ ограбили казну, которую охраняли двѣ роты съ двумя орудіями. Въ одномъ городѣ крестьяне сидятъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за ослушаніе начальству, а это начальство требовало отъ нихъ, чтобъ они шли въ шайку! Въ Радомѣ есть чиновники, которые отсутствуютъ по четыре мѣсяца, присоединяясь къ повстанцамъ, и получаютъ жалованье! Лишь только началъ я выписывать изъ газетъ отмѣченныя мною мѣста за послѣднее время, какъ прочелъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующія слова Варшавскаго корреспондента, послѣ которыхъ не счелъ ужъ и нужнымъ продолжать свою выписку:

„26-го іюля. Полное разложеніе гражданскаго управленія въ Царствѣ — вотъ фактъ существенно важный, который на дняхъ еще разъ засвидѣтельствованъ двумя начальниками военныхъ отдѣловъ: генералами Семекою и Ушаковымъ. При такомъ состояніи гражданскаго управленія, анархія въ Царствѣ будетъ полная, Россія безъ конца будетъ ждать погашенія мятежа и можетъ быть вовлечена въ Европейскую войну. Необходимо принять, и принять въ возможно скоромъ времени, мѣры противъ такого зла, иначе Польскому возстанію, повторяемъ, не будетъ конца“.

Сами Поляки, удивляясь этой организаціи (мятежа), свидѣтельствуютъ, что только тридцатилѣтняя практика въ жизни и школахъ, могла привести къ такому блистательному результату. Вотъ оно, вотъ слѣдствіе отрицательныхъ мѣръ! О,

если бы мы воспользовались этими несчастными опытами, и подумали бы внимательно, чѣмъ могутъ быть замѣнены прежнія мѣры!

„Великому князю,—пишетъ Варшавскій корреспондентъ,—идетъ въ докладъ, какъ главнокомандующему, много формальныхъ дѣлъ, особенно по переводамъ и мелочамъ хозяйственной части, которые поглощаютъ время и утомляютъ его императорское высочество“. Вотъ наше несчастіе. Всѣ наши высшіе начальники обременены множествомъ пустыхъ дѣлъ, развлекающихъ ихъ вниманіе и производящихъ въ нихъ самое тяжелое чувство. Дѣлается это иногда даже съ злымъ умысломъ.

Вотъ еще любопытное извѣстіе: „Вчера поутру ксендзы въ нѣкоторыхъ костелахъ говорили отчаянныя проповѣди. Въ нихъ они успокоивали публику относительно политическихъ убійствъ, указывая на необходимость ихъ для блага отчизны; совѣтовали публикѣ не волноваться, и сообщили, что есть еще до 280 жертвъ, обреченныхъ на смерть. Каково было узнать послѣ такихъ проповѣдей, что на Свенторжецкой улицѣ домовладѣлецъ Вейхартъ, его сестра, служанка, обѣ дѣвицы, и даже, по неоффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собака и попугай, найдены въ квартирѣ ихъ перерѣзанными“.

Не вѣришь глазамъ своимъ, читая извѣстія изъ Варшавы: „Приводя къ результату, нельзя не замѣтить безсилія полиціи, къ которому она приведена, по отзывамъ здѣшнихъ лицъ, сколько вліяніемъ центральнаго комитета, *столько же и управленіемъ*“. Или: „Безсиліе полиціи, вольное или невольное, выразилось при убійствѣ чиновника Ротайскаго“. Которое же хуже: вольное или невольное? Похитители денегъ изъ Банка *двѣ недѣли* спорили, кому отдать похищенныя деньги, и между тѣмъ ходили на службу!

Революціонный комитетъ велѣлъ женщинамъ ходить въ траурѣ, женщины слушались и полиція не препятствовала. Революціонный комитетъ велѣлъ скинуть кринолины, — женщины не послушались и подверглись оскорбленіямъ. Полицейскіе не смѣли за нихъ вступиться, а развѣ помогали, но офицеры (какіе?) приняли ихъ подъ свое покровительство.

О, рыцари, если не донъ-Кихоты! Да вѣдь женщины не слушались васъ, когда вы отъ нихъ того или другаго требовали, такъ за что же вамъ идти къ нимъ на помощь? Скажите имъ: vous l'avez voulu! Если онѣ будутъ просить васъ спасти ихъ кринолины, такъ вы имъ отвѣчайте: зачѣмъ онѣ носили трауръ? Если онѣ хотятъ слушаться комитета, такъ уже нечего обращаться къ вамъ! Офицеры наши спасали женщинамъ кринолины, а на другой день женщины явились безъ кринолиновъ и любезность оказалась излишнею.

Даже высланы были патрули—и тѣмъ не было дѣла! Женщины не понадѣялись на защиту, а рѣшились исполнить приказаніе.

Забавно, что корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* вступается за кринолины, говоря: „Еще понятно преслѣдовать вредную роскошь, но какая-жъ роскошь въ кринолинѣ“ [109])?

„Между тѣмъ, маркизъ Велепольскій“,—пишетъ Степанъ Козьминъ,—„видя невозможность веденія дальше задуманнаго имъ дѣла, подалъ, 28-го іюня 1863 года, въ отставку, которая была принята. Поводомъ къ уходу Велепольскаго послужили постоянныя его пререканія съ директоромъ Коммиссіи внутреннихъ дѣлъ Келлеромъ. Маркизъ потребовалъ или отрѣшенія отъ должности Келлера и назначенія на его мѣсто сына своего Сигизмунда, или своей отставки. Нельзя было найти замѣстителя. Было время, когда мѣсто маркиза Велепольскаго надѣялся занять членъ бывшаго Комитета сельско-хозяйственнаго Общества Венглинскій. Но онъ ошибся. Не было даже разговора ни о немъ, ни вообще о другомъ какомъ полякѣ, несостоящемъ на государственной службѣ. Великій князь предложилъ Крживицкому занять мѣсто Велепольскаго. Хотя Крживицкій и не всегда ладилъ съ Велепольскимъ, однако, отвѣтилъ: „Я съ Велепольскимъ пришелъ, съ Велепольскимъ же и уйду“. Онъ чувствовалъ, что мѣсто это ему не по силамъ. Съ уходомъ Велепольскаго, край потерялъ послѣднее средство къ спасенію“ [110]).

Но, по мнѣнію Спасовича, поводомъ къ уходу маркиза Велепольскаго была кража изъ Казначейства.

Маркизъ Велепольскій уѣхалъ изъ Варшавы, пишетъ Спасовичъ, съ „полнымъ сознаніемъ, что ему никогда уже на родину не вернуться; онъ отправился на морскія купанья въ Путбусъ, на островѣ Рюгенѣ, оттуда въ Берлинъ, гдѣ прожилъ цѣлый годъ до осени 1864 года, прислушиваясь издали, съ мрачнымъ отчаяніемъ, какъ разыгрываются послѣднія дѣйствія кровавой драмы, какъ гибло и ссылалось все лучшее, что было въ современномъ ему Польскомъ обществѣ, какъ обваливались и падали всѣ продуманныя имъ учрежденія политическія и воспитательныя; какъ Николай Милютинъ, Самаринъ и князь Черкасскій распоряжались въ Варшавѣ, осуществляя свою радикальную реформу аграрную, съ явно политическою антипольскою подкладкою, какъ ставилась открыто новыми дѣятелями задача обрусенія Царства Польскаго, то-есть, какъ предполагалось вырвать съ корнями одну національность и насадить другую. Весною 1864 г., маркизъ Велепольскій представлялся великому князю Константину Николаевичу, проѣзжавшему чрезъ Берлинъ, въ іюлѣ того же года; онъ удостоился видѣть императора Александра II-го въ Потсдамѣ, при чемъ государь ему сказалъ: *Nous avons été vaincus*, *marquis*, *nous avons été vaincu*" [111]).

„Мнѣ случилось",—писалъ Погодинъ,—„заговорить съ однимъ знакомымъ, который лично и хорошо знаетъ маркиза Велепольскаго. Какого мнѣнія вы объ немъ? спросилъ я. Мнѣній разныхъ объ немъ быть не можетъ для внимательныхъ наблюдателей. Со времени вступленія своего въ управленіе, онъ дѣлалъ всѣ возможныя уступки и любезности для Поляковъ, средняго и высшаго сословія, смотрѣлъ на все сквозь пальцы, и своими либеральными мѣрами допускалъ дѣлать все что кому угодно (вслѣдствіе чего были организованы комитеты, собраны запасы, навезено оружіе, печатались безпрепятственно газеты и журналы). Правленіе стало въ Варшавѣ самое либеральное,—и въ то же время объявленъ рекрутскій наборъ, раздражившій городскую чернь повсемѣстно. Какъ сообразить такія противорѣчащія мѣры? Очень просто!... Говорятъ: у Велепольскаго была си-

стема. Онъ думалъ произвести ею примиренiе Поляковъ съ Русскими; онъ только ошибся въ средствахъ. Прекрасно, однако, онъ долженъ былъ увидѣть *11-го января*, что система его ошибочна, ибо не предотвратила кровопролитiя, и долженъ былъ отказаться отъ нея, или перемѣнить ее. Скажутъ: онъ надѣялся, что постоянная снисходительность и благоволенiе откроютъ глаза. Согласимся и на то до 1-го мая, а послѣ 1-го мая, когда, при продолженiи либеральныхъ мѣръ, при полной почти автономiи, при безнаказанности преступленiй, при допущенiи безпорядковъ, самая амнистiя была отвергнута, надѣяться ни на какое примиренiе было уже нельзя, и ясна стала необходимость другихъ мѣръ, а онѣ не принимались. Банкъ былъ обокраденъ уже въ iюнѣ, а Почтовая Контора еще позднѣе, и наконецъ нѣкоторыя таможни даже на дняхъ. Страшно становилось, чтобъ изъ Замка что-нибудь не было украдено. А что̀ значитъ дуэль Велепольскаго сына съ Браницкимъ? Дуэлисты, и не самые отчаянные, смѣются надъ нею, точно такъ какъ молодые лѣкаря смѣются надъ отравой, которую выдержало даже трехлѣтнее дитя. А письмо Велепольскаго сына къ принцу Наполеону! Оно непонятно: не можетъ, кажется, оно относиться къ комедiи! А письмо Велепольскаго отца, въ 1848 году, къ князю Меттерниху? Тамъ онъ выразилъ ясно свой образъ мыслей. Письмо было искренно: онъ убѣжденъ былъ твердо, что Полякамъ на Западныя державы надѣяться нечего, и составилъ планъ возстановить Польшу посредствомъ Русскихъ! Но вотъ извѣстiе, что Велепольскiй уѣзжаетъ на островъ Рюгенъ. Счастливый путь, и покорнѣйшая просьба объяснить свой образъ дѣйствiй для вразумленiя потомковъ и Исторiи“ [112]).

XXXVI.

„Не можетъ быть никакого сомнѣнiя въ томъ“,—писалъ Катковъ,—„что главныя затрудненiя, встрѣчаемыя нами въ Царствѣ Польскомъ, заключаются не въ шайкахъ повстанцевъ,

ни даже въ такъ называемомъ національномъ правительствѣ, а въ гражданскомъ управленіи Царства. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Польши, нѣтъ особаго начальника гражданскаго управленія... Эта должность, дающая лицу ею облеченному огромное и притомъ ненормальное значеніе, вноситъ въ управленіе краемъ не единство, для чего нужно быть первымъ министромъ, а раздвоеніе между военною властью и гражданскимъ управленіемъ. Еслибы это лицо было избрано изъ людей дѣйствительно опытныхъ въ дѣлѣ управленія, соединяющихъ въ себѣ преданность престолу и народное довѣріе, то ненормальность его положенія искупалась бы тѣмъ, что оно служило бы посредникомъ между народомъ и верховною властью. Но въ главѣ гражданскаго управленія въ Царствѣ стоитъ маркизъ Велепольскій, въ нерасположеніи къ которому, основательномъ или неосновательномъ, одинаково сходятся въ Варшавѣ и Русскіе, и Поляки. Онъ настойчиво требовалъ произвести наборъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ былъ производенъ въ январѣ; онъ настоялъ на изгнаніи Русскихъ чиновниковъ изъ Царства Польскаго, въ видахъ автономіи края, и такимъ образомъ самъ передалъ власть въ руки людей, которые считаютъ его первымъ врагомъ отечества. ... Поэтому нельзя сомнѣваться, что отъѣздъ маркиза Велепольскаго приходится теперь какъ нельзя болѣе кстати“ [113]).

Погодинъ, не дождавшись исполненія своей „покорнѣйшей просьбы“, обращенной къ маркизу Велепольскому: „объяснить его образъ дѣйствій для вразумленія потомковъ и Исторіи“, приступилъ къ разсмотрѣнію *системы маркиза Велепольскаго*. „Умъ хорошо, говоритъ Русская пословица, а два лучше“,— такъ начинаетъ Погодинъ свое разсужденіе,—„если о всякомъ дѣлѣ это сказать можно, то кольми паче о дѣлѣ сложномъ и мудреномъ. Таково у насъ теперь дѣло о Польшѣ. На него можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ: Европейской, Польской, Русской, Литовской, католической, православной, аристократической, демократической, революціоной и пр. и пр. Пусть высказываются всѣ мнѣнія, самыя противоположныя, и изъ сово-

купности извлечется истина. До сихъ поръ мы молчали, теперь начинаемъ говорить, но по большей части все еще только въ пол-голоса... Ну вотъ, оттого и происходятъ сомнѣнія, недоумѣнія, подозрѣнія, осужденія, обвиненія, Кто же виноватъ"?

Защитницею системы маркиза Велепольскаго въ нашей Журналистикѣ явились *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Тамъ было сказано, что въ Варшавѣ „долгое время преобладало совершенно противоположное (военной диктатурѣ) направленіе, которое старалось дѣйствовать, по возможности, мягкими средствами, проводило строгую черту между виновными и невинными, и поставило себѣ задачей привлечь на свою сторону большинство населенія, внушая ему довѣріе къ себѣ и надежду на лучшую участь".

Эти строки возбудили у Погодина вопросъ: хороша ли такая система? „Отличная, прекрасная, превосходная, отвѣчаю торжественно. Система эта въ началѣ была встрѣчена общимъ сочувствіемъ, и явилась плодомъ зрѣлаго обсужденія".

— Совершенно справедливо: смѣю напомнить, что самъ я въ донесеніи своемъ министру Народнаго Просвѣщенія предлагалъ образъ дѣйствій въ этомъ духѣ, касательно ученой и учебной части, еще въ 1839 г.; а въ 1856 г., въ запискѣ своей о Польшѣ, указывалъ на нее, какъ на единственное условіе умиротворенія Польши.

„Еслибы система, о которой говоримъ мы",—продолжаетъ авторъ статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* — „оказалась удачною, еслибъ она ознаменовалась счастливыми результатами, то общій голосъ превозносилъ бы ее похвалами".

— Разумѣется, и всякому пріятно было бы воздать ей хвалу, какъ можно громче, въ такомъ вожделѣнномъ случаѣ!

„Когда настанетъ пора для примѣненія къ Царству этихъ началъ, мы должны будемъ снова приняться за систему, которая подвергается нынѣ столь задорнымъ порицаніямъ".

— Безъ всякаго сомнѣнія, потому что эта система соотвѣтствуетъ истиннымъ вѣковѣчнымъ началамъ права, закона, настоящей политики.

„Было бы страшною несправедливостію осуждать (исполнителей) за ихъ глубокую вѣру, которую питали они въ успѣхъ предпринятаго ими дѣла“.

— Не только страшною несправедливостью, но вопіющею нелѣпостію; не только можно, но даже должно было надѣяться на успѣхъ, во время оно.

„Не основательно ли было надѣяться, что надежнѣйшимъ средствомъ (вырвать массу Польскаго населенія изъ-подъ обаянія, въ которомъ держала его революціонная партія) можетъ служить добросовѣстное осуществленіе началъ, которыя должны были обезпечить Польшѣ правильное развитіе гражданской и политической жизни“.

— Очень основательно, и естественно, и благородно, и нужно, и похвально“!

Отвѣтивъ на всѣ такъ сказать положенія *Петербургскихъ Вѣдомостей* въ пользу системы маркиза Велепольскаго, Погодинъ спрашиваетъ самъ себя:

„Такъ стало быть я совершенно согласенъ съ авторомъ статьи, помѣщенной въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ?*

Нѣтъ, не согласенъ, хоть и принимаю всѣ вышепрописанныя его положенія.

Какъ такъ?

А вотъ какъ:

Я отстраиваю себѣ домъ: Тонъ и Рихтеръ начертили мнѣ планъ, Брюловъ и Бруни взялися расписать стѣны, Пименовъ и Рамазановъ украсить своими статуями;—всѣ художники принялись уже за работу, какъ вдругъ загорѣлся онъ съ одного угла... Хорошо ли бы я сдѣлалъ, если бы сказалъ своимъ друзьямъ: продолжайте работать, мы погасимъ... Художники работаютъ, а огонь дальше и дальше, и вотъ обхватываетъ все зданіе. До амуровъ ли тутъ и венеръ, до симметріи ли и пропорціональности, до пейзажей ли и жанровъ! Нѣтъ, тутъ подавай только Богъ ноги и художникамъ и работникамъ! Поджигатели являются со всѣхъ сторонъ. Берите ихъ. Я не поджигалъ, а пришелъ только посмотрѣть. А для чего у тебя

спички? А ты зачѣмъ не гасишь? Тащите въ крѣпость. Тамъ разберемъ...

Во время чумы нельзя обходиться безъ оцѣпленій, окуриваній и карантиновъ, нельзя быть довольно осторожнымъ!

Невинные граждане должны пенять не на Правительство, а на тѣхъ злоумышленниковъ, которые своими дѣйствіями побуждають къ принятію строгихъ мѣръ.

Мягкость, кротость, послабленіе, снисходительность, не оказывали никакого дѣйствія въ Варшавѣ. Это было ясно всякую минуту и на всякомъ шагу; съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, печатались газеты, раздавались паспорты, собирались подати, пѣлись возмутительныя пѣсни, говорились кровожадныя проповѣди, войско Русское подвергалось оскорбленіямъ неслыханнымъ, и никто изъ гражданъ не отыскивалъ виноватыхъ, никто не содѣйствовалъ, никто не заявлялъ своего мнѣнія, не произносилъ ни одного добраго слова, не заступался—такъ какъ же можно было питать надежду на исправленіе? *11-ое января должно* было открыть глаза управленію, и самый крайній срокъ системы былъ, кажется, 1-го мая съ его амнистіей. Тогда управленіе должно было удостовѣриться, что оно ошиблось, и отложить прекрасную систему впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. А послѣ 1-го мая вѣдь обокраденъ Банкъ, разбита Почта, совершены убійства, и мало ли чтó понадѣлано, о чемъ и вспоминать горько“!

„Вина лицъ заботившихся о примѣненіи системы, состояла развѣ только въ томъ“,—утверждаетъ защитникъ системы маркиза Велепольскаго,—„что они честно, добросовѣстно и безъ задней мысли исполняли возложенныя на нихъ обязанности“.

— Нѣтъ, не въ томъ они виновны,—возражаетъ Погодинъ,—а въ томъ, что они слишкомъ долго оставались въ очарованіи системы, которая оказывалась ежедневно несостоятельною, и долго медлили ея прекращеніемъ“.

Отъ политической системы маркиза Велепольскаго, Погодинъ обращается къ медицинской—Мудрова, и пишетъ: „У насъ въ Московскомъ Университетѣ былъ знаменитый профессоръ

Медицины Мудровъ. По счету Клиники онъ вылѣчилъ тысячь двадцать горячекъ. При немъ и не слыхано было, чтобы кто-нибудь умеръ отъ горячки (Нынѣ, говорятъ, горячки другого рода). Онъ, бывало, не прикасается къ больному и оставляетъ его лежать на покоѣ, въ сознаніи, что больного на болѣзнь станетъ. А чуть, душа, ты замѣтишь въ немъ такіе-то признаки, говорилъ онъ ординатору, то бѣги ко мнѣ благимъ матомъ, лови, буди! И бѣжалъ ординаторъ, и вставалъ Мудровъ съ постели, и скакалъ въ Клинику, и прописывалъ лѣкарства— и больной былъ спасаемъ. Знать время, опредѣлить срокъ, ловить моментъ — вотъ достоинство и заслуга во всѣхъ дѣлахъ, въ Политикѣ, какъ и Медицинѣ".

Оставляя тяжелыя воспоминанія, Погодинъ себѣ въ утѣшеніе говоритъ, что „нѣтъ худа безъ добра. Старикъ Аксаковъ говаривалъ мнѣ часто, утѣшая, что Россія такой слонъ, которому чѣмъ глубже дашь рану, тѣмъ она скорѣе заплываетъ жиромъ. Дѣйствительно, мы трепетали всѣмъ сердцемъ во время Варшавской неурядицы, были минуты, какихъ Россія не испытывала, можетъ быть, со временъ междуцарствія, но слава Богу, все прошло, по крайней мѣрѣ на время, и мы можемъ извлечь пользу изъ перетерпѣнныхъ бѣдствій, говоря словами защитника системы Велепольскаго: „Добросовѣстное осуществленіе системы сообщило нравственную опору нашему дѣлу, ибо мы заявили ею предъ лицомъ всего міра, что все было совершено нами для примиренія Поляковъ съ Русскимъ владычествомъ, для обезпеченія ихъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія. Она доставила намъ могучій аргументъ противъ дипломатическаго вмѣшательства Европы. Даже тѣ энергическія мѣры, которыхъ такъ настоятельно требуетъ теперь Русское общество, могли получить оправданіе свое лишь послѣ того, какъ испробованы были всѣ мѣры снисходительности".

Въ заключеніе Погодинъ вторично выражаетъ желаніе, чтобы маркизъ Велепольскій „изложилъ вполнѣ свою систему, на Французскомъ языкѣ, съ рукоприкладствомъ служившихъ въ

его управленіи лицъ о соблюденіи ими всѣхъ правилъ, формъ и законовъ, въ продолженіе почти полутора года, объ ужасныхъ и о непосредственныхъ слѣдствіяхъ этой системы въ городѣ и Царствѣ, — для вящшаго удостовѣренія Европейскихъ державъ о несостоятельности ихъ требованій“.

Сказавъ, что сознаваться въ ошибкахъ никогда не стыдно, Погодинъ и самъ предается покаянію. „Я долго думалъ“,—пишетъ онъ,—„что Поляки могутъ отказаться отъ мысли о своихъ старыхъ завоеваніяхъ въ Россіи. Нѣтъ, я теперь удостовѣрился, что не только революціонеры, не только эмигранты, не только завзятые Поляки, но даже самые смирные, любезные, добрые не могутъ отстать отъ этой мысли: это выше ихъ натуры. Ну, такъ я теперь и осуждаю свою старую мечту, и говорю, что на ней строить ничего нельзя, что изъ Западныхъ Русскихъ губерній должны быть выжиты Поляки, во что́ бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровожены по казенной надобности, съ деньгами, съ заемными на насъ письмами, съ ксендзами, со всѣмъ скарбомъ и трауромъ, со всѣмъ движимымъ имуществомъ, а недвижимое,—земля, наша, кровная, Русская,—и Польшѣ изъ нея ни пяди!

Что же касается до Польши, то въ предѣлахъ ея языка, я желаю ей всякаго благополучія и всякой свободы, какой ей угодно, только безъ возможности вредить Россіи, conditio sine qua non“ [114]).

По поводу этихъ послѣднихъ строкъ, Куникъ писалъ Погодину: „Я прочелъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* вашу статью о необходимости вытѣснить Поляковъ изъ Западной Россіи. Теперь время серьезно обсудить этотъ вопросъ, потому что и мнѣ уже давно ясно, что рѣшеніе Польскаго вопроса заключается въ Западной Россіи. Послѣ того, какъ вы высказали этотъ вашъ взглядъ, я хочу вамъ посовѣтовать больше не подымать объ этомъ рѣчи: 1) Польская фема *вамъ* этого не проститъ и 2) нужно нравственно воздѣйствовать на Западно-Русскій элементъ. Но hic haeret aqua (здѣсь-то и затрудненіе). Кояловичъ сообщилъ мнѣ вчера, что онъ читалъ различныя

жалобныя письма на посланныхъ въ Западную Россію чиновниковъ“ [115]).

XXXVII.

Предъ самыми іюльскими депешами князя Горчакова, Погодинъ посѣтилъ Петербургъ, и остановился у Кокорева. Въ это же время появилась іюльская книжка *Revue des deux Mondes*, въ которой де-Марсъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *La Pologne, ses anciennes provinces et ses veritables limites...*

Статья эта привела государя и государыню „въ сильное негодованіе“. Князь Д. А. Оболенскій передалъ Погодину „убѣдительную просьбу“ князя А. М. Горчакова написать разборъ статьи г. де-Марса.

„Дѣлать нечего“,—писалъ Погодинъ,—„надо было приняться за работу. Я заперся на замокъ у себя въ комнатѣ, пользуясь отсутствіемъ хозяина (Кокорева), никого не принималъ и никуда не выходилъ. Прочелъ внимательно статью, обдумалъ, сообразилъ, написалъ отвѣтъ и переписалъ его, что мнѣ бываетъ нужно для исправленія и дополненій. Слишкомъ недѣлю просидѣлъ я за письменнымъ столомъ, не разгибая спины, и наконецъ статья была готова. Хорошо еще, что мнѣ почти ни съ чѣмъ не надо было справляться, кромѣ своей памяти“.

Статью свою Погодинъ озаглавилъ такъ: *Отповѣдь Французскому журналисту.*

„Отъ часу не легче“!—такъ начинается статья,—„Поляки думаютъ не только отнять у насъ себя и завладѣть вновь нашими Западными губерніями, съ десятью милліонами населенія, по преимуществу Русскаго, но они хотятъ еще отнять у насъ нашу Исторію, вырвать изъ устъ нашихъ языкъ, вытянуть кровь изъ нашихъ жилъ и налить ихъ Финскою и Татарскою микстурою.

Niema Rusi, нѣтъ Россіи, восклицаютъ Поляки; нѣтъ Русскихъ, вторитъ имъ теперь Французскій писатель . . . Поля-

камъ . . . можно, положимъ, увлекаться, и, руководясь страстію, взводить всякія небылицы и всякія напраслины, какъ на настоящее время, такъ и на прошедшее; но какъ же постороннему писателю не совѣстно вѣрить имъ на слово, и вслѣдъ за ними повторять вещи, которыя легко опровергнутъ въ первоначальномъ училищѣ? Дурно заявляетъ себя современная Европейская печать, и нельзя не краснѣть за нее, въ виду скораго, неминуемаго суда Исторіи, суда науки"!

Г. де Марсъ, вслѣдъ за своими руководителями Поляками, утверждалъ: что Великороссіяне, или, какъ онъ называетъ ихъ, *Москвитяне*, есть вновь образовавшееся племя изъ смѣси разныхъ Уральскихъ племенъ — Финновъ, Татаръ, Турокъ, уже послѣ нашествія Татаръ.

Г. де Марсъ стремился отдѣлить Москвитянъ, не только отъ Поляковъ, но даже отъ Малороссіянъ, коихъ называетъ *Рутенами*, и прочихъ Славянскихъ племенъ. Ему хочется убѣдить публику, что Великороссіяне какіе-то Европейскіе Метисы, Креолы, Мулаты.

Г. де Марсъ, въ пылу своей ревности, отдѣлилъ отъ насъ, Великороссіянъ, къ своимъ Рутенамъ или Малороссіянамъ, Новгородъ и Псковъ, которыхъ зазрила ему совѣсть помѣстить въ Уральскую композицію.

Г. де Марсъ отдѣляетъ Муромскимъ лѣсомъ Владимірскую губернію отъ Черниговской и Кіевской.

Г. де Марсъ въ имени Москвы, Мурома, Суздаля и проч. видитъ главное доказательство принадлежности страны Финнамъ, а не Русскимъ.

А что́ есть Французскаго, — спрашиваетъ Погодинъ, — въ имени Парижа? Что есть Англійскаго въ имени Лондона? Что есть Нѣмецкаго въ имени Вѣны, Берлина, Дрездена, Лейпцига, Любека? Что есть Италіанскаго въ имени Неаполя, Венеціи? Унижающій Финновъ, авторъ забываетъ, что Венгерцы суть природные Финны.

Г. де Марсъ приписываетъ Финнамъ наклонность къ учрежденію *автократіи* и вмѣстѣ къ *религіознымъ преніямъ*.

Г. де Марсъ говоритъ о *Московіи*, предупреждая слишкомъ на сто лѣтъ ея историческое появленіе, въ смыслѣ столицы.

Г. де Марсъ, ради Финновъ и Татаръ, всѣ хорошія черты Древней Русской Исторіи отдаетъ Малороссіи и исключаетъ совершенно Великороссію, *неспособную ни къ чему порядочному по самой натурѣ ея населенія.*

Г. де Марсъ отнимаетъ отъ Великороссіянъ христіанскую религію и Славянскій языкъ.

Г. де Марсъ повѣдаетъ о дружественномъ характерѣ соединенія Литвы съ Польшею.

Г. де Марсъ утверждаетъ, что Малороссія, принявъ унію, вошла въ религіозное и нравственное общеніе съ католическимъ Западомъ, и отдѣлилась совершенно отъ Великороссіи.

Г. де Марсъ, описывая покореніе Новгорода, говоритъ, что это было первое важное завоеваніе Москвы въ Малороссіи".

Немного труда стоило Погодину сдѣлать возраженія на эти положенія г. де Марса, и Погодинъ сознается, что уже „наскучило безплодное преніе съ Поляками"; но неужели, — спрашиваетъ онъ, — „между Европейскими читателями не найдутся безпристрастные люди, которые, прослушавъ внимательно обѣ стороны, рѣшатся возвысить свой голосъ среди этого Вавилонскаго Польскаго столпотворенія"? Имъ и посвящаетъ Погодинъ свою *Отповѣдь*, написанную „безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякой страсти, въ духѣ чистой историко-критической истины" [116]).

Отповѣдь свою Погодинъ повезъ въ Царское Село, къ князю А. М. Горчакову, который принялъ Погодина очень ласково, оставлялъ обѣдать, отъ чего тотъ отказался, давъ слово барону М. А. Корфу. Статью же Погодина князь Горчаковъ оставилъ у себя для разсмотрѣнія, обѣщавшись возвратить ее немедленно. При этомъ князь Горчаковъ посовѣтовалъ Погодину напечатать сперва свою *Отповѣдь* въ какой-нибудь Русской газетѣ, откуда удобнѣе будетъ перевести ее на Французскій языкъ.

Въ Царскомъ же Селѣ, лѣтніе мѣсяцы проживалъ и лицейскій

товарищъ князя Горчакова и Пушкина, баронъ М. А. Корфъ. Въ тотъ день баронъ Корфъ праздновалъ день своего выпуска изъ Царскосельскаго Лицея. За бокаломъ шампанскаго, Погодинъ сказалъ пирующимъ Царскосельскимъ лицеистамъ: „Вѣрно много воспоминаній, милостивые государи, тѣснится у васъ въ душѣ, въ этотъ любезный для васъ день. Ваша весна, ваша поэзія, вмѣстѣ съ вашими поэтами, которые стали и нашими, представляются вашему воображенію. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло .... Счастливы тѣ, которые, пройдя такой длинный путь жизни, могутъ сказать, положа руку на сердце, что они оставались всегда, или по крайней мѣрѣ, старались оставаться вѣрными прекраснымъ обѣтамъ молодости, и исполнили честно свой долгъ предъ Отечествомъ и соотечественниками. Здоровье воспитанниковъ перваго лицейскаго выпуска“!

Между тѣмъ, князь Горчаковъ не задержалъ статьи Погодина, и послѣдній получилъ ее въ пакетѣ; но „безъ единаго слова“. За разъясненіемъ сего Погодинъ обратился къ Н. А. Муханову, который отвѣчалъ:

„Письмо вашего превосходительства, писанное въ понедѣльникъ, я сейчасъ только получилъ; оно было адресовано въ Царское Село, откуда доставлено опять въ городъ, гдѣ я находился. Я сообщилъ его вице-канцлеру, который отозвался, что онъ возвратитъ вамъ рукопись, полагая, что при личномъ свиданіи съ вами, дѣло было сговорено. Полезный трудъ вашъ, взявъ мѣсто въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, можетъ быть послѣ переведенъ для напечатанія въ *Journal de S-t Petersbourg*. Что же касается до газеты, въ которой вы заблагоразсудите помѣстить статью вашу, то выборъ принадлежитъ совершенно вашему благоусмотрѣнію“.

Тогда Погодинъ обратился къ Д. А. Милютину съ просьбою напечатать *Отповѣдь Французскому журналисту* въ *Русскомъ Инвалидѣ*. „Искренно благодарю“,—отвѣчалъ ему Милютинъ,—„за подарокъ *Инвалиду:* постараюсь, чтобы корректура была

прислана къ вамъ неотлагательно.—О Зедергольмѣ *) не забылъ; но укажите сами, что̀ именно могло бы его устроить".

Получивъ оттиски своей статьи, Погодинъ свезъ ихъ къ князю Горчакову; не заставъ его дома, передалъ ихъ его секретарю А. Ѳ. Гамбургеру, для представленія государю и государынѣ. Между тѣмъ, за статью свою, какъ свидѣтельствуетъ самъ Погодинъ, онъ „не получилъ спасиба ни отъ кого. За двѣ недѣли работы и плюнуть никто не счелъ нужнымъ, какъ будто эта работа была обязанностію".

„Взять хоть деньги съ Редакціи",—подумалъ Погодинъ, и съ этою цѣлью написалъ письмо къ Д. А. Милютину, „съ легкимъ намекомъ, что Редакція *Русскаго Инвалида* не присылаетъ не только гонорарія, но даже и своей газеты". Въ этомъ же письмѣ Погодинъ писалъ Милютину и о своихъ приватныхъ дѣлахъ, что Зедергольмъ „получилъ резервный полкъ, вмѣсто дѣйствующаго", и также просилъ, „не поможетъ ли Милютинъ сбыть разсказы о Суворовѣ, книгу ему слишкомъ извѣстную и какъ нельзя болѣе полезную для военныхъ воспитанниковъ".

На это письмо Милютинъ отвѣчалъ Погодину: „При всемъ желаніи моемъ оказать содѣйствіе сбыту изданной вами книги о Суворовѣ, я, къ сожалѣнію, не могу придумать, чѣмъ именно я могъ бы быть полезенъ въ этомъ дѣлѣ и какое средство могло бы быть къ тому употреблено. Редакція *Инвалида* не замедлитъ выслать вашему превосходительству гонорарій за помѣщенную въ этой газетѣ вашу статью. Относительно назначенія полковника Зедергольма, я долженъ откровенно вамъ сказать, что онъ не только не имѣетъ никакого права претендовать на то, что получилъ резервный полкъ, но долженъ даже это назначеніе считать снисхожденіемъ къ нему, потому что есть *очень* много гораздо старше его полковниковъ, вполнѣ достойныхъ командованія полками, и по десяти лѣтъ ожидаю-

---

*) Полковникъ Зедергольмъ былъ женатъ на дочери Погодина, Александрѣ Михайловнѣ. *Н. Б.*

щихъ полка. При томъ же резервные полки нынѣ совершенно будутъ уравнены съ линейными (дѣйствующими) полками".

Отвѣтъ Милютина „взорвалъ" Погодина, и онъ писалъ: „Не разсердился ли Милютинъ за требованіе гонорарія, но онъ самъ, кажется, знаетъ нужду по себѣ и часто бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ: за что же уступать мнѣ трудовыя деньги Редакціи, которая имѣетъ богатыя средства платить всѣмъ сотрудникамъ".

Между тѣмъ, Редакція *Русскаго Инвалида*, при отношеніи, за № 1403, выслала Погодину слѣдуемый ему за статью гонораръ, въ размѣрѣ *тридцати восьми рублей пятидесяти коп.*, объяснивъ при этомъ, что „столько приходится по разсчету за статьи, присылаемыя безъ приглашенія Редакціи".

Въ своемъ отвѣтѣ на это оскорбительное письмо Погодинъ писалъ: „На отношеніе Редакціи *Русскаго Инвалида*, за № 1403, симъ отвѣчать честь имѣю: *Безъ приглашеній* я не имѣю привычки являться никуда, помня Русскую пословицу: *незванный гость хуже татарина*. Къ участію въ *Инвалидѣ* приглашалъ меня г. военный министръ изустно и письменно, а г. главный редакторъ съ этимъ приглашеніемъ былъ у меня лично. *Отповѣдь Французскому журналисту* написана мною во исполненіе желанія государя императора, по просьбѣ г. министра иностранныхъ дѣлъ, и съ его согласія сообщена г. военному министру. Присланные 38 р. 50 коп. я велѣлъ раздать бѣднымъ съ обязанностію помолиться о Редакціи *Русскаго Инвалида*, да ниспошлетъ ей Богъ духа премудрости при исполненіи трудныхъ обязанностей, на нее возложенныхъ". Подписался: *Академикъ* М. Погодинъ.

„Давши время утихнуть волненію", Погодинъ написалъ отвѣтъ и Милютину. О содержаніи этого отвѣта мы узнаемъ изъ слѣдующихъ словъ Погодина: „Вѣрно, либо онъ, либо я были въ дурномъ расположеніи духа въ послѣдней перепискѣ, и что я вижу въ его отвѣтѣ одни недоразумѣнія: о такомъ гонораріи я и не думалъ, жалуясь только на Редакцію, что она не только не прислала гонорарія, но и не присылаетъ

газеты. Это, впрочемъ, я употребилъ натянутый оборотъ. Полученныя деньги я велѣлъ раздать бѣднымъ; что Зедергольмъ мнѣ не жаловался, а я услышалъ стороною о его назначеніи и отозвался, помня его прежнія слова о правахъ на полкъ; что касается до разсказовъ Суворова, то мнѣ казалось, что министру стоило сказать одно только слово невѣжамъ директорамъ корпусовъ. Я старался, сказалъ я въ заключеніе, писать къ вамъ какъ можно короче, опасаясь занять лишнюю минуту и подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Виноватъ, впередъ не буду".

Познакомившись съ *Отповѣдью* Погодина, Шевыревъ, 8 іюля 1863 года, писалъ ему изъ Вильдбада: „Спасибо тебѣ, что ратуешь такъ славно съ Марсомъ и просто лоскомъ положилъ этого невѣжду. Читаю въ *Сѣверѣ* твои подвиги и радуюсь. Поляки, это вранье Татаро-Финское на счетъ насъ, затѣяли давно... Когда я пріѣхалъ въ Парижъ читать свой курсъ, Душинскій еще до меня открылъ это вранье въ Парижѣ, въ той же самой залѣ выставилъ карту своего сочиненія, прислалъ программы нѣкоторымъ Русскимъ и даже нашему духовенству; но когда я открылъ свой курсъ, Душинскій въ одно и тоже время не посмѣлъ продолжать своего вранья. Ходзько ходилъ ко мнѣ всякій разъ — и послѣ курса принесъ мнѣ свою нелѣпую Исторію Польши, послѣ чего ужъ я съ нимъ не могъ видѣться. Врать такую околесную ученому не позволено ни изъ какихъ видовъ!.. Любопытно бы было собрать всѣ нелѣпости, напечатанныя здѣсь на нашъ счетъ Поляками. Это диковинки. Теперь разъигрывается только то, что они давно здѣсь готовили. Войны Французы не хотятъ. Въ народѣ сочувствія къ Полякамъ нѣтъ. Газеты не отголосокъ мнѣнія народнаго. Онѣ куплены, по большей части Поляками, или желаютъ Европейской катавасіи, чтобы какъ нибудь свернуть голову Наполеону III-му".

Іюньское пребываніе Погодина въ Петербургѣ завершилось неудачнымъ посѣщеніемъ его, на Аптекарскомъ островѣ, министра Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуева.

Погодину пожелалось видѣть министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы представить ему свою *Отповѣдь Французскому журналисту*, и „поговорить съ нимъ о цензурѣ". Въ пріемной министра сказали Погодину, что министръ „занятъ въ кабинетѣ, но скоро выйдетъ къ обѣднѣ и тогда ему доложатъ". Погодинъ „отдалъ свою брошюрку, загнувъ уголъ вмѣсто карточки", и отошелъ къ пристани, которая находится противъ крыльца министерскаго. Отъ нечего дѣлать Погодинъ „сталъ смотрѣть на Неву, на пароходы, шмыгавшіе по Невѣ взадъ и впередъ". Черезъ четверть часа, Погодинъ вернулся въ пріемную. „Министръ брѣется", сказалъ ему курьеръ. Погодинъ отошелъ опять къ пристани. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ курьеръ и говоритъ: „Министру теперь некогда разсматривать (т.-е. брошюры), послѣ, онъ ушелъ къ обѣднѣ".

„Я",—писалъ Погодинъ,—„взбѣсился; проѣхавъ нѣсколько верстъ даромъ, прождавъ цѣлый часъ, и получилъ грубый отвѣтъ. На возвратномъ пути я написалъ въ умѣ къ Валуеву письмо: „М. Г. Петръ Александровичъ. Я пріѣзжалъ нынѣ поутру къ вамъ не какъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, до котораго я не имѣю и не желаю имѣть никакого дѣла, а какъ къ знакомому человѣку, близкому родственнику князя Вяземскаго, о здоровьѣ котораго желалъ бы получить свѣдѣнія. Я оставилъ свою брошюрку, вмѣсто визитной карточки, и чрезъ полчаса получилъ въ отвѣтъ, что вы брѣетесь и что вамъ некогда разсматривать моей брошюры, о чемъ я и не просилъ. Нелѣпость такого отвѣта принадлежитъ, разумѣется, невѣжеству вашего служителя, но на второмъ тысячелѣтіи Россіи, въ нынѣшнее царствованіе, намъ хотѣлось думать, что домъ министра Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлается образчикомъ вѣжливости. Искренно будемъ сожалѣть, если надежда наша не оправдается. Примите увѣренія и проч."

Но на другой день „досада у Погодина уменьшилась", и онъ „уразумѣлъ, что вѣрно было здѣсь недоразумѣніе, т.-е., что Валуеву не было доложено, что я самъ пріѣхалъ съ бро-

шюрой, и потому письма не написалъ, а болѣе потому, чтобы не нажить новаго врага. Будетъ съ меня и старыхъ".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получилъ письмо отъ Кошелева, въ которомъ тотъ писалъ: „Статью вашу прочелъ я съ удовольствіемъ. Побольше бы такихъ статей".

„У меня сегодня Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ",—писалъ Погодину князь В. Ѳ. Одоевскій,—„около 8 часовъ. Пріѣзжай ты къ намъ, да привези свою *Отповѣдь журналисту*, которой я не могъ найти въ книжныхъ лавкахъ. Я только третьяго дня возвратился изъ Твери и еще не успѣлъ оглядѣться" [117]).

XXXVIII.

Въ половинѣ іюня 1863 года, представители Англіи, Франціи и Австріи прочли князю Горчакову отвѣтныя депеши своихъ дворовъ.

Въ это время въ Москвѣ пребывалъ Ѳ. И. Тютчевъ, и оттуда, 27 іюня 1863 года, писалъ: „Рѣшительное мгновеніе приближается, и мои печальныя предчувствія исполняются. Стало извѣстнымъ, что путешествіе императрицы отложено. Вчера, 26-го, послѣ панихиды по покойномъ императорѣ, Совѣтъ Министровъ долженъ былъ собраться, чтобы ознакомиться съ отвѣтами на ноты державъ. Раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ непріятельскія эскадры уже могутъ стоять передъ Кронштадтомъ. Все это страшно мучитъ... Здѣсь, какъ и во всей Россіи, духъ бодрый, но безсиліе и неспособность Правительства вызываютъ недовѣріе. Нечего скрывать отъ себя: вопросъ поставленъ о самомъ существованіи Россіи. Я приготовился ко всему худшему и уже не чувствую въ себѣ столько жизни, не имѣю предъ собой столько будущаго, чтобы питать надежду видѣть ясно послѣдствія угрожающаго намъ погрома" [118]).

Но вскорѣ *печаль* Тютчева *преложилась на радость*.

Всѣ три отвѣтныя депеши великихъ державъ Запада приходили къ общему требованію принять за основаніе переговоровъ по Польскому вопросу слѣдующіе шесть пунктовъ:

1) полная и всеобщая амнистія; 2) народное представительство; 3) назначеніе Поляковъ на общественныя должности, съ тѣмъ, чтобы образовалась администрація національная и внушающая довѣріе странѣ; 4) полная и совершенная свобода совѣсти и отмѣна стѣсненій, наложенныхъ на католическое вѣроисповѣданіе; 5) исключительное употребленіе Польскаго языка, какъ языка официальнаго въ администраціи, въ судѣ и въ народномъ образованіи, и 6) установленіе правильной и законной системы рекрутскаго набора.

„Принятіе этихъ шести пунктовъ",—пишетъ Татищевъ,—„равносильно было бы признанію за Англіею, Франціею и Австріею права вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла; отверженіе—могло повести къ дипломатическому разрыву и даже къ войнѣ, какъ предупреждали о томъ Русскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ. Взвѣсивъ обѣ случайности, императоръ Александръ II не поколебался подчинить всѣ прочія соображенія сознанію державнаго достоинства Россіи" [119]).

Выразителемъ чувствъ и мыслей государя и Россіи явился вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

Прежде чѣмъ подписать *Быть по сему* на представленныхъ княземъ Горчаковымъ проектахъ отвѣтовъ, государь перекрестился и, передавая ихъ князю Горчакову, твердо и рѣшительно произнесъ: *Vogue la galère*!

Нѣсколько дней спустя, князь Горчаковъ пригласилъ къ себѣ, въ Царское Село, пословъ Англіи, Франціи и Австріи и самъ прочиталъ имъ отвѣты свои. Твердая отповѣдь Русскаго министра привела въ невыразимое смущеніе иностранныхъ дипломатовъ, не ожидавшихъ рѣшительно высказаннаго отказа. Герцогъ Монтебелло, въ порывѣ досады, замѣтилъ, что Французское Правительство не только не удовлетворится отвѣтомъ, но почтетъ его за оскорбленіе, которое немедленно поведетъ къ разрыву; а холодный и сдержанный лордъ Непиръ, по собственному признанію, почувствовалъ, что и Англійское Правительство не въ состояніи будетъ примириться съ даннымъ его притязаніямъ отпоромъ [120]).

Членъ Краковскаго кружка и редакторъ Краковской газеты *Часъ*, Станиславъ Козьминъ, писалъ: „Отвѣтныя ноты князя Горчакова, въ насмѣшливомъ и обидномъ тонѣ, отвергали право державъ вмѣшиваться въ Польско-Русскія дѣла. Въ отвѣтѣ, посланномъ графу Рехбергу, князь Горчаковъ, выставляя на видъ общность интересовъ Австріи и Россіи, укорялъ его въ поощреніи возстанія и приглашалъ на конференцію съ Пруссіей по Польскимъ дѣламъ, какъ державу, участвовавшую въ раздѣлѣ Польши.

Въ нотѣ къ лорду Росселю было выставлено положеніе, что возстаніе поддерживается надеждой на чужеземное вмѣшательство, далѣе доказывалась вся непрактичность проекта о перемиріи и какъ единственный исходъ указано сложеніе оружія и ожиданіе милостей царя. Наконецъ, князь Горчаковъ ссылался на достоинство и самолюбіе Русскаго народа.

Отвѣтъ на Французскую ноту категорически и сухо отвергалъ всѣ шесть пунктовъ, отвергалъ предложенную конференцію державъ, доказывая, что Польскій вопросъ есть дѣло внутренней Русской политики, и если кого можетъ интересовать, то только державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши и никоимъ образомъ не Францію, которую прямо обвинялъ въ подзадориваніи Поляковъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Козьминъ писалъ, что „отвѣтъ князя Горчакова самый гордый, самый дерзкій, какой только извѣстенъ въ международныхъ сношеніяхъ. Своимъ отвѣтомъ князь Горчаковъ пріобрѣлъ популярность среди Русскихъ и возбудилъ ненависть къ Польской народности, вычеркнулъ Польскій вопросъ изъ числа Европейскихъ вопросовъ и низвелъ его, къ изумленію всего міра, къ разряду вопросовъ внутренней Русской политики. Князь Горчаковъ нанесъ этимъ отвѣтомъ первый ударъ внѣшнему обаянію Наполеона III и его политикѣ, считавшейся до того непогрѣшимой. Тутъ только выяснилось, до какой степени былъ безразсуденъ разсчетъ на чужеземную помощь вообще и Франціи въ особенности“.

Историкъ Зибель замѣчаетъ, что „возроставшее негодованіе

Русскаго Двора, народа и войска вынуждало къ рѣзкому отвѣту".

Между тѣмъ, Россія съ восторгомъ привѣтствовала обнародованіе депешъ князя Горчакова.

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 12 іюля 1863 г., записалъ: „Вчера напечатаны отвѣтныя ноты наши Англіи, Франціи и Австріи. Онѣ сдѣлали очень хорошее впечатлѣніе на публику. Въ самомъ дѣлѣ, все въ нихъ скромно, правдиво и твердо".

Катковъ писалъ: „Отвѣты нашего Правительства на депеши трехъ державъ, наконецъ, у всѣхъ предъ глазами. Появленія этихъ документовъ всѣ ждали съ нетерпѣніемъ; къ чтенію этихъ документовъ никто не приступитъ безъ усиленнаго біенія сердца... Россія, съ спокойною, но твердою рѣшимостію, отклонила оскорбительныя притязанія трехъ державъ на вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла, и не приняла конференціи. Разсчеты уловить ее въ сѣти, запугать и смутить ее, обратились въ ничто.... Три державы, если это угодно имъ, могутъ еще продолжать свою бесѣду съ Россіей; но отнынѣ должны онѣ убѣдиться во тщетѣ своего замысла поставить ее въ положеніе подсудимаго... Читая эти депеши, Русскій человѣкъ на каждомъ словѣ долженъ воздать честь и хвалу писавшему ихъ: такъ въ нихъ все зрѣло обдумано и зрѣло высказано, такъ все согласно въ нихъ съ великими интересами, которыхъ князь Горчаковъ былъ истолкователемъ. Рѣшимость отказа является въ нихъ столько же выраженіемъ чувства силы и достоинства, сколько и благоразумія. Въ этомъ отказѣ нѣтъ ничего похожаго на вспышку, нѣтъ ничего вызывающаго... Этотъ отказъ самъ собою вытекаетъ изъ сущности дѣла... Въ отвѣтныхъ депешахъ съ полною отчетливостію обозначенъ предѣлъ законнаго участія Европейскихъ державъ по Польскому вопросу... Отвѣты тремъ державамъ нѣсколько разнятся между собою, но не въ общемъ смыслѣ, а въ подробностяхъ и тонѣ. Всѣ они отличаются спокойствіемъ, обдуманностію, простотою выраженія и тонкою отчетливостію" [121])...

„Москва“,—писалъ Погодинъ,—„въ полномъ удовольствіи. По домамъ, на улицахъ, въ клубахъ, точно какъ будто праздникъ. Домашнія попеченія и заботы, кажется, забыты. Мы не только успокоились, ободрились, но и повеселѣли. Удовлетворенное народное чувство обнаруживается во всѣхъ движеніяхъ. Никто, даже изъ стариковъ, не запомнитъ такого согласія. Всѣ оттѣнки мнѣній, а здѣсь ихъ больше чѣмъ сорокъ сороковъ, слились въ одинъ цвѣтъ; всѣ разнородные звуки, отъ самаго низкаго до самаго высокаго, слились въ одинъ голосъ. У всѣхъ на умѣ и на языкѣ одно и то же. Знакомые, встрѣтясь между собою, не спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ, не говорятъ даже обычнаго: здравствуйте, а начинаютъ вмѣстѣ: а что — какого? Превосходно, отлично, мастерски!

Да, надо сознаться, что отвѣты князя Горчакова на предложенія Англіи, Франціи и Австріи, удались во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя лучше.

Честь государственная охранена, національное достоинство сознано, неумѣстныя притязанія отстранены, благоразумныя, дѣйствительныя средства указаны, слово на миръ оставлено; все опредѣлено ясно, выражено просто, спокойно, вѣжливо, благородно.

Слава государю, освящающему своей волей, утверждающему своимъ державнымъ словомъ, подобныя рѣшенія!

Благодарность министру, такъ понимающему свои обязанности, такъ исполняющему встрѣчающіяся ему задачи! Имя его запишется не только въ Исторіи Русской дипломатіи, но и въ Исторіи Россіи. Онъ сослужилъ отличную службу Отечеству и одержалъ блистательную побѣду.

Обратимъ вниманіе на дипломатическое искусство. Нѣкоторыя статьи въ предложеніяхъ Западныхъ державъ можно было бы опровергнуть рѣшительнѣе, сильнѣе, но князь Горчаковъ хотѣлъ, видимо, пощадить нашихъ противниковъ, — не припирать ихъ къ стѣнѣ, не ставить въ положеніе слишкомъ непріятное и унизительное. Великодушный, онъ предоставилъ имъ возможность, говоря простою пословицей, утереться.

Намъ предлагали они заключить перемиріе... но съ кѣмъ же? Враги наши не имѣютъ имени. Мѣстопребываніе ихъ неизвѣстно. У нихъ нѣтъ даже никакого тѣла. Это тѣни, высылаемыя по ночамъ изъ какихъ-то преисподнихъ и исчезающія при восхожденіи солнца. По какому же адресу можно сноситься съ ними? Кто возьмется наблюдать за исполненіемъ ихъ обязательствъ? Или Западныя державы находятся въ связи съ ними, и имѣютъ полномочіе отъ нихъ вступать съ нами въ переговоры, заключать за нихъ условія? Существованіе ихъ, слѣдовательно, признано не въ примѣръ даже Южнымъ штатамъ Америки? Однакоже это признаніе не объявлено официіально: какъ же разрѣшить противорѣчія?

Намъ предлагали дать амнистію... Но она была уже дана, даже на будущее время, и отвергнута съ пренебреженіемъ. Кого же будемъ мы прощать, если никто не считаетъ себя виноватымъ, не изъявляетъ раскаянія, не отказывается отъ прежняго образа дѣйствій? И какой срокъ положить амнистіи? Неужели можно допустить продолженіе неистовствъ ad libitum, предоставляя имъ въ перспективѣ прощеніе, *полное и совершенное*, на случай неудачи? Гдѣ же въ Исторіи были примѣры подобныхъ амнистій?

Намъ предлагали дать автономію Польшѣ, но и это средство было тоже испытано маркизомъ Велепольскимъ, и привело къ цѣли, совершенно противоположной. Благодаря этой автономіи, съ удаленіемъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ, устроились вездѣ революціонные комитеты, навезено оружіе со всѣхъ сторонъ для мятежниковъ, обокрадены казначейства, конторы и таможни, уголовныя слѣдствія обращены въ пользу виноватыхъ, преступленія оставлены безъ наказанія, и организованъ мятежъ во всѣхъ подробностяхъ. Хотятъ ли Западныя державы, чтобы мы окончательно предали страну во власть революціоннаго террора? Другого исхода не можетъ имѣть теперь автономія съ амнистіей и перемиріемъ!

А къ довершенію всей несообразности этихъ предложеній, должно замѣтить еще, что Поляки ими не довольствуются, и

объявляютъ торжественно совсѣмъ другія требованія. Съ какою же цѣлью державамъ переговариваться, требовать, уступать и соглашаться?

Повторимъ: князь Горчаковъ не хотѣлъ ярко выставлять совершенную несостоятельность предложеній,—но, можетъ быть, и сдѣланы онѣ въ полномъ сознаніи этой несостоятельности, невозможности даже физической, съ цѣлью получить не согласіе, а отказъ, и съ отказомъ предлогъ къ войнѣ, уже рѣшенной предварительно, во что бы то ни стало, для новаго пораженія опасной, ненавистной Россіи? Можетъ быть, предъ нами повторяется исторія знаменитой Вѣнской ноты, предъ Крымскою войною 1854 года?

Если это такъ, то намъ остается пожалѣть, что Европа прибѣгаетъ опять къ такому недостойному образу дѣйствій, и удивляться, какъ она не озаботилась, хоть для потомства, облечь свои недобрыя намѣренія болѣе благовидною формой.

А если это не такъ (и дѣйствительно кажется теперь, что не такъ), то Исторія спроситъ, съ какою цѣлью поднято было столько шума въ Европѣ и произведено столько смущенія, *чесо ради гибель сія бысть?* А пролитая кровь!

Какъ бы то ни было, Правительство сознаетъ великую отвѣтственность своего положенія и, въ предотвращеніе подобныхъ сюрпризовъ, принимаетъ дѣятельныя мѣры, согласныя съ желаніями, видами, мыслями всего Русскаго народа.

Вотъ на этомъ согласіи и должны утверждаться больше всего наши надежды, какъ теперь, такъ и всегда. Чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться согласіе, чѣмъ болѣе взаимное довѣріе будетъ укрѣпляться, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Пусть Правительство знаетъ и находитъ средства узнавать постоянно мысли, виды, желанія и нужды народа, изъ чистаго источника и во всей ихъ искренности; пусть дорожитъ его живымъ, сердечнымъ участіемъ: взаимная любовь и довѣренность, это сродство, это тожество, единство, — вотъ гдѣ заключаются залоги нашего спасенія отъ всѣхъ возможныхъ опасностей, и вмѣстѣ основа

нашего могущества, политическаго значенія, и источникъ всяческаго благосостоянія“ [122]).

Изъ Москвы же писалъ Ѳ. И. Тютчевъ: „Мы подошли къ рѣшительному мгновенію. Вчера были получены отвѣты Горчакова, принятые здѣсь съ единодушною радостью. Они полны достоинства, опредѣленны, и для державъ остается только одно изъ двухъ: или позорное отступленіе, или война, и я считаю войну неизбѣжной. Для Наполеона въ особенности это стало вопросомъ жизни и смерти, по крайней мѣрѣ политической. Сегодня утромъ я написалъ Горчакову, поздравляя его, и на этотъ разъ я чувствовалъ удовлетвореніе, сказавъ ему только правду, что весьма пріятно. Еще разъ: ноты написаны превосходно. Здѣсь, благодаря моимъ близкимъ отношеніямъ съ Катковымъ, я почти также близокъ къ самому источнику новостей, какъ то было бы въ Петербургѣ. Катковъ очень привлекательное существо, завтра я у него обѣдаю, и мы выпьемъ за здоровье Горчакова. Я часто видаю друга Павлова, Аксакова, Погодина и всѣхъ остальныхъ. Радуюсь, что нахожусь въ такіе дни въ Москвѣ“.

Въ другомъ письмѣ Тютчева читаемъ: „Помнится, я уже говорилъ, что написалъ Горчакову, сообщая ему, какой пріемъ оказала его депешамъ Москва. Черезъ Жомини онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, ходящимъ теперь по городу. Оно не даетъ ничего новаго въ смыслѣ фактовъ, но если его разсматривать какъ исповѣданіе вѣры, то бо́льшаго желать не остается; развѣ только хотѣлось бы быть увѣреннымъ, что ему не измѣнятъ. Между тѣмъ, къ несчастію, именно на это менѣе всего и приходится разсчитывать. Одно вчерашнее происшествіе только болѣе укрѣпляетъ эти сомнѣнія и опасенія. Вотъ въ чемъ дѣло. Здѣсь хотѣли устроить, подъ видомъ общественнаго обѣда, большую манифестацію съ изъявленіями всенароднаго сочувствія къ политическимъ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ депешахъ; все это должно было быть въ духѣ самой вѣрноподданнической преданности императору и его Правительству. Само собой понятно, что генералъ Тучковъ не нашелъ возможнымъ взять

на себя разрѣшеніе этого обѣда, на которомъ должно было присутствовать до двухъ тысячъ человѣкъ. И такъ, онъ сдѣлалъ запросъ въ Петербургъ и, какъ слѣдовало ожидать, было рѣшено, что отъ этого лучше воздержаться. Вотъ старая пѣсня. Въ Москвѣ этотъ знакъ тупой недовѣрчивости, столь противный здравому смыслу, произвелъ самое отвратительное дѣйствіе. Подъ живымъ впечатлѣніемъ его я написалъ нѣсколько словъ въ Петербургъ и мнѣ хотѣлось бы убѣдиться, что ихъ перехватили тѣ, кому они въ дѣйствительности и назначены. Съ моей стороны, увы! это ребячество, я это вполнѣ понимаю, но бываютъ обстоятельства, когда скорѣе станешь говорить рѣчь къ стѣнамъ, чѣмъ молчать“ [123]).

Н. А. Мухановъ писалъ Погодину: „Приношу живѣйшую благодарность мою вашему превосходительству за сообщеніе статьи вашей, написанной по поводу отвѣтныхъ нотъ, и нынѣ уже появившейся въ печати. Въ ней живо выразилось то глубокое чувство—Русское, которымъ такъ единодушно отозвалась Россія на обнародованныя ноты. Хвала писателю, которому привелось изобразить живыми красками и такъ краснорѣчиво это единодушіе, этотъ крѣпкій союзъ между Правительствомъ и страною,—отрадное явленіе въ жизни народовъ, залогъ ихъ славы и величія, и который мы находимъ всегда въ Россіи во дни великіе ея испытаній.

Что же касается до обѣда, несостоявшагося въ Москвѣ, позволяю себѣ думать, что мысль общественная высказалась уже въ печати и въ другихъ изъявленіяхъ. Не будемъ слишкомъ расточительны, побережемъ громкія и торжественныя изъявленія на будущее время, когда они могутъ послужить намъ драгоцѣннымъ оружіемъ. Оставимъ тѣмъ, которымъ ввѣрены дѣла со всѣми ихъ сокровенностями и тонкими нитями, быть судьями своевременности подобныхъ изъявленій. Само Правительство, котораго благородное слово, обращенное къ Европѣ, такъ справедливо оцѣнено было, — повѣрьте мнѣ, обратится, когда настанетъ время, къ тѣмъ высокимъ чувствамъ, которыхъ грозныя обстоятельства всегда вызываютъ

въ нашемъ Отечествѣ. Теперь подобное изъявленіе было бы преждевременно".

Старый дипломатъ Нессельродовской школы, Н. И. Любимовъ, 16 іюля 1863 года, изъ Гапсаля, писалъ Погодину: „Вчера пришла сюда Питерская почта и привезла мнѣ газеты, въ которыхъ вычиталъ наши отвѣты на ноты трехъ державъ,— отвѣты, которыми всякій русскій не можетъ не быть въ *высшей степени доволенъ*, и которыя, между тѣмъ, еще яснѣе выказали всю несостоятельность прежнихъ отвѣтовъ нашего Правительства (пришлось даже отказаться отъ того, что прежде такъ легкомысленно было обѣщано, т.-е. отъ *конференцій*, которыя теперь *лишь допускаемъ съ нашими сосѣдями*, — съ Австріей и Пруссіей). — Разумѣется, что Франція и Англія этими отвѣтами довольны быть не могутъ, — и, стало быть, *война ближе, нежели когда-нибудь*. Но дѣло въ томъ, что если они, Англичане и Французы, хотятъ затѣять войну (а Польша только предлогъ), то какой бы отвѣтъ мы ни дали, все не къ тому, такъ къ другому они придрались бы (а на конференціяхъ это такъ легко сдѣлать),—и слѣдственно уступчивымъ отвѣтомъ мы только *оподлились бы*, и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ нашихъ враговъ; если же послѣдніе (наши благопріятели) войны въ сущности не желаютъ (хоть бы даже одна Англія не желала), то и наши теперешніе отвѣты на войну ихъ не подвинутъ, ничего не прибавятъ и не убавятъ. Между тѣмъ, хоть поздно, хоть слѣдовало бы сдѣлать это ранѣе, но мы въ нихъ, въ этихъ отвѣтахъ, возстановляемъ наконецъ наше достоинство, — говоримъ тѣмъ языкомъ, какимъ съ самаго начала князю Горчакову надобно было съ ними говорить. *Лучше поздно, нежели никогда.*

Я увѣренъ, что вся Россія,—все, что въ ней есть сочнаго и мощнаго, прочтетъ ихъ съ *восторгомъ* и *возрадуется*... и силы наши этимъ *утроились*; а иначе во столько же разъ *умалились бы*.

Вотъ впечатлѣніе, которое на меня произвело ихъ чтеніе. Какъ то на душѣ стало легче. Мы переживаемъ теперь *вели-*

кія минуты. Что то изъ всего выйдетъ? и если уже быть войнѣ, то да поддержитъ насъ Господь Богъ! Не въ томъ смыслѣ говорю *да поддержитъ,* что надѣюсь на побѣды, — это значило бы слишкомъ далеко простирать надежды, и слишкомъ бы отъ Творца Небеснаго было милостиво (милости такой мы еще не заслужили), а *да поддержитъ* по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, чтобы Богъ даровалъ намъ,—даровалъ бы главнѣйше нашему Правительству, — силу духа *все выдержать,* несмотря на могущія быть разныя неудачи, можетъ быть даже великія неудачи, которыхъ надобно ожидать, — но именно *выдержать* ихъ *и не спасовать*; — тогда побѣда сама собою будетъ за нами. Русскій народъ, я знаю, *не спасуетъ,* какія бы бѣды ни были, но лишь бы Правительство не спасовало. Впрочемъ, если буря разыграется, то Правительство *должно пойти за народомъ*".

По возвращеніи въ Петербургъ, Ѳ. И. Тютчевъ, 16 августа 1863 г., писалъ: „Вотъ, со вчерашняго дня мною снова обрѣтенъ Петербургъ. Въ Царское Село я вернулся въ прошлую субботу. На другой же день я отправился обѣдать къ князю Горчакову, встрѣтившему меня болѣе чѣмъ когда либо съ распростертыми объятіями. Я нашелъ, что онъ очень достойнымъ образомъ переноситъ свои успѣхи, конечно немаловажные. Онъ откровенно разсказалъ мнѣ, какое удовольствіе доставило ему мое первое письмо изъ Москвы, въ которомъ я сообщалъ ему о впечатлѣніи, произведенномъ его депешами. Онъ позаботился сообщить его императрицѣ. Она не очень расположена къ князю Горчакову и предсказывала ему, что въ Москвѣ его отвѣты найдутъ слабыми и безцвѣтными. Потомъ мою тарабарщину сообщили императору, старательно разобравъ ее, онъ не могъ удержаться и сказалъ, что слѣдовало бы дать ее прочесть Аннѣ *), дабы склонить ее къ болѣе справедливой оцѣнкѣ князя Горчакова. Эти слова были цѣлымъ откровеніемъ для князя Горчакова, который никакъ не можетъ

---

*) Т.-е., А. Ѳ. Тютчевой. *Н. Б.*

объяснить себѣ, почему дочь его лучшаго друга упорно остается ему враждебною".

Передъ іюльскими отвѣтами князя Горчакова, Катковъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, напечаталъ статью, подъ заглавіемъ: *Что намъ дѣлать съ Польшей?* Нѣсколько экземпляровъ оттисковъ статьи было отправлено авторомъ къ Любимову, и послѣдній писалъ Погодину: „Постарайтесь, мой любезнѣйшій, повидаться съ М. Н. Катковымъ и передайте ему мою *душевную* благодарность за присланные нѣсколько экземпляровъ *извѣстной статьи* и за письмо его, отъ 12-го іюня (полученное уже въ Гапсалѣ), и да извинитъ, что не отвѣчаю на оное прямо ему; но я знаю, и изъ самаго его письма вижу, *сколь онъ занятъ*,— и по этому считаю за великій грѣхъ отнять хотя минуту отъ его столь полезныхъ дѣлъ и трудовъ не въ мѣру, однакоже, имъ на себя налагаемыхъ, и подъ бременемъ которыхъ по истинѣ страшусь, что бы онъ не палъ,—что бы здоровье его не разрушилось. Поговорите ему объ этомъ, ради Бога. Пусть онъ какъ нибудь распорядится, чтобы давать себѣ болѣе отдыха, а то просто себя *уходитъ*. Жаль что экземпляры его великолѣпной статьи я получилъ уже по отъѣздѣ изъ Питера, т.-е., здѣсь, въ Гапсалѣ. Впрочемъ, три экземпляра я успѣлъ передать пріѣзжавшему въ Гапсаль на нѣсколько дней адмиралу Посьету,—находящемуся при великихъ князьяхъ и доброму моему знакомому, — который, какъ почитатель Каткова и ревнитель всего благого, хотѣлъ означенные экземпляры дать прочесть *нѣкоторымъ лицамъ*. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ много любопытнаго о впечатлѣніи, производимомъ при Дворѣ статьями Каткова, и какъ онѣ читаются наперерывъ великими князьями. Вышереченную же статью его (*Что намъ дѣлать съ Польшею?*) читалъ самъ государь, *и остался ею весьма доволенъ*. Такъ мнѣ сказывалъ самъ Посьетъ, которому я вполнѣ вѣрю. Это извѣстіе меня *сильно порадовало*. Да и какъ не радоваться, когда видишь, что какой нибудь ясный лучъ (и особенно въ вопросахъ первой важности) пробивается сквозь мракъ пошлыхъ идей и доходитъ даже до *конца концовъ*. По-

слѣдствія сего не могутъ не быть благодатны... Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что по Польскому, напримѣръ, вопросу статьи Каткова и другихъ (особенно *его*) много содѣйствовали настоящему благотворному настроенію духа не только разныхъ у насъ классовъ общества, но и *самого Правительства*, и если бы подобныя статьи *пораньше* стали являться, то я увѣренъ, что мы не опростоволосились бы такъ при прежнихъ нашихъ отвѣтахъ тѣмъ же тремъ державамъ, — не было бы, въ угоду имъ, этой подлѣйшей амнистіи и этого *нелѣпѣйшаго* обѣщанія все подвергнуть обще-Европейскому обсужденію на *конференціяхъ*. Исправлять сдѣланное, брать назадъ слово брошенное, почти отказываться *отъ обѣщаннаго*,—надо было имѣть много духа и твердости; но и этой твердости у Правительста *теперь достало*. Вотъ разница между дѣйствіями его *прежними*, предъ Пасхою, и *теперешними*. Правда, что главнѣйше тутъ помогли *адресы*, т.-е., матушка Россія, которая произвела этотъ *чудный переворотъ* и въ помыслахъ и въ дѣйствіяхъ Правительства; *но честь и слава и благодарность потомства всѣмъ тѣмъ, которые такъ пламенно содѣйствовали настроенію и проясненію общественнаго у насъ мнѣнія*,—содѣйствовали *могучимъ печатнымъ словомъ*. Боже мой! что бы это было,—какимъ бы холодомъ обдало всякаго русскаго,—въ какое бы отчаяніе можно было впасть, если бы колѣнопреклоненное Правительство наше, какъ подсудимый, поползло на эти постыдныя для насъ конференціи!.. По этому-то и нельзя *не радоваться глубоко* за нынѣшніе наши отвѣты,—нельзя довольно благодарить за нихъ Бога и не радоваться за государя, которому, послѣ Бога и Россіи, первѣе всего,—я въ этомъ увѣренъ,—принадлежитъ вся честь ихъ“ [124])...

XXXIX.

Въ Европѣ, іюльскій отпоръ князя Горчакова произвелъ сильное впечатлѣніе.

„Въ Европѣ всѣ опять пустились ругать насъ, какъ гово-

рится, на пропалую. Ноты наши очень не понравились. Въ Европѣ какъ будто не шутя думали, что Россія согласится на всѣ шесть пунктовъ, что только стоитъ пригрозить ей и пр. Европа хочетъ отнять у Россіи право развитія самостоятельности, право великой Державы, добытое ею цѣною огромныхъ пожертвованій и крови -- и Россія должна уступить, отдать себя на поруганіе всему міру и Исторіи и пр. и пр. Россія и Польша—это понятно и естественно. Но Россія или Польша, а также: не Россія, а Польша—это и несправедливо, и противоестественно" [125]).

„Нашъ отвѣтъ свалился имъ",—писалъ Ѳ. И. Тютчевъ,— „какъ снѣгъ на голову; въ своемъ высокомѣрномъ самомнѣніи, державы не ожидали съ нашей стороны серьезнаго сопротивленія. Разсказываютъ, будто Наполеонъ, ознакомившись съ посланной ему нотой, воскликнулъ: *это больше чѣмъ оскорбительно, это смѣшно*. Въ этихъ словахъ приговоръ судьбы. Отнынѣ для него уже нѣтъ вопросовъ политическихъ, а остается только личный вопросъ, гдѣ, съ одной стороны, стоитъ Россія съ ея будущностью, а съ другой—жалкій кощей Наполеонъ, готовый со дня на день испустить остатокъ, живящаго его дыханія. Англія, удивительно понимающая это, какъ кажется, колеблется. Если же она рѣшитъ и вправду воздержаться, тогда этотъ жалкій искатель приключеній кончитъ, какъ началъ: самой смѣшной неудачей, отъ которой на этотъ разъ ему не оправиться. Но увы, кто знаетъ, что будетъ" [126])?

Между тѣмъ, Французскому министру Друэнъ-де-Люису,— повѣствуетъ историкъ Зибель,—„было крайне желательно, чтобы Русское Правительство еще рѣшительнѣе отклонило бы предложенія державъ. Онъ домогался совершеннаго возстановленія Польши, при существованіи которой всякая коалиція противъ Франціи становилась невозможною, и надѣялся, не смотря на желаніе мира въ Вѣнѣ и Лондонѣ, склонить обѣ державы къ совмѣстной войнѣ противъ Россіи. Поэтому, тотчасъ послѣ отправленія нотъ и не смотря на то, что его коллега Фульдъ и Морни горячо высказывались противъ всякихъ воинственныхъ

мѣропріятій, онъ обратился въ Вѣну и Лондонъ съ предложеніемъ болѣе тѣснаго сближенія (путемъ конвенціи или протокола), на случай упорства со стороны Россіи, и въ тоже время предложилъ Англіи всякаго рода обезпеченія отъ опасностей, вытекающихъ для нея изъ ея географическаго положенія. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Парижѣ, были различныя теченія. Императоръ Францъ-Іосифъ съ самаго начала былъ въ сущности противъ участія въ предпріятіяхъ Западныхъ державъ; изъ-за Галиціи онъ ощущалъ возроставшую потребность солидарности съ Пруссіею и Россіею, и не въ какомъ отношеніи не довѣрялъ императору Наполеону. Рѣшительно отстаивалъ благопріятствующую Полякамъ политику министръ Шмерлингъ, частью для благоволенія либеральнаго большинства рейхстага, частью ради того, чтобы заручиться расположеніемъ, если не поддержкою его Германскимъ планамъ со стороны Наполеона. Графъ Рехбергъ неувѣренно держался между обоими теченіями и пытался найти выходъ въ слѣдующей формулѣ: соглашеніе съ Западными державами, пока онѣ ограничиваются мирными мѣропріятіями, и разрывъ съ ними, какъ только обратятся къ оружію. О третьей случайности онъ и не помышлялъ" [127]).

Катковъ спрашиваетъ: „Какое дѣйствіе произведутъ депеши князя Горчакова на Поляковъ" [128])?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Станиславъ Козьминъ. „Обидный для императора Французовъ тонъ ноты князя Гарчакова",— писалъ онъ,—„радовалъ тогда Поляковъ, которые были убѣждены, что и въ политикѣ, какъ въ частной жизни, за обидой послѣдуетъ слово, а за словомъ дѣло. Но Поляки ошиблись, и уже 19-го іюля, въ депешахъ къ князю Меттерниху, въ Парижъ, и къ графу Аппони въ Лондонъ, графъ Рехбергъ отвергалъ мысль о конференціи трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, понявъ опасность западни, поставленной княземъ Горчаковымъ". Тотъ же Козьминъ писалъ: „Дипломатическое вмѣшательство державъ не только продлило это гибельное и несчастное возстаніе, сбило съ толку массу разсудительныхъ гражданъ и побудило Краковскій кружокъ къ содѣйствію

и поощренію мятежному движенію; не только помѣшало всякому соглашенію съ Русскимъ Правительствомъ при посредничествѣ великаго князя и маркиза Велепольскаго, но, задѣвая за живое самолюбіе и народную гордость Россіи, растравило глубокую ненависть Русскаго общества къ Польскому. Вмѣшательство это дало толчекъ къ переходу отъ системы подавленія къ системѣ искорененія. Изъ этого событія Польскій народъ извлекъ впрочемъ и пользу: онъ разъ навсегда освободился отъ пагубныхъ мечтаній и вредныхъ надеждъ и сталъ искать благоденствія на болѣе вѣрномъ, но до сихъ поръ все еще тернистомъ пути. Никто изъ современниковъ не думалъ, чтобы вмѣшательство ограничилось нотами. Маркизъ Велепольскій и въ этомъ отношеніи оказался выше и дальновиднѣе своего вѣка: въ своихъ убѣжденіяхъ онъ остался непоколебимъ и былъ увѣренъ, что и ноты не приведутъ къ военнымъ дѣйствіямъ".

„Вмѣшательство Западныхъ государствъ",—писалъ Оливье,— „только увеличило, а не смягчило бѣдствія Польши. Оно не запугивало, а только раздражало врага, возбуждая его злобу противъ жертвы... Въ началѣ Польша имѣла дѣло только съ царемъ и его войскомъ; Русскій народъ оставался равнодушенъ къ борьбѣ, но иностранное вмѣшательство задѣло національное чувство, и вся Россія сплотилась со своимъ Правительствомъ. Теперь она воздвигаетъ православныя церкви въ Вильнѣ въ честь Муравьева" [129]).

„Злѣйшій врагъ Поляковъ не могъ бы изобрѣсть болѣе жестокаго удара",—писалъ Спасовичъ,—„какъ тотъ, который былъ имъ нанесенъ доброжелательнымъ будто бы вмѣшательствомъ двухъ Западно-Европейскихъ державъ, изъ которыхъ Франція стояла въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ, а Англія тащилась за нею немного позади. Когда, выбиваясь изъ силъ, эмиграціонная дипломатія вымаливала помощь у загодочнаго человѣка, царствующаго въ Тюльери, не могла она предполагать, что заступничество за Польшу Франціи, передовой, по мнѣнію эмиграціи, страны въ Европѣ, ограничится только пу-

стыми словами. Оказалось, что дипломатическіе выстрѣлы были холостые, что послѣднее слово осталось за Русскимъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, отвѣчавшимъ рѣшительно и побѣдоносно на дипломатическія ноты Англіи и Франціи. Дѣйствіемъ этихъ нотъ, хотя посредственнымъ, но послѣдовавшимъ съ неимовѣрною быстротою, было то, что Русско-Польскій конфликтъ въ самой Россіи изъ внутренняго вопроса превратился вдругъ во внѣшній,—въ вопросъ о томъ: быть или не быть самой Россіи. Подъ вліяніемъ близящейся и совсѣмъ нависшей интервенціи, всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія слились въ одну мысль: дружнаго отпора. Катковъ ударилъ въ набатъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*" [130])...

„Такъ какъ и послѣ отвѣта князя Горчакова",—писалъ Станиславъ Козьминъ,—„ни Французское Правительство, ни отель Ламберъ не давали сигнала къ отступленію, а напротивъ, продолжали поощрять возстаніе, увѣряя, что Наполеонъ III не упускаетъ изъ вида Польскаго дѣла, то Польское общество продолжало идти по разъ избранному пути, чувствуя, что каждый день приноситъ новыя бѣдствія" [131]).

Между тѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ, въ половинѣ іюля 1863 года, готовили вспышку колосальныхъ размѣровъ.

Вспышкою этою, по замѣчанію Каткова, „мятежники, повидимому, намѣревались вознаградить себя за пораженія, претерпѣнныя ими въ Западномъ краѣ. Тамъ, благодаря мужеству крестьянъ на югѣ и энергической дѣятельности генерала Муравьева на сѣверѣ, мятежъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ, и усилія мятежниковъ могутъ быть направлены развѣ только на то, чтобы какъ-нибудь отомстить священникамъ и крестьянамъ за ихъ вѣрность своему государю.—Царство сдѣлалось теперь единственнымъ удобнымъ мѣстомъ для колоссальной вспышки... Съ этимъ совершенно согласуется и то обстоятельство, что въ Варшавскомъ подземномъ правительствѣ произошелъ, въ послѣднее время, важный кризисъ. Люди сколько-нибудь умѣренные были вытѣснены людьми крайними; люди взрослые — людьми молодыми, преимущественно учениками

Главной Школы... Одинъ изъ учениковъ этой Школы, какъ слышно, былъ главнымъ начальниковъ Варшавскихъ жандармовъ-вѣшателей; другой былъ такъ-называемымъ начальникомъ города... Все это... показываетъ, что теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, Варшавское подземное правительство способно на безумныя предпріятія" [132])...

По замѣчанію историка Зибеля, „первымъ дѣйствіемъ, которое отвѣты князя Горчакова оказали въ Петербургѣ, было смѣщеніе маркиза Велепольскаго. Вторымъ, усиленіе борьбы съ возстаніемъ графа Ѳ. Ѳ. Берга, который вскорѣ сталъ во главѣ гражданскаго управленія и началъ дѣйствовать по образцу Муравьева" [133]).

Почти одновременно съ маркизомъ Велепольскимъ, выѣхалъ изъ Варшавы, на короткое время въ Петербургъ, и великій князь Константинъ Николаевичъ, сдавъ должность намѣстника и главное начальство надъ войсками временному замѣстителю, помощнику своему графу Ѳ. Ѳ. Бергу [134]).

16 августа 1863 года, Ѳ. И. Тютчевъ писалъ: „Животрепещущую злобу дня составляетъ совершенно неожиданное появленіе въ Царскомъ великаго князя Константина, прибывшаго третьяго дня. Въ тотъ же вечеръ я встрѣтилъ Горчакова на музыкѣ въ Павловскомъ; онъ передалъ мнѣ нѣкоторыя подробности, но ничего точнаго и удовлетворяющаго. Кажется, великій князь, пріѣхавшій сюда одинъ, намѣренъ дней черезъ пять вернуться въ Варшаву, хотя и дѣлаются всѣ усилія, чтобы помѣшать ему въ этомъ. Короче, въ этомъ дѣлѣ самымъ плачевнымъ образомъ снова выступаетъ всеобщее безсиліе всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Еще встрѣтилъ я вчера Арсеньева, пріѣхавшаго съ великимъ княземъ. Я сказалъ ему, что видѣть ихъ возвратившимися въ Петербургъ было всеобщимъ живѣйшимъ желаніемъ; онъ же насмѣшливо возразилъ мнѣ, что было бы несправедливо лишать ихъ несомнѣнно-предстоящаго тріумфа, такъ какъ среди ихъ всѣ были убѣждены, что съ первымъ же снѣгомъ возстаніе будетъ погребено и т. д. и т. д. Можно отмѣтить слѣдующее обстоятель-

ство: М. Н. Муравьевъ, подъ предлогомъ нездоровья, отказался встрѣтить великаго князя въ его проѣздъ черезъ Вильну“ [135]).

Еленевъ сообщилъ Погодину, что великій князь Константинъ Николаевичъ, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, „докладывалъ государю, что дѣла въ Варшавѣ потому шли нехорошо, что его не поддерживало общественное мнѣніе въ Россіи, а это, въ свою очередь, произошло отъ того, что цензора не пропускали статей въ его похвалу. Опросили цензоровъ, тѣ отозвались, что статей такихъ не видывали; спросили всѣхъ редакторовъ, тѣ *письменно* и въ одинъ голосъ отвѣчали, что ни одной подобной статьи ниоткуда не получали; такъ и доложили по принадлежности. Должно быть А. В. Головнинъ подшутилъ. Впрочемъ, теперь желаемыя статьи разцвѣли, какъ запоздавшіе осенніе цвѣтки, въ либерально-независимомъ *Голосѣ*“ [136]).

XL.

Карамзинъ сказалъ: „Кремль есть мѣсто великихъ историческихъ воспоминаній. Здѣсь, среди развалинъ порядка гражданскаго, возникла мысль спасительнаго Единодержавія, какъ жизнь среди могилъ и тлѣнія... Здѣсь началось, утвердилось Самодержавіе, не для особенной пользы самодержцевъ, но для благо народнаго... Петръ, прославивъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть всегдашнимъ жилищемъ царей; но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и Отечества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени до времени, являются передъ нами въ важныя, рѣшительныя эпохи своего царствованія“.

7-го августа 1863 года, императоръ Александръ II-й, по пути изъ Нижняго Новгорода въ Петербургъ, прибылъ въ Москву. На другой день, въ полдень, былъ торжественный выходъ изъ Кремлевскаго Дворца. Во Дворцѣ, въ первый разъ, присутствовала Городская Дума въ полномъ своемъ составѣ и сопровождала государя въ Успенскій соборъ. „Многимъ“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„пріятно было увидѣть въ Георгіевской

залѣ синіе кафтаны, косые воротники, бороды при мундирахъ, множество черныхъ фраковъ и всякихъ сертуковъ. Подмостковъ для шествія по площади не было, и путь для всѣхъ былъ равно открытъ. Старый нашъ благовѣстникъ, — продолжаетъ Погодинъ,—Ивановскій колоколъ, Красная площадь, покрытая усерднымъ, преданнымъ народомъ, древнія стѣны Успенскаго собора, встрѣчающій съ крестомъ маститый митрополитъ Филаретъ, это все такія явленія, которыя никогда не перестанутъ дѣйствовать на душу чистаго Русскаго человѣка, но котораго не коснулась проказа, который знаетъ и сохраняетъ священныя преданія отцовъ".

И. М. Снегиревъ, въ *Дневникѣ* своемъ, записалъ: „Въ Кремль, гдѣ среди густой толпы народа, часу въ 12-мъ, видѣлъ шествіе государя изъ Успенскаго собора въ Чудовъ монастырь, въ сопровожденіи митрополита Филарета, двухъ викаріевъ и знатнаго духовенства. Радостныя восклицанія народа сопутствовали ему. Тамъ я встрѣтился съ графомъ Закревскимъ, который нашелъ меня помолодѣвшимъ. Въ Чудовѣ принялъ благословеніе отъ митрополита Филарета".

Предъ вступленіемъ государя въ Успенскій соборъ, Филаретъ произнесъ: „Благочестивѣйшій государь! Предъ лицемъ *Бога мира* (*Евр*. XIII, 20) тебя привѣтствуя, по долгу и по сердцу, призываемъ свыше миръ твоему сердцу, призываемъ свыше миръ твоему духу, озабоченному царственными попеченіями, твоему дому—твоему царству.

Но Богъ мира именуетъ Себя также *Богомъ воинствъ*, и Богомъ народа усвоеннаго Ему вѣрою.

Миръ твоего народа нарушенъ нестроеніями, происходящими на одномъ изъ предѣловъ твоего великаго царства, въ маломъ народѣ, который уже не однажды былъ осужденъ за его нестроенія, который существуетъ въ качествѣ царства только по милости твоихъ предшественниковъ, и который за твои умноженныя къ нему милости воздаетъ неблагодарностію, мятежемъ, крамолами. И, что всего неожиданнѣе, изъ нѣкоторыхъ странъ, даже несопредѣльныхъ намъ, слышится голосъ,

будто для ихъ спокойствія это гнѣздо безпокойствъ надобно укрѣпить и расширить.

Оскорблена твоя правда и благость! Оскорблено достоинство Россіи!

Любовь къ Отечеству, вѣрность престолу, могутъ ли при семъ быть равнодушны?

И потому — духъ сыновъ Россіи воздвигается, и отвсюду взываетъ къ тебѣ, представляя готовность всего народа на защиту правды.

Духъ сыновъ вѣры воздвигается, и взываетъ къ Богу православной Россіи, къ Богу правды, *да изведетъ, яко свѣтъ, правду твою* и Россіи, *и судьбу твою* съ нею, *яко полудне* (Пс. XXXVI, 6); да, вопреки злохудожникамъ вражды, вновь *благословитъ люди Своя миромъ* (Пс. XXVIII, 11); а если его будутъ оспаривать,—*о Бозѣ* да *сотворимъ силу, и Той уничижитъ стужающія намъ* (Пс. CVII, 14)".

„Вотъ государь кладетъ земные поклоны",—продолжаетъ повѣствовать Погодинъ,—„предъ образомъ Владимірской Божіей Матери, что принесъ Андрей Боголюбскій изъ Кіева (Кіева, который у насъ недавно одни отнять хотѣли, а другіе спрашивали: чей онъ?), предъ образомъ Владимірской Божіей Матери, чтó, по общему вѣрованію, срѣтенный въ Москвѣ, удалилъ изъ Россіи полчища Тамерлановы! Вотъ государь преклоняетъ колѣна предъ мощами Московскихъ святителей и отчизнолюбцевъ, Петра, Іоны, Филиппа!

Посмотрите на него, смиреннаго, благоговѣйнаго, полюбуйтесь имъ! Вѣдь это представитель всей Святой Руси, Великія, Малыя, Бѣлыя и Червонныя! Вѣдь это тотъ, по чьему слову, съ Божіею помощью, свалились внезапно узы съ пятидесяти милліоновъ рукъ. Сердце царево въ руцѣ Божіей!

Нѣтъ, это не наружный только обрядъ, не формальность, не церемонія! Въ Русскомъ сердцѣ что-то движется, что-то слышится, что-то *радощами играетъ*.

Боже, царя спаси, охрани его жительство крестомъ

Твоимъ, пошли ему помощниковъ и совѣтниковъ цѣлыхъ, честныхъ, правоправящихъ дѣло Твоей истины“ [137])!

Рѣчь митрополита Московскаго къ государю, произнесенныя среди полнаго народомъ Кремля, была переведена на иностранные языки и напечатана во многихъ иностранныхъ изданіяхъ. *La Patrie* отозвалось о сей рѣчи такъ: „la langage du métropolitain est des plus vifs, nous dirons presque belliqueux“.

5 сентября 1863 года, князь С. Н. Урусовъ писалъ Филарету: „Быть можетъ вашему высокопреосвященству любопытно будетъ взглянуть на Французскій журналъ, въ которомъ увѣряютъ, что послѣднее воззваніе Римскаго Двора въ пользу Поляковъ было отвѣтомъ на рѣчь, вами произнесенную въ послѣдній пріѣздъ государя въ Москву. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что эта рѣчь не переведенная и не помѣщенная во Французской газетѣ, издаваемой въ С.-Петербургѣ,— была напечатана во всѣхъ Французскихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Парижѣ“ [138]).

XLI.

Манифестомъ, отъ 6-го іюня 1863 года, императоръ Александръ II объявилъ своимъ Финскимъ подданнымъ о созваніи въ Гельсингфорсѣ, въ сентябрѣ того же года, государственныхъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ концѣ іюля, государь самъ отправился въ Финляндію, посѣтилъ Гельсингфорсъ, а въ Тавастгустѣ присутствовалъ на маневрахъ. „Восторженно встрѣтили его Финляндцы, осыпая цвѣтами путь его“ [139]).

„Финляндія въ восторгѣ“,—писалъ Погодинъ,—„ожидая собранія сейма! Еще бы“ [140])!

31 августа 1863 года, государь, въ сопровожденіи министра императорскаго двора графа Адлерберга и вице-канцлера князя Горчакова, предпринялъ вторичное путешествіе въ Финляндію. 2 сентября прибылъ онъ въ Гельсингфорсъ. Въ пер-

вый день по прiѣздѣ, государь посѣтилъ Финляндскiй Сенатъ и Александровскiй Университетъ, къ профессорамъ котораго обратился съ слѣдующими словами: „Съ удовольствiемъ вижу себя между вами, господа, въ мѣстѣ, напоминающемъ мнѣ то время, когда я былъ канцлеромъ Университета. Я разсчитываю на ваше усердiе къ образованiю юношества. Надѣюсь, что вы образуете молодыхъ людей трудолюбивыхъ, вѣрныхъ и преданныхъ Отечеству, которые, служа своему краю, будутъ помнить, что они принадлежатъ къ великой семьѣ Русскихъ императоровъ".

6-го сентября 1863 года, былъ торжественно открытъ Финляндскiй сеймъ [141]).

Государь обратился къ сейму съ тронною рѣчью: „Представители Великаго Княжества Финляндскаго!

Видя васъ собранными вокругъ меня, считаю себя счастливымъ, что могу осуществить мои желанiя и ваши надежды.

Я давно уже обращалъ вниманiе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края. Рѣшенiе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участiе сейма. Высшiя соображенiя, оцѣнка которыхъ принадлежитъ мнѣ, не дозволили мнѣ собрать представителей четырехъ сословiй Великаго Княжества въ первый годъ моего царствованiя. Тѣмъ не менѣе, я принялъ въ то время нѣкоторыя приготовительныя мѣры, ведущiя къ этой цѣли и такъ какъ нынѣ обстоятельства не требуютъ дальнѣйшей отсрочки, то я созвалъ васъ для соучастiя въ дѣлѣ, выслушавъ предварительно Финляндскаго моего Сената о проектахъ законовъ и нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ, которыми вы займетесь въ теченiе нынѣшней сессiи. Имѣя въ виду важность этихъ законовъ и мѣръ, я поручилъ Коммиссiи, составленной изъ лицъ, облеченныхъ довѣрiемъ народа, разсмотрѣть ихъ предварительно. Гласность, которая была допущена относительно пренiй Коммиссiи, могла уже заранѣе ознакомить васъ съ тѣмъ, что составитъ предметъ вашихъ сужденiй, и вы могли обдумать

вполнѣ эти проекты, сообразуясь съ общественнымъ мнѣніемъ и потребностями края. По этой причинѣ, не смотря на значительное число и важность проектовъ, вы будете имѣть возможность разсмотрѣть ихъ окончательно въ установленное закономъ время.

Отчетъ о положеніи финансовъ, который будетъ вамъ сообщенъ, докажетъ, что государственные доходы всегда были достаточны для покрытія текущихъ расходовъ, и что значительное увеличеніе косвенныхъ налоговъ, свидѣтельствующее объ общественномъ благосостояніи, дозволило приложить болѣе значительныя средства къ развитію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ края. Я разрѣшилъ правительству Великаго Княжества Финляндскаго заключить займы единственно для того, чтобы удовлетворить потребностямъ, выказавшимся въ послѣднюю войну, и покрыть издержки по сооруженію желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгустомъ.

Отчетъ о расходованіи этихъ займовъ, который также будетъ сообщенъ вамъ, покажетъ, что нынѣшніе доходы государства достаточны для погашенія этого долга съ процентами. При всемъ томъ, я желаю, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключенъ безъ участія сейма Великаго Княжества, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другого непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія, которыя побудили бы насъ уклониться отъ этого.

Новые налоги, предлагаемые мною сейму, клонятся къ тому, чтобы осуществить различныя мѣры, предназначенныя къ умноженію благосостоянія края, и къ процвѣтанію народнаго образованія. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени эти мѣры настоятельны и въ какихъ размѣрахъ онѣ должны быть осуществлены.

Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстны съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія этого Княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, я имѣлъ намѣреніе поручить

составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма, который я предполагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной Монархіи, вошедшій въ нравы Финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже сейму, — опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время, причемъ я оставляю за собой инициативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій коренного закона.

Вамъ извѣстны мои чувства, вы знаете, какъ я желаю счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ моему попеченію. Съ моей стороны, не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между государемъ и народомъ.

Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между мною и честнымъ и вѣрнымъ Финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго моему сердцу, и послужитъ для меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія.

Объявляю засѣданія сейма открытыми".

„Наконецъ",—писалъ И. С. Аксаковъ,—„въ Финляндіи сеймъ,—сеймъ такъ давно желанный, жданный и обѣтованный! Финляндія ликуетъ и празднуетъ, и Россія искреннимъ сердцемъ радуется вполнѣ законной и свѣтлой радости честнаго, трезваго, *здороваго* Финляндскаго населенія. Мы сказали: здо-

роваго, потому что, сколько намъ извѣстно, это едва ли не единственный уголокъ Европейскаго материка, гдѣ люди кажутся довольными и счастливыми, гдѣ общество не заражено недугомъ лжи и фантастическихъ, несбыточныхъ стремленій, гдѣ молодое поколѣніе не является какимъ то больнымъ недоноскомъ, прежде срока рожденнымъ, безсильнымъ, раздражительнымъ и нервнымъ, и общественная атмосфера свободна, такъ сказать, отъ міазмовъ гошпиталя и кладбища. Гошпиталь, кладбище, да домъ сумасшедшихъ, да казарма, — вотъ чѣмъ, напримѣръ, представляется теперь, да и не въ одномъ только нравственномъ смыслѣ, несчастная Польша, да болѣе или менѣе, и въ смыслѣ конечно переносномъ — вся Европа, кромѣ развѣ Англіи и кромѣ Россіи. Въ Россіи тоже общественная атмосфера не можетъ назваться совершенно чистою и здоровою, и если, въ настоящую пору, эти болѣзненныя ощущенія нѣсколько заглохли при всеобщемъ подъемѣ патріотическаго духа, то это еще не значитъ, что недугъ исцѣлился. Тѣмъ не менѣе, этотъ недугъ въ Россіи есть дѣло наносное и держится на одной поверхности; такъ называемое общество, къ счастію, еще не всегда служитъ представителемъ Русской народности и въ большей части случаевъ отражаетъ народъ, простой Русскій народъ, какъ кривое зеркало живыя лица,— а между тѣмъ, отъ полей и нивъ еще такъ вѣетъ у насъ здоровьемъ и силой!

Впрочемъ, мы въ Россіи вообще мало знакомы съ внутреннею жизнью Финляндіи, но такова добрая слава, которою пользуются между нами Финляндцы. Конечно, много у нихъ старины, уже совершенно отжившей и непригодной, но пусть же все старое умершее отнесется ими въ могилу благочестиво и съ подобающею почестью, а не выставляется трупомъ на позоръ, глумленіе и открытое разложеніе,—какъ это бы могло, пожалуй, случиться у насъ.

Это событіе, т.-е., сеймъ, произведетъ конечно сильное дѣйствіе на общественное мнѣніе Европы и докажетъ ей, какъ спокойно и свободно могутъ жить и благоденствовать подъ по-

кровомъ Россіи даже совершенно чуждыя ей народности, если только ихъ развитіе совершается не въ духѣ вражды и ненависти къ Россіи,—какъ мало стремленія у насъ, Русскихъ, обрусить не-Русскихъ. Напротивъ, Россіи можно сдѣлать упрекъ именно въ томъ, что она слишкомъ легко допускала къ себѣ пропаганду иноземную и даже смѣшно и больно и позорно вспомнить—содѣйствовала отчужденію отъ себя, отъ Русской народности, нѣкоторой части коренного Русскаго народонаселенія. Можно сказать положительно, что въ большей части пріобрѣтенныхъ нами въ XVIII и XIX вѣкѣ владѣній, Русская народность до новѣйшихъ временъ не занимала нигдѣ господствующаго, принадлежащаго ей по праву мѣста. Напримѣръ, въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, Остзейскихъ провинціяхъ, даже въ Крыму, гдѣ до послѣдней войны Татары пользовались привилегіями, которыхъ не имѣли тамошніе Русскіе крестьяне. Мы должны надѣяться, что Финляндскій сеймъ обратитъ наконецъ вниманіе на положеніе Русскихъ въ Финляндіи и дастъ имъ возможность пользоваться правами, предоставленными кореннымъ Финляндцамъ, безъ ущерба для Русской народности. Извѣстно, что императоръ Александръ I, движимый тѣмъ же великодушіемъ, которое побуждало его возвратить Польшѣ принадлежавшія ей когда-то Русскія области, присоединилъ къ составу Великаго Княжества Финляндскаго земли уже цѣлое столѣтіе находившіяся во владѣніи Россіи и заключавшія въ себѣ, кромѣ Финскаго племени, немалочисленное и очень древнее населеніе Русское: мы говоримъ про Выборгскую губернію и даже часть Петербургской, въ которой, если не ошибаемся, считалось, въ эпоху присоединенія ихъ къ Финляндіи, до сорока тысячъ Русскихъ; предки ихъ перешли туда на жительство еще въ XVI и XVII вѣкѣ. Положеніе этихъ Русскихъ было и есть до сихъ поръ не изъ самыхъ выгодныхъ; мы даже имѣли въ своихъ рукахъ довольно интересную статью съ подробнымъ разъясненіемъ этого обстоятельства, но, однако, по разнымъ уваженіямъ не рѣшились ее напечатать. Мы вполнѣ увѣрены, что Финляндскій сеймъ не

останется для этихъ сорока или болѣе тысячь Русскихъ безъ надлежащихъ послѣдствій и не возведетъ отношенія Русскихъ къ Финляндцамъ въ Княжествѣ, въ *вопросъ* раздражительнаго свойства.

Вамъ, представителямъ Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія, своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія. Этими многознаменательными словами закончилъ государь императоръ рѣчь, произнесенную имъ при открытіи сейма. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова, сказанныя Русскимъ императоромъ во всеуслышаніе всей Россіи и всего Европейскаго міра, произведутъ громадное впечатлѣніе и въ Россіи, и Европѣ, подадутъ поводъ Европейской Журналистикѣ къ разнообразнѣйшимъ толкованіямъ. Они—эти слова—отдадутся и въ самомъ Польскомъ обществѣ и не останутся безъ вліянія на отношеніе Европейскаго общественнаго мнѣнія къ Польшѣ. Что же касается до Россіи, съ ея мудрымъ и постоянно дѣйствующимъ за одно съ государемъ народомъ, то она въ словѣ *либеральныя учрежденія* разумѣетъ, прежде всего, учрежденія вполнѣ народныя, соотвѣтствующія историческимъ и народнымъ началамъ, а не сколокъ съ какихъ-нибудь Западныхъ учрежденій. Нашъ хлѣбъ насущный въ настоящую минуту—расширеніе свободы мнѣнія и выраженія его въ словѣ—этого-то хлѣба насущнаго мы ожидаемъ“ [142])!

Изъ Финляндіи государь возвратился въ Царское Село, гдѣ провелъ нѣсколько дней, посвященныхъ пріему избраннаго въ короли Эллиновъ Датскаго принца Георга. Изъ Царскаго Села, государь предпринялъ путешествіе въ Крымъ [143]).

Въ Симферополѣ государь былъ привѣтствованъ рѣчью епископа Таврическаго Алексѣя. Рѣчь эта обратила на себя вниманіе митрополита Московскаго Филарета, по поводу которой онъ писалъ витіѣ: „Искренно поздравляю съ тѣмъ, что

вы обрѣли благодать предъ очами великихъ гостей. Заставляете меня судить о рѣчахъ. Замѣчалъ я, что нѣкоторые старые люди образъ воззрѣнія на людей и дѣла, пріобрѣтенный въ молодости, удерживаютъ въ старости, тогда какъ около ихъ многое измѣнилось; а потому сужденія ихъ признаются болѣе способными поступить въ архивъ, нежели въ дѣло. Можетъ быть, и я принадлежу къ такимъ людямъ. Однако, какъ всегда говорилъ вамъ свободно, такъ и теперь. Въ привѣтственной рѣчи государю императору я не упомянулъ бы о томъ, что худа дорога. Есть-ли бы я хотѣлъ послать икону воинамъ, подвизающимся противъ мятежа: я послалъ бы ее къ военачальнику, а не просилъ бы государя переслать ее. Св. Александра Невскаго я не назвалъ бы витяземъ и пр.“ [144]).

XLII.

Не одни почтенные лорды, какъ напримѣръ, маркизъ Кланрикардъ и графъ Элленборо „бросали грязью въ Муравьева“ [145]). Но, по свидѣтельству С. М. Сухотина, „противъ Муравьева возбужденъ былъ и Петербургъ, имѣя во главѣ князя Суворова, а снизу невидимое, подземное общество, съ своими соціалистическими и нигилистическими стремленіями, конечно не мало содѣйствовало этой враждѣ къ Муравьеву“ [146]).

Самъ Муравьевъ сознавался, что мѣры, предпринимаемыя имъ для умиротворенія края и „справедливыя въ своихъ началахъ, возбудили ропотъ со стороны Польскихъ и Нѣмецкихъ помѣщиковъ; все возопило, и жалобы стали доходить до престола“. Муравьевъ „все это зналъ, но оставался твердъ и непреклоненъ въ исполненіи начатаго дѣла, столь необходимаго для утвержденія Русскаго владычества въ томъ краѣ, ибо одно только сельское населеніе и старообрядцы того края, столь усердно содѣйствовавшіе къ потушенію мятежа, были преданы государю; такъ называемая же шляхта, паны и ксендзы были и будутъ всегдашними нашими врагами; ихъ преданности и увѣреніямъ не должно никогда вѣрить; крамола и обманъ есть

основа ихъ чувствованій и воспитанія; они измѣняли Россіи и вѣнценосцамъ ея всякій разъ, когда встрѣчали къ тому возможность; они измѣняли и собственному ихъ Правительству Рѣчи Посполитой и были виновниками ея паденія. Они и теперь ползаютъ и увѣряютъ въ преданности, тогда какъ на душѣ у нихъ таятся кинжалы, ядъ и убійства".

Все это побудило Муравьева, 20 іюля 1863 года, написать слѣдующее письмо къ князю В. А. Долгорукову: „Дѣло укрощенія мятежа идетъ весьма успѣшно. Во всѣхъ губерніяхъ все почти утихло; скитаются только кой-гдѣ небольшія разбойническія шайки въ Гродненской и Ковенской губерніяхъ и немного въ Минской. Въ Виленской же губерніи все совершенно утихло. Теперь одна забота переловить этихъ разбойниковъ, которые дѣлаютъ въ иныхъ мѣстахъ злодѣянія, стараясь навести страхъ на крестьянъ, которые всѣ усердно содѣйствуютъ Правительству, даже и въ Ковенской губерніи. Надѣюсь, что за принятыми мѣрами скоро справлюсь и съ этими бандами, которымъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочувствуютъ помѣщики и даютъ пріютъ. Много крестьянъ и вообще простолюдиновъ, возвращаются въ свои дома; имъ объявляется пощада, и съ приводомъ къ присягѣ водворяются на прежнее мѣсто жительства, подъ поручительствомъ ихъ сельскихъ обществъ. Я признаю эту мѣру необходимою для успокоенія края. Впрочемъ, теперь рабочая пора, и потому всѣ уходятъ изъ шаекъ. Увидимъ впослѣдствіи, будутъ ли они вновь формировать шайки; по всѣмъ вѣроятіямъ, имъ уже этого не удастся, ибо вездѣ дѣйствуютъ военно-гражданскія управленія, даже и въ Ковенской губерніи, изъ которой я получилъ весьма утѣшительныя свѣдѣнія. Прошу ваше сіятельство доложить объ этомъ государю; смѣю теперь завѣрить, что главное дѣло сдѣлано; власть Правительства вездѣ возстановлена, и устрашенные мятежники скрываются, гдѣ только могутъ, и многіе уже ушли въ Царство Польское; теперь послѣднихъ забираемъ. Ежели Европейскія державы не помѣшаютъ, то въ Литвѣ мятежъ будетъ очень скоро окончательно

подавленъ. Я даже распорядился объ уменьшеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войскъ, которыя буду сосредоточивать для отправленія, въ случаѣ войны, къ Балтійскому прибрежью. Надѣюсь, что постепенно можно будетъ въ скоромъ времени собрать до пятидесяти и болѣе ротъ, для отправленія на сѣверъ Ковенской губерніи. Надобно только повременить, чтобы удостовѣриться, какое произведетъ въ краѣ вліяніе вмѣшательство Европы, ежели таковое будетъ. Дворянство здѣсь совсѣмъ упало духомъ и готово просить пощады, но чего-то еще ждетъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что скоро и это одолѣю, ибо партія революціонная всякій день переходитъ въ остроги, и главные ея дѣятели взяты. Ваше сіятельство мнѣ изволили писать, что строгія мѣры устрашаютъ Европу и препятствуютъ нашимъ переговорамъ съ иностранными державами. Опытъ достаточно указалъ, что однѣ энергическія мѣры могли усмирить мятежъ и возвратить край Россіи; ибо, конечно, можно съ положительностью сказать, что въ Литвѣ уже не было правительственной власти и всѣ повиновались революціонному комитету. Впрочемъ, я теперь свою обязанность предъ государемъ и Россіею выполнилъ по совѣсти, не взирая ни на какія препоны, опасности и возгласы заграничныхъ и, къ сожалѣнію, даже и нѣкоторыхъ Русскихъ, и потому, ежели признается нужнымъ возвратиться къ прежней системѣ, то можно уже обойтись и безъ меня. Вашему сіятельству извѣстно, что я не искалъ занимаемаго мною теперь мѣста, и ежели ваше сіятельство находите, что, по высшимъ государственнымъ соображеніямъ, надобно измѣнить здѣсь образъ дѣйствій, то я, конечно, почту себя счастливымъ оставить безъ замедленія трудное поприще, на которое я призванъ волею государя, тѣмъ болѣе, что мнѣ измѣняетъ здоровье, а въ особенности глаза. Простите, ваше сіятельство, что я съ полною откровенностью отвѣчаю на письмо, въ коемъ вы сообщили взглядъ свой на неблагопріятное впечатлѣніе, происходящее отъ моего образа управленія. Я это зналъ при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга и предупреждалъ въ этомъ и его величество и васъ. Теперь

мнѣ удалось, съ помощью Божіею, смирить мятежный край, и потому, можетъ быть, и лучше будетъ, ежели назначатъ другого на мое мѣсто; я же почту себя совершенно счастливымъ, когда избавятъ меня отъ тяжкаго во всѣхъ отношеніяхъ бремени управленія и окончательнаго умиротворенія этого края. Обращаясь къ моральному настроенію здѣсь умовъ, я полагаю, что, при общемъ упадкѣ здѣсь духа, можно будетъ справиться съ дворянствомъ и оградить Россію на долгое время отъ повторенія подобнаго общаго возстанія. Я увѣренъ, что ваше сіятельство, по постоянно обязательному ко мнѣ расположенію, примете сіе мое искреннее изліяніе мыслей и чувствъ со свойственною вамъ снисходительностью и полною увѣренностью, что всѣми моими дѣйствіями руководило одно пламенное желаніе исполнить долгъ вѣрноподданнаго и русскаго, и потому при трудности обстоятельствъ могу надѣяться на нѣкоторое снисхожденіе къ тѣмъ ошибкамъ, которыя не могли не быть мною сдѣланы въ огромномъ ввѣренномъ мнѣ управленіи“.

XLIII.

Между тѣмъ, черезъ два дня по написаніи Муравьевымъ письма къ князю В. А. Долгорукову, 22 іюля 1863 года, Вильна торжественно праздновала именины императрицы Маріи Александровны.

А. Н. Мосоловъ, въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ* писалъ: „22-е іюля былъ первый оффиціально торжественный день, наступившій послѣ долго продолжавшейся упорной борьбы законнаго Правительства съ мятежемъ и потому онъ отличался особеннымъ характеромъ. Къ 10-ти часамъ утра всѣ мѣстныя власти и представители всѣхъ сословій наполнили залы дворца и передъ началомъ обѣдни генералъ-губернаторъ обошелъ присутствующихъ. Большая малиновая гостиная, гдѣ обыкновенно дѣлались пріемы, была наполнена гвардейцами: тутъ былъ весь Преображенскій полкъ, незадолго прибывшій, лейбъ-уланы и лейбъ-драгуны, собранные въ Вильну для возвращенія въ ско-

ромъ времени въ столицу. Караулъ у дворца былъ Преображенскій. День былъ чудесный и окна дворца были открыты. Генералъ-губернаторъ былъ очень ласковъ съ гвардейцами и предупредилъ ихъ, что скоро пошлетъ въ экспедицію. Дворянамъ онъ сказалъ нѣсколько простыхъ, но сильныхъ и внушительныхъ словъ, и заявилъ, что ему уже извѣстно ихъ намѣреніе, но онъ не можетъ еще допустить его исполненія, такъ какъ мало видитъ чистосердечнаго раскаянія, ибо для этого нужны дѣйствія, а не однѣ слова; Евреямъ генералъ-губернаторъ не довѣрялъ, но всегда обращался къ нимъ съ нѣсколькими словами, напоминая о неусыпномъ исполненіи вѣрноподданническихъ обязанностей; Римско-католическое духовенство было еще очень смущено недавними казнями ксендзовъ и высылкою своего главы.

Послѣ пріема, генералъ-губернаторъ пригласилъ всѣхъ представлявшихся послѣдовать за нимъ въ соборную церковь для слушанія литургіи и молебствія.

Давно уже нашъ православный соборъ не представлялъ такого блистательнаго зрѣлища. Богослуженіе совершали епископы: Ковенскій—Александръ и Брестскій—Игнатій (викаріи Литовской епархіи), два архимандрита и четыре протоіерея. Когда же началось молебствіе и духовенство направилось къ амвону, — впереди всѣхъ показался знаменитый Литовскій митрополитъ Іосифъ. Весь соборъ былъ наполненъ служащими и даже нѣсколькими дворянами, всѣ были въ мундирахъ; въ лѣвомъ углу помѣщалась небольшая группа Русскихъ дамъ, передъ соборомъ на площадкѣ были построены: Преображенскаго и Семеновскаго полковъ роты его величества и спѣшенные эскадроны лейбъ-уланъ и драгунъ. Толпа народа вокругъ была необозримая и все это было залито сіяніемъ іюльскаго солнца. Послѣ молебна загудѣли колокола, въ цитадели загремѣли пушки и, по выходѣ начальника края изъ собора, пронеслось по площади и въ толпѣ народа нескончаемое ура. Это не былъ обыкновенный праздникъ. Всякій чувствовалъ, что тутъ совершаются историческія событія и, хотя все это

представляло внѣшнее торжество Русской силы, но въ немъ видимо было и чувствовалось то новое направленіе, которому должны будутъ слѣдовать въ краѣ грядущія поколѣнія. Послѣ развода, генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ многочисленною свитою и начальствующими лицами посѣтилъ митрополита, который былъ чрезвычайно утомленъ службою, и едва былъ въ силахъ принять на нѣсколько минутъ столь многочисленное общество. Голосъ его чрезвычайно былъ слабъ, такъ что во время служенія слова его были слышны лишь близъ стоявшимъ. Вечеромъ, въ городѣ была великолѣпная иллюминація, безчисленныя толпы народа покрывали улицы и площади и въ первый, кажется, разъ по возобновленіи играли въ театрѣ. Передъ началомъ представленія оркестромъ Финляндскаго полка былъ исполненъ народный гимнъ: *Боже царя храни*, который три раза заставили повторить при громкомъ неумолкаемомъ ура.

Тутъ только, въ эти минуты, мы, равнодушные Петербургскіе космополиты, среди враждебной намъ среды, начали чувствовать себя Русскими и проникаться горячимъ патріотизмомъ“.

Какъ бы дополненіемъ описаннаго торжества можетъ почитаться торжество 27 іюля, день рожденія императрицы Маріи Александровны. Въ тотъ день, повѣствуетъ Мосоловъ, „снова всѣ собрались въ генералъ-губернаторскій дворецъ, но въ этотъ день Виленское дворянство, чрезъ депутацію изъ пятнадцати человѣкъ, имѣвшую во главѣ губернскаго предводителя, просило начальника края представить его величеству письмо съ выраженіемъ раскаянія и съ заявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Минута была торжественная. Генералъ-губернаторъ принялъ адресъ, подписанный уже двумя стами тридцатью почетнѣйшими дворянами, и согласился представить его государю; но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ дворянству, какую важность должно имѣть это заявленіе, и что затѣмъ имъ слѣдуетъ дѣйствіями своими доказать, что они отрекаются отъ революціонной партіи и во всемъ намѣрены содѣйствовать Правительству для возстановленія спокойствія въ краѣ. Губернскій предводитель

16

заявилъ при этомъ, что подписка на особыхъ листахъ продолжается въ уѣздахъ и идетъ успѣшно.

Немедленно была отправлена государю, въ Царское Село, телеграмма съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и о содержаніи адреса. Самый же адресъ при пространномъ донесеніи отправленъ къ государю въ тотъ же вечеръ съ ротмистромъ кавалергардскаго полка, княземъ М. В. Шаховскимъ".

Въ отвѣтъ на это, на имя Муравьева, послѣдовалъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

„Михаилъ Николаевичъ!

Съ особымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ вашего донесенія, представленнаго мнѣ ротмистромъ княземъ Шаховскимъ, и изъ приложеннаго къ нему адреса Виленскаго дворянства, что ваши благоразумныя, энергическія и послѣдовательныя распоряженія, постепенно приводятъ къ болѣе и болѣе положительнымъ результатамъ.

Фактъ представленія этого адреса я считаю весьма знаменательнымъ. Выражаемыя въ немъ чувства и признаніе нераздѣльности Литвы съ Россіей могутъ быть не вполнѣ искренни, но они произведутъ сильное впечатлѣніе, и во всякомъ случаѣ компрометируютъ въ глазахъ Польскихъ патріотовъ всѣхъ тѣхъ дворянъ, отъ имени коихъ они высказаны. Я поручилъ министру Внутреннихъ Дѣлъ, согласно вашему предположенію, объявить мою благодарность дворянамъ и мое благоволеніе губернскому предводителю. Мнѣ пріятно объявить вамъ мою особую, искреннюю признательность за вашу добрую и полезную службу мнѣ и Россіи въ нынѣшнее многотрудное время. Отдаю полную справедливость вашему самоотверженію и вашему умѣнію вести дѣло, за которое вы взялись. Желаю вамъ здоровья и надѣюсь, что Богъ поможетъ вамъ скоро довершить умиротвореніе ввѣреннаго вамъ края. Я съ удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе на счетъ переименованія въ генералъ-маіоры вашего сына, коему вы поручаете управленіе Ковенскою губерніею, а ротмистра князя Шаховского, который передастъ

вамъ это письмо, я назначилъ къ себѣ флигель-адъютантомъ, во вниманіе къ засвидѣтельствованнымъ вами его заслугамъ.

Искренно вамъ благодарный

АЛЕКСАНДРЪ.

Царское Село, 3-го августа 1863 года".

Праздничный день 27 іюля завершился въ Вильнѣ фейверкомъ на вершинѣ замковой горы, который устроили офицеры Преображенскаго полка.

„Ничего эфектнѣе",—писалъ Мосоловъ,—„мнѣ никогда не приходилось видѣть: положеніе горы, темнота вечера и тишина погоды—все тому благопріятствовало; въ разныхъ мѣстахъ на площадяхъ, равно какъ въ Ботаническомъ саду, играло нѣсколько полковыхъ оркестровъ, на улицахъ слышалась веселая рѣчь; Поляки какъ-то не дичились въ этотъ день и выказывали желаніе поддержать свое заявленіе возможно торжественнѣе. Смѣшно сознаться, но я вмѣстѣ съ нѣсколькими людьми, подобно какимъ-нибудь тайнымъ агентамъ, рыскалъ по улицамъ и площадямъ, изъ театра въ садъ, и при встрѣчѣ другъ съ другомъ на улицахъ, буквально залитыхъ огнемъ иллюминаціи, какъ-то крѣпче пожимали мы другъ другу руки и сознавали, что вокругъ насъ свершилось" [147]).

„Что до новостей",—писалъ Тютчевъ, изъ Москвы, 1 августа 1863 года,—„то теперь время затишья, одно изъ государствъ коалиціи нѣсколько сбито съ толку рѣшительно-миролюбивымъ положеніемъ, занятымъ Англіей. Внутри Муравьевъ продолжаетъ свои чудеса; я только что читалъ текстъ адреса въ высшей степени покорнаго и вѣрноподданническаго, подписаннаго тремя стами помѣщиковъ изъ знати Виленской губерніи. Что же за жалкое отродье Поляки, несмотря на всю ихъ храбрость! Я жилъ здѣсь въ самомъ руслѣ Московской прессы, между Катковымъ и Аксаковымъ, въ родѣ какого-то оффиціознаго посредника между прессой и Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. И такъ, я могу считать свое пребываніе въ Москвѣ, пожалуй, порученіемъ не болѣе безполезнымъ, чѣмъ многія другія" [148]).

XLIV.

Но торжество 27 іюля омрачилось событіемъ 29 іюля.

„Революціонный жондъ“,—свидѣтельствуетъ Муравьевъ,—„былъ устрашенъ этимъ успѣхомъ и рѣшился принять отчаянныя мѣры къ остановкѣ дѣйствій главнаго мѣстнаго начальства Сѣверо-Западнаго края“.

По велѣнію кроваваго Варшавскаго ржонда, 29 іюля 1863 г., въ Вильнѣ было совершено покушеніе на жизнь Виленскаго губернскаго предводителя дворянства Домейки.

О самой личности Домейки, Муравьевъ сообщаетъ слѣдующія біографическія данныя: „Изъ губернскихъ предводителей Виленскій Домейко умѣлъ скрыть свои Польскія тенденціи предъ бывшимъ генералъ-губернаторомъ В. И. Назимовымъ; съ одной стороны, онъ потворствовалъ революціонному направленію владѣльцевъ, а съ другой—онъ заискивалъ расположенія Правительства, такъ, что къ Пасхѣ 1863 года, когда мятежъ уже былъ въ значительномъ развитіи, онъ получилъ въ награду за свое двусмысленное поведеніе орденъ Станислава 1-ой ст.; но вслѣдъ за тѣмъ, получивъ общее приказаніе жонда оставить службу и выраженія негодованія онаго за полученную награду, а еще болѣе испугавшись слуховъ о моемъ назначеніи генералъ-губернаторомъ, Домейко исходатайствовалъ себѣ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, дабы избавиться, какъ онъ говорилъ, отъ преслѣдованія мятежниковъ. Дѣйствительно, Домейко человѣкъ недурной, но слабый и хитрый; онъ хотѣлъ плавать между двухъ водъ и, явившись ко мнѣ въ Петербургѣ, просилъ объ увольненіи его за границу на воды. Само собою разумѣется, что я ему въ этомъ отказалъ и потребовалъ немедленно отправиться въ Вильну, ибо теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, каждому слѣдуетъ быть на своемъ мѣстѣ, не взирая ни на какія опасности; онъ прикинулся больнымъ и только черезъ нѣсколько недѣль послѣ прибытія моего въ Вильну, ко мнѣ явился. Я заставилъ его вступить въ долж-

ность и дѣйствовать рѣшительно, т.-е., показать себя или преданнымъ Правительству, или врагомъ онаго. Въ то время начали уже убѣждаться въ томъ, что сила Правительства будетъ возстановлена въ Литвѣ, и Домейко рѣшился, хотя по наружности, показывать себя противодѣйствующимъ мятежу—и дѣйствительно, около него образовался кружокъ изъ нѣсколькихъ Польскихъ помѣщиковъ, признавшихъ болѣе выгоднымъ устранить себя, въ настоящее время (1863 г.), отъ мятежныхъ заявленій".

Въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ* Мосоловъ, пишетъ: „29 іюля, рано утромъ, по городу разнеслась вѣсть, что маршалка убили; трудно было понять, что это значитъ, а потому я немедленно отправился во дворецъ. Выходя изъ квартиры, замѣтилъ я необыкновенное движеніе. Нѣмецкая улица, постоянно *полная* Евреевъ, была занята полиціей, казаками и войскомъ; скакали верховые и тутъ только я догадался въ чемъ дѣло и что покушеніе было на жизнь губернскаго предводителя Домейко. Вскорѣ въ Канцелярію нашу стали прибывать разныя лица съ мѣста дѣйствія, принося различныя по дѣлу подробности; оказывалось, что въ 8-мъ часу утра неизвѣстный человѣкъ явился къ Домейко подъ предлогомъ подачи просьбы. Губернскій предводитель только что всталъ и еще въ халатѣ вышелъ въ пріемную, куда велѣлъ впустить пришедшаго. Слуга тѣмъ временемъ остался въ большой прихожей, надъ лѣстницей, гдѣ растворялъ окна. Услыша внезапный крикъ въ сосѣдней комнатѣ, онъ бросается туда и въ дверяхъ сталкивается съ убійцей, у котораго въ рукахъ окровавленный кинжалъ. Онъ сталъ было сопротивляться, но при видѣ кинжала ужасъ имъ овладѣлъ и онъ, весь израненный въ грудь и въ бокъ, упалъ замертво. Убійца скрылся.

Между тѣмъ, Домейко не только былъ живъ, но былъ гораздо слабѣе израненъ, чѣмъ его слуга. Убійца хотѣлъ поразить его въ самое сердце, но онъ всякій разъ, какъ тотъ наносилъ ему ударъ, защищался локтемъ лѣвой руки, согнувъ ее въ видѣ щита. На рукѣ его было семь ранъ, но толстый

фланелевый рукавъ предохранилъ Домейко; приходъ же слуги заставилъ убійцу броситься назадъ, чтобы проложить себѣ путь отступленія. Вмѣсто прошенія, Домейко было подано два листка.

Листки эти, съ запекшеюся на нихъ кровью, были отосланы въ Канцелярію и съ нихъ дѣлался переводъ. На первомъ было напечатано по Польски постановленіе верховнаго народоваго трибунала, которымъ всѣ лица, подписавшіе адресъ государю, изъемлются изъ подъ покровительства закона и предаются военному полевому суду, а Александръ Домейко, какъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого дѣла, долженъ быть немедленно казненъ смертью, какъ измѣнникъ отечеству. Къ этому документу приложена была печать, съ изображеніемъ соединенныхъ гербовъ Литвы и Польши. Другой листокъ заключалъ приказъ исполнительнаго отдѣла Литвы, за подписью начальника miasta Вильны (съ неразборчивою подписью), въ въ коемъ предписывалось привести въ исполненіе приговоръ надъ гражданиномъ Домейко. Немедленно была подана медицинская помощь Домейко и его слугѣ, который въ первое время подавалъ мало надежды на выздоровленіе. Къ дому его приставленъ былъ караулъ отъ Преображенскаго полка и разослали солому. По всей Нѣмецкой улицѣ во всѣхъ квартирахъ и на заднихъ дворахъ были сдѣланы тщательные обыски; городъ былъ весь оцѣпленъ войсками, по всѣмъ направленіямъ были отправлены разъѣзды казаковъ и сообщены примѣты убійцы (средняго роста, рыжій, съ короткими волосами; одѣтъ въ сѣромъ пальто); въ городѣ было общее смущеніе, всѣ власти и служащіе, всѣ Русскіе порядочные люди поспѣшили заявить свое сочувствіе Домейко и тѣснились до вечера въ его прихожей, узнавая о его положеніи и записывая на листѣ свое имя. Вечеромъ послѣ 9-ти часовъ вовсе воспрещено выходить изъ дому, на площадяхъ поставлены караулы и на ночь назначенъ повсемѣстный обыскъ; онъ начатъ былъ одновременно въ разныхъ частяхъ города съ наступленіемъ 11-го часа; войска раздѣлены были по кварталамъ; на каждый домъ по-

лагалось нѣсколько человѣкъ рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ обыскѣ принимали участіе одни гвардейцы и исполнили они эту тяжкую обязанность безъ шуму; по нѣскольку человѣкъ входили въ каждую квартиру, требовали огня, осматривали всѣхъ наличныхъ жильцовъ, заглядывали подъ кровати, за печи, за шкафы, во всѣ чуланы и чердаки. Такъ какъ нельзя было отмѣтить квартиры, занимаемыя Русскими, то ко многимъ изъ нихъ заходили солдаты; офицеры за всѣмъ наблюдали и гдѣ дѣлалось извѣстнымъ, что живетъ русскій, или служащій и военный, то воспрещено было ихъ тревожить; обыска не избѣжали и мужскіе монастыри; но все было тщетно; взято было нѣсколько лицъ, схожихъ съ примѣтами преступника, но по предъявленіи ихъ Домейко и слугѣ его, они никого не признали".

„Варшавское революціонное правленіе",—повѣствуетъ Муравьевъ,—„видѣвши ослабленіе мятежа въ Литвѣ, еще съ іюля мѣсяца 1863 г. начало присылать своихъ агентовъ въ Вильну для поддержанія упадающаго революціоннаго движенія, но всѣ эти агенты, при довольно порядочно уже устроенной полиціи, были захвачены въ Вильнѣ; но они успѣли однакоже въ половинѣ іюля мѣсяца сформировать команду тайныхъ кинжальщиковъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность убить генералъ-губернатора, губернскаго предводителя дворянства и тѣхъ, которые наиболѣе противодѣйствовали мятежу; но кинжальщики эти, страха ради, ни на что не рѣшались; между тѣмъ, начальство уже получило о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія и приняло мѣры къ ихъ обнаруженію. Для рѣшительнаго дѣйствія былъ, наконецъ, присланъ изъ Варшавы извѣстный полиціантъ-вѣшатель Беньковскій, съ обязанностію убить Домейко и меня. 27 іюля (въ день рожденія императрицы) Беньковскій пробрался на паперть собора, чтобы меня убить, но не могъ близко подойти по огромному стеченію служащихъ и вообще народа.

29-го іюля (черезъ два дня послѣ представленія адреса), Беньковскій, въ 9 часовъ утра, вошелъ въ квартиру Домейки и на-

несъ ему семь ранъ кинжаломъ, равнымъ образомъ изранилъ и человѣка, пришедшаго на помощь, а самъ скрылся. Раны Домейки были сильны, но не опасны. Жондъ публиковалъ по городу, что Домейко убитъ и наказанъ за измѣну Польскому дѣлу, а въ особенности за составленіе адреса. Надо замѣтить, что адресъ, по поднесеніи, былъ посланъ мною государю при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, съ испрошеніемъ награды Домейкѣ, а 29-го я телеграфировалъ государю о сказанномъ событіи. Между тѣмъ, приняты были всевозможныя мѣры къ отысканію убійцы: сдѣланы были повсемѣстно обыски, опубликованы примѣты убійцы, поставлены въ сомнительныхъ мѣстахъ караулы, а въ особенности усиленъ надзоръ на желѣзной дорогѣ и на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ ней. Одинъ изъ Виленскихъ кинжальщиковъ (къ стыду, русскій—православный, сынъ отставного солдата, женатаго на полькѣ), Мирошниковъ проговорился въ хвастовствѣ о кинжальщикахъ; онъ былъ спрошенъ, уличенъ и въ угрызеніи совѣсти открылъ большую часть полиціантовъ и названіе самого убійцы — Беньковскаго. Послѣдній былъ взятъ 6 августа на желѣзной дорогѣ, готовясь къ отъѣзду въ Варшаву, переряженный, съ окрашенными волосами, въ сопровожденіи Варшавскаго своего товарища Чаплинскаго. Уже до того, въ короткій промежутокъ времени, было взято десять кинжальщиковъ, изъ Виленскихъ обывателей, которые признали запиравшагося Беньковскаго; онъ былъ родомъ изъ Варшавы, цирюльникъ, учинившій уже тамъ многія преступленія и извѣстный своимъ отчаяннымъ характеромъ. Беньковскій, Чаплинскій и прочіе были немедленно судимы военнымъ судомъ: семеро повѣшаны въ Вильнѣ, а остальнымъ смягчены приговоры и они отправлены въ каторгу (въ томъ числѣ и Мирошниковъ, въ уваженіе его признанія).

Это послѣднее покушеніе Варшавскихъ революціонеровъ къ возбужденію мятежа въ Литвѣ, окончательно было разрушено скорымъ и успѣшнымъ отысканіемъ присланныхъ въ Вильно злодѣевъ и казнью ихъ, такъ что главные революціонные дѣятели скрылись или бѣжали, ибо всѣ они были

обнаружены или скрывались, подъ разными фальшивыми именами, появляясь только по временамъ въ Вильнѣ; но страхъ и ихъ обуялъ, ибо вслѣдъ за кинжальщиками, были взяты въ Вильнѣ прочіе революціонные дѣятели, какъ-то: Далевскій, Гажичъ, Дормаловскій (прибывшій изъ Познани) и Здановичъ, которые по приговору военнаго суда, всѣ (кромѣ Гажича) были казнены. Начальникъ самого города Вильны — Малаховскій (офицеръ путей сообщенія, служившій при желѣзной дорогѣ), скрылся въ Петербургѣ. Другой же важный дѣятель мятежа — Дюлоранъ (служившій тоже при желѣзной дорогѣ) скрылся въ Варшавѣ.

Оставался въ Вильнѣ одинъ бодрствующій, нѣкто Клиновскій, въ качествѣ главнаго начальника жонда Литовскаго, но скрывавшагося подъ фальшивымъ именемъ Витольда Витоженца, и съ нимъ еще нѣсколько второстепенныхъ лицъ, которыя тоже были взяты по обнаруженнымъ сношеніямъ ихъ съ Минскими и Ковенскими революціонерами; такъ что уже въ концѣ августа мѣсяца главные дѣятели мятежа были обнаружены, взяты кромѣ Клиновскаго. Въ Ковнѣ и Гроднѣ такъ же успѣшно подвигалось открытіе мятежной организаціи, всѣ тюрьмы были наполнены арестантами и обнаружена была связь между губерніями и Царствомъ Польскимъ, при чемъ открывались мятежныя связи и съ Польскимъ агентами въ Россіи. Одна оставалась Минская губернія, какъ будто въ затишьи, т.-е., не было въ ней обнаружено тайной организаціи“ [149]).

Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 2 августа 1863 года, записалъ: „Адресъ Виленскаго Дворянства государю о помилованіи напечатанъ. Но предводителю Дворянства Домейкѣ онъ дорого обошелся. Домейко получилъ два удара кинжаломъ отъ имени Варшавскаго революціоннаго комитета. Однако, онъ остался живъ и даже внѣ опасности. Весьма непріятная телеграмма: революціонеры захватили у насъ транспортъ съ деньгами вмѣстѣ съ двумя прикрывавшими ихъ ротами и двумя пушками“ [150]).

Императоръ Александръ II, въ рескриптѣ своемъ, отъ

3 августа 1863 года, М. Н. Муравьеву, начерталъ: „Я съ сожалѣніемъ узналъ, что Виленскій губернскій предводитель израненъ злодѣемъ, желавшимъ отомстить ему за исполненіе его долга. Прошу васъ объявить дѣйствительному статскому совѣтнику Домейко, что я цѣню выказанную имъ при настоящихъ обстоятельствахъ рѣшимость, ему за то благодаренъ и увѣренъ, что со временемъ его будетъ благодарить и то сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Желаю знать, не опасны ли его раны и не отысканы ли какіе-нибудь слѣды убійцы“ [151]).

XLV.

„По примѣру Виленскаго дворянства“,—пишетъ Мосоловъ въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ*,—„и отъ другихъ губерній стали прибывать депутаціи съ представленіемъ всеподданнѣйшихъ адресовъ“. Словомъ сказать,—продолжаетъ Мосоловъ,—„правительственная власть на всѣхъ пунктахъ росла, всѣ сословія къ ней приставали, и хотя число недовольныхъ не уменьшалось, но явно они не могли дѣлать вреда. Ковенское дворянство представило адресъ за пятью стами подписями 26-го августа, затѣмъ Гродненское—въ половинѣ сентября; въ концѣ сентября и Минское вмѣстѣ съ новымъ предводителемъ дворянства Прошинскимъ, человѣкомъ замѣчательной честности, силы воли и ума. Рѣшаясь на составленіе адреса, онъ написалъ окружное посланіе на Бѣлорусскомъ языкѣ, съ выраженіемъ своихъ убѣжденій. Онъ высказывалъ въ немъ увѣренность въ исторической необходимости сліянія Западныхъ губерній съ Россіей, но въ то же время необходимость этого сліянія онъ доказывалъ мыслью о панславизмѣ. Мысль эта пустила было корни въ Минской губерніи, такъ какъ въ ней заключалась извѣстная уловка Поляковъ, которые на все согласны, лишь бы не быть и не называться Русскими“.

„Хотя Минское дворянство“,—какъ свидѣтельствуетъ Муравьевъ,—„составило также адресъ, и сильнѣе нежели другое

выражало свои вѣрноподданническія чувства и раскаяніе, но всѣ тайные мятежные дѣятели оставались на мѣстахъ и, безъ сомнѣнія, при первомъ удобномъ случаѣ возобновили бы покушеніе на крамолу. Надо замѣтить, что Минское дворянство отличалось большимъ нерасположеніемъ къ Русскому Правительству, чѣмъ дворянство прочихъ губерній; оно постоянно было въ сношеніяхъ съ дворянствомъ Юго-Западныхъ губерній и въ октябрѣ 1862 г., на дворянскихъ выборахъ, составило протоколъ для представленія всеподданнѣйшаго адреса, по примѣру Подольской губерніи, о присоединеніи Минской губерніи къ Царству Польскому; ихъ дерзость была такъ велика, что когда имъ было тогда же объявлено высочайшее повелѣніе о противозаконности подобныхъ дѣйствій, то они, не отмѣняя своего постановленія, записали только оное въ журналъ, съ отмѣткою, что они не привели его въ исполненіе вслѣдствіе воспрещенія высшаго начальства. Крамольный этотъ духъ Минскаго дворянства еще болѣе развился во время вооруженнаго мятежа 1863 г.; но они не могли вооружить столько шаекъ, какъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ меньшаго числа шляхетскихъ околицъ и потому что большая часть населенія губерніи православнаго исповѣданія; но тѣмъ не менѣе, во всѣхъ лѣсахъ, гдѣ только было возможно, а особенно въ Борисовскомъ и въ Игуменскомъ уѣздахъ, были значительныя шайки".

„Адресы отъ губерній Витебской и Могилевской нѣсколько запоздали",—пишетъ Мосоловъ,—„особливо послѣдній, который былъ представленъ чуть ли не въ ноябрѣ; это происходило отъ пассивнаго противодѣйствія и уклончивости тамошняго губернскаго предводителя князя Любомирскаго, человѣка скрытнаго и осторожнаго. Замѣчательны слова М. Н. Муравьева, сказанныя князю Любомирскому, при пріемѣ Могилевской депутаціи: *Для меня отрицательное положеніе дворянства во время мятежа равняется положительному въ немъ участію.*

Для соглашенія по адресу, особенно же для устраненія неудовольствій, возникшихъ въ средѣ значительныхъ Русскихъ помѣщиковъ Могилевской губерніи, желавшихъ подать особый

адресъ, былъ посланъ въ Могилевъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій изъ С.-Петербурга, генералъ Чевати, хорошо знавшій съ давняго времени край. Въ пространномъ донесеніи своемъ о положеніи дѣлъ въ Могилевской губерніи, онъ съ замѣчательнымъ умомъ обрисовалъ личность и дѣятельность князя Любомирскаго и, объѣхавъ губерніи Витебскую и Минскую, содѣйствовалъ успѣшному составленію адреса.

Муравьевъ, принимая Могилевское дворянство, выразилъ сожалѣніе, что губернія эта такъ поздно приступила къ настоящему заявленію и что отъ нея, какъ отъ коренной Русской губерніи, можно было ожидать большаго сочувствія дѣлу обрусенія края. Будучи, въ 1829 г., Могилевскимъ губернаторомъ, Муравьевъ хорошо зналъ многихъ тамошнихъ старожиловъ и изумилъ представлявшихся свѣжестію своей памяти и необыкновенно подробными разспросами о разныхъ знакомыхъ ему мѣстахъ и лицахъ. Въ числѣ депутатовъ половина была изъ Русскихъ. Князь Любомирскій былъ сухо принятъ и ему воспрещено было возвращаться въ Могилевъ. Затѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе ѣхать въ Ригу, откуда, впослѣдствіи, въ Петербургъ. О немъ производилось нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ; но по всѣмъ этимъ дѣламъ онъ былъ оставленъ лишь въ подозрѣніи. На мѣсто его назначенъ губернскимъ предводителемъ Гомельскій уѣздный предводитель Крушевскій, женатый на русской.

Еще долго послѣ представленія дворянами шести губерній адресовъ, поступали отъ губернскихъ предводителей дополнительные листы съ подписями, собранными по уѣздамъ; такимъ образомъ, число подписавшихся подъ адресами дворянъ доходило впослѣдствіи до двадцати тысячъ. Вмѣстѣ съ представленіемъ на высочайшее воззрѣніе дворянскихъ адресовъ, испрашивались награды губернскимъ предводителямъ (кромѣ Любомирскаго), нѣкоторымъ изъ членовъ депутацій и даже самимъ губернаторамъ. Въ отвѣтныхъ бумагахъ, вмѣстѣ съ монаршею благодарностью, всегда выражалась увѣренность, что дворянство

не на словахъ, а на дѣлѣ выкажетъ свою преданность государю и Отечеству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стали отовсюду прибывать разныя депутаціи съ адресами отъ Еврейскихъ и городскихъ обществъ; крестьяне, по мѣрѣ освобожденія отъ полевыхъ работъ, тоже присылали депутатовъ поблагодарить *Муравлева* (такъ его называли въ народѣ), за его защиту и благодѣянія".

„Адресы эти",—замѣчаетъ Муравьевъ,—„хотя и не составляли искренняго желанія многихъ, но уже выразили торжество Правительства надъ революціей, тѣмъ болѣе, что Поляки, сколько бываютъ горды въ успѣхѣ, столько низки, искательны и подлы при неудачѣ крамольныхъ ихъ замысловъ" [152]).

„Недавно еще читали мы",—писалъ Катковъ,—„вѣрноподданнѣйшія письма дворянъ Виленской, Ковенской, Минской и другихъ Западныхъ губерній, съ изъявленіями преданности государю императору, отвращенія отъ всѣхъ мятежныхъ замысловъ и сознанія что Литва должна составлять одно нераздѣльное цѣлое съ Россіей, — и Россія уже готова была повѣрить всѣмъ этимъ словеснымъ завѣреніямъ. Но вотъ, иностранныя газеты, и во главѣ ихъ серіозный *Journal des Débats* печатаетъ *документъ*, адресованный такъ называемому *народному правительству* какимъ-то Литовскимъ департаментомъ и *жондомъ*, уже препровожденный къ князю Чартырыйскому. Въ немъ сказано, что подписи подъ адресами собирались военными начальниками уѣздовъ съ неимовѣрною жестокостію ... такъ что самъ Литовскій департаментъ, своимъ циркуляромъ, разрѣшилъ подписываться подъ этими адресами, *не связывающими никого и не имѣющими никакого политическаго значенія* При этомъ онъ имѣлъ въ виду сохранить странѣ самыхъ энергическихъ и самыхъ знатныхъ людей. *Тѣмъ не менѣе, не желая подвергаться посрамленію даже за наружное свое отступничество... вся нація, по мѣрѣ того какъ Россія вынуждала подписи, посылала свои протесты противъ нихъ...* Число подписей подъ этими протестами возросло будто бы до 249.646, и не перестаетъ еще возрастать... Протесты эти были на-

печатаны въ Варшавской революціонной газетѣ: *Неподлеглость*".

„Вотъ документы и факты", —продолжаетъ Катковъ, — „которые *жондъ народный* публикуетъ въ Варшавѣ и которые князь Чарторыйскій разглашаетъ на всю Европу. А вотъ и впечатлѣніе, которое эти извѣстія производятъ на корреспондентовъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ значительныхъ газетъ въ Европѣ. Парижскій корреспондентъ *Times* пишетъ: Многія лица смотрятъ на эти протесты какъ на одно изъ самыхъ значительныхъ дѣлъ въ борьбѣ Поляковъ съ Русскими. Они показываютъ, что Поляки не устрашены терроризмомъ Муравьева, и несмотря на висѣлицы и ссылки, несмотря на конфискаціи и всякаго рода поборы, все еще имѣютъ столько энергіи и патріотизма, что цѣлыми массами, въ виду своихъ палачей, подписываютъ протесты противъ увѣренія Московской дипломатіи, что Литва не есть Польша"!

„Мы", —продолжаетъ далѣе Катковъ, — „ни минуты не сомнѣваемся, что всѣ эти извѣстія и документы не болѣе какъ новая ложь и подлогъ со стороны, такъ называемаго, *жонда народоваго*, разсчитанные на то, чтобы поддержать духъ мятежа и ободрить, по возможности, Францію къ вооруженному вмѣшательству, —мы спрашиваемъ только: кто наиболѣе заинтересованъ въ опроверженіи этой новой лжи *жонда*?... Если въ тѣхъ же самыхъ газетахъ, въ которыхъ было обнародовано о существованіи протеста противъ всеподданнѣйшихъ адресовъ, — протеста будто бы подписаннаго почти 250.000 лицъ ... не будетъ прямого опроверженія этого извѣстія ... по крайней мѣрѣ со стороны Польскихъ помѣщиковъ каждой изъ пяти губерній Западнаго края, то что должна подумать Россія о чувствахъ и образѣ мыслей этихъ благородныхъ лицъ, которыя въ одно и то же время, по словамъ революціоннаго документа, и выставляли свои имена подъ всеподданнѣйшими адресами, и слали въ Варшаву свои протесты противъ этихъ послѣднихъ?... Они должны очистить себя въ глазахъ Россіи всѣми способами ... или же должны сѣтовать на самихъ себя, если

Россія сочтетъ невозможнымъ терпѣть въ нѣдрахъ одного изъ исконныхъ краевъ своихъ высшій классъ, который дозволяетъ обнародовать во всеуслышаніе, что онъ питаетъ непримиримую вражду къ Россіи и мечтаетъ объ отложеніи своемъ отъ нея“ [153]).

XLVI.

Въ день святаго Преображенія, 6-го августа 1863 года, Преображенскій полкъ праздновалъ въ Вильнѣ свой полковой праздникъ.

Мосоловъ, въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ*, писалъ: „День былъ чудесный; весь полкъ былъ выстроенъ покоемъ на внутреннемъ дворѣ передъ домомъ генералъ-губернатора. Посреди двора, на коврѣ, былъ поставленъ аналой и собралось полковое духовенство. Дамы и чиновники собрались на среднемъ большомъ балконѣ и любовались великолѣпною картиною; часовъ въ 11 появился начальникъ края, окруженный многочисленною и блестящею свитою. Послѣ молебна полкъ пропарадировалъ и направился изъ дворца на площадь предъ Игнатьевскими казармами, рядомъ съ дворцовымъ садомъ, гдѣ былъ приготовленъ полку обѣдъ. Вся площадь была покрыта столами. Межъ ними были воткнуты березки, а къ оградѣ дворцоваго сада примыкала большая палатка, въ которой былъ приготовленъ офицерами полка завтракъ для начальника края и высшихъ приближенныхъ лицъ. Картина была самая оживленная. Во время завтрака, командиромъ полка княземъ Анатоліемъ Ивановичемъ Барятинскимъ получена изъ г. Владиміра поздравительная телеграмма отъ государя, встрѣченная въ полку неописаннымъ восторгомъ. Праздникъ продолжался весь день. Офицеры не расходились, а приглашенные снова собрались вечеромъ, когда стемнѣло и вся площадь была залита огнемъ иллюминаціи; до полночи не умолкали солдатскія пѣсни, громкіе тосты, а офицерская палатка полна была гостей и все время было угощеніе и подъ конецъ ужинъ. Вокругъ тѣснился народъ и порывался принять участіе въ Русскомъ веселіи“.

Когда Преображенскій полкъ праздновалъ въ саду Виленскаго дворца свой полковой праздникъ, изъ предѣловъ Царства Польскаго, Августовской губерніи, къ игемону Сѣверо-Западнаго края явилась депутація и представила ему слѣдующую челобитную:

„Мы, крестьяне общества Зыпле, Царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда, прибѣгаемъ со всепокорнѣйшею просьбою къ тебѣ, генералъ, спаси насъ! Плачевное положеніе наше достойно сожалѣнія. Настоящій мятежъ и волненія въ краѣ приписываютъ Полякамъ; это клевета! Мы, Поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего всемилостивѣйшаго государя; нарушители же спокойствія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ. Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ, генералъ; знаемъ, что наша губернія принадлежитъ къ другому управленію; но что же остается намъ дѣлать несчастнымъ, когда нашъ край, вмѣсто того чтобы смириться, еще болѣе волнуется. Слыша, что край, ввѣренный тебѣ, генералъ, твоею работою уже успокоенъ и въ немъ водворенъ порядокъ, мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу: прими насъ подъ свое покровительство.

Пусть дадутъ намъ войско и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность всемилостивѣйшему нашему монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ.

Мятежники, зная нашу привязанность къ государю, будутъ стараться отомстить намъ, а потому просимъ тебя, генералъ, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войско для нашей обороны. Еще разъ умоляемъ тебя, генералъ, возьми насъ къ себѣ, тогда и нашъ край успокоится, какъ Литва. Мы вѣрны нашему государю и не желаемъ безпорядковъ“.

Челобитная эта проникла въ сердце Муравьева. Онъ согласился принять ихъ подъ свою защиту и послать къ нимъ войска. Литвины были въ совершенномъ восторгѣ и, пригла-

шенные Преображенцами раздѣлить съ ними хлѣбъ-соль, раздѣляли и общую радость.

Подобныя депутаціи являлись одна за другою. По доведеніи о томъ до свѣдѣнія государя, послѣдовало, въ сентябрѣ 1863 г., высочайшее повелѣніе принять Муравьеву въ свое управленіе Августовскую губернію.

Слѣдуетъ замѣтить, что Августовская губернія, кромѣ Ломжинскаго уѣзда, исключительно населена Литовцами, старообрядцами и Нѣмцами.

Получивъ высочайшее повелѣніе объ Августовской губерніи, Муравьевъ отправилъ туда войско, подъ начальствомъ генерала Якова Петровича Бакланова, и поручилъ ему немедленно ввести военно-гражданское управленіе, на основаніи данной Муравьевымъ 24 мая инструкціи для Сѣверозападнаго края. Преображенскій полкъ, подъ начальствомъ князя Анатолія Ивановича Барятинскаго, занялъ главные мятежные пункты губерніи.

Генералъ Баклановъ представляетъ собою личность весьма замѣчательную. Занимая должность окружнаго генерала въ Землѣ Войска Донского, Баклановъ, въ маѣ 1863 года, по высочайшему повелѣнію, командированъ былъ въ Вильну, въ распоряженіе Муравьева. „Я принялъ новое назначеніе“,—писалъ Баклановъ,—„тѣмъ съ большею радостью, что надъ дорогимъ Отечествомъ висѣла грозная туча, всѣ ждали, что Западная Европа двинетъ на насъ свои полчища“. По прибытіи въ Вильну, Баклановъ получилъ назначеніе завѣдывать всѣми Донскими полками, въ округѣ состоящими.

О Баклановѣ весьма несправедливо составилось мнѣніе какъ о людоѣдѣ. „Таковое обо мнѣ мнѣніе мѣстныхъ Польскихъ жителей“,—писалъ самъ Баклановъ,—„случайно открылъ мой адъютантъ. Когда онъ передалъ мнѣ объ этомъ, я строго запретилъ опровергать такіе толки, а напротивъ, поддерживать, потому что подобное настроеніе умовъ много поможетъ къ водворенію спокойствія въ Августовской губерніи“ [154]).

Въ письмѣ Н. И. Любимова къ Погодину мы находимъ о Баклановѣ любопытныя біографическія свѣдѣнія. „Мнѣ раз-

сказали", — писалъ Любимовъ, — „о генералѣ Баклановѣ два (вѣрныхъ) анекдотца, очень хорошіе. Пріѣзжаетъ Баклановъ къ Муравьеву. Послѣдній спрашиваетъ его: „Ну, скажите, генералъ, чтò говорятъ о моемъ управленіи, — чтò вы думаете"? Баклановъ молчитъ. „Да скажите же". Опять молчаніе. Наконецъ, Муравьевъ еще болѣе настаиваетъ: „Ну, какъ же, по вашему, я дѣйствую?" — *Слабенько*, былъ отвѣтъ Бакланова. Тотъ же Баклановъ, въ сущности добрѣйшій по душѣ человѣкъ, по пріѣздѣ въ свой округъ, куда былъ назначенъ Муравьевымъ, собираетъ всѣхъ Польскихъ пановъ и держитъ имъ слѣдующій спичь: „Вы, господа, всѣ больны. Васъ надобно вылѣчить; — вотъ для этого я и присланъ. Нашъ докторъ, какъ вамъ извѣстно, генералъ Муравьевъ; я же ни что иное какъ его фельдшеръ. Но объявляю вамъ, что какое бы докторъ ни предписалъ лѣкарство, я отпущу вамъ его *сполна;* въ этомъ будьте увѣрены! Прощайте"! И все у него тотчасъ пошло, какъ по маслу: самые рьяные Поляки тотчасъ сдѣлались *падамъ до ногъ* и смирными какъ овечки, — и куда уже думать о бунтѣ!.. Повыдали всѣхъ поджигателей и мучителей и проч. и проч. „Вотъ", — заключаетъ Любимовъ, — „Русскій самородокъ, неиспорченный глупымъ воспитаніемъ и потому сохранившій всю здравость и всю цѣлость Русскаго ума и смысла" [155]).

Муравьевъ, посылая Бакланова въ Августовскую губернію, вооружилъ его великими правами. Онъ имѣлъ право судить мятежниковъ, приговорить виновныхъ къ смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы и въ Сибирь на поселеніе и, не ожидая конфирмацій Муравьева, приводить приговоры въ исполненіе.

Накунунѣ своего выѣзда, Баклановъ, „явясь вечеромъ къ Муравьеву для полученія личныхъ приказаній, счелъ долгомъ объяснить ему, что вся Августовская губернія оставлена беззащитною; находящіяся тамъ войска стянуты въ города и мѣстечки. Повстанцы хозяйничаютъ въ селеніяхъ, какъ у себя дома и, по его соображенію, беззащитный людъ, по требованію ихъ, даетъ все, что имъ нужно, то какъ онъ прикажетъ ему смотрѣть на уступчивость повстанцамъ со стороны жителей?

Муравьевъ, перебивъ докладъ Бакланова, спросилъ: „А отъ кого вы имѣете такія свѣдѣнія, не бывши въ той губерніи“? Баклановъ отвѣчалъ, что эти свѣдѣнія „переданы ему многими Донскими офицерами, которые, преслѣдуя повстанцевъ, вдавались далеко глубь губерніи и всюду слышали ропотъ отъ жителей, что они оставлены безъ защиты со стороны мѣстныхъ войскъ. „Такъ или иначе, сказалъ Муравьевъ, а должны отвѣчать, по всей строгости закона, всѣ тѣ лица, кто позволилъ себѣ снабжать повстанцевъ чѣмъ бы то ни было. Вы напрасно трудитесь дѣлать мнѣ подобные вопросы, у васъ есть въ рукахъ полнѣйшія инструкціи, по которымъ прошу дѣйствовать безъ всякихъ разсужденій“. На это Баклановъ сказалъ слѣдующее: „Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, сдѣлать вамъ нескромный вопросъ объ одномъ предметѣ, который въ вашихъ инструкціяхъ не предусмотрѣнъ“.

— Говорите, я слушаю васъ.

— „Поставьте себя на мѣсто поселянина Августовской губерніи, еслибъ къ вамъ, беззащитному, явились повстанцы съ требованіемъ имъ нужнаго и, въ случаѣ вашего отказа, вамъ угрожали бы смертью, то рѣшились бы вы на послѣднее“? Муравьевъ, подумавши немного, сказалъ:—Жизнь для каждаго дорога, вы правы вашимъ докладомъ. Прошу васъ смотрѣть на сдѣланныя жителями послабки мятежникамъ сквозь пальцы, но если при васъ кто позволитъ себѣ снабжать повстанцевъ, не щадить!

Со вступленіемъ въ управленіе Августовскою губерніею, Баклановъ объявилъ всѣмъ жителямъ разрѣшеніе, что въ случаяхъ появленія мятежниковъ и „при требованіи ими продовольствія, не подвергая себя разнымъ истязаніямъ за отказы, давать все и за это отвѣтственности никто не подвергнется, но только при соблюденіи слѣдующихъ условій: по выходѣ мятежниковъ, въ ту же минуту сообщать о томъ ближайшимъ войскамъ или разъѣзду, съ указаніемъ, куда мятежники направились. Если-жъ кто-либо не исполнитъ его распоряженія и не дастъ знать своевременно, какъ это нерѣдко бывало до

его прихода, то все имущество виновныхъ будетъ разграблено, жилище сожжено, а сами, отъ мала до велика, поплатятся жизнью".

Сдѣлавъ это распоряженіе, Баклановъ писалъ: „Сознаю самъ, что мѣра эта слишкомъ жестока; многіе вправѣ назвать ее варварскою, но, благодаря Бога, не пришлось такой угрозы приводить въ исполненіе, а чрезъ двѣ недѣли о бандахъ не было слуху: совершенное спокойствіе водворилось во всей губерніи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Баклановъ „первымъ долгомъ счелъ осмотрѣть тюрьмы. Въ нихъ онъ нашелъ столько заключенныхъ его предмѣстниками, что, какъ говорится, они сидѣли тамъ, какъ въ бочкахъ сельдей набиваютъ. По наведеннымъ справкамъ въ Военно-Слѣдственной и Судной Коммисіяхъ, о многихъ изъ арестованныхъ не только не было вовсе письменныхъ уликъ въ какихъ-либо преступленіяхъ, но даже неизвѣстно, кѣмъ они были заарестованы, и когда Баклановъ приказалъ составить таковымъ списки и затѣмъ выпустилъ ихъ на свободу, толпа освобожденныхъ ринулась бѣжать по улицамъ; многіе падали на землю и въ слезахъ цѣловали ее. Виновные же остались въ заключеніи, судились военнымъ судомъ, нѣкоторые приговаривались къ смертной казни, которая конфирмаціею замѣнялась ссылкою въ каторжныя работы. Казненныхъ было семь человѣкъ, вполнѣ заслужившихъ такое возмездіе".

Имѣнія сосланныхъ въ Сибирь Баклановымъ не были конфискованы, хотя въ данныхъ ему инструкціяхъ строго это требовалось.

Нашлись *доброжелатели*, которые подобное „смягчительное рѣшеніе" представили предъ Муравьевымъ, „какъ употребленіе во зло" со стороны Бакланова довѣрія Муравьева, и Муравьевъ „поколебался". Баклановъ сталъ получать отъ него „колкія бумаги", изъ коихъ уразумѣлъ, что противъ него „образовалась интрига".

Баклановъ рѣшился ѣхать въ Вильну, для личныхъ объясненій съ Муравьевымъ.

Въ *Запискахъ* Бакланова сохранилось любопытное описаніе этихъ объясненій. „По прибытіи въ Вильну вечеромъ“,—писалъ Баклановъ,—„прямо съ вокзала желѣзной дороги, явился къ Муравьеву; былъ очень холодно имъ принятъ, но послѣ жаркихъ объясненій относительно неприкосновенности имѣній, принадлежащихъ сосланнымъ въ Сибирь лицамъ, онъ видимо началъ смягчаться, а когда дѣло дошло до объясненія причинъ, заставившихъ меня замѣнять смертную казнь ссылкою въ Сибирь, въ каторжныя работы, то вотъ слово въ слово, что я сказалъ Муравьеву:

— „Ваше превосходительство, теперь не начало возмущенія 1863 года, а окончаніе; въ моментъ разгара бунта, попадались подъ ножъ и веревку виноватые и правые, послѣднихъ только никто не замѣчалъ... По моему мнѣнію, крутыя мѣры, какъ бы ни были жестоки, должны приводиться надъ противникомъ своевременно, а не тогда, когда онъ уничтоженъ и безсиленъ. Мои понятія не могутъ сходиться съ вашими, а потому позвольте мнѣ не возвращаться въ Сувалки, а уѣхать на Донъ; пошлите на мѣсто меня другого генерала, которому я обязуюсь передать отдѣлъ въ двадцать четыре часа. Разставаясь съ вами, я хочу до конца говорить вамъ правду въ глаза. Управляя отдѣломъ не именемъ моимъ, а вашимъ, я старался не наложить на имя ваше чернаго пятна. На Литвѣ имя ваше злословятъ, но могу васъ увѣрить, что въ Августовской губерніи его благословляютъ. Выслушавши мое горячее слово, Муравьевъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: „Счастливъ былъ бы я, еслибъ имѣлъ всѣхъ такихъ правдивыхъ помощниковъ, какъ вы, но увы... Поѣзжайте обратно въ Сувалки, поступайте такъ же добросовѣстно, какъ вы это дѣлали до настоящей минуты“.

„Вскорѣ, за подчиненіемъ Августовской губерніи главному начальнику Сѣверо-Западнаго края“—свидѣтельствуетъ Никотинъ,—„тамъ водворенъ былъ законный порядокъ, но такъ какъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ продолжала царить еще кровавая неурядица, мѣшавшая окончательному успокоенію смежныхъ съ

нимъ уѣздовъ, то, по ходатайству крестьянъ-депутатовъ, представлявшихся М. Н. Муравьеву, 2-го декабря, послѣдовало вскорѣ повелѣніе государя о подчиненіи ему и этого уѣзда. Военнымъ начальникомъ туда назначенъ былъ генеральнаго штаба капитанъ М. Е. Врангель, впослѣдствіи Лифляндскій губернаторъ, который, въ самое короткое время, съумѣлъ возстановить тамъ совершенное спокойствіе и началъ свое управленіе тѣмъ, что пригласилъ на балъ Польское общество“ [156]).

Въ день *именинъ* своихъ, государь пожаловалъ Муравьеву орденъ св. Андрея, при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ начерталъ:

„*Михаилъ Николаевичъ*. Четыре мѣсяца тому назадъ, я призвалъ васъ къ управленію обширнымъ краемъ, гдѣ мятежъ, издавна подготовленный преступными кознями нѣкоторой части мѣстнаго населенія, поколебалъ основы гражданскаго порядка, разстроилъ всѣ отрасли администраціи и вызвалъ длинный рядъ кровавыхъ столкновеній. Не взирая на разстроенное долголѣтними служебными трудами здоровье и вполнѣ сознавая всю тягость предстоявшаго вамъ дѣла, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли предложенное вамъ назначеніе. Неутомимою дѣятельностію вашею и энергическими распоряженіями вы вскорѣ достигли желаемыхъ успѣховъ: въ большей части ввѣреннаго вамъ края порядокъ уже возстановленъ; въ остальныхъ же мѣстностяхъ онъ постепенно водворяется. Благодаря вашимъ усиліямъ, приближается то время, когда, не обращаясь къ прискорбнымъ мѣрамъ строгости, можно будетъ приступить къ окончательному упроченію въ краѣ общественнаго спокойствія, и къ возстановленію въ полной силѣ общихъ началъ гражданскаго управленія. Въ изъявленіе искренней признательности моей за вашу всегдашнюю и безусловную готовность жертвовать собою на пользу Отечества, я жалую васъ кавалеромъ императорскаго ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, съ особеннымъ благоволеніемъ пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ“.

Подобный же рескриптъ данъ и Кіевскому генералъ-губернатору Н. Н. Анненкову: „*Николай Николаевичъ*. Назначая васъ главнымъ начальникомъ Юго-Западнаго края Имперіи, я былъ заранѣе увѣренъ, что по свойственной вамъ вѣрноподданнической готовности, вы примете это назначеніе и употребите всѣ мѣры къ предотвращенію мятежническихъ въ Польшѣ волненій, грозившихъ отразиться на Польскомъ населеніи ввѣреннаго вамъ округа. Ожиданія мои вполнѣ оправдались: благодаря неутомимой дѣятельности и распоряженіямъ вашимъ, всѣ преступныя покушенія злоумышленниковъ на юго-западъ Россіи остались тщетными. Отдавая полную справедливость оказаннымъ вами заслугамъ,— я жалую васъ кавалеромъ императорскаго ордена св. Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ".

Получивъ рескриптъ, Муравьевъ, 31 августа 1863 года, писалъ П. А. Валуеву: „Вчера я получилъ увѣдомленіе о всемилостивѣйшей наградѣ орденомъ Андрея Первозваннаго. Это произвело хорошій эфектъ и, повидимому, приняла въ этомъ участіе и благонамѣренная партія Поляковъ. Да! мнѣ дорого милостивое вниманіе государя, которое конечно буду стараться всѣми силами поддержать и заслужить".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ, въ своихъ *Запискахъ*, вотъ что писалъ: „Въ ознаменованіе своего благоволенія ко мнѣ, государь изволилъ, 30 августа 1863 года, прислать мнѣ орденъ св. Андрея Первозваннаго, при милостивомъ рескриптѣ; но такъ сильно было вліяніе противодѣйствующей мнѣ партіи, что въ то же время, какъ бы съ цѣлью ослабить значеніе данной мнѣ награды, пожалованъ былъ тѣмъ же орденомъ Кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ, при рескриптѣ такого же содержанія, тогда какъ въ Юго-Западномъ краѣ не было не только принимаемо мѣръ къ укрощенію мятежа, но явнымъ образомъ была допускаема Польская пропаганда, даже въ самомъ Кіевѣ. Одновременная награда Анненкова произвела общій ропотъ Русскихъ. Негодованіе это отразилось даже въ

лицѣ графа Блудова, который почтилъ меня поздравительнымъ письмомъ, въ коемъ онъ объясняетъ свой взглядъ на эту награду" [157]).

XLVII.

„Не могу пройти молчаніемъ",—писалъ Муравьевъ въ своихъ *Запискахъ*,—„о томъ вредномъ вліяніи, какое управленіе Царствомъ Польскимъ имѣло на высочайше ввѣренный мнѣ край. Ненаказанность, полная свобода дѣйствія мятежникамъ, униженіе всего Русскаго и даже самого войска, которое по волѣ самого начальства, должно было выносить всевозможныя оскорбленія отъ Поляковъ, все это придавало такую смѣлость и дерзость Полякамъ, что шайки ихъ постоянно вторгались въ предѣлы ввѣреннаго мнѣ края и тѣмъ поддерживая развившійся въ краѣ мятежъ, не говоря уже о томъ, что главный центральный жондъ Варшавскій сосредоточивалъ въ себѣ все революціонное управленіе Западнымъ краемъ. Очевидно, что мятежъ должно было окончить подавленіемъ онаго въ Царствѣ Польскомъ и преимущественно въ самой Варшавѣ, тогда успокоились бы и наши Западныя губерніи; но на дѣлѣ вышло иначе: въ Царствѣ Польскомъ мятежъ разгорался болѣе и болѣе и къ подавленію его не принималось никакихъ благоразумныхъ мѣръ и потому мнѣ пришлось бороться съ мятежемъ не въ однѣхъ Сѣверозападныхъ губерніяхъ, но полагать преграду развитію онаго и въ сосѣднихъ областяхъ Царства Польскаго и Юго-Западныхъ губерніяхъ. Мнѣ надо было, не взирая на усиливавшійся мятежъ въ сосѣднихъ областяхъ, уничтожить оный во ввѣренномъ мнѣ краѣ и тѣмъ самымъ положить начало и основаніе подавленія мятежа и въ Царствѣ Польскомъ. Положеніе мое было тѣмъ затруднительнѣе, что мнѣ надо было бороться противу цѣлой системы превратнаго управленія Царствомъ Польскимъ; отбиваться отъ постоянно оказываемаго противодѣйствія многихъ Русскихъ властей въ Петербургѣ и ввести систему управленія совершенно противоположную всѣмъ тѣмъ взглядамъ, которые въ теченіе десятковъ лѣтъ имѣло

наше Правительство, и въ то же время укротить мятежъ, охвативший весь край и поддерживаемый объясненными выше неблагопріятными обстоятельствами и надеждою на чужеземное пособіе“ [158]).

Послѣ десятидневной поѣздки въ Петербургъ, 23 августа, въ 7 часовъ вечера 1863 года, великій князь Константинъ Николаевичъ возвратился въ Варшаву. „Между тѣмъ“,—свидѣтельствуетъ очевидецъ,—„народовый жондъ продолжалъ дѣйствовать безостановочно. Каждое распоряженіе законнаго Правительства вызываетъ соотвѣтственный декретъ народоваго жонда и притомъ въ весьма скоромъ времени“.

26 августа 1863 года, въ день коронаціи государя, при Варшавскомъ Дворѣ былъ большой выходъ, и послѣдній. На другой день, 27 августа, въ православномъ соборѣ было отслужено Варшавскимъ архіепископомъ Іоанникіемъ напутственное молебствіе. Послѣ молебствія, великій князь Константинъ Николаевичъ, съ семействомъ, отправился на путевой дворъ Варшавско-Вѣнской дороги. Во время проѣзда великаго князя къ собору и къ станціи желѣзной дороги народъ толпился на улицахъ; проѣздъ пришелся въ самое время окончанія службы въ костелахъ, происходившей по случаю праздника Рождества Пресвятыя Богородицы. Изъ оконъ выглядывало также много любопытныхъ. Мущины снимали шляпы и низко кланялись ихъ высочествамъ; гробовая тишина царствовала на улицахъ. „Положительно извѣстно“,—утверждаетъ очевидецъ,—„что теперь Поляки поняли свою безтактность; безмолвные проводы были яснымъ доказательствомъ того сожалѣнія, которое они питаютъ по случаю отъѣзда великаго князя“. На путевомъ дворѣ желѣзной дороги, ихъ высочества были встрѣчены всѣми генералами, офицерами Варшавскаго гарнизона, высшими чинами гражданскаго правленія и консулами. Началось прощаніе. Ихъ высочества были очень тронуты. Въ половинѣ 12-го, поѣздъ двинулся. Изъ дѣтей великаго князя Константина Николаевича поѣхали съ августѣйшими родителями въ Крымъ: великая княжна Ольга Константиновна и великіе князья: Константинъ,

Димитрій и Вячеславъ Константиновичи. Послѣдняго великая княгиня Александра Іосифовна держала во все время отъѣзда на рукахъ [159]).

„Отъѣздъ великаго князя Константина Николаевича изъ Варшавы“,—писалъ Карцевъ,—„совершился въ то время, когда Поляки, видя невозможность бороться бандами, перемѣнили способъ своихъ дѣйствій. Ихъ революціонная дѣятельность приняла характеръ убійствъ изъ-за угла, совершаемыхъ организованною партіею кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей“. Въ свитѣ ихъ высочествъ состояли: директоръ Дипломатической Канцеляріи въ Царствѣ Тонгоборскій, адъютантъ великаго князя капитанъ-лейтенантъ Арсеньевъ и одинъ изъ главныхъ представителей партіи маркиза Велёпольскаго комендантъ главной квартиры Вжеснювскій [160]).

13 сентября 1863 года, Еленевъ писалъ Погодину: „Вотъ что разсказываютъ глупые люди: желалъ великій князь Константинъ Николаевичъ ѣхать въ Крымъ, какъ всѣ туда ѣздятъ, по большой столбовой дорогѣ; но вотъ, Филаретъ будто бы сообщилъ, что готовится въ Москвѣ какая то демонстрація; тогда его высочество рѣшилъ избрать криволинейный путь. Вамъ лучше знать, что творится въ Москвѣ. Полагаю, однако, что если это не басня, то преподобный отецъ, въ своемъ усердіи къ мірскимъ властямъ, принялъ муху за слона. Какая возможна у насъ демонстрація безъ народа? Народъ глупъ и не понимаетъ, кто его друзья и кто враги, а затѣмъ остаются чиновники и офицеры“ [161]).

Въ Ливадіи состоялось окончательное увольненіе великаго князя Константина Николаевича отъ званія намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. „Призвавъ ваше императорское высочество“,—писалъ государь своему брату,—„въ прошедшемъ году къ управленію Царствомъ Польскимъ; въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротво-

ренія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія, на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу Польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленные высокою мыслью примиренія, ваше императорское высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ Имперіи, чтобы на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и Отечества. Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ моихъ Царства Польскаго,—что, какъ намѣренія мои, такъ и готовность ваша къ приведенію въ исполненіе моихъ предначертаній будутъ постигнуты, что, минутно увлеченные насиліемъ противъ Правительства, они поймутъ значеніе прибытія вашего въ Царство и, видя въ немъ залогъ попеченій моихъ о благѣ Польши и доказательство моего расположенія простить забужденія, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему монарху. Къ крайнему моему прискорбію, надежды мои не осуществились. Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на драгоцѣнную для меня жизнь вашу, ваше императорское высочество кровью запечатлѣли преданность ко мнѣ и Россіи. Не взирая на всѣ усилія ваши, учрежденія, дарованныя мною Царству Польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ назначенію, встрѣчая постоянно препятствія не въ доброй волѣ и стараніяхъ Правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ вашимъ въ Польшу, должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣрія къ закону, ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. Неусыпно и не щадя своего здоровья, ваше императорское высочество твердою волею старались осуществить мои благія для Царства Польскаго намѣренія. Соглашая постоянно ваши дѣйствія съ цѣлью вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользу службы Россіи и ввѣреннаго управленію вашему края, пренебрегая

ежеминутно личною опасностью, вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противупоставилъ величайшія затрудненія правильному дѣйствію закона. Но продолжающееся возмущеніе, тайные и преступные замыслы и возрастающая со всѣхъ сторонъ измѣна, убѣдили ваше императорское высочество въ несоотвѣтственности съ нынѣшнимъ состояніемъ края той мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей меня возложить на васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, мною Царству Польскому дарованныхъ. Народъ Польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія вашего императорскаго высочества моимъ намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній моихъ. Сознавая справедливость вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. Когда же, съ помощью Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ наконецъ, гласу закона и долга, подданные мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому нами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы Царству и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній, тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службѣ съ тою же ревностью и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказательства столь же отрадны были моему сердцу, сколь неограничены мои къ вамъ довѣріе и братская дружба и любовь. Молю Бога, дабы испрашиваемый вами отдыхъ, необходимый вашему императорскому высо-

честву, послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ ваше сердце, столь горячо любящее дорогое Отечество, сколь возможно скоро возстановилъ ваши силы. Да поможетъ намъ Богъ! Въ Его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо. *Искренно васъ любящій и благодарный* братъ Александръ“ [162]).

Первая редакція этого рескрипта, по волѣ государя, была изложена графомъ А. В. Адлербергомъ, но при просмотрѣ представленнаго къ подписи рескрипта, государь совершенно его измѣнилъ, оставя лишь вступительныя строки. Всѣ же существенныя строки рескрипта, государь изложилъ собственноручно [163]).

XLVIII.

На іюльскія депеши князя Горчакова, представители Австріи, Франціи и Англіи, въ половинѣ августа 1863 года, вручили ему отвѣты своихъ правительствъ.

„Друэнъ де-Люисъ“,—пишетъ Татищевъ,—„предвидя возможность либо отказа Россіи на требованія трехъ державъ, либо неудовлетворительнаго исхода задуманной конференціи, предложилъ дворамъ Лондонскому и Вѣнскому подписать протоколъ или конвенцію, коею они обязались бы дѣйствовать сообща въ Польскомъ вопросѣ и условиться о рѣшеніяхъ, которыя имъ предстояло бы принять въ случаяхъ недостаточности *путей убѣжденія* (des voies de la persuasion) для того, чтобы понудить Россію подчиниться ихъ требованіямъ. Лондонскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе, какъ не согласился и на приглашеніе Тюльерійскаго кабинета тождественною нотою отвѣчать на Русскія депеши. Все, что удалось достигнуть Французскому Правительству, было общее заключеніе трехъ отвѣтныхъ депешъ, гласящее: „Намъ остается исполнить настоятельный долгъ, обративъ серьезное вниманіе его сіятельства князя Горчакова на важность положенія и на отвѣтственность, которую оно возлагаетъ на Россію. Франція, Австрія и Велико-

британія указали на крайнюю необходимость положить конецъ прискорбному порядку вещей, полному опасности для Европы. Онѣ указали въ то же время на средства, къ которымъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы прибѣгнуть, дабы придти къ этой цѣли, и предложили свое содѣйствіе къ достиженію ея съ бóльшею вѣрностью. Если Россія не сдѣлаетъ всего, что отъ нея зависитъ, для осуществленія умѣренныхъ и примирительныхъ видовъ трехъ державъ, если она не вступитъ на путь, указанный ей дружественными совѣтами, то на нее падетъ отвѣтственность за важныя послѣдствія, которыя продолженіе смутъ можетъ повлечь за собою" [164]).

„Ноты, которыя я читалъ у князя Горчакова",—писалъ Тютчевъ,—„высокомѣрны, недоброжелательны, но въ нихъ не хватаетъ силы, онѣ выражаютъ только дурное расположеніе духа и разочарованіе. Отвѣтъ на нихъ будетъ краткимъ, вѣжливымъ; онъ будетъ ссылаться на предшествующія объясненія, не вступая въ споры, которые отнынѣ считаются исчерпанными" [165]).

П. М. Леонтьевъ писалъ къ Погодину: „Переводимъ во всѣ руки отвѣтныя депеши, доставленныя намъ княземъ Горчаковымъ" [166]).

Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 8 сентября 1863 года, записалъ: „Напечатаны ноты трехъ державъ и наши отвѣты, къ которымъ приложенъ особый меморандумъ. Какъ первыя пошлы, безцвѣтны и фальшивы, такъ наши отвѣты благородны, умны и дышатъ правдою. Меморандумъ особенно написанъ превосходно. Право, старая Европейская дипломатія блѣднѣетъ передъ нашею молодою. Да и то сказать, за насъ право и правда, за нихъ покушеніе къ насилію и ложь" [167]).

По поводу отвѣтовъ князя Горчакова, Катковъ писалъ: „Перечитывая депеши трехъ державъ, нельзя не подивиться тому, какъ быстро и рѣшительно измѣнилось въ Европѣ общественное мнѣніе по Польскому вопросу: съ небольшимъ мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти депеши, а между тѣмъ, ихъ теперь даже странно видѣть на страни-

цахъ журналовъ; такъ они устарѣли по своему тону, такъ онѣ похожи на историческій документъ, относящійся къ давнопрошедшему времени. Но еще удивительнѣе въ этихъ депешахъ коренное разногласіе между собой трехъ державъ, предпринявшихъ общую дипломатическую интервенцію. Это уже не дипломатическое нападеніе на Россію, дѣлаемое общими силами: пора согласія, хотя и прежде условнаго и двусмысленнаго, миновала. Теперь три державы, какъ бы другъ предъ другомъ, хлопочутъ о томъ, какъ бы осязательнѣе заявить предъ Россіей совершенное различіе своихъ взглядовъ... Французская депеша рѣзко отдѣляется отъ другихъ двухъ... Австрійская и Англійская, на первый взглядъ, кажутся очень сходными... Но наружность обманчива: по внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что даже и Австрія съ Англіей не могли сойтись въ самыхъ существенныхъ пунктахъ вопроса... Депеши и меморандумъ князя Горчакова должны непріятнѣе подѣйствовать въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, чѣмъ въ Лондонѣ. Всего болѣе испортятъ они крови въ Парижѣ. По всѣмъ пунктамъ, особенно интереснымъ для Французской политики, Россія даетъ рѣшительный отказъ. Всякій намекъ на Западныя губерніи исключается совершенно даже изъ дружескаго обмѣна мыслей. Въ отвѣтъ на указанія, относящіяся къ политической отдѣльности Царства, меморандумъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ, нѣсколько разъ употребляетъ, относительно Царства Польскаго, выраженіе: *административная автономія*, и этимъ устраняетъ всякіе виды на автономію политическую. Діалектика меморандума, побѣдоносно разбивающая каждое изъ лжетолкованій притязательной дипломатіи, производитъ на Русскаго читателя отрадное, ободряющее впечатлѣніе. Еще съ бо́льшею силою дѣйствуетъ на Русскаго человѣка рѣшительный, исполненный достоинства, тонъ; тонкость ума есть личное качество, но твердость воли, высказывающаяся въ дипломатическомъ актѣ той или другой страны, есть выраженіе ея могущества, есть свидѣтельство о національномъ духѣ дипломатіи, о ея вѣрѣ съ свой народъ. Вотъ почему рѣшительный тонъ депешъ князя Горчакова про-

изводитъ всеобщій восторгъ въ Россіи; вотъ гдѣ источникъ той безпримѣрной популярности, которою пользуется теперь имя нашего вице-канцлера во всѣхъ слояхъ Русскаго народа. Но всего выше и важнѣе политическая мудрость рѣшеній, истолкованныхъ княземъ Горчаковымъ,—мудрость, поставившая административную автономію Царства на мѣсто имѣвшейся прежде въ виду политической автономіи. Царство Польское можетъ сохранять свою вѣру, свой языкъ, свои обычаи, свои административные и судебные порядки, но малѣйшая политическая отдѣльность Царства отъ Имперіи, малѣйшій признакъ того, что Царство составляетъ особое государство, только находящееся подъ Русскимъ скиптромъ, повело бы къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ“ [168]).

13-го сентября 1863 года, Еленевъ писалъ Погодину: „Напрасно Катковъ рисуетъ наше настоящее въ такихъ розовыхъ краскахъ; дипломатическая перестрѣлка, хотя и оставила за нами поле сраженія, но въ сущности не имѣетъ никакого полновѣснаго значенія; зима пройдетъ, а Польша замирена не будетъ, ибо другого Муравьева не отъискивается, да и дѣло уже очень изгажено; а наши благопріятели не таковы, чтобы снесли щелчекъ по носу; они къ тому времени успѣютъ опять десять разъ снюхаться. Хуже всего, если мы опять станемъ на запятки къ Наполеону и ощетинимся противъ Австріи; эта близорукая и унизительная политика и создала наши теперешнія затрудненія, чѣмъ мы обязаны князю Горчакову, получающему теперь нѣжные адресы“.

Съ своей стороны, Куникъ, 11 октября 1863 года, писалъ Погодину: „Сегодня я получилъ отъ одного стараго друга (который съ Шмерлингомъ и Рехбергомъ и т. д. и т. д.) письмо, изъ котораго я вамъ выписываю буквально одно мѣсто. Мой другъ издавна отличался сильнымъ Австрійскимъ направленіемъ, противникъ Наполеона и Поляковъ, но всегда относился съ истиннымъ интересомъ къ Россіи. Онъ мнѣ это *не безъ намѣренія* написалъ, и я могу съ достовѣрностью предположить, что въ первыхъ десяти строкахъ онъ мнѣ сообщаетъ не свои

личныя мнѣнія, но убѣжденія и взгляды первыхъ государственныхъ мужей Австріи. Что онъ говоритъ о Горчаковѣ, то ему не нужно ставить въ вину".

Вотъ эта выписка: „Наполеонъ *хочетъ* весной начать войну и такъ себѣ это представляетъ: высадка въ Финляндіи, побѣда надъ Русскими въ сраженіи, организація Польши. Быстрый *миръ* съ Россіей. Польша дѣлается самостоятельной и имѣетъ своей союзницей Австрію. Австрію онъ хотѣлъ бы втянуть въ войну, случайно она должна разрѣшить проходъ шестидесяти тысячамъ Французовъ. Австрійское Правительство *не хочетъ войны* съ Россіей и Польскаго движенія не раздувало. Въ Петербургѣ думаютъ иначе, но ошибаются. Какъ я тебѣ пишу, такъ и есть. Но, конечно, смотря по обстоятельствамъ, Австрія обнажитъ мечъ, если ничего другого ей не останется для защиты чести. Поэтому, то, что говорятъ въ Россіи противъ Австріи, — ошибка. Главная же ошибка та, что переговоры велъ Горчаковъ. Онъ долженъ былъ удалиться, потому что вездѣ въ Германіи *его* считаютъ врагомъ Германіи" [169]).

„Дай Богъ, чтобы я ошибся",—читаемъ въ *Дневникѣ* Никитенко, подъ 26 сентября 1863 года,—„но мнѣ все еще кажется, что намъ не миновать войны. Война за Польшу задумана Наполеономъ уже во время Итальянской войны, а можетъ быть и раньше. Успѣхъ въ Италіи могъ только поощрить его въ этихъ планахъ, которые, какъ бы ихъ ни старались возвеличить приверженцы Имперіи, въ сущности не иное что, какъ кровавый эгоизмъ Наполеоновской династіи. Освободитель Италіи и Польши, организаторъ Мексики долженъ, безъ сомнѣнія, властвовать надъ Европою. Это та же завоевательная теорія Наполеона I, только въ другой формѣ. Отъ Наполеоновъ не будетъ покоя Европѣ, пока она не сокрушитъ ихъ въ конецъ. Нынѣшній Наполеонъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ и исполнителемъ замысловъ перваго. Онъ льститъ массамъ демократическими тенденціями, льститъ народностямъ покровительствомъ ихъ независимости, а между тѣмъ, становится страшнымъ деспотомъ всякаго образованнаго либерализма. Онъ

считаетъ себя избраннымъ орудіемъ для совершенія революцій соціальными реформами, которыя какимъ-то чудеснымъ образомъ должны произойти отъ него и черезъ него". Въ другомъ мѣстѣ своего *Дневника* (28-го сентября), Никитенко писалъ: „Разговоръ съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Онъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Горчакову и ко Двору. Прежде онъ вполнѣ раздѣлялъ мои опасенія о войнѣ. Теперь онъ ихъ больше не раздѣляетъ, полагая, что Наполеонъ не начнетъ войны безъ Англіи, а Англія къ ней не расположена. Потомъ я спросилъ его, какое положеніе Австрія принимаетъ въ отношеніи къ намъ? Она, разумѣется, не выражаетъ никакихъ опредѣленныхъ видовъ. Она боится Россіи, но не хочетъ отстать и отъ Запада; боится также Франціи. А Пруссія? Пруссія тяготѣетъ къ намъ, это натурально. Но настоящее правленіе въ ней тоже пока не даетъ никакого ключа къ будущему. Германское единство, можетъ быть, великая идея, а можетъ быть и пустая фантазія. Но я все-таки еще не спокоенъ насчетъ войны. Наполеонъ можетъ ринуться на насъ съ Италіей и еще съ кѣмъ нибудь. Можетъ быть, этого добивается Англія, *по дружбѣ* своей къ Наполеону. Какъ бы то ни было, а намъ не слѣдуетъ, считая войну невозможною, вслѣдствіе этого опять, какъ говорится, спустить рукава" [170]).

XLIX.

„Предъ столь ясно сколько и твердо выраженною волею Русскаго царя склонились три великія державы Западныя. Умолкли столь громко раздававшіеся въ пользу Поляковъ голоса Англійскихъ и Австрійскихъ министровъ" [171]).

Сами Поляки свидѣтельствовали, что „къ началу осени 1863 года, Австрійскія власти стали строго относиться ко всему, что имѣло прикосновеніе къ возстанію. Многіе дѣятели были арестованы. Станиславъ Козьминъ подвергся трехмѣсячному тюремному заключенію за свои статьи въ *Часѣ*, по обвиненію въ государственной измѣнѣ". Французскій министръ Иностран-

ныхъ Дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ послалъ своимъ заграничнымъ агентамъ циркуляръ, въ которомъ было сказано, что „Франція отказывается впредь отъ всякой иниціативы по Польскому вопросу“. Лордъ Россель послалъ къ Англійскому посланнику въ Петербургѣ заключительную депешу по Польскому вопросу, съ заявленіемъ, „что Лондонскій кабинетъ вполнѣ удовлетворенъ добрыми намѣреніями императора по отношенію къ Полякамъ“. Самъ Наполеонъ, въ рѣчи своей при открытіи Законодательнаго Засѣданія, „высказался въ пользу конгресса по Польскому дѣлу“. Польское дѣло,—говорилъ Наполеонъ, „требуетъ долгаго обсужденія. Когда въ Польшѣ возникло возстаніе, Правительства Русское и Французское были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Со времени заключенія Парижскаго мира они были согласны по всѣмъ Европейскимъ вопросамъ, и я, не колеблясь, говорю, что во время присоединенія Ниццы и Савои, императоръ Александръ искренно и сердечно мнѣ помогалъ. Это доброе согласіе требовало большой осмотрительности, и только глубоко убѣдившись, что Польскій вопросъ крайне популяренъ во Франціи, я рѣшился подвергнуть опасности первѣйшій союзъ на материкѣ и заговорить въ пользу народа, который Россія считаетъ возмутившимся, а мы—наслѣдникомъ историческихъ и обезпеченныхъ трактатами правъ. Вопросъ этотъ безспорно затрагиваетъ обще-Европейскіе интересы,—Франція не можетъ имъ заняться изолированно. Только оскорбленіе нашей чести и нападеніе на наши границы обязываютъ насъ дѣйствовать безъ всякаго соглашенія съ другими державами. Выяснилась поэтому необходимость, чтобы мы, какъ это было во время событій на Востокѣ и въ Сиріи, пришли къ соглашенію съ другими державами, которыя наравнѣ съ нами имѣли поводъ и право высказывать свое мнѣніе. Польское возстаніе, продолжительность котораго придала ему народный характеръ, возбудило всѣ симпатіи. Цѣль дипломатіи заключалась въ томъ, чтобы вызвать благосклонное отношеніе къ этому дѣлу и произвести на Россію давленіе всею тяжестью Европейскаго мнѣнія. Это единомышленное почти воздѣйствіе представлялось намъ

самымъ подходящимъ средствомъ, чтобы убѣдительно повліять на Петербургскій кабинетъ. Къ несчастію, наши безкорыстные совѣты были истолкованы какъ средство къ запугиванію, и мѣры, предпринятыя Англіей, Австріей и Франціей, вмѣсто того, чтобы положить конецъ борьбѣ, растравили ее еще больше. Что же остается дѣлать? Развѣ мы скованы альтернативой или война, или полное молчаніе? Нѣтъ. Между войной и замалчиваніемъ дѣла есть середина, а именно: предложеніе Польскаго дѣла Европѣ на обсужденіе... Трактаты 1815 года прекратили свое существованіе... Россія попрала ихъ въ Варшавѣ... Два пути открыты: одинъ ведетъ къ прогрессу черезъ согласіе и миръ; второй, къ несчастію, ведетъ къ войнѣ вслѣдствіе упорнаго поддерживанія разрушающагося прошлаго" [172]).

Въ концѣ октября 1863 года, Наполеонъ обратился ко всѣмъ государямъ, созывая ихъ на общій конгрессъ въ Парижъ, для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, направленныхъ къ умиротворенію Европы, другими словами, для пересмотра постановленій Вѣнскаго конгресса и согласованія ихъ съ перемѣнами, происшедшими во взаимномъ положеніи Европейскихъ государствъ [173]). На такое приглашеніе послѣдовалъ изъ Царскаго Села (6-го ноября 1863) слѣдующій отвѣтъ императора Александра II: „Государь, братъ мой! Заявляя о тревожномъ состояніи Европы и пользѣ соглашенія между государями, ваше величество высказали мысль, которая постоянно занимала меня. Я не только видѣлъ въ ней предметъ желанія, но и находилъ въ ней правило для моего образа дѣйствій. Всѣ дѣла моего царствованія свидѣтельствуютъ о желаніи моемъ замѣнить вооруженный миръ, такъ тяжко обременяющій нынѣ народы, отношеніями, основанными на взаимномъ довѣріи и согласіи. Какъ только оказалось возможнымъ, я приступилъ къ значительному сокращенію моихъ военныхъ силъ; въ продолженіе шести лѣтъ Имперія моя была свободна отъ рекрутской повинности, и я предпринялъ важныя реформы, которыя служатъ залогомъ прогрессивнаго развитія внутри и мирной политики во внѣшнихъ дѣлахъ. Только въ виду случайностей, которыя могли угрожать

безопасности и даже цѣлости моихъ владѣній, я вынужденъ былъ уклониться отъ этого пути. Живѣйшее желаніе мое возвратиться на этотъ путь и избавить народонаселеніе моей Имперіи отъ пожертвованій, на которыя они готовы по любви къ Отечеству, но отъ которыхъ страдаетъ ихъ благосостояніе. Минуту эту скорѣе всего можетъ приблизить замиреніе вопросовъ, волнующихъ Европу. Опытъ свидѣтельствуетъ, что истинныя условія всеобщаго спокойствія не заключаются ни въ невозможной неподвижности, ни въ непрочныхъ политическихъ комбинаціяхъ, которыя каждымъ новымъ поколѣніемъ отмѣнялись бы и передѣлывались бы подъ вліяніемъ страстей и интересовъ минуты; условія эти заключаются въ практической мудрости, которая обязываетъ каждаго къ уваженію установленныхъ правъ, и призываетъ всѣхъ къ соглашеніямъ необходимымъ для примиренія Исторіи, какъ неистребимаго наслѣдія, завѣщаннаго прошедшимъ, этимъ закономъ настоящаго и будущаго. При этихъ условіяхъ, чистосердечное соглашеніе между государями мнѣ всегда казалось желательнымъ. Я былъ бы радъ, еслибы предложеніе, сдѣланное вашимъ величествомъ, повело къ его осуществленію. Но состояться на самомъ дѣлѣ оно могло бы лишь при согласіи другихъ державъ, а для достиженія этого результата я считаю необходимымъ, чтобы ваше величество точно обозначили вопросы, которые, по вашему мнѣнію, должны сдѣлаться предметомъ соглашенія, и основанія, на которыхъ это соглашеніе могло бы установиться. Во всякомъ случаѣ, я могу увѣрить ваше величество, что цѣль, которую вы имѣете въ виду,—достигнуть безъ потрясеній умиротвореиія Европы,—всегда встрѣтитъ во мнѣ самое живое сочувствіе. Пользуясь этимъ случаемъ, чтобы повторить вашему величеству увѣренія въ чувствахъ высокаго уваженія и искренней дружбы, съ которыми пребываю, государь, братъ мой, вашего величества, добрый братъ“ [174]).

Конгрессъ государей въ Парижѣ, на созваніе котораго Россія выразила свое хотя и условное согласіе, не состоялся вслѣдствіе упорнаго отказа Англіи принять въ немъ участіе [175]).

„Этотъ отказъ“, —замѣчаетъ Козьминъ,—„былъ послѣднимъ пораженіемъ Наполеона III-го въ попыткѣ уладить Польскій вопросъ и первымъ ударомъ, нанесеннымъ его обаянію и вліянію. Принципъ народности присвоилъ себѣ Бисмаркъ и имъ же уничтожилъ Наполеона III-го. Польское возстаніе дало толчокъ паденію Французскаго могущества, возвеличенію Германіи и пробужденію народнаго духа Россіи“.

Между тѣмъ, по сознанію самихъ же Поляковъ, къ осени 1863 года, положеніе Царства Польскаго было по истинѣ плачевное. Страна страдала отъ народнаго правительства и мятежныхъ отрядовъ, съ одной стороны, и Русскихъ властей и Русскихъ войскъ, — съ другой. Отвратительнымъ явленіемъ этого времени были жандармы-вѣшатели. Возстаніе уже подавало слабые признаки жизни“!...

L.

Съ вступленіемъ графа Θедора Θедоровича Берга въ должность намѣстника Царства Польскаго, начинается крутой переворотъ въ судьбахъ Царства.

По свидѣтельству П. П. Карцова: „Дѣятельность и проворство графа Берга были изумительны. Съ 7-ми часовъ утра, онъ принималъ доклады; при этомъ онъ еще находилъ время почти ежедневно своеручно писать государю, производить смотры, присутствовать на праздникахъ полковъ, объѣзжать городъ и лагери, посѣщать различныя заведенія, принимать и отдавать визиты, изрѣдка обѣдать въ Русскомъ клубѣ, появляться на гуляньяхъ, часто бывать въ театрѣ, совершать прогулки верхомъ. Ходилъ онъ такъ быстро, что сопровождавшіе его, даже молодые люди, едва успѣвали за нимъ. Если бы побольше правдивости и поменьше эгоизма и сноровокъ, то графъ Бергъ могъ бы принести громадную пользу. Обладая быстрымъ, находчивымъ умомъ и необычайною энергіею, имѣя за собою опытность пятидесятилѣтней, крайне разнообразной дѣятельности, съ задатками замѣчательной силы воли, онъ

представлялъ собою одну изъ выдающихся личностей царствованія императора Александра II. Нужно принять во вниманіе, что графъ Бергъ вступилъ въ управленіе краемъ среди полной неурядицы, порожденной возстаніемъ. Что касается командованія и управленія войсками, то графъ Бергъ обладалъ всѣми качествами главнокомандующаго. Не вдаваясь въ мелочи, онъ все касающееся военнаго быта понималъ практически, принималъ близко къ сердцу, умѣлъ отличать знаніе и усердіе, зналъ и любилъ солдата“ [176]).

Между тѣмъ, ржондъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы поддержать потухавшее пламя возстанія. Исполнители его велѣній жандармы-вѣшатели и кинжальщики совершали убійство за убійствомъ. Наконецъ, покусились на жизнь и самого графа Берга.

8-го сентября 1863 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Получена изъ Варшавы телеграмма, сообщающая, что во время проѣзда по какой-то улицѣ Берга, подъ его карету брошена начиненная порохомъ граната, при разрывѣ которой убито и ранено восемь казаковъ“.

Въ томъ же *Дневникѣ*, подъ 12 сентября, читаемъ: „Новыя свѣдѣнія изъ Варшавы сообщаютъ, что Бергъ не раненъ и что казаки не убиты, но двое или трое ранены и лошади также. Тамъ, впрочемъ, начинаютъ принимать энергическія мѣры для прекращенія убійствъ и подавленія революціи“ [177]).

Послѣ этого событія,—замѣчаетъ Карцовъ,—„Бергъ круто измѣнилъ систему дѣйствій противъ мятежниковъ. Всѣ пойманные и уличенные въ намѣреніи совершить убійство были одновременно повѣшены, въ числѣ семерыхъ, на различныхъ площадяхъ Варшавы; въ слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммисіяхъ энергически принялись за раскрытіе преступленій; начальникамъ военныхъ отдѣловъ въ губерніяхъ приказано, за малѣйшее нарушеніе правилъ военнаго положенія, накладывать чувствительные денежные штрафы. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что уличныя убійства прекратились, бандъ больше не было, исчезли жандармы-вѣшатели и все, по край-

ней мѣрѣ по наружности, приняло покорный властямъ порядокъ“ [178]).

Въ это время Куникъ писалъ Погодину: „Мы, здѣсь, конечно, всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ окончанія Польскихъ безпорядковъ. Въ интересахъ Поляковъ, для которыхъ здѣсь вопросъ жизни или смерти, нужно желать, чтобы эти безпорядки какъ можно скорѣй окончились. Хотя Бергъ выказываетъ энергію, но конфискаціи домовъ касаются только нѣкоторыхъ, и поэтому оказываются жестокими. Только денежные штрафы могутъ устранить недостатокъ уваженія передъ властью“ [179]).

„Подъ страхомъ денежныхъ штрафовъ“, — пишетъ Татищевъ, — „женщины сняли трауръ и облеклись въ цвѣтные наряды“. Дѣйствія слѣдственныхъ коммиссій „объединились учрежденіемъ Центральнаго Военно-Полицейскаго Управленія, подъ главнымъ начальствомъ Ѳедора Ѳедоровича Трепова, возведеннаго въ званіе генералъ-полиціймейстера въ Царствѣ Польскомъ“ [180]).

Подъ 2 декабря 1863 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вчера поутру былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ и подтвердилъ извѣстіе, что недалеко отъ Варшавы, на желѣзной дорогѣ, Треповъ накрылъ четырнадцать человѣкъ главнаго революціоннаго правленія“ [181]).

Вслѣдъ за симъ открытъ *народовый ржондъ* и задержаны его дѣятельнѣйшіе члены. Тѣ изъ нихъ, что избѣгли ареста, скрылись заграницу, и съ того времени подпольный комитетъ уже болѣе не возстановлялся [182]).

Между тѣмъ, Н. И. Любимовъ мрачно взиралъ на событія, происходившія въ Царствѣ Польскомъ.

Вотъ что, 29 ноября 1863 г., писалъ онъ Погодину: „о Варшавѣ нельзя безъ нѣкотораго прискорбія говорить и думать. Какъ бы и тамъ легко теперь было положить *совершенный конецъ бунту*, если бы въ Варшавѣ былъ человѣкъ *съ головою*, въ родѣ Муравьева. Но распоряженія, даже весьма похвальныя, но дѣлаемыя безъ обдуманнаго плана, безъ системы и постоянства, *не достигаютъ своей цѣли*, — и мы ви-

димъ, что хотя уже времена Константина Николаевича, къ счастію, миновали, но все что то не такъ идетъ, какъ бы слѣдовало, и мятежъ если не разгорается, то все тлѣетъ и готовъ при первомъ удобномъ случаѣ вспыхнуть и вообще далеко не подавленъ. А отъ чего? именно отъ этихъ важныхъ недостатковъ въ главномъ начальникѣ, который даже не сумѣлъ повытурить тѣхъ начальствующихъ лицъ, которые уже заклеймили себя позорными дѣйствіями, или позорною глупостію... Господи, прости намъ прегрѣшенія наши и не отврати лица Твоего отъ насъ! Не вѣмы что творимъ... При такихъ начальникахъ, какъ Анненковъ, и даже Бергъ, конечно и къ веснѣ дѣло еще не будетъ кончено, при всѣхъ теперешнихъ, *столь благопріятныхъ въ политическомъ отношеніи обстоятельствахъ*. А тамъ, чего добраго,—карты могутъ перемѣниться,—и опять снова да здорова,—принимайся за ту же Пенелопову работу,—и натягивай, истощай всѣ жизненныя силы Россіи. Какое еще для насъ благополучіе, что *печать сдѣлалась посвободнѣе*, и что нельзя ужъ творить все въ *потемкахъ* и *въ тихомолку какъ бывало*, а многое, если не все, можетъ уже быть выведено на чистѣйшую воду. *Гласность*, въ настоящее время, сотворила великое дѣло, *огромную услугу Отечеству*,—и вопросъ о ней теперь, во всѣхъ нетупыхъ головахъ, уже *рѣшеный навѣки вѣковъ*: безъ нея *гибель*, съ ней—*надежда и на спасеніе, и на всякія улучшенія*. Но, разумѣется, надобно чтобы печать была въ благоразумныхъ границахъ"...

Отправляя Погодину и Каткову письмо изъ Ломжи, Любимовъ писалъ: „*Людямъ проясняющимъ и направляющимъ общественное мнѣніе, подобаетъ все знать и вѣдать*. Прочитавши это письмо изъ Ломжи, еще болѣе становится *яснымъ какъ день*, что въ этихъ Польскихъ дѣлахъ все зависитъ отъ одного и единственнаго: *отъ человѣка*,—*отъ начальника*. Всѣ элементы такъ расположены въ нашу пользу, что лишь только въ какомъ бы то ни было мѣстѣ,—въ самомъ даже мятежномъ,—вмѣсто *тряпки*—начальника, или начальника—*преда-*

теля, появится человѣкъ и мало-мальски съ головою, то сейчасъ же все принимаетъ желаемый видъ, желаемое направленіе.—Какъ бы этого не понять, не расчухать нашимъ здѣсь головамъ! Тутъ ненужно ни придумывать особенныхъ мѣръ, ни вдаваться въ глубокія соображенія, ненужно пока ни надъ чѣмъ ломать себѣ голову, а только выбирай и назначай *людей*, *живыхъ людей*, а не куколъ, или *слабосерей*, какъ на посмѣшище и на пагубу самимъ себѣ и на позоръ. Когда же мятежъ будетъ укрощенъ и мятежническій духъ совершенно подавленъ,—тогда и думай и пиши себѣ, придумывай разныя мѣры, сочиняй законы и дѣйствуй тогда на основаніяхъ закона.—Великая ошибка со стороны многихъ нашихъ господъ, слывущихъ даже *умниками*, что они *слишкомъ помѣшаны на законности*, не видятъ, что Польша въ исключительномъ теперь положеніи, даже въ *военномъ*,—что тамъ *пожаръ*,—что прежде всего надо утушить этотъ пожаръ, а потомъ уже думать о всякой регулярности. Это понимаетъ даже простой мужикъ съ здравымъ смысломъ... Странный,—до крайности странный бываетъ складъ ума въ людяхъ, и это всего чаще замѣтно въ индивидуумахъ нашего молодого поколѣнія. Что̀ за взгляды на самыя, повидимому, простыя вещи!—Я думаю, тутъ виною наше дурацкое воспитаніе, развивающее насъ какъ-то неестественно, подавляющее природный въ насъ смыслъ, или извращающее его и дающее вообще какое-то *прививное* образованіе, приносящее большею частію самые уродливые плоды.—Видите, куда я заѣхалъ! *Началъ за здравіе, а кончилъ за упокой*" [183]).

LI.

По истребленіи почти всѣхъ шаекъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, одна только шайка, въ Ковенской губерніи, ксендза Мацкевича, постоянно ускользала.

По свидѣтельству А. Н. Мосолова, „молодой ксендзъ Мацкевичъ, съ необычайною энергіею, обладавшій замѣчательнымъ умѣніемъ вести партизанскую войну, до ноября 1863 г., дер-

жалъ въ какомъ то напряженномъ состоянiи всю Жмудь. Въ ноябрѣ онъ былъ совершенно разбитъ и даже предполагали что онъ убитъ, но, въ декабрѣ, онъ снова гдѣ то появился; но вскорѣ затѣмъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, лишенный продовольствiя и крова, Мацкевичъ съ кассиромъ своимъ Родовичемъ, адъютантомъ Дартузи и нѣсколькими сообщниками, пробирался къ Нѣману, чтобы, переплывъ его, удалиться въ Прусскую Землю. Невдалекѣ отъ Нѣмана, нообѣдавъ у какого то лѣсника, всѣ эти мятежники разбрелись по одиночкѣ въ разныя стороны, чтобы удобнѣе укрыться, тѣмъ болѣе, что во время послѣдняго странствованiя имъ приходилось метаться по лѣсамъ изъ стороны въ сторону отъ появлявшихся разъѣздовъ и небольшихъ пѣшихъ отрядовъ. Ксендзъ Мацкевичъ, изнуренный, приблизился къ Нѣману и въ лѣсной чащѣ, надъ крутизною берега, легъ подъ деревомъ. Въ такомъ положенiи засталъ его отрядъ штабсъ-капитана Озерковскаго, производившiй въ лѣсу обыскъ. Отрядъ совсѣмъ было прошелъ то мѣсто, гдѣ скрывался Мацкевичъ,—какъ вдругъ унтеръ-офицеръ указалъ Озерковскому на что то темное подъ кустомъ. Офицеръ стремглавъ бросился на Мацкевича и надо было много усилiй, чтобы воздержать солдатъ, готовыхъ растерзать мятежника. „Я ксендзъ Мацкевичъ“, простоналъ онъ, — и это ихъ остановило. Такъ всѣ были поражены этимъ именемъ. Мацкевича доставили къ вечеру въ Ковно. Въ Вильну дано было знать объ этомъ по телеграфу, и оттуда послѣдовалъ приказъ судить его въ сорокъ восемь часовъ. Мацкевичъ изъ тюрьмы писалъ письма военному начальнику, губернатору и начальнику края; въ нихъ онъ излагалъ свои взгляды и умолялъ о помилованiи, обѣщая быть человѣкомъ полезнымъ. Найденные при немъ часы, деньги, пистолетъ и иныя цѣнныя вещи были раздѣлены между солдатами отряда, его схватившаго. Мацкевичъ бодро шелъ на казнь... Ковенскiй губернаторъ Николай Михайловичъ Муравьевъ устроилъ у себя свиданiе схваченнаго ксендза Мацкевича съ его отцемъ, простымъ крестьяниномъ-однодворцемъ. Когда старикъ бросился къ сыну, упрекая его

въ томъ, что онъ не послѣдовалъ его совѣтамъ, а увлекся совѣтами неразумныхъ мятежниковъ, губящихъ народъ и костелъ, сынъ остановилъ распростертыя объятія отца, сказавъ: „Старикъ, ты знаешь ниву и посѣвъ на ней, ты знаешь мирный плугъ, коимъ рыхлется земля, но тебѣ не данъ мечъ духовный, врученный мнѣ главою костела, для защиты его всѣми и всяческими средствами“.

„Съ казнью ксендза Мацкевича“,—повѣствуетъ Муравьевъ,— въ Ковенской губерніи почти повсемѣстно прекратился мятежъ, остались только незначительныя бродячія шайки, которыя и были въ скоромъ времени уничтожены. Въ Гродненской губерніи также все затихло и мятежъ, въ концѣ 1863 года, былъ прекращенъ. Въ Минской, хотя и не было новыхъ наружныхъ проявленій мятежа, но зародышъ онаго оставался нетронутымъ, по безсмысленности тамошняго управленія, а въ особенности губернатора, хотя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 года, тамошнее дворянство составило также адресъ, и сильнѣе, нежели другіе, выражало свои вѣрноподданническія чувства“.

Въ ноябрѣ 1863 года, военныя дѣйствія почти повсемѣстно прекратились. Къ тому же времени уменьшились повсемѣстно и аресты и „усиленно только дѣйствовали на мѣстахъ военносудныя и слѣдственныя коммиссіи, для скорѣйшаго очищенія тюремъ, наполненныхъ лицами, участвовавшими въ мятежѣ“.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, Муравьевъ писалъ: „Благодаря Богу, полный успѣхъ увѣнчалъ начатое дѣло, исполненное по указаніямъ вашего императорскаго величества. Доблестныя войска арміи и въ особенности, смѣю сказать, безпримѣрная въ усердіи, мужествѣ и самоотверженіи гвардія вашего императорскаго величества могутъ засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что ничто не можетъ устоять предъ Русскимъ народомъ, когда онъ движется истинною преданностью своему государю и Отечеству и направляется религіознымъ побужденіемъ возстановленія и утвержденія Православія и своей народности. Польское дѣло было проиграно, какъ скоро Русскіе восчувствовали свое могущество, такъ что мя-

тежъ былъ укрощенъ не однѣми только матеріальными силами, но и моральнымъ сочувствіемъ Россіи, которая вступилась за край, едва нами не потерянный. Мы лишились бы его непремѣнно по собственнымъ нашимъ ошибкамъ и заблужденію; мы сами называли его Польскимъ; сами допустили до латинства, столь враждебнаго намъ, по своей пропагандѣ. Россія заговорила, — и Европа умолкла, увидѣвъ успѣхи скораго подавленія мятежа въ Литвѣ".

Да и самъ Валуевъ писалъ Тройницкому: „Я поблѣднѣлъ отъ испуга, прочитавъ, что вы признаете большинство *сельскаго населенія* въ четырехъ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ *Польскимъ племенемъ*. Что бы было съ нами, если бы это сорвавшееся съ вашего пера выраженіе попало въ печать!!!... *Польскимъ* племенемъ, кромѣ помѣщиковъ и части горожанъ, мы никого тамъ признавать не можемъ".

„Тѣмъ временемъ",—замѣчаетъ Мосоловъ,—„Европа пріумолкла, Западная пресса не столь сильно громила Россію; эмигранты были въ отчаяніи, система дѣйствій Виленскаго генералъ-губернатора вводились и въ Варшавѣ и приносила плоды, хотя и съ бо́льшими усиліями и жертвами".

„Надѣюсь", — писалъ Муравьевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ,—„что тѣ, которымъ вашему императорскому величеству благоугодно будетъ поручить управленіе краемъ, не отступятъ отъ принятыхъ началъ и довершатъ окончательное утвержденіе крестьянской собственности и водворятъ на прочномъ основаніи начало Русской народности и Православія. Я говорю — Русской народности и Православія потому, что все дѣло наиболѣе заключается въ сельскомъ населеніи, которое въ душѣ Русское, но было загнано и забито. Паны называли его быдломъ. Мировыя же учрежденія, составленныя нынѣ изъ Русскихъ, возвысили въ народѣ Русскій духъ, ввели, съ содѣйствіемъ мѣстнаго учебнаго управленія, Русскія школы, Русскую грамотность, и Русская родная рѣчь всюду утверждена среди населенія, которое еще такъ недавно думало, что

на вѣки уже порабощено Поляками и должно забыть святую свою вѣру и родное слово“.

Въ концѣ ноября 1863 года, А. Н. Мосоловъ посѣтилъ Петербургъ и о тамошнемъ настроеніи свидѣтельствуетъ: „Въ Петербургѣ въ то время еще интересовались Польскимъ вопросомъ и положеніемъ Западныхъ губерній, но такъ какъ опасность уже миновала, страхъ прошелъ, то многіе, не двинувшіеся для отвращенія ея съ мѣста, уже прехладнокровно осуждали дѣятельность генерала Муравьева, какъ утратившую свое прямое назначеніе съ усмиреніемъ мятежа; нѣкоторые, впрочемъ не многіе, поговаривали даже снова о примиреніи. Большею частью въ Петербургѣ не понимали, или забывали, что въ томъ краѣ не столько страшенъ былъ мятежъ, какъ Польская пропаганда, проникшая во всѣ щели и грозящая нескончаемыми, періодическими смутами. Пропаганда эта состояла въ неуваженіи всякой Русской власти, въ презрѣніи къ Русскому языку, къ Литературѣ и Наукѣ, въ подавленіи среди крестьянскаго населенія всѣхъ коренныхъ его Русскихъ началъ и въ непримѣтномъ ополяченіи массъ. Безъ сомнѣнія, и обрусѣніе края могло бы совершиться только съ такимъ же постоянствомъ и настойчивостью, при содѣйствіи всѣхъ правительственныхъ органовъ въ стремленіи къ этой цѣли въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ; но намъ предстояло открыть еще путь къ обрусѣнію, т.-е. сдѣлать его возможнымъ. Всѣ мѣры, принимаемыя начальникомъ края въ этомъ отношеніи, были чисто реактивныя; но и всякое государство неминуемо къ нимъ прибѣгло бы въ подобномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, воспрещеніе говорить по-Польски въ присутственныхъ мѣстахъ и публичныхъ собраніяхъ, уничтоженіе Польскихъ мѣръ и вѣсовъ (воспрещенныхъ и закономъ), снятіе Польскихъ вывѣсокъ и т. п. Все это какъ ни странно само по себѣ — было въ высшей степени необходимо, если вникнуть въ дѣло. Еще незадолго передъ тѣмъ русскій, приходившій по своему дѣлу въ присутственныя мѣста Западнаго края и обращавшійся съ вопросомъ на родномъ своемъ языкѣ, встрѣчалъ, вмѣсто отвѣта,

взгляды удивленія и недовѣрія и никто его не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, между тѣмъ, съ изданіемъ этихъ воспрещеній, всѣ Польскіе чиновники, по бо́льшей части воспитанники гимназій, заговорили отлично по-Русски".

Въ то же время оживилась и общественная жизнь въ Вильнѣ. Къ осени пріѣхало остальное семейство Муравьева. „Многіе изъ служащихъ",—писалъ Мосоловъ,—„выписали тоже своихъ женъ и дочерей, ко многимъ стали пріѣзжать знакомые, и пошли гулянья и пикники. Въ загородныхъ домахъ устраивали завтраки, а послѣ того танцовали до вечера; вообще Вильна въ то время оживилась; театръ былъ въ полномъ ходу. Генералъ-губернаторъ, понимая всю важность общественныхъ зрѣлищъ, съ самаго начала обратилъ на нихъ серьезное вниманіе; при открытіи театра на немъ играли лишь Польскіе пьесы—и только иногда, въ концѣ представленія, давали плохенькій водевильчикъ, или неважную сцену, въ родѣ: *Запечатанный Ицка*, да и актеры, изъ коихъ многіе отличались истиннымъ талантомъ, были всѣ Поляки; но въ скоромъ времени мало-по-малу Русскія пьесы на Виленскомъ театрѣ стали появляться все чаще и къ ядру Польскаго состава труппы стали прибавляться Русскіе наѣзжіе актеры; Польскіе же актеры окончательно выучились говорить по-Русски, и театръ сдѣлался такъ хорошъ, что многія Русскія пьесы разыгрываемы даже не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ".

По усмиреніи мятежа, Вильну стали посѣщать разные туристы-Англичане: „первый изъ нихъ Дей, прибылъ еще въ концѣ іюля; но такъ какъ онъ не зналъ ни по-Русски, ни по-Французски, то его мало замѣтили; между тѣмъ, онъ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и напечаталъ рядъ замѣчательныхъ статей по Польскому вопросу, которыя были переведены въ то время на Русскій языкъ и обратили на себя общее вниманіе. Англичанинъ подробно описалъ генерала Муравьева, отдавая справедливость всѣмъ его мѣрамъ и даже нѣсколько восторгался его умомъ и энергіей. Дей этимъ не удовольство-

вался и пріѣхалъ еще разъ черезъ годъ, когда о немъ ужъ забыли, и сталъ настойчиво требовать разныхъ данныхъ для книги, которую онъ составлялъ, просилъ дать ему выписку изъ дѣла о кинжальщикахъ и предъявилъ другія требованія. Генералъ-губернаторъ принялъ его очень ласково, приказалъ снова показать ему всѣ тюрьмы, пріюты, окрестности и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ отстранилъ весьма искусно и его притязанія.

Вслѣдъ за Деемъ пріѣхалъ болѣе серьезный посѣтитель, нѣкто О'Брейнъ, съ товарищемъ, въ родѣ секретаря. О'Брейнъ отличался высшимъ образованіемъ, имѣлъ какое-то оффиціальное положеніе и довольно хорошо говорилъ по-Французски; приглашенный къ обѣду къ начальнику края, онъ вообще остался въ восторгѣ отъ его пріема; ему также былъ открытъ доступъ во всѣ тюрьмы, онъ посѣтилъ и Слѣдственную Коммиссію, и ему разрѣшено было присутствовать при допросахъ".

Въ спутники этимъ господамъ, Муравьевъ обыкновенно назначалъ Мосолова.

О'Брайнъ тоже написалъ нѣсколько статей о Вильнѣ и Варшавѣ, „отличавшихся впрочемъ бо́льшею сдержанностью, чѣмъ сочиненія Дея".

LII.

При самомъ вступленіи своемъ въ управленіе Сѣверозападнымъ краемъ, Муравьевъ обратилъ особое вниманіе на церковное благолѣпіе и на положеніе Православнаго духовенства.

„Часъ обновленія пробилъ", — писалъ Никотинъ, — „недалеко уже то вожделѣнное время, когда на чистой лазури, главы храмовъ святыхъ, бѣлокаменныхъ, золотыми крестами засвѣтятся, когда благовѣстъ колоколовъ Русскихъ разольется по Литовско-Русской Землѣ, какъ бывало встарь, и, слившись во-едино съ гуломъ колоколовъ Царства Русскаго, возвѣститъ народу Православному миръ, тишину, благоденствіе" [184]).

Самъ Муравьевъ писалъ митрополиту Литовскому и Виленскому Іосифу:

„Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

Въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ, я имѣлъ счастіе испрашивать соизволеніе государя императора употребить до 80,000 р. с. изъ суммъ 10% сбора съ доходовъ помѣщичьихъ имѣній на сооруженіе въ Виленскомъ каѳедральномъ соборѣ новаго иконостаса, который соотвѣтствовалъ бы тому великолѣпію, какимъ должно быть окружено богослуженіе въ первостепенномъ Православномъ храмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для позднѣйшихъ временъ памятью явной Божіей благодати, споспѣшествовавшей храбрымъ войскамъ нашимъ къ скорому и успѣшному подавленію мятежа въ здѣшнемъ краѣ.

Нынѣ министръ Финансовъ увѣдомилъ меня, что его величеству благоугодно было удостоить ходатайство мое всемилостивѣйшаго разрѣшенія.

Независимо отъ того, предположено мною, на счетъ суммы, образовавшейся изъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ городскихъ обществъ и простирающейся нынѣ свыше 20 т. р. с., возвести на здѣшней Николаевской площади каменную часовню, въ воспоминаніе доблестныхъ подвиговъ нашихъ воиновъ, и для поминовенія въ ней тѣхъ изъ нихъ, которые пали на полѣ брани, защищая права Россіи и законнаго Правительства противъ мятежа и крамолы.

Почитая долгомъ сообщить вашему высокопреосвященству, какъ о высочайшемъ соизволеніи на устройство иконостаса, такъ равно и предположеніи моемъ насчетъ воздвиженія часовни, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь увѣдомить, что мною приглашенъ изъ С.-Петербурга извѣстный своею опытностью и искусствомъ академикъ, статскій совѣтникъ Резановъ, для сообщенія главной идеи проекта иконостаса и часовни. По изготовленіи проекта, я не премину препроводить оный на усмотрѣніе вашего высокопреосвященства.

При семъ случаѣ приношу вамъ душевную мою благодарность за лестное для меня письмо ваше 15-го августа, въ

которомъ вамъ угодно было приписать мнѣ успѣхъ подавленія мятежа въ здѣшнемъ краѣ. Богъ, побораюцій правому дѣлу, помогъ, при содѣйствіи доблестныхъ войскъ нашихъ, подавить мятежъ, а напутственное благословеніе высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго, при отъѣздѣ моемъ въ этотъ край, ваши архипастырскія молитвы, сопровождавшія всѣ мои начинанія и дѣйствія, и наконецъ всеобщее сочувствіе, откликнувшееся ко мнѣ со всѣхъ концовъ Россіи, подкрѣпляли мои силы и придавали мнѣ бодрость въ борьбѣ съ крамольниками, замышлявшими отторгнуть отъ Россіи древнее ея достояніе" [185]).

Въ концѣ ноября 1863 года, посѣтилъ Вильну Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Онъ осмотрѣлъ всѣ православные памятники древней Вильны и, между прочимъ, пораженъ былъ величіемъ одного заброшеннаго зданія, носившаго въ то время названіе *Спасскихъ казармъ*. Судьба этого нѣкогда соборнаго храма въ высшей степени замѣчательна. „На лѣвомъ берегу Вилейки, близъ ея моста, вы",—писалъ А. Н. Муравьевъ,— „увидите квадратное зданіе съ пробитыми широкими окнами и плоскою крышею; оно слыветъ Спасскими казармами и принадлежитъ Городской Думѣ; тутъ же выстроенъ безобразный домъ, заслоняющій все зданіе отъ улицы, пролегающей къ Зарѣчью. Но взгляните на это громадное зданіе съ противоположнаго берега Вилейки или подойдите къ нему съ восточной стороны, и вы разгадаете тайну мнимыхъ казармъ, когда увидите тройную выпуклость алтаря, какъ во всѣхъ древнихъ нашихъ соборахъ, подобно Успенскому первопрестольной столицы. И что же? — Тамъ, гдѣ стояла горняя каѳедра нашихъ митрополитовъ, пробиты широкія ворота, чрезъ которыя слышится стукъ молота и видно пламя раздуваемаго горна, во мракѣ бывшаго святилища, обращеннаго теперь въ кузницу!— Наковальня стоитъ на самомъ мѣстѣ главнаго престола, а нѣсколько черныхъ циклоповъ бьютъ тяжелымъ молотомъ по этой наковальнѣ, вовсе не подозрѣвая, что тутъ приносилась нѣкогда безкровная жертва Христова. Но знали ли о томъ, въ

теченіе многихъ лѣтъ, и просвѣщенные правители Литовскаго края, которые видѣли также однѣ лишь обыкновенныя казармы въ бывшемъ святилищѣ? — А если они это знали, то какъ могли переносить такое поруганіе Христіанской святыни?... Едва ли кто изъ нихъ заходилъ когда-либо на этотъ пустынный дворъ и заглядывалъ внутрь бывшаго алтаря... Отдѣленіе жертвенника и діаконикона обращены въ сараи для всякаго хлама, и сообщается съ жилыми комнатами, на которыя разбито все священное зданіе; оно отдается въ наймы мастеровымъ, отчасти изъ Евреевъ... Къ стыду нашему, таково было назначеніе древняго православнаго святилища, съ первыхъ годовъ XIX столѣтія!—Въ одномъ изъ отдѣленій нижняго яруса стояло корыто, въ которомъ кормили свиней. Это была Недѣля блуднаго сына; и я невольно вспомнилъ притчу Евангельскую о юношѣ, который, расточивъ отеческое наслѣдіе, долженъ былъ раздѣлять у наемника грубую пищу съ этими нечистыми животными; а мы, у себя дома, въ родной нашей Вильнѣ, во что обратили отеческое наслѣдіе нашихъ предковъ: первоначальный соборъ ихъ, современный Христіанству Литвы? Правда, что Унія выдала его на такое поруганіе; но теперь опять уже царствуетъ Православіе въ Вильнѣ, а въ бывшемъ соборѣ Ольгерда еще кормятъ свиней и слышенъ стукъ молота! Можемъ ли, не краснѣя, переносить такой позоръ, въ виду благолѣпныхъ костеловъ Римскихъ? Не была ли тайная мысль у князя Чарторыйскаго: истребить самую мысль о Православіи въ Вильнѣ, когда онъ выпросилъ себѣ, въ 1810-мъ году, опустѣвшее зданіе собора, гдѣ еще совершалось, однако, Богослуженіе въ одномъ придѣлѣ, для того, чтобы обратить его въ анатомическій театръ для Университета".

Отъ настоящаго плачевнаго состоянія древняго святилища А. Н. Муравьевъ обращается къ его славному минувшему и спрашиваетъ: „Кто были именитые его основатели"? Отвѣчаетъ: „Ольгердъ, великій князь Литовскій, принявшій въ святомъ крещеніи имя Александра и вторая его супруга Іуліанія, дочь князя Тверского Александра, въ половинѣ XIV сто-

лѣтія. Рождеству Пречистой Дѣвы праздновалъ соборный храмъ сей, и потому усвоилось ему народное названіе Дома Пречистыя".

Въ 1348 году, святитель Алексѣй, бывшій тогда еще намѣстникомъ въ санѣ епископа Владимірскаго, обходя церковную область митрополита Ѳеогноста, посѣтилъ Вильну и освятилъ храмъ, сооруженный великимъ княземъ Литовскимъ. „При великомъ князѣ Витовтѣ, преемникѣ Ольгерда, когда раздѣлилась митрополія Русская на восточную и западную, соборный храмъ сей сдѣлался каѳедральнымъ для всей Литвы и первый возсѣлъ на его каѳедрѣ Григорій Цамблакъ, отъ котораго начался рядъ православныхъ митрополитовъ Западной Руси" [186]).

А. Н. Мосоловъ, въ своихъ *Виленскихъ Очеркахъ*, писалъ: „По настоянію А. Н. Муравьева, несмотря на большое противодѣйствіе разныхъ высшихъ лицъ и даже опасенія его брата за громадность издержекъ, теперь (1867 года) соборъ Пречистыя возобновляется и этимъ онъ, конечно, обязанъ усердному вмѣшательству въ это дѣло А. Н. Муравьева и его брата, вскорѣ убѣдившагося въ значеніи этого памятника" [187]).

Свое описаніе этой святыни А. Н. Муравьевъ заключаетъ: „Есть еще старожилы въ Вильнѣ, которые помнятъ, что они были на церковной службѣ въ храмѣ Пречистыя до 1810 г... Воскреснетъ ли онъ изъ своихъ развалинъ, какъ фениксъ изъ своего пламеннаго костра, въ залогъ и свидѣтельство обновленной жизни Православія въ родномъ краѣ Литовскомъ? — Есть надежда, что воскреснетъ, потому что нынѣшній главный начальникъ края обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе древняго святилища и уже составленъ проектъ для его обновленія; будетъ воззваніе и къ благочестивой ревности Православныхъ соотечественниковъ, которые, конечно, откликнутся на такой патріотическій зовъ" [188]).

Послѣдствіемъ посѣщенія А. Н. Муравьевымъ Вильны было изданіе книжки *Русская Вильна*, въ которой „краснорѣчиво"

описаны всѣ памятники древняго Православія въ этомъ городѣ. Книжка эта разошлась въ большомъ числѣ экземпляровъ и переведена была на Французскій языкъ графомъ Ожаровскимъ.

LIII.

8 ноября 1863 года, день именинъ М. Н. Муравьева, былъ „конечно“,—свидѣтельствуетъ А. Н. Мосоловъ,—„однимъ изъ торжественныхъ дней его жизни. Въ этотъ день ясно и осязательно высказалось общее къ нему сочувствіе не только всѣхъ служащихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ Русскихъ, но и цѣлой Россіи“.

Всѣ служащіе въ Вильнѣ Русскіе обратились къ Виленскому губернатору С. Ѳ. Панютину, съ слѣдующимъ письмомъ: „Вся Земля Русская преисполнена сочувствіемъ къ самоотверженію и подвигамъ М. Н. Муравьева. Въ православной Русской Землѣ нѣтъ памятника выше святыни. И мы положили воздвигнуть въ здѣшнемъ краѣ, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его высокопреосвященствомъ, православную церковь во имя Архангела Михаила. Мы желали бы, чтобы въ этой церкви постоянно приносились молитвы за долгоденствіе Михаила Николаевича и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою при усмиреніи мятежа. Въ настоящій дорогой для насъ день покорнѣйше просимъ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія церкви“.

Государь, по всеподданнѣйшему докладу министромъ Внутреннихъ Дѣлъ представленія Виленскаго губернатора по настоящему предмету, высочайше повелѣть соизволилъ: „разрѣшить открыть подписку на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны желаніями М. Н. Муравьева, т.-е., вмѣсто сооруженія новаго храма, предположено передѣлать одну изъ древнѣйшихъ приходскихъ церквей въ Вильнѣ во имя св. Николая, съ устройствомъ при входѣ часовни, въ которой будетъ поставленъ образъ Михаила Архангела; храмъ будетъ теплый“. Едва только

сдѣлалось извѣстнымъ всемилостивѣйшее монаршее соизволеніе на открытіе подписки, писалъ Никотинъ, „какъ въ нѣсколько дней собрано было болѣе 10.000 р. с. и 10.000 кирпича пожертвовано однимъ евреемъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя, онъ краснорѣчивѣе всѣхъ витіеватыхъ описаній и льстивыхъ похвалъ“!...

Петербургское общество приготовило ко дню именинъ Муравьева чеканный образъ Архистратига Михаила, съ подписью на немъ словъ Филарета: *Твое имя—побѣда* [189]), и при слѣдующемъ письмѣ за восмидесятью подписями: „Глубоко сочувствуя подвигамъ на сохраненіе спокойствія, чести и единства любезнаго Отечества, мы просимъ васъ принять ко дню вашего Ангела, изображеніе Архистратига Михаила, съ надписью на образѣ словъ изъ напутственнаго вамъ письма преосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго: *Твое имя—побѣда.*

Искренно желаемъ вамъ утѣшенія увидѣть, что успокоенный вами край возвратилъ себѣ, еще подъ управленіемъ вашимъ, свойственный ему исконный Русскій складъ, безвозвратно отбросивъ пришлыя начала, вредящія естественному строю его народной жизни.

Гр. Д. Блудовъ. Гр. А. Блудова. Н. Зиновьевъ. Ю. Зиновьева. Е. Зиновьева. Н. Анненковъ. А. Россетъ. Кн. П. Мещерскій. Кн. Ек. Мещерская. Кн. Н. Мещерская. Кн. А. Мещерскій. Кн. В. Мещерскій. Ал. Карамзинъ. Н. Карамзина. В. Карамзинъ. А. Карамзина. А. Зеленой. Гр. Протасова. Гр. П Строгановъ. Кн. А. Шаховской. Кн. А. Оболенскій. Кн. Е. Оболенскій. Ѳ. Тютчевъ. Гр. Самойлова. Гр. Ю. Строганова. Кн. А. Барятинскій. Гр. Муравьевъ-Амурскій. К. Катакази. О. Катакази. Н. Стремоуховъ. Е. Стремоухова. П. Стремоуховъ. Е. Стремоухова. Е. Кавалевскій. И. Деляновъ. Ѳ. Корниловъ. И. Корниловъ. М. Туманскій. А. Туманская. Кн. Н. Долгоруковъ. Кн. Е. Долгорукова. Гр. М. Віельгорскій. А. Веневитиновъ. А. Веневитинова. Д. Замятинъ. Кн. П. Урусовъ. Кн. А. Урусовъ. Гр. Е. Комаровскій. Б. Мансуровъ. Д. Милютинъ. Гр. П. Клейнмихель. Гр. К. Клейнмихель.

Ив. Мальцовъ. А. Баратынская. П. Мельниковъ. А. Потаповъ. Е. Потапова. П. Батюшковъ. С. Батюшкова. А. Веригинъ. С. Веригина. К. Сербиновичъ. Гр. Ѳ. Гейденъ. П. Бутурлинъ. А. Дренякинъ. Ѳ. Панютинъ. А. Горяйновъ. А. Горяйновъ. И. Новосильцовъ. С. Хрулевъ. М. Щулепниковъ. А. Риттихъ. А. Козловъ. Р. Колокольцевъ. К. Кавелинъ" [190]).

Подъ 16 ноября 1863 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Напечатаны имена лицъ, участвовавшихъ въ поднесеніи образа М. Н. Муравьеву въ его именины. Тутъ все аристократическія имена, начиная графомъ Блудовымъ и оканчивая Помпеемъ Батюшковымъ. Суворову было предложено также участвовать въ этомъ поднесеніи. Онъ отказался, сказавъ, что не можетъ оказать этой чести такому людоѣду, какъ Муравьевъ" [191]).

„Посылаю стишки Тютчева на князя Суворова",—писалъ Любимовъ Погодину, — „этотъ, хотя и добрый человѣкъ, вздумалъ порицать изъявленія, которыя изъ Петербурга были сдѣланы нѣкоторыми лицами М. Н. Муравьеву, по случаю его именинъ, и между прочимъ изволилъ такъ выразиться: *Qu'est ce que c'est que ces temoignages sentimentaux à un croque mitaine comme Mouravieff! Qu'en dira l'Europe*? Вотъ эти-то слова Тютчевъ подхватилъ и написалъ стихи (которые вы, можете быть, уже давно читали, но тѣмъ не менѣе къ вамъ ихъ посылаю). Стишки написаны были очень *кстати* и произвели на публику свое хорошее дѣйствіе; ихъ читаютъ и списываютъ".

Вотъ эти стихи:

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что Русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, Русскіе, Европы не спросясь...
Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;
Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ—
И бѣдное, измученное племя,

Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?
Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ, спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью.
На зло, увы! и пошлостямъ роднымъ.
Такъ будь и намъ позорною уликой
Письму къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

Стихи эти Погодинъ прочелъ въ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, и при этомъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Прежде нежели я прочту вамъ, милостивые государи, новое стихотвореніе нашего члена Ѳ. И. Тютчева, я долженъ объяснить вамъ его происхожденіе.

Нѣкоторые члены высшаго Петербургскаго общества, съ графомъ Блудовымъ, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта во главѣ, въ письмѣ своемъ къ генералъ-губернатору Западныхъ губерній, М. Н. Муравьеву, поздравляя его въ день Ангела и посылая ему образъ, изъявили чувства своей искренней благодарности за укрощеніе мятежа и сохраненіе десятимилліоннаго Русскаго населенія отъ вражескихъ козней.

Петербургскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, выразилъ очень рѣзкое свое неодобреніе этого дѣйствія.

Ѳ. И. Тютчевъ, одинъ изъ подписавшихся подъ письмомъ, написалъ къ нему краткое посланіе въ стихахъ, которое читаетъ теперь наизусть весь Петербургъ и которое вчера получено въ Москвѣ.

Многіе Москвичи пожелали, чтобы это стихотвореніе было прочтено въ нынѣшнемъ засѣданіи. По зрѣломъ размышленіи, я рѣшился исполнить это желаніе, согласно съ мнѣніемъ членовъ нашего пріуготовительнаго собранія, но, въ предупрежденіе разныхъ кривыхъ толковъ, которые у насъ, при неустановившемся общественномъ мнѣніи, бываютъ въ подобныхъ случаяхъ, я считаю нужнымъ предпослать свои основанія. Благоволите выслушать и взвѣсить ихъ внимательно.

Настоящее событіе, въ коемъ, какъ вы слышали, прини-

маютъ участіе первыя лица въ государствѣ, служитъ разительнымъ доказательствомъ, что о всякомъ важномъ предметѣ могутъ образоваться разныя мнѣнія, иногда даже противоположныя. Петербургское письмо внушено искреннею любовію къ Отечеству, живымъ сердечнымъ участіемъ въ судьбахъ его. Въ этихъ чувствахъ князь Суворовъ, разумѣется, никому не уступитъ, что доказывалъ часто въ продолженіе своей почтенной службы; но онъ думаетъ совершенно иначе. Вѣроятно, есть третье мнѣніе, и четвертое, и пятое, которыя во многихъ отношеніяхъ разнятся и отъ второго и отъ перваго, и между тѣмъ происходятъ изъ такихъ же благородныхъ побужденій. Благо государству, честь времени, когда мнѣнія, самыя противоположныя, могутъ свободно обнаруживаться, не возбуждая никакихъ подозрѣній, не подвергая никого никакой опасности, лишь бы источникъ завѣдомо былъ чистъ, conditio sine qua non.

Въ настоящемъ Петербургскомъ случаѣ, мнѣ, какъ лѣтописателю, представляется заря такого вождѣленнаго порядка вещей, когда гражданскія дѣйствія будутъ подвергаться свободно искреннему, безпристрастному суду современниковъ. Въ этомъ смыслѣ письмо, отзывъ и стихотвореніе выходятъ на степень историческихъ происшествій,—и мы, Москвичи, должны принять участіе въ вопросѣ, подать свой голосъ, тѣмъ болѣе, что стихотвореніе принадлежитъ природному Москвичу, воспитаннику Московскаго Университета, старшему сотруднику Общества, и дѣйствительному члену со времени возобновленія. Вотъ вмѣстѣ и прекрасный образчикъ, какъ граждане должны искренно и свободно объясняться между собою въ благоустроенномъ государствѣ, образчикъ связи, какую въ наше время Словесность должна имѣть съ жизнію“ [192]).

Икона и письмо были доставлены Муравьеву камеръ-юнкеромъ Шевичемъ, который прибылъ въ Виленскій дворецъ во время общаго пріема, на который не только собрались всѣ военные и гражданскіе, но многіе прибыли изъ отдаленныхъ мѣстъ края, и въ томъ числѣ почти всѣ губернскіе предводители. „Изъ Петербурга и изъ всѣхъ концовъ Россіи“,—повѣ-

ствуетъ Мосоловъ,—„сыпались горячія пожеланія и привѣтствія въ видѣ телеграммъ. Канцелярія едва успѣвала приготовлять краткіе на нихъ отвѣты. Всѣхъ депешъ въ этотъ день было болѣе восьмидесяти. Изъ глубины уѣздовъ Гродненской губерніи прибыли къ этому дню крестьянскія депутаціи съ богатыми по ихъ средствамъ иконами. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ не было ничего приторнаго или чиновническаго; заслуги человѣка, къ которому все это относилось, слишкомъ были очевидны для края, чтобъ не быть почтены заявленіемъ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ. Когда начальникъ края, видимо тронутый общимъ привѣтствіемъ, удалился въ церковь, то всѣ хлынули туда за нимъ. Большая церковь не могла вмѣстить въ себѣ и половины тутъ бывшихъ, многіе слушали литургію даже изъ третьей комнаты. У генералъ-губернатора былъ въ этотъ вечеръ обѣдъ, а въ Европейской гостинницѣ, неожиданно для всѣхъ обѣдавшихъ, подано было за жаркимъ шампанское содержателемъ гостинницы и всѣ гости были усердно имъ угощаемы. Утомленный утренними заявленіями, видимо потрясенный, генералъ-губернаторъ къ вечеру занемогъ и на слѣдующій день не дѣлалъ пріема, хотя продолжалъ заниматься также неутомимо; впрочемъ, здоровье его вскорѣ поправилось“ [193]).

Въ *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано слѣдующее письмо почтеннаго старца Аполлона Никифоровича Марина къ М. Н. Муравьеву:

„Ваше Высокопревосходительство
Михаилъ Николаевичъ.

Примите отъ стараго Русскаго, Бородинскаго и Лейпцигскаго ветерана подношеніе: образъ Св. Архистратига Михаила, побѣдившаго крамолу и нечестіе и водворяющаго Православіе чрезъ Св. Евангеліе. Это копія съ древней иконы, писанной еще въ 1690-мъ году, а настоящая икона съ тѣхъ поръ хранится въ нашей фамиліи, какъ святыня. Недорого матеріально это поднесеніе мое вамъ, но высока мысль, что Ангелъ вашъ помогаетъ вамъ въ многотрудныхъ вашихъ дѣлахъ по-

бѣдить зло, водворить порядокъ и умиротворить обширный край, вашему попеченію ввѣренный отцомъ государемъ, освободителемъ народа.

Тяжелъ былъ для Россіи прошедшій 1863 годъ, но славенъ переворотомъ, поставившимъ край въ настоящемъ положеніи.

Увѣренъ, что ваше высокопревосходительство примете отъ меня родовую святыню моей фамиліи, освященную молитвами пяти поколѣній около двухсотъ лѣтъ. Мы же молимся за васъ нынѣ, да подастъ вамъ Господь окончить трудъ вашъ съ помощью Ангела вашего, Св. Архистратига Михаила, да сохранитъ ваше здоровье для пользы Россіи, какъ тѣлесно, такъ и душевно. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашему высокопревосходительству преданный душою Русскою А. Маринъ".

Тронутый этимъ благословеніемъ, М. Н. Муравьевъ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь
Аполлонъ Никифоровичъ.

Съ особеннымъ пріятнымъ чувствомъ получилъ я подарокъ вашего превосходительства—икону Св. Архистратига Михаила. Эта древняя святыня, сохранявшаяся пять поколѣній въ истинно-Русскомъ дворянскомъ семействѣ и подносимая мнѣ заслуженнымъ Бородинскимъ воиномъ въ минуту, когда мы употребляемъ всѣ наши усилія для укрѣпленія за нами древняго нашего достоянія, въ которомъ издавна враги наши успѣли посѣять крамолу и нечестіе, имѣетъ для меня особенную цѣну и будетъ сохранена въ моемъ семействѣ.

Душевно васъ благодарю за этотъ подарокъ. Сочувствіе ваше къ моимъ трудамъ и это же сочувствіе, повторяемое тысячами голосовъ по нашей необъятной Россіи, облегчаетъ мнѣ бремя моихъ заботъ и укрѣпляетъ духъ мой въ трудномъ дѣлѣ умиротворенія здѣшняго края.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности.

М. Муравьевъ".

Между тѣмъ, въ это время распространился слухъ объ отставкѣ Муравьева. 29 ноября 1863 года, Любимовъ писалъ Погодину: „Въ Вильну на дняхъ отправился *Зеленый*, управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ; отъѣздъ его породилъ здѣсь много толковъ. Но я знаю изъ вѣрнаго источника, что Муравьевъ *остается*. Нельзя этому не радоваться и не благодарить Господа Бога изъ *глубины души*. Если же современемъ (дай Богъ только, чтобъ это было не такъ скоро) Муравьевъ въ рѣшительной необходимости будетъ, за одолѣвающими его недугами, оставить край, и вопросъ будетъ о томъ: кѣмъ его замѣстить, то *faute de mieux*, конечно уже лучше, чтобы его замѣстилъ честный и вполнѣ Русскій Зеленый, нежели кто-нибудь въ родѣ Амурскаго. Зеленый уже и назадъ вернулся вчерашняго числа, пробывъ въ Вильнѣ всего дня два или три“ [194]).

Самъ Муравьевъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, писалъ: „По окончаніи вооруженнаго возстанія, хотя оставалось приступить къ возстановленію и упроченію Русской народности и Православія въ краѣ, въ которомъ они были подавлены многіе десятки лѣтъ и совершенно забыты, ибо и сами Русскіе, жившіе въ тѣхъ губерніяхъ, не считали себя Русскими, а край тотъ считали принадлежностью Польши, но я осмѣлился просить ваше императорское величество освободить меня, за укрощеніемъ мятежа, отъ тяжкаго управленія краемъ, ибо разстроенное мое здоровье не позволяло мнѣ надлежащимъ образомъ продолжать занятія, которыя требовали свѣжихъ силъ и продолжительнаго дѣйствованія въ томъ же духѣ и направленіи; я же ни по лѣтамъ, ни по здоровью не могъ разсчитывать на себя. Но ваше императорское величество удостоили меня милостивымъ рескриптомъ и повелѣли продолжать управлять краемъ до тѣхъ поръ, пока позволятъ мои силы“ [195]).

На другой день именинъ Муравьева, изъ Царскаго Села, послѣдовалъ слѣдующій на его имя рескриптъ государя:

„Михаилъ Николаевичъ!

Изъ письма вашего, отъ 3-го числа сего мѣсяца, я усматриваю, что дѣло умиротворенія ввѣреннаго управленію вашему края быстро приближается къ окончанію. Благодаря вашему вѣрному взгляду, вашей распорядительности, настойчивости и неутомимой дѣятельности при исполненіи предначертаннаго вами себѣ плана, это дѣло, съ самаго вступленія вашего на то трудное поприще, на которое васъ призвало мое къ вамъ довѣріе, ни на одно мгновеніе не остановилось на пути къ цѣли и не уклонилось отъ этого пути. Чѣмъ охотнѣе и искреннѣе я цѣню достоинство и заслуги ваши, съ тѣмъ большимъ и искреннѣйшимъ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я изъ того же самаго вашего письма, что утомленныя силы и окончательно потрясенное трудами здоровье побуждаютъ васъ испрашивать, въ непродолжительномъ времени, увольненія отъ нынѣ лежащихъ на васъ обязанностей. Я знаю, что предпринятый и почти уже довершенный вами подвигъ требовалъ крайняго напряженія силъ. Бремя непрерывныхъ заботъ и занятій должно было отразиться на вашемъ и безъ того уже разстроенномъ здоровьи. Соболѣзную вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаюсь на самоотверженіе ваше и на испытанную преданность мнѣ и Россіи. Надѣюсь, что эти чувства поддержать ваши силы и позволятъ вамъ, хотя бы еще на нѣкоторое время, удержать за собою управленіе ввѣреннымъ вамъ краемъ. Чѣмъ долѣе вы это будете признавать возможнымъ, тѣмъ болѣе принесете вы прочной пользы Россіи и тѣмъ болѣе пріобрѣтете правъ на мою искреннюю и неизмѣнную къ вамъ признательность.

Навсегда вамъ благодарный Александръ“ [196]).

29 ноября 1863 года, Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „Господь да продлитъ свѣтъ въ очахъ Михаила Николаевича и неколебимую силу въ его духѣ. Благоволеніе государя и любовь къ Отечеству да удержатъ его еще на поприщѣ, гдѣ значительная доля судьбы Россіи въ рукахъ его. Вся Россія, есть-ли бы спросить ее, сказала бы ему единогласно: *ради Бога, продолжай*“ [197]).

LIV.

По словамъ Н. А. Любимова, въ 1863 году, „столѣтняя Московская газета оказалась на высотѣ задачи, предъявленной Русскому общественному мнѣнію, и подвигъ ея редактора еще не взвѣшенъ и не оцѣненъ достаточно“ [198]).

„Въ нашей Литературѣ“,—писалъ Плетневъ къ князю П. А. Вяземскому (30 іюня 1863),—„теперь одинъ человѣкъ, котораго не стыдно назвать писателемъ. Его *Московскія Вѣдомости* изо дня въ день представляютъ намъ такой высокій интересъ, такой ученый анализъ современной политики, такія патріотическія и назидательныя идеи, что Катковъ, дѣйствительно, по публичной своей дѣятельности, у насъ первое лицо въ Россіи. Все прочее не вышло изъ ряду обыкновенности“ [199]).

Изъ Парижа (26 марта 1863 г.), В. П. Боткинъ писалъ къ Фету: „Вчера добылъ книжку *Русскаго Вѣстника* за январь. Замѣтки Каткова о Польскихъ дѣлахъ превосходны: вотъ настоящій государственный взглядъ на дѣло. Наши безмозглые прогрессисты не могутъ понять его, драпируясь въ свой абстрактный и пустой либерализмъ. Поляки говорятъ: между Русскими и нами не можетъ быть иныхъ отношеній, кромѣ взаимнаго истребленія и ненависти. И это правда. Поляки хотятъ намъ сѣсть на шеи, они правы; а мы хотимъ у нихъ сидѣть на шеи, и мы правы, и будемъ стараться сидѣть: это вопросъ національный, а вовсе не о большемъ или меньшемъ либерализмѣ. Намъ на Европу нечего разсчитывать, Европа всегда будетъ за Поляковъ; намъ надобно быть сильнымъ и крѣпкимъ, вотъ въ чемъ наша надежда. Теперь, кажется, войны не будетъ, но она могла бы быть и можетъ быть. Цѣль Поляковъ вовсе не конституція, а прогнать и забить насъ въ Азію и обратить Россію въ слабое второстепенное государство. Вотъ этой-то цѣли не понимаютъ наши мальчишки-прогрессисты“.

Въ другомъ письмѣ Боткина къ Фету, уже изъ Мвсквы, читаемъ: „Но, друзья мои! какое время переживаетъ теперь Россія! Я получилъ уже здѣсь письмо твое и вполнѣ раздѣляю съ тобой чувство, съ которымъ ты берешься за новый нумеръ газеты. Но, благодаря нашему легкомыслію, или, вѣрнѣе, безсмыслію, Литература наша вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію нашему. Однѣ *Московскія Вѣдомости* понимаютъ всю важность настоящаго Польскаго возстанія, и Катковъ, дѣйствительно, выражаетъ народное чувство. Меня омерзѣніе взяло при видѣ, какъ въ Петербургѣ легкомысленно смотрятъ на наше настоящее положеніе: я разумѣю нашу безпутную молодежь. Есть основаніе думать, что Поляки замышляютъ произвести смуты внутри Россіи, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Говорятъ, что здѣсь они начинаютъ одѣваться въ Русское платье, зипунъ и т. п. Между тѣмъ, раздраженіе противъ нихъ растетъ. Здѣсь говорятъ о томъ, что слѣдуетъ сформировать городскую стражу изъ городскихъ жителей, что было бы весьма хорошо, но не знаю, состоится ли это. Если бы я былъ въ силахъ, то вступилъ бы волонтеромъ въ солдаты. Видѣлъ Каткова, онъ измученъ работою и душевной тревогой. Третья книжка *Русскаго Вѣстника* выйдетъ неизвѣстно когда: такъ все занятіе его сосредоточено на *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, на которыхъ теперь сосредоточено вниманіе всей Россіи“ [200])... А мы прибавимъ и всего міра.

Еленевъ, прося Погодина передать Каткову свою брошюру, писалъ: „Самъ я не знакомъ съ Катковымъ; но я желалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, чрезъ ваше посредство, заявить свое уваженіе къ человѣку, котораго нынѣшнюю литературную дѣятельность считаю государственною заслугою“. Каткова чтили тогда и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Н. И. Любимовъ писалъ Погодину: „На вечерѣ у Софіи Петровны Апраксиной, я узналъ, что на дняхъ, *превосходная* статья Каткова (*Русскій Вопросъ*) читана была княземъ Д. А. Оболенскимъ самой императрицѣ, на бывшемъ у нея маленькомъ вечерѣ, въ присутствіи князя Горчакова министра. За-

мѣчательно, что во время этого чтенія императрица нѣсколько разъ обращалась къ Горчакову съ сими знаменательными, словами: „*Слышите, князь*! *видите, князь,—видите*!—Государь, бывшій тоже тутъ въ комнатѣ, нѣсколько разъ подходилъ къ столу, гдѣ происходило чтеніе, и изъявлялъ полное свое одобреніе. Вообще она произвела *впечатлѣніе.*—Я ее прочелъ здѣсь въ самый день пріѣзда и нахожу *великолѣпною*, какъ и первую его статью (*Польскій Вопросъ*, которая тоже была еще прежде читана императрицѣ). Вотъ всѣ такія и подобныя статьи теперь, *какъ манна небесная*: ими питается и укрѣпляется Русское сердце, и закаливается для предстоящихъ испытаній. Передайте Каткову то, что я вамъ пишу (о томъ: *гдѣ онъ читается*, о впечатлѣніи, производимомъ его статьями и проч.). *Я очень сожалѣю*, что, бывши въ Москвѣ, не видѣлся съ нимъ. Но вы знаете, что я пробылъ тамъ всего дня два-три, и себѣ въ это время не принадлежалъ. Тѣмъ не менѣе, я себя упрекаю, что не былъ у него съ поклономъ. Хотѣлось только (не зная его въ лицо) пожать ему крѣпко руку и заявить о полномъ сердечномъ сочувствіи къ нему, — къ чудеснымъ его статьямъ,—всѣхъ добрыхъ Русскихъ безъ исключенія“ [201]).

„Въ то время, однѣ лишь *Московскія Вѣдомости*“,—писалъ Мосоловъ,—„обнимали со всею серьезностію Польскій вопросъ, и передовыя статьи ихъ, отличавшіяся необыкновеннымъ талантомъ, руководили общественнымъ мнѣніемъ Россіи въ этомъ отношеніи и служили намъ въ Западномъ краѣ какъ бы поддержкой. Читать *Московскія Вѣдомости* сдѣлалось у насъ такою же необходимостью, какъ исполнять свои служебныя обязанности“ [202]).

Но и въ то время у Каткова были сильные недоброжелатели. „Вотъ какой здѣсь народецъ“,—писалъ Любимовъ Погодину,—„многіе изъ вліятельныхъ лицъ въ претензіи на князя Д. А. Оболенскаго за то, что читаетъ императрицѣ статьи (мѣшающія ихъ цѣлямъ и планамъ). Понятно, послѣ этого, отъ чего журналы, въ родѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, терпятся и все въ нихъ пропускается, *къ стыду нашему*“. Въ

то же время, наблюдательный Еленевъ писалъ тому же Погодину: „Думаю, что скоро доберутся и до Каткова; теперь вѣтры перемѣняются, такъ какъ на дворѣ осеннее равноденствіе. Въ числѣ многихъ, и я желаю ему съ честью выдержать равноденственныя бури и скорѣе пустить ко дну свой корабль, чѣмъ перемѣнить курсъ и выкинуть флагъ нашихъ лиходѣевъ“ [203]).

Въ Запискахъ С. М. Сухотина, мы находимъ даже и такое свѣдѣніе: „Разговоръ о Катковѣ. Государь сказалъ генералъ-губернатору Тучкову, что онъ не совсѣмъ доволенъ Катковымъ“ [204]).

Признавая государственную пользу, приносимую Катковымъ, люди, расходившіеся съ нимъ въ убѣжденіяхъ, въ то время стремились съ нимъ сблизиться.

„Сердечное спасибо“,—писалъ Т. И. Филипповъ къ Погодину,—„за ободреніе въ литературныхъ трудахъ; выше моей мѣры ваши отзывы, но тѣмъ они мнѣ полезны, что ободряютъ къ труду. Я не то, что лѣнюсь,—этого нельзя сказать, но я чувствую себя какъ то слишкомъ одинокимъ въ Литературѣ, а по моей общительности, требующей общаго союзнаго дѣйствія, это ощущаемое мною одиночество отнимаетъ охоту къ труду. Литературной сволочи я не боюсь; но вѣдь и съ хорошими людьми меня поссорила Болгарская брошюра *)—да не вмѣнитъ мнѣ Богъ этой *ошибки* (ибо, разбирая свои побужденія, *грѣхомъ* этого поступка назвать не могу!) Впрочемъ, Катковъ, судя по его письму ко мнѣ, очень радъ моему сотрудничеству, какъ и я, въ свою очередь, радъ печатать у него“.

„Не знаю“,—писалъ Любимовъ къ Погодину,—„въ какихъ вы съ Катковымъ отношеніяхъ и видаетесь ли; но, въ настоящее время, вы *должны и обязаны* быть съ нимъ и подобными людьми въ *братскихъ*, протягивая другъ другу руку и благословляя другъ друга на подвиги“ [205]).

Съ своей стороны и Погодинъ, обращаясь къ Каткову, торжественно заявляетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ:* „Я по-

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб., 1892, кн. VI, 262—283.

шелъ къ вамъ изъ поповъ въ діаконы, оставивъ частныя неудовольствія, чтобы помогать изъ всѣхъ силъ газетѣ, которая, въ настоящихъ обстоятельствахъ, нашла лучшій камертонъ, умѣла занять крѣпкое положеніе, и въ насущномъ вопросѣ, вопросѣ Польскомъ, разсуждаетъ дѣльнѣе и лучше всѣхъ" [206]).

„Честь вамъ и слава за то",—писалъ Погодину академикъ Билярскій,—„что вы, попомъ ли, діакономъ ли, но непремѣнно хотите служить. И вашъ задушевный голосъ выдается и среди такого громкаго хора, какъ *Московскія Вѣдомости*".

Съ своей стороны и Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ писалъ своему университетскому товарищу Погодину: „Въ томъ приходѣ, куда вы рѣшились пойти, по выраженію вашему, *изъ поповъ въ діаконы*,—хотя по праву принадлежитъ вамъ санъ протоіерея,—желательно было бы мнѣ занять должность просвирни или хотя звонаря, но среди множества соискателей, конечно, не мнѣ же достанется вакантное мѣсто".

Сохранившаяся переписка Погодина съ Катковымъ свидѣтельствуетъ, что между ними, въ 1863 году, установились самыя дружескія отношенія.

Погодинъ писалъ: „Благодарю сердечно. Я много думалъ объ васъ вчера и третьяго дня и объ услышанномъ... Пріѣзжайте же къ намъ въ воскресенье на досугѣ всей семьею, поутру, или обѣдать или чай пить. Дорога прекрасная, атмосфера у насъ спокойнѣе и тише... Ей, говорю, бесѣда и совѣщаніе будетъ не безъ пользы. Вѣрно многое у васъ дѣлается не такъ, что можетъ быть отстранено и исправлено. Истинно говорю вамъ, что мнѣ тяжело смотрѣть на ваши труды и муки. Говорятъ еще на сторонѣ о вашемъ великомъ самолюбіи, котораго я собственно не замѣчалъ. Обо всемъ переговорили бы. Нѣсколько разъ я писалъ вамъ вродѣ этого, нѣсколько разъ, сердясь, махалъ рукой и хотѣлъ умолкнуть, а какъ приду къ вамъ да увижу каменья, ворочаемые вами, и услышу ваши слова, то мнѣ становится васъ жаль. И скажу вамъ торжественно, что вы не найдете много такого безпристрастія, какое мнѣ Богъ далъ и такого участія. Пріѣзжайте же".

Въ другомъ своемъ письмѣ Погодинъ писалъ: „Qui perd—gagne. Выѣздомъ на два часа вы пріобрѣтете дни. Я пріѣхалъ бы самъ, потому что свободенъ, но нельзя. Множество статей, писемъ, секретныхъ записокъ, лежащихъ у меня въ десяти картонахъ, нельзя везти съ собою. А между ними есть животрепещущіе. Обо всемъ надо переговорить, рѣшить, опредѣлить и проч. Ergo—пріѣзжайте всѣ въ воскресенье чай пить, въ 8 часовъ, а потомъ, свиданія въ клубѣ по средамъ за обѣдомъ. Я самъ дорожу временемъ, ибо мнѣ шестьдесятъ три года, и я началъ приводить въ порядокъ и проч.“.

Катковъ отвѣчалъ Погодину: „Отъ всей души благодарю васъ, и за искреннюю записку вашу, и за письма, которыя вы доставили мнѣ для прочтенія. Времена, дѣйствительно, трудныя, и всѣ честные люди должны тѣсно сближаться и стоять крѣпко. Съ чувствомъ самой искренней пріязни принимаю я вашу руку. Не сомнѣвайтесь въ моей готовности служить общему великому дѣлу безъ всякаго самолюбія. Я весь въ вашемъ распоряженіи, а изданія мои открыты вамъ настежь“.

Но приглашеніемъ Погодина посѣтить его, Катковъ, за недосугомъ, не могъ воспользоваться, и Погодинъ посыпалъ на него укорительными записочками, и въ одной изъ нихъ читаемъ: „Не пріѣхали таки Карѳагенцы злобные, а я ждалъ весь день и пирогъ пекъ. Пріѣзжайте хоть нынѣ, эй нужно и полезно. Всякое терпѣніе съ вами лопнетъ. А что изъ Петербурга! Хоть велите черкнуть“.

Катковъ оправдывался. „Мы были бы чрезвычайно рады“— писалъ онъ къ Погодину, — „видѣться съ вами почаще. Но выѣзжать въ даль нѣтъ никакой возможности. Мы едва находимъ время поѣсть и хоть немного уснуть. Въ клубъ я могъ бы еще заѣхать на часъ времени, хоть разъ въ недѣлю. Хорошо было бы условиться относительно дня въ недѣлѣ, когда могли бы васъ тамъ встрѣтить“.

„Употреблю всѣ старанія, — писалъ Катковъ въ другомъ письмѣ—чтобы воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, но не могу дать слова. Наши хлопоты и занятія растутъ въ ужа-

сающихъ размѣрахъ. Откровенно скажу вамъ: очень удивляюсь, какъ, живя въ Москвѣ, вы не получаете *Московскихъ Вѣдомостей*. Это даже немножко обидно... Честью увѣряю васъ, что у меня нѣтъ въ отношеніи къ вамъ никакихъ мотивовъ самолюбія, и что я десять разъ былъ бы у васъ для переговоровъ, еслибъ имѣлъ хоть малѣйшую къ тому возможность. Не одни собственно литературныя дѣла (теперь они уже на второмъ планѣ), но и общественныя хлопоты, отъ которыхъ я не смѣю отказываться. Нѣтъ минуты, въ которую я принадлежалъ бы себѣ самому. Искренно сожалѣю, что вы такъ скоро уѣзжаете и что я не увижусь съ вами. А то, можетъ быть, я урвался обѣдать въ субботу въ клубъ. Сочувствіе ваше и трогаетъ и укрѣпляетъ меня. Статьи ваши пойдутъ въ дѣло немедленно".

Въ это время Погодинъ ѣздилъ въ Петербургъ и оттуда писалъ Каткову: „Пишу два слова изъ Петербурга. Охота заниматься такими пустяками... Постарайтесь кончить какъ можно короче... Вы вспыльчивы и рѣзки бываете... Надо беречь себя вамъ для вопросовъ важныхъ. И цари являются рѣдко въ народъ, чтобы возбудить больше уваженія. Ну, что за охота тратить вамъ силы".

Извѣщая Каткова о своемъ возвращеніи, Погодинъ писалъ: „Я сейчасъ пріѣхалъ изъ Петербурга, съѣздилъ въ баню, чтобы смыть Петербургскую грязь и такъ усталъ, что поворотиться не могу. Старость даетъ знать о себѣ. Надо поговорить. Отдохнувъ, пріѣду, только вы увѣдомьте меня объ удобномъ для себя днѣ и часѣ".

Въ назначенный день и часъ Погодинъ посѣтилъ Каткова, и вотъ что по поводу этого посѣщенія онъ писалъ ему: „Вамъ надо перестроить механизмъ вашихъ занятій. Говорю это въ интересахъ, даже не столько личныхъ, сколько общихъ. Вы должны беречь себя столько же для семейства, сколько для общества. Вамъ посчастливилось, разумѣется, не даромъ, занять позицію. Надо ее укрѣпить à la Вобанъ, а не подкапывать самимъ. Я пріѣхалъ вчера по вашему назначенію въ самый свободный часъ. Въ передней мнѣ сказали, что вы сейчасъ встали

изъ-за стола и пошли въ Редакцію, а въ Редакціи я нашелъ уже васъ за письменнымъ столомъ... Ну, мнѣ и совѣстно стало задерживать ваши занятія толками о привезенныхъ статьяхъ; я скорѣе спѣшилъ домой. Повторяю: вы истратите свои силы и ослабнете раньше срока. Мнѣ шестьдесятъ третій годъ. Я могу дать отчетъ за каждый день своей жизни, и ни одного не провелъ безъ работъ (Nulla dies sine linea), и говорю вамъ dans la connaissance de cause. Повѣрьте мнѣ и для подтвержденія спросите у жены. Далѣе—вѣдь вамъ теперь некогда ничего читать, даже Русскаго, некогда подумать внѣ текущихъ дѣлъ. На что же это похоже? Говорю серьезно... И такъ, вы работаете пятнадцать часовъ въ сутки, отдайте и поручите половину изъ нихъ другимъ лицамъ и себѣ оставьте по семи, по шести, т.-е. поутру или повечеру. А другая половина дня пусть остается на чтеніе, отдохновеніе, прогулку въ паркъ, въ Сокольники, на Дѣвичье поле. Остальные часы работы передайте другимъ, сыскать людей можно. Я беру на себя три часа работы въ день и часъ чтенія. Нужно сдѣлать совѣщаніе, и я смѣло могу сказать, что могу подать совѣтъ. Мнѣ говорили многіе, что... вы трудите себя даже понапрасну, что другіе легко могутъ замѣнить васъ".

Имѣя надобность видѣть Погодина, Катковъ писалъ ему: „Я жажду съ вами увидѣться, дорогой Михаилъ Петровичъ, и для этого хоть на минуту пріѣду сегодня въ Думу, хотя въ жизнь мою не былъ я такъ подавленъ работой и заботой какъ теперь, потому что П. М. Леонтьевъ боленъ, а прочіе наши сотрудники тоже, и какъ нарочно, въ исключительныхъ обстоятельствахъ: у кого жена рожаетъ, у кого какія-нибудь дѣла особенныя случились".

„Если бы имѣли сколько-нибудь досуга",—писалъ Катковъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину,—„то давно бы воспользовались вашимъ приглашеніемъ. Письмо Любимова очень интересуетъ насъ, но рѣшительно не знаю, когда удастся совершить путешествіе въ ваши страны".

4 іюня 1863 года, секретарь Общества Любителей Рос-

сійской Словесности М. Н. Лонгиновъ писалъ Погодину: „Каткову даютъ, въ воскресенье, въ 4 часа, въ Англійскомъ Клубѣ, обѣдъ по подпискѣ, какъ выраженіе сочувствія къ его статьямъ. Хотите ли принять въ немъ участіе? Тогда я васъ запишу. Но дайте отвѣтъ *не позже какъ завтра*, *въ среду*, *до обѣда*, иначе листъ заключится и вы опоздаете. Не знаю, не въ Петербургѣ ли вы, но считаю долгомъ васъ увѣдомить, на всякій случай“ [207]).

В. П. Боткинъ весьма сочувственно отнесся къ этому чествованію, и писалъ Фету: „Въ Англійскомъ Клубѣ составляется обѣдъ по подпискѣ въ честь Каткова, по истинѣ перваго патріотическаго журналиста, какихъ еще въ Россіи не бывало. Имя Каткова уже вошло въ Исторію нашего государственнаго развитія“ [208]).

Прошло много лѣтъ. Наступило новое царствованіе. Катковъ переселился въ вѣчность и труды его нашли себѣ оцѣнку со стороны самого императора Александра III, въ нижеслѣдующей всемилостивѣйшей телеграммѣ къ вдовѣ почившаго: „Вмѣстѣ со всѣми истинно Русскими людьми, глубоко скорблю о вашей и нашей утратѣ. Сильное слово покойнаго, одушевленное горячей любовью къ Отечеству, возбуждало Русское чувство и укрѣпляло здравую мысль въ смутныя времена. Россія не забудетъ его заслуги и всѣ соединяются съ вами въ единодушной молитвѣ объ упокоеніи души его“.

LV.

Въ 1862 году, въ Петербургѣ, Достоевскіе издавали журналъ *Время*, съ славянофильскимъ оттѣнкомъ. Этотъ оттѣнокъ очень не нравился славянофилу по наслѣдству И. С. Аксакову, и онъ писалъ:

„Въ послѣднее время, Санктпетербуржская Литература стала очень много толковать о національномъ принципѣ, о народности; нѣкоторые ея органы славянофильничаютъ напропалую, а молодые Санктпетербуржцы щеголяютъ въ красныхъ рубаш-

кахъ и поддевкахъ. Вы бы очень ошиблись, читатель, еслибъ вывели изъ того заключеніе, что Санктпетербургъ протестуетъ самъ противъ себя, противъ своего принципа. Вы были бы неправы, еслибъ вообразили, что вся эта Санктпетербуржская руссоманія есть дѣйствительно искреннее пробужденіе въ жителяхъ Санктпетербурга народнаго Русскаго чувства. Повторяемъ, мы еще не изжили всего того историческаго начала, котораго носителемъ является для насъ Петрова столица, мы должны будемъ пройти сквозь новый видъ, новый фазисъ самыхъ безобразныхъ явленій,—и если, въ прежнее время, Русскіе обезьянничая, передразнивали Нѣмцевъ и рядились въ Нѣмецкіе кафтаны, то теперь наоборотъ: Санктпетербуржцы обезьянничаютъ, передразниваютъ Русскихъ и рядятся въ Русскіе зипуны и охабни! *Послѣдняя ложь горше первой*" [209]).

И вотъ, одинъ изъ Петербургскихъ славянофиловъ Н. Н. Страховъ, подъ всевдонимомъ *Русскій*, выступилъ въ самый разгаръ Польской крамолы, въ апрѣльской книжкѣ 1863 года журнала *Время*, съ своимъ *Роковымъ Вопросомъ*.

Онъ вѣщалъ: „Въ Польскомъ вопросѣ есть черта, которая даетъ ему странную глубину и неразрѣшимую загадочность... Поляки возбуждены противъ насъ, какъ народъ образованный противъ народа, менѣе образованнаго или даже вовсе необразованнаго... Одушевленіе борьбы очевидно воспламеняется тѣмъ, что, съ одной стороны, борется народъ цивилизованный, а съ другой—варвары... Польскій народъ имѣетъ полное право считать себя въ цивилизаціи наравнѣ со всѣми другими Европейскими народами, и что, напротивъ, на насъ онѣ едва ли могутъ смотрѣть иначе, какъ на варваровъ. Польша отъ начала шла наравнѣ съ остальною Европою... и въ Европейской семьѣ никогда не была въ ней членомъ отсталымъ или чужимъ. ...А мы? Что такое мы, Русскіе? Не будемъ обманывать себя... Наша Исторія совершалась отдѣльно; мы не раздѣляли съ Европой ни ея судебъ, ни ея развитія. Наша нынѣшняя цивилизація, наша наука, литература и пр.—все это едва имѣетъ исторію, все это недавно и блѣдно, какъ запоздалое и усильное подражаніе...

Одно у насъ есть: мы создали, защитили и укрѣпили нашу государственную цѣлость... Что же однако изъ этого слѣдуетъ? Для насъ самостоятельность есть великое благо, но каковъ можетъ быть ея вѣсъ въ глазахъ другихъ?.. Намъ скажутъ, ...что государство есть форма весьма простая. Самые дикіе и первобытные народы легко складывались въ государство... И потому на нашу похвалу нашимъ государствомъ намъ могутъ отвѣчать такъ: никто не споритъ, что вы варвары, *подающіе большія надежды*, но тѣмъ не менѣе вы все-таки варвары. И вотъ та рана, которую больше или меньше разбережаетъ Польскій вопросъ. ...Понятно, что Поляки должны смотрѣть на насъ съ высокомѣріемъ... Этотъ элементъ ...придаетъ усиліямъ и борьбѣ Поляковъ безконечно-героическій характеръ. Несчастный народъ! Какъ сильно ты долженъ чувствовать всю несоразмѣрность твоего положенія съ твоимъ высокимъ понятіемъ о себѣ! Чѣмъ выше твоя цивилизація, чѣмъ тоньше ты чувствуешь, чѣмъ изящнѣе говоришь, тѣмъ глубже приходится страдать, тѣмъ невыносимѣе для тебя какой бы то ни было перевѣсъ на сторонѣ твоихъ менѣе цивилизованныхъ соперниковъ. Твоя высокая культура есть для тебя наказаніе. Гдѣ другое племя могло бы еще примириться и покориться, тамъ для тебя невозможно никакое примиреніе, никакая покорность. Таковы чувства Поляковъ и мы всегда болѣе или менѣе ихъ понимали... Только недавно стали сильнѣе и сильнѣе высказываться требованія, чтобы всѣ части имперіи были подведены подъ одинъ уровень и пользовались бы одинаковыми правами. До сихъ поръ этого не было: до сихъ поръ вообще части имперіи, причастные Европейской цивилизаціи, пользовались иногда больше, иногда меньше, разными преимуществами и льготами... и мы даже рѣдко роптали и жаловались на предпочтеніе, отдаваемое пасынкамъ передъ родными дѣтьми".

Далѣе, Страховъ продолжаетъ: „Борьба съ Поляками, живѣе чѣмъ все другое, должна обращать наши мысли на насъ самихъ и напоминать намъ нашу низкую ступень въ ряду цивилизованныхъ народовъ... Несоразмѣрность нашей государ-

ственной силы съ нашимъ нравственнымъ значеніемъ... Съ этой точки зрѣнія, Поляки не могли бы согласиться даже стать съ нами наравнѣ. Такъ какъ изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ только они одни достигли высшей культуры, то по праву имъ должна принадлежать главная роль въ Славянскомъ мірѣ, они должны бы стоять во главѣ и руководить другими племенами. Такое притязаніе совершенно естественно вытекаетъ изъ положенія Поляковъ и невозможно ихъ осудить, если бы они стремились привести его въ исполненіе... Поляки имѣютъ за собою длинную исторію... Въ этой исторіи... они играли роль и исполняли миссіи цивилизованнаго народа среди варваровъ. Какъ представители высокой культуры, они постоянно были заняты распространеиіемъ этой культуры... Въ эти виды входила не только Малороссія; эти виды простирались и на Москву. Сама Москва подвергалась попыткамъ ополяченія и латинизированія. ...Можно ли не видѣть здѣсь самаго правильнаго и благороднаго проявленія цивилизаціи?.. Польша стремилась распространять на варварскія племена блага Европейской цивилизаціи, старалась вывести ихъ изъ мрака на свѣтъ... И вотъ гдѣ правильный источникъ ихъ притязаній на тѣ Русскія земли, которыя нѣкогда входили въ составъ Польши. ...Что полякъ можетъ видѣть, напримѣръ, въ Малороссахъ? Въ сравненіи съ его образованіемъ, они не имѣютъ никакого образованія; въ сравненіи съ его развитымъ языкомъ, они говорятъ грубымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, не имѣющимъ литературы; въ сравненіи съ его святымъ католицизмомъ, они исповѣдуютъ не вѣру, а расколъ, схизму. Этихъ людей нужно цивилизовать и почему же въ этомъ случаѣ ничтожная и ненадежная Русская цивилизація должна получить преимущество передъ богатой Польской?.. Поляки со всею искренностію могутъ считать себя представителями цивилизаціи, и въ своей вѣковой борьбѣ съ нами видѣть прямо борьбу Европейскаго духа съ Азіатскимъ варварствомъ“...

Въ заключеніе своего разсужденія, Страховъ вопрошаетъ: „Какой же окончательный выводъ изъ этого рокового дѣла? Въ

чемъ можно искать для него правильнаго исхода и надежды на примиреніе?.. Что касается до насъ, Русскихъ, — отвѣчаетъ онъ,—то мы очевидно должны съ бóльшею вѣрою и надеждою обратиться къ народнымъ началамъ. Мы тогда только будемъ правы въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда повѣримъ въ будущность еще хаотическихъ, еще несложившихся и невыяснившихся элементовъ духовной жизни Русскаго народа... На насъ лежитъ обязанность понять эти элементы, слѣдить за ихъ развитіемъ и способствовать ему всѣми мѣрами. Что касается до Поляковъ, то имъ предстоитъ также трудная задача. Очевидно, они должны отказаться отъ той доли своей гордости, которая опирается на ихъ высокую цивилизацію. Даже и въ томъ случаѣ, когда бы Польша была независима, Поляки должны подавить въ себѣ то надменіе, которое имъ внушаетъ ихъ образованіе".

„Какія задачи"! восклицаетъ Страховъ: „Русскія духовныя силы! Гдѣ онѣ? Кто кромѣ насъ имъ повѣритъ, пока онѣ не проявятся съ осязаемою очевидностью, съ непререкаемою властію?.. Отказаться отъ гордости своею цивилизаціею! Развѣ это легко?.. Польскій вопросъ, вѣроятно, еще долго будетъ глубокимъ Русскимъ вопросомъ; чѣмъ онъ труднѣе и важнѣе, тѣмъ нужнѣе для насъ сознавать въ отношеніи къ нему свой долгъ" [210]).

По поводу статьи Страхова, Петерсонъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, писалъ: „Такая статья какъ *Роковой Вопросъ* не должна была явиться безъ подписи имени автора. Только бандиты наносятъ удары съ маской на лицѣ. Вся статья основана на ложныхъ показаніяхъ. ...Развѣ не ложь сравнивать цивилизацію высшаго класса въ Польшѣ съ цивилизаціею Русскаго народа вообще? Развѣ не ложь говорить, что Поляки съ цѣлію распространить цивилизацію завладѣли Украйной и Москвой? Странно, что съ подобною благородною жаждою относительно *чужихъ* народовъ, Поляки съ *своими* собственными крестьянами обращались какъ съ скотами? Неужели Поляки считали средствомъ цивилизаціи отдачу на откупъ жидамъ

церквей Малороссіи?.. Вся Исторія Польши доказываетъ, что этотъ цивилизованный народъ никогда не имѣлъ политическаго такта, а варварская Россія, еще въ 1612 году, доказала, что въ высшей степени обладаетъ этимъ тактомъ? На чьей же сторонѣ перевѣсъ государственнаго ума? Не можетъ ли другой подумать, что въ подписи статьи словомъ *Русскій* таится коварный умыселъ. Разумѣется, Поляки поторопятся перевести эту статью на всѣ языки Европы и скажутъ: „Вотъ видите ли, какъ сами Русскіе думаютъ, не правы ли мы“ [211])?

Эти строки побудили Страхова обратиться съ письмомъ къ Каткову, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Я старался показать, что, осуждая Поляковъ, мы, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать свое осужденіе гораздо дальше, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, должны простирать его на величайшія ихъ святыни, на ихъ цивилизацію, заимствованную съ Запада, на ихъ католицизмъ, принятый отъ Рима.

Обратно, я старался показать, что, гордясь собою, мы, Русскіе, если хотимъ дѣлать это основательно, должны простирать эту гордость глубже чѣмъ это обыкновенно дѣлается, т.-е. не останавливаться въ своемъ патріотизмѣ на обширности и крѣпости государства, и обратить свое благоговѣніе на Русскія народныя начала, на тѣ глубокія духовныя силы Русскаго народа, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, зависитъ и его государственная сила.

Таковъ смыслъ моей статьи и другого нѣтъ въ ней!..

Глубоко вѣруя въ *элементы духовной жизни Русскаго народа*, я смѣло говорилъ о Польской цивилизаціи... Я, не пугаясь, смотрѣлъ въ глаза авторитету Европы, который теперь возсталъ на насъ...

Мы выше Поляковъ, говоритъ г. Петерсонъ. Кто-жъ говоритъ противное? И я этому вѣрю, и я это чувствую. Я только жалѣлъ, что мы должны доказывать наше превосходство нашею кровью, нашими побѣдами и погромами, а иначе *никто намъ не повѣритъ*. Если бы въ Европѣ была твердая мысль о нашемъ превосходствѣ, если бы хоть предчувствіе этого пре-

восходства могло существовать въ Польшѣ, не было бы Польскаго вопроса...

Европа давно уже отталкиваетъ насъ, давно уже смотритъ на насъ, какъ на враговъ, какъ на чужихъ. Когда же мы наконецъ перестанемъ подольщаться къ ней и стараться увѣрить и себя и другихъ, что мы Европейцы? Когда наконецъ мы перестанемъ обижаться, когда намъ скажутъ, что мы сами по себѣ, что мы не Европейцы, а просто Русскіе, что отъ Европы скорѣе всего намъ можно ожидать вражды, а не братства. Если я погрѣшилъ, то погрѣшилъ избыткомъ патріотизма. Пусть тѣ, кто негодуетъ на мою статью, вникнутъ хорошенько въ источникъ своего негодованія, они убѣдятся, что онъ происходитъ изъ затронутаго народнаго самолюбія; а именно это самолюбіе заговорило во мнѣ и нашло въ моей статьѣ, можетъ быть, слишкомъ рѣдкое выраженіе.

Есть самолюбія, которыя удовлетворяются малымъ; уже ли можно обвинять меня за то, что я пожелалъ для Россіи *слишкомъ многаго*, что я выразилъ нетерпѣливое ожиданіе *нравственной побѣды* Россіи надъ Европой".

Прочитавъ это письмо, Катковъ замѣтилъ: „Не грустно ли это?.. Человѣкъ хотѣлъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразить свое народное самолюбіе, свой патріотизмъ, и что же сдѣлалъ? Онъ оскорбилъ это самолюбіе, онъ возмутилъ это патріотическое чувство. Онъ возбудилъ патріотизмъ, но возбудилъ его совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ: онъ вооружилъ противъ самого себя всю силу этого чувства. Кто же тутъ виноватъ? Народъ ли, общество ли, или пророкъ, который взялся проникнуть въ глубину народнаго духа и попалъ неожиданно въ лагерь враговъ своего народа"?

LVI.

Статьѣ Страхова *Роковой Вопросъ*, Катковъ посвятилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* цѣлую апологію.

„Читателямъ",—писалъ Катковъ,—„извѣстна статья *Роко-*

вой Вопросъ, напечатанная въ журналѣ *Время*, подвергшемся за нее запрещенію. Мы не помнимъ, чтобы когда нибудь журнальная статья производила въ нашемъ обществѣ такое сильное негодованіе. Обыкновенно общественное мнѣніе у насъ не очень чутко. Давно ли еще могли безнаказанно высказываться предъ нимъ неслыханныя нелѣпости, самыя безчестныя и развратныя мысли, и наше общественная среда сносила ихъ терпѣливо и даже давала имъ ходъ, тѣмъ болѣе что онѣ являлись предъ нею во всеоружіи цензурнаго одобренія? Но какъ только въ обществѣ пробудилось одно великое чувство, такъ тотчасъ же очистилась наше нравственная атмосфера, а общественное мнѣніе стало серьезно и чутко... Никакія административныя мѣры сами по себѣ не въ состояніи сдѣлать то, что можетъ сдѣлать внутренняя сила, бодрствующая въ самомъ обществѣ, что можетъ сдѣлать общественное мнѣніе, когда оно собрано и сосредоточено на одномъ, дѣйствительно, общемъ дѣлѣ. Нечего какими нибудь искусственными мѣрами прививать къ жизни охранительные инстинкты, потому что въ этихъ-то инстинктахъ и состоитъ сила жизни. Надобно только давать ходъ силамъ жизни, призывать ихъ къ дѣятельности, устранять что стѣсняетъ ихъ проявленіе, а не повергать ихъ въ апатію, въ той мысли, что чѣмъ менѣе жизни въ обществѣ, тѣмъ будто бы общество спокойнѣе, здоровѣе и безопаснѣе“.

Сдѣлавъ это общее замѣчаніе, Катковъ переходитъ къ автору статьи и пишетъ:

„Авторомъ статьи оказался литераторъ, извѣстный какъ по своему образу мыслей, и, по нашему личному убѣжденію, вовсе неспособный къ какимъ нибудь измѣнническимъ замысламъ. Авторъ этой статьи Страховъ извѣстенъ многими статьями философскаго критическаго содержанія. Страховъ былъ постояннымъ противникомъ того пошлаго матеріализма, съ задорными ухватками, который распространился было въ нашей Литературѣ. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была настолько успѣшна, что явственно отдѣлила его отъ грязныхъ кружковъ Петербургской Журналистики, которые относились къ

нему съ ожесточеніемъ и злобою... Но, къ сожалѣнію, статьи его всегда заключали въ себѣ что-то туманное и неопредѣленное и какъ будто ничѣмъ не оканчивались... Страховъ, какъ сказано, занимается философіей и храбро причисляетъ себя къ послѣдователямъ Гегелевской философіи, давно похороненной и всѣми забытой. Не печально ли это явленіе? Люди занимаются, сами не зная чѣмъ, сами не зная зачѣмъ. Какой смыслъ представляетъ изъ себя Русскій человѣкъ, становящійся послѣдователемъ системы, выхваченной изъ цѣлаго ряда Нѣмецкихъ системъ и отдѣльно неимѣющей значенія, ни у себя дома, ни для посторонняго наблюдателя. Съ Гегелевскою философіею у Страхова соединялось еще какое-то особаго рода славянофильство, состоящее въ исканіи какихъ-то началъ народныхъ, ни на что не похожихъ, нигдѣ не существующихъ, но долженствующихъ откуда-то прилетѣть, въ исканіи какой-то почвы, словомъ, въ повтореніи того, что такъ словообильно говорится у насъ вездѣ, гдѣ только возникаетъ рѣчь о матеріяхъ важныхъ... Мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что всѣ эти модные теперь у него толки о народности, о коренныхъ началахъ, о почвѣ и т. п. не обращаютъ мысль нн къ народности, ни къ кореннымъ началамъ, не приводятъ ее къ чему нибудь дѣльному, а напротивъ, еще пуще уносятъ ее въ туманъ и пустоту. Въ этомъ-то туманѣ и разыгрываются всѣ недоразумѣнія нашихъ мыслителей и пророчествующихъ народолюбцевъ. Мы смѣемъ увѣрить этихъ господъ что они возвратятся къ народу и станутъ на почвѣ, о которой они такъ много толкуютъ, не прежде какъ переставъ толковать о ней и занявшись какимъ-нибудь болѣе серьезнымъ дѣломъ... Язва нашего времени есть страсть пророчествовать, поучать человѣчество и благодѣять ему... Хороша или дурна наша цивилизація, она есть фактъ, а этого факта уничтожить мы не можемъ, не уничтожая себя самихъ и всего насъ окружающаго. И не цивилизація наша дурна, а дурны мы сами, потому что мы ничѣмъ серьезнымъ не занимаемся, а только пророчествуемъ... До какихъ грустныхъ послѣдствій доводитъ людей неестественность и вычур-

ность мысли, примѣромъ тому можетъ служить статья Страхова... Въ своей статьѣ, такъ оскорбившей, такъ возмутившей Русское чувство, онъ имѣлъ наивную надежду послужить органомъ этому самому чувству! Онъ забылъ и почву, и народное чувство, и событія, происходящія теперь у всѣхъ предъ глазами, и погрузился въ метафизику *вопроса*... Въ глубинѣ своего созерцанія Страховъ пришелъ къ той мысли, что яблокомъ раздора между Европой и Россіей служитъ Польская цивилизація. Онъ увѣренъ, что Европа видитъ въ Польской цивилизаціи свое дорогое дѣтище и отстаиваетъ ее отъ нашего варварства. Онъ вообразилъ себѣ, что вся эта суматоха, которая поднялись въ Европѣ по Польскому дѣлу, произошла отъ того, что Европа видитъ въ Польшѣ цвѣтъ своей цивилизаціи, которому грозитъ со стороны Россіи. Въ пустотѣ, называемой глубиною, всякая мысль легко можетъ придти въ голову, и человѣкъ теряетъ побужденіе отдать себѣ отчетъ въ ней; очень спокойно, самъ не замѣчая того, принялъ точку зрѣнія, которая какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ видамъ Поляковъ и даетъ смыслъ самымъ безумнымъ изъ ихъ притязаній... Очень естественно, что статья Страхова должна была оскорбить и возмутить всѣхъ Русскихъ людей, которые лишены даже ясновидѣнія и живутъ, какъ всѣ люди, въ обыкновенномъ, общемъ для всѣхъ мірѣ. По здравому смыслу, тонкіе намеки оракула должны были показаться очень грубымъ предательствомъ, которое въ самый разгаръ борьбы объявляетъ дѣло враговъ своего Отечества дѣломъ цивилизаціи. Никто не могъ понять и оцѣнить того безмѣрнаго великодушія, той щедрости метафизика-патріота, которой, отдавая Полякамъ Европейскую цивилизацію, вознаграждалъ за то свое Отечество фантастическими видами на будущее... Мы можемъ смѣло увѣрить Страхова, что никто изъ мыслящихъ политическихъ людей къ Европѣ не обольщаетъ себя достоинствами Польской цивилизаціи. Ни однимъ шиллингомъ не пожертвуетъ Англія на Польскую цивилизацію; Германія же отдастъ послѣдній пфенигъ, чтобы только не допустить возстановленія Польши съ ея цивилизаціею. Франція видитъ въ

Польшѣ также не цивилизацію, а вассала и слугу, chair à canon... Если бъ Европейскимъ государственнымъ людямъ, особенно Англійскимъ и Германскимъ, пришлось хозяйничать въ Польшѣ при тѣхъ условіяхъ, какъ хозяйничаемъ мы, такъ тамъ въ самомъ скоромъ времени не было бы и помина ни о Польской національности, ни о святынѣ католицизма. Европейская цивилизація расправилась бы тамъ съ этими святынями несравненно успѣшнѣе нашего варварства, такъ такъ она уже расправилась съ ними въ присоединенныхъ къ Германіи Польскихъ земляхъ... Равномѣрно и предразсудки касательно нашего варварства давно уже потеряли кредитъ въ Европѣ. Насъ не считаютъ варварами, но насъ мало уважаютъ, потому что мы сами не уважаемъ себя. Насъ, между прочимъ, не уважаютъ за то, что мы слишкомъ выбиваемся изъ силъ, чтобы походить не на себя, и еще до сихъ поръ наши интимныя мысли, наши дружескія объясненія и конфиденціальныя сообщенія творимъ на Французскомъ языкѣ. Насъ не уважаютъ также за то, что мы все ищемъ какой-то почвы, что толкуемъ о какихъ-то началахъ и хотимъ быть Русскими, не-просто по-Русски, а по какой-нибудь Нѣмецкой метафизикѣ“ [212]).

Съ своей стороны, И. С. Аксаковъ писалъ: „Обстоятельства, о которыхъ разсказывать неудобно, лишаютъ насъ возможности вступить въ полемику съ авторомъ статьи *Роковой Вопросъ*, но мы не считаемъ себя въ правѣ оставить безъ оговорки ссылку, сдѣланную авторомъ, на сочиненіе покойнаго И. В. Кирѣевскаго. Это имя слишкомъ намъ близко и дорого, чтобъ мы не постарались оградить его отъ несправедливаго нареканія. Авторъ статьи, въ подтвержденіе своей мысли о великомъ значеніи и побѣдоносной силѣ Польской образованности, *дающей Полякамъ полное право считать себя въ цивилизаціи наравнѣ со всѣми другими Европейскими народами*, а на насъ смотрѣть не иначе, *какъ на варваровъ*,—приводитъ слова Кирѣевскаго о Польской цивилизаціи въ XV—XVI вѣкѣ, *опустивъ начало* и *конецъ* его разсужденія объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ, Кирѣевскій именно доказываетъ, что вся

эта Польская блестящая ученость была принадлежностью однихъ высшихъ классовъ, отражаясь на одной поверхности общественной жизни, не обратилась въ капиталъ народнаго Просвѣщенія *)... Такимъ образомъ, мысль Кирѣевскаго не только не подтверждаетъ, но *положительно опровергаетъ* мысль автора статьи *Роковой Вопросъ*. Мы не можемъ не возмущаться этою попыткою автора прикрыть свое сомнительное направленіе авторитетомъ честнаго имени Кирѣевскаго, извѣстнаго глубиной своихъ Русскихъ воззрѣній и искреннею любовію къ Русской народности... Вотъ на какой авторитетъ будто бы опираясь, авторъ статьи *Роковой Вопросъ* рѣшился сказать, что *каковы бы ни были поводы къ борьбѣ, но одушевленіе борьбы очевидно воспламеняется тѣмъ, что, съ одной стороны, борется народъ цивилизованный, а съ другой—варвары*, что *Поляки едва ли могутъ смотрѣть*, на насъ иначе, какъ на варваровъ, что высокая культура Польскаго народа есть для него наказаніе, и что по отношенію къ Россіи, Поляки играютъ роль и исполняютъ миссіи цивилизованнаго народа среди варваровъ".

Но апологія Каткова задѣла за живое Ю. Ѳ. Самарина, и онъ возсталъ противъ мнѣнія Каткова о занятіяхъ философіею, о народныхъ началахъ, о почвѣ и пр. „Замѣтка *Русскаго Вѣстника*",—писалъ Самаринъ—„о статьѣ *Роковой Вопросъ*, должна была обратить на себя вниманіе по многимъ причинамъ и совершенно независимо отъ обстоятельства, ее вызвавшаго. Въ замѣткѣ, едва ли не въ первый разъ, такъ опредѣлительно выразились отношенія этого журнала къ нашей публикѣ и взглядъ его на нѣкоторые общіе вопросы, которые онъ до сихъ поръ осторожно обходилъ. Поводомъ, какъ извѣстно, послужила статья, которой мы не беремся, ни разбирать, ни опровергать, ни оправдывать. Она возбудила въ нашей публикѣ негодованіе, доселѣ небывалое, и *Русскій Вѣстникъ* поспѣшилъ принять это новое заявленіе общественнаго мнѣнія подъ свое покровительство" [218]).

*) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861. II, 29—32.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Погодинъ, выходя изъ Лѣтняго Сада, встрѣтился съ княземъ Васильемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, который пригласилъ Погодина „съ нимъ пройтись“. Во время прогулки, Погодинъ сказалъ князю Долгорукову: „А у васъ здѣсь происходитъ нехорошее. Запрещеніе *Времени*,—мѣра самая неполитическая“.

— Но статья возбудила всеобщее негодованіе.

„Она подверглась бы осужденію во всѣхъ журналахъ и дѣйствіе ея, такимъ образомъ, было бы уничтожено. А теперь противная сторона схватится за это запрещеніе, переведетъ статью на всѣ Европейскіе языки и закричитъ, что у насъ печатается только согласное съ видами Правительства, а чуть послышится голосъ противный, такъ тотчасъ и заставятъ его умолкнуть“.

Съ своей стороны, И. С. Тургеневъ, изъ Баденъ-Бадена, писалъ В. П. Боткину: „Твое письмо дышетъ патріотизмомъ; видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его волнахъ, я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи *Времени*,—журнала во всякомъ случаѣ *умѣреннаго*. Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ“ [214]).

LVII.

Еще 1-го октября 1862 года, извѣстный нашъ филологъ П. А. Лавровскій писалъ, изъ Харькова, Погодину: „На дняхъ у меня была курьезная исторія, ужъ чисто восточная, съ Малоруссами, по поводу лекціи о значеніи литературнаго языка Малорусскаго, о необходимости единства литературнаго и о сомнительности, чтобы Малорусское нарѣчіе могло быть органомъ высшей образованной Литературы. Результатъ, впрочемъ, вышелъ полезный: лекція заставила Малоруссовъ подумать, сообразить, кое-что прочитать и въ младшемъ поколѣніи отняло рабскую вѣру къ старшему. Замѣчательны возраженія, сдѣланныя мнѣ, не столько по содержанію, потому что оно поверх-

ностно, а по тону и тенденціямъ. Громовая лекція, послѣ замѣчаній, поразила агитаторовъ, задумавшихъ въ полномъ смыслѣ слова эксплуатировать юные умы. Я записалъ разговоръ съ дѣлавшими мнѣ (замѣчанія); напечатать его нельзя безъ ввода въ это дѣло тайной полиціи; но въ перепискѣ пошлю И. С. Аксакову, чтобы знали тѣ, кому вѣдать надлежитъ, что за идеи, за понятія и за стремленія у нѣкоторыхъ изъ южныхъ Руссовъ. Спеціальный курсъ у меня о Кириллѣ и Меѳодіѣ; мнѣ хочется доказать ихъ *православіе*, противъ Штульца, Рачкаго, Гинцеля и другихъ" [215]).

Въ слѣдующемъ, 1863 году, Кіевскій Цензурный Комитетъ указалъ министру Внутреннихъ Дѣлъ на необходимость принять мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на Малороссійскомъ нарѣчіи, и что Кіевскій генералъ-губернаторъ находилъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ перевода на Малороссійское нарѣчіе Новаго Завѣта.

Вслѣдствіе этого указанія Кіевскаго Цензурнаго Комитета, министръ Внутреннихъ Дѣлъ, П. А. Валуевъ, обратился къ министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину съ просьбою сообщить ему свое мнѣніе о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на Малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародія.

Въ своемъ отвѣтѣ Валуеву, отъ 20 іюля 1863 года, Головнинъ выразилъ свой взглядъ на вопросъ, затронутый Кіевскимъ Цензурнымъ Комитетомъ.

„Сущность сочиненія",—писалъ Головнинъ,—„мысли, изложенныя въ ономъ, и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ написано, составляютъ основанія къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и что стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать, весьма полезно въ видахъ народнаго Просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. По сему Министерство Народнаго Просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію. Затѣмъ, если стараніе это произво-

дится нѣкоторыми лицами какъ личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанныя на Малороссійскомъ языкѣ, употребляются какъ орудіе вредной антирелигіозной или политической пропаганды, то Цензура обязана запрещать подобныя книги; но запрещать ихъ за мысли, въ нихъ изложенныя, а не за языкъ, на которомъ писаны, и если таковыхъ сочиненій представляется въ Кіевскій Цензурный Комитетъ значительное число, то Комитетъ сей могъ бы просить о временномъ усиленіи личнаго состава цензоровъ. Требованіе же Комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на Малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ. Что же касается до мнѣнія Кіевскаго генералъ-губернатора, что опасно и вредно выпустить въ свѣтъ Малороссійскій переводъ Новаго Завѣта, разсматриваемый Духовною Цензурою, то, изъ уваженія къ г. генералъ-адъютанту Анненкову, я объясняю себѣ подобный отзывъ какою-то непонятною канцелярскою ошибкою. Духовное Вѣдомство имѣетъ священною обязанностью распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями Имперіи на всѣхъ языкахъ и истиннымъ праздникомъ нашей Церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ, понятномъ обитателямъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, всемѣрно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ и чрезъ нихъ въ народѣ книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему Малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный Духовною Цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и Министерство Народнаго Просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха. Въ заключеніе считаю долгомъ сказать, что лѣтъ за пятнадцать предъ симъ, я находился въ Финляндіи въ то самое время, когда приняты были строгія

цензурныя мѣры противъ книгъ, которыя печатались для народа на Финскомъ языкѣ и разныхъ нарѣчіяхъ онаго, причемъ было дозволено издавать на этомъ языкѣ только книги духовнаго или агрономическаго содержанія. Я былъ тогда свидѣтелемъ негодованія, которое возбудила эта мѣра въ лицахъ самыхъ преданныхъ Правительству, которыя оплакивали оную, какъ политическую ошибку. Враги Правительства радовались этому распоряженію, ибо оно приносило большой вредъ самому Правительству".

На копіи съ этого отношенія, рукою Т. И. Филиппова сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Это отношеніе статсъ-секретаря Головнина было напечатано, въ числѣ многихъ другихъ, въ особомъ сборничкѣ (своего рода антологія), который предназначенъ былъ собственно для высшихъ государственныхъ сановниковъ и почетнѣйшихъ лицъ изъ Петербургскаго общества, какъ аналогія распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія по разнымъ вопросамъ, но потомъ ходилъ вообще по рукамъ въ Петербургѣ, несмотря на надпись на экземплярахъ: *весьма секретно*".

Горячимъ поборникомъ мысли Головнина въ нашей Литературѣ явился Костомаровъ, а горячимъ противникомъ ея — Катковъ.

Въ *Основѣ* Костомаровъ заявилъ мысль о сборѣ на изданіе книгъ научнаго содержанія на Южнорусскомъ нарѣчіи. Побужденія къ тому, какъ онъ самъ пишетъ, были такія: „1) по моему глубокому убѣжденію, подтвержденному для меня опытомъ, какъ книжный языкъ съ тѣмъ складомъ, какой мы ему усвоили, неудобенъ для передачи свѣдѣній простому сельскому народу вообще на Руси. У народа своя укладка понятій, своеобразное теченіе рѣчи, и наконецъ, множество своихъ словъ и оборотовъ, намъ столько же чуждыхъ, какъ чужды ему составленные нами, такъ что многое, что читаетъ народъ въ нашихъ книгахъ, ему непонятно единственно оттого, что мы ему передаемъ все это въ непонятной формѣ. Популярныя книги научнаго содержанія для сельскаго народа должны быть

написаны народнымъ, а не нашимъ книжнымъ искусственнымъ языкомъ, съ большимъ или меньшимъ удаленіемъ отъ послѣдняго, смотря по мѣстностямъ и употребительному въ каждой изъ нихъ способу выраженія. Значительная часть Южной Руси говоритъ своеобразнымъ языкомъ, который мы называемъ Южнорусскимъ. Увѣряютъ, что это не языкъ, а нарѣчіе. Мы бы могли въ пользу свою привести мнѣнія извѣстныхъ филологовъ; но не въ томъ дѣло; нарѣчіе ли, языкъ ли — все равно; и въ томъ и въ другомъ случаѣ фактъ существованія особаго вида рѣчи не измѣняется, а изъ этого факта сама собою вытекаетъ потребность писать для Русскаго народа въ Южной Руси особымъ, удобовразумительнымъ и сообразнымъ съ мѣстными свойствами рѣчи способомъ. Никто не думалъ и не думаетъ изгонять изъ Южной Руси книжнаго, общаго, государственнаго языка; никто не заявлялъ о замѣненіи его инымъ какимъ бы то ни было въ университетахъ, гимназіяхъ, семинаріяхъ. Шло дѣло только о преподаваніи въ селахъ и главное о составленіи такихъ книгъ, которыя были бы доступнѣе и вразумительнѣе для уроженцевъ Южной Руси, привыкшихъ къ своему родному языку, и, разумѣется, любящихъ свое духовное достояніе. 2) Въ послѣднее время, возникла охота писать по-Южнорусски; эта юная Литература ударилась въ безплодную беллетристику; при учрежденіи сбора была мысль обратить этого рода умственную дѣятельность на пользу народнаго Просвѣщенія. Сознаюсь, что я мало сочувствую писательству повѣстей и пѣснопѣній на Южнорусскомъ языкѣ; если этого языка Литература гдѣ-нибудь вполнѣ законна и стоитъ на практической почвѣ, то въ такихъ только сочиненіяхъ, которыя предназначаются для того, чтобы легчайшимъ и самымъ естественнымъ путемъ провести въ народъ знаніе и Просвѣщеніе. На такихъ побужденіяхъ основанное предпріятіе нашло сочувствіе между моими земляками, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси лѣвой стороны Днѣпра. На правой мысль наша принята была очень слабо: изъ Кіевской и Подольской губерній прислано чрезвы-

чайно мало денегъ, въ сравненіи съ губерніями лѣвой стороны, и тѣ единственно отъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ и Русскихъ чиновниковъ; изъ Волынской не получено ничего. Это объясняется тѣмъ, что въ этихъ краяхъ господствуетъ между высшимъ образованнымъ классомъ Польскій элементъ, враждебный нашему дѣлу. Это очень жаль, потому что поддержка и развитіе мѣстной рѣчи служили бы сильнымъ противодѣйствіемъ распространенія тамъ полонизаціи. По нашему мнѣнію, Русскому обществу слѣдовало бы помогать намъ въ этомъ дѣлѣ, не слушая тѣхъ, которые показываютъ или крайнюю недобросовѣстность или крайнее незнаніе своей Исторіи и Этнографіи, допуская нелѣпое подозрѣніе о возможности солидарности какого бы то ни было Малорусскаго дѣла съ какимъ бы то ни было Польскимъ. Это было бы очень смѣшно, еслибъ не было такъ оскорбительно“ [216]).

LVIII.

„Ступайте по всей Русской землѣ“,—писалъ Катковъ—„гдѣ только живетъ Русскій народъ, и вы безъ труда поймете всякаго, и васъ безъ труда пойметъ всякій. Наиболѣе рѣзкую особенность встрѣтите вы въ Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ говорѣ. Но почему это? Заселены ли эти мѣста какими-либо особыми народностями?.. Нѣтъ, здѣсь искони жилъ Русскій народъ, здѣсь началось Русское государство, здѣсь началась Русская вѣра, и здѣсь же начался Русскій языкъ... Здѣсь явились первые памятники его духовной жизни, его образованія, его Литературы... Но Монголы и Литва разрознили на нѣкоторое время Русскія народонаселенія, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая подъ Польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью, и хотя отстояла себя, но тѣмъ не менѣе время разъединенія съ Россіей внесло въ Южно-Русскую рѣчь нѣсколько Польскихъ элементовъ, и вообще нѣсколько обособило ее... Какъ есть вездѣ, такъ естественно были и у насъ любители мѣстныхъ нарѣчій. Дѣлались попытки писать

стихи и разсказы съ поддѣлкою подъ Малороссійскій говоръ, но дѣлались въ видахъ чисто литературныхъ... У писавшихъ не было и тѣни замысла создать изъ мѣстнаго нарѣчія особый языкъ и возвести его въ символъ особой народности... Года два или три тому назадъ, вдругъ почему-то разыгралось украйнофильство. Оно пошло параллельно со всѣми другими отрицательными направленіями, которыя вдругъ овладѣли нашею Литературою, нашею молодежью, нашимъ прогрессивнымъ чиновничествомъ и разными бродячими элементами нашего общества... Польскіе публицисты съ безстыдною наглостію начали доказывать Европѣ, что Русская народность есть призракъ, что Юго-Западная Русь не имѣетъ ничего общаго съ остальнымъ народомъ Русскимъ, что она... гораздо болѣе тяготѣетъ къ Польшѣ. На это грубѣйшее искаженіе Исторіи наша Литература, къ стыду своему, отозвалась тѣмъ же ученіемъ о какихъ-то двухъ Русскихъ народностяхъ и двухъ Русскихъ языкахъ... И вотъ, мало-по-малу, изъ ничего образовалась цѣлая литературная украйнофильская партія, вербуя себѣ приверженцевъ въ нашей беззащитной молодежи... Явились новые Кириллы и Меѳодіи... По Украинскимъ селамъ начали появляться, въ бараньихъ шапкахъ, усердные распространители Малороссійской грамотности, и начали заводить Малороссійскія школы, въ противность усиліямъ мѣстнаго духовенства, которое вмѣстѣ съ крестьянами не знало какъ отбиться отъ этихъ непрошенныхъ просвѣтителей... Наконецъ, однимъ профессоромъ, составившимъ себѣ литературную извѣстность *), торжественно открыта подписка для сбора денегъ на изданіе Малороссійскихъ книгъ и книжекъ... Не пора ли этимъ украйнофиламъ понять, что они дѣлаютъ нечистое дѣло, что они служатъ орудіемъ самой враждебной и темной интриги?... Изъ разныхъ мѣстъ Малороссіи получаемъ мы вопіющія письма объ этомъ зловредномъ явленіи, которое тревожитъ и возмущаетъ тамъ мыслящихъ и серіозныхъ людей... Мы знаемъ, что самые фанатическіе изъ Польскихъ агитаторовъ ожидаютъ, рано или

*) Костомаровымъ. *Н. Б.*

поздно, особенной пользы своему дѣлу отъ украйнофильства... Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украйнофилами; имѣя въ мысли великій идеалъ въ лицѣ *Конрада Валленрода*... Польскіе повстанцы, которые дерутся и гибнутъ въ лѣсахъ, знаютъ, по крайней мѣрѣ, чего они хотятъ. Польская народность жила когда-то особымъ государствомъ... Польскій языкъ есть языкъ существующій... Но чего хотятъ наши украйнофилы?.. Малороссійскаго языка никогда не было... Спрашивается, изъ какихъ побужденій можетъ возникнуть желаніе сочинить такой особый языкъ?... Общепринятый Русскій языкъ не есть какой-нибудь мѣстный, или, какъ говорятъ, Великороссійскій языкъ. Можно съ полною очевидностью доказать, что это языкъ не племенной, а историческій, и что въ его образованіи столько же участвовала сѣверная Русь, сколько и южная, и послѣдняя даже болѣе... Неужели наши украйнофилы, безсознательно завлеченные въ интригу, будутъ работать на нее даже и теперь, когда народъ на Украйнѣ такъ энергически доказалъ свою преданность общему Отечеству, и когда по селамъ Русскаго Царства, у всѣхъ въ устахъ и на сердцѣ имя Кіева... имя, въ которомъ, быть можетъ, еще болѣе единящей силы, чѣмъ въ имени самой Москвы“?

Въ заключеніе Катковъ заявляетъ: „Мы считаемъ своимъ долгомъ объявить Костомарову, чтобъ онъ не трудился присылать въ Редакцію нашей газеты объявленія о пожертвованіяхъ, собираемыхъ имъ въ пользу изданій Малороссійскихъ. Такихъ объявленій мы печатать не будемъ, и каемся, что въ началѣ этого (1863) года, по случайной оплошности, эти объявленія раза два появлялись въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ [217]).

По поводу „разныхъ выходокъ и намековъ, мелькающихъ въ газетахъ и журналахъ“, Погодинъ, въ своемъ *Польскомъ Вопросѣ*, сказалъ о Малороссіи слѣдующее: „Малороссія и Великороссія такъ переплелись между собою Исторіей, Географіей, Филологіей, Генеалогіей, обстоятельствами, именами, что ихъ раздѣлить никоимъ образомъ нельзя. Это утокъ и основа (если и не Петербургская) одной и той же ткани. И въ то

время, когда тридцать семь Германскихъ владѣній хлопочутъ о своемъ совокупленіи, когда враждебныя между собою Итальянскія земли составили почти одно цѣлое, когда сѣверныя государства, Данія, Швеція и Норвегія, стараются слиться, когда Молдавія и Валахія образуютъ уже одно государство, тогда думать у насъ о какомъ-нибудь сепаратизмѣ—есть нелѣпость, обличающая состояніе, близкое къ помѣшательству или мономаніи. Децентрализація, т.-е., предоставленіе самоуправленія, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, областямъ, округамъ, городамъ, волостямъ, — поощреніе мѣстныхъ интересовъ, — о, это я понимаю, этого я желаю для Малороссіи, Великороссіи, всей Россіи, Польши, Франціи, Италіи... таково, кажется, сознаніе и Правительства, что мы видимъ, даже въ эту минуту, на новомъ учрежденіи въ Москвѣ Городской Думы. Таково сознаніе и прочихъ Европейскихъ правительствъ, болѣе или менѣе. Развитіе Малороссійскаго нарѣчія, содѣйствіе Малороссійской Литературѣ, я одобряю въ полной мѣрѣ, но возводить его на степень особаго литературнаго языка, я считаю нелѣпостью, нелѣпостью особенно теперь, когда во всѣхъ Славянскихъ племенахъ распространяется мысль, и дѣлаются опыты ввести Великорусское нарѣчіе въ общее для всѣхъ Славянскихъ племенъ литературное употребленіе! Западные отдаленные наши единоплеменники хотятъ писать и объясняться по-Русски, а ближайшіе, восточные, будутъ отъ насъ отворачиваться? Смѣшно и жалко! Я представляю себѣ сепаратное Малороссійское государство, какъ оно, можетъ быть, рисуется въ воображеніи нѣкоторыхъ фантазеровъ: ну, оно тотчасъ и возобновило бы старую борьбу съ Поляками. Я укажу даже гдѣ— въ Галиціи. Разумѣется, Малороссіи скоро тяжело бы стало отъ напора Поляковъ, которымъ также надо вѣдь, хоть въ воображеніи, предоставить всѣ исконныя Польскія владѣнія; тогда Малороссіянамъ съ какимъ-нибудь Хмѣльниченкомъ или Голопупенкомъ ничего не остается дѣлать, какъ, почесывая затылокъ, обратиться къ тому же москалю, къ тому же кацапу, и поклонившись низко, сказать: помоги братенько! Ляхи, вра-

жіи дѣти, одолѣваютъ насъ; мы виноваты предъ тобою, сдурили; впередъ не будемъ, слуги твои, братья и други! Такимъ образомъ, повторилась бы исторія Богдана Хмѣльницкаго, съ лишнимъ пролитіемъ крови. Я сказалъ: Малороссія и Великороссія переплелись между собою; скажите, кто были Изяславъ, Мономахъ, Мстиславъ, Юрій, Святославъ, Игорь, Олегъ, Андрей et tutti quanti до нашествія Монголовъ? Мнѣ кажется, что они были Великороссіяне; Максимовичъ говоритъ, что они были Малороссіяне; Костомаровъ и другіе говорятъ, что они были ни Великороссіяне, ни Малороссіяне, а праотцы тѣхъ и другихъ. Ясно ли, что они близкая родня, если могутъ считаться одни за другихъ, или быть тѣми и другими вмѣстѣ? Въ средней Исторіи, Петръ митрополитъ изъ Волыни и Алексѣй митрополитъ изъ Чернигова, двое изъ главныхъ основателей Московскаго величія, не говоря уже о прочихъ выходцахъ, достаточно поддерживаютъ единство древней Исторіи. Въ позднѣйшее время ревнители нашего ученаго и учебнаго Просвѣщенія, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ-Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Дмитрій Ростовскій, Арсеній Мацеевичъ, съ безсчисленными учениками, подкрѣпляютъ первую связь. Наконецъ, Кочубеи, Завадовскіе, Безбородко, Трощинскіе, Разумовскіе, Миклашевскіе, Гудовичи, Капнисты, Бортнянскіе, Тимковскіе, Гоголи (милости просимъ и любезнаго моего антагониста, Михайла Александровича Максимовича, въ честную компанію) служатъ общему Отечеству съ одинаковою ревностью, на всѣхъ поприщахъ, и увѣнчиваются одинакими лаврами. Малороссіянъ-Великороссіянъ на службѣ въ Петербургѣ, по соразмѣрности съ населеніемъ, число одинакое. Если нельзя отдѣлить Малороссіи отъ Великороссіи въ Исторіи, то въ Географіи еще труднѣе: кому долженъ принадлежать Кіевъ? Какъ раздѣлить Малороссіянъ и Великороссіянъ въ губерніяхъ Новороссійскихъ, въ Воронежской, Курской и Орловской; Малороссіянъ и Бѣлорусцевъ въ Черниговской, Минской и Могилевской? За которой Русью долженъ остаться національный эпитетъ, народное прозвище, *святой?* Имя Руси принадлежало

сначала Кіеву, а теперь Кіевляне и всѣ Малороссіяне и Новороссіяне, отправляясь въ Москву, говорятъ, что они ѣдутъ въ Россію. Что касается нарѣчій, Великороссійскаго и Малороссійскаго, то отецъ Филологіи, Добровскій, объявилъ ихъ родными между собою и двоюродными относительно прочихъ. Конфедераціи, Союзы, въ родѣ Швейцарскаго, можетъ быть предстоятъ для Европейскихъ государствъ въ будущемъ, но теперь самыя развитыя Европейскія государства ищутъ слиянія; даже Испанія, предназначенная, какъ мнѣ кажется, начать эту новую форму,—объ ней не думаетъ" [218]).

М. А. Максимовичъ, прочитавъ эти строки, писалъ Погодину: „Прибавка объ Украинцахъ справедлива, несмотря на ироническое изображеніе, безъ котораго можно бы и обойтись, хотя имъ доволенъ я вполнѣ".

LIX.

22-го іюня 1863 года, Н. И. Любимовъ писалъ Погодину: „Статья Каткова объ украйнофилахъ, видно, заживо задѣла ихъ, тѣхъ же издателей, или ихъ сотрудниковъ! *Знаетъ кошка чье мясо съѣла*... Правда глаза колетъ. — Отъ этого такъ и разъярились.—Но статья его *какъ нельзя болѣе кстати*,—и, при настоящихъ глупыхъ тенденціяхъ пустоголовыхъ людей, или людей вредныхъ, есть своего рода *заслуга*.—Послѣ вашего *превосходнаго кончика по тому же предмету* (кончикъ въ статьѣ: *Польскій* вопросъ), я ничего подобнаго не читалъ" [219]).

Противъ Каткова, въ *Днѣ*, выступилъ Костомаровъ. Онъ писалъ: „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* высказана мысль, будто сборъ пожертвованій въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на Южнорусскомъ языкѣ есть дѣло тайныхъ Польскихъ интригъ, клонящихся ко вреду Россіи, и что я, вмѣстѣ съ другими лицами, содѣлался орудіемъ нашихъ враговъ. Такъ какъ подобное подозрѣніе касается чести моей и другихъ земляковъ моихъ, то я приглашаю *Московскія Вѣдомости* представить ясные и фактическіе доводы, по которымъ общественное мнѣніе

могло бы или обвинить, или оправдать меня. Свидѣтельствую честью,—заключаетъ Костомаровъ свой отвѣтъ,—что по вопросу о сборѣ я не только не получалъ никакихъ внушеній отъ Поляковъ, но даже не случалось мнѣ вступать въ разговоры съ Поляками объ этомъ дѣлѣ. Безсознательнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ быть не могъ ни я, ни другіе. Пусть же *Московскія Вѣдомости*, или докажутъ противное фактами, или сознаются въ ложномъ обвиненіи: этого я требую отъ нихъ во имя оскорбленной гражданской чести".

И. С. Аксаковъ, печатая протестъ Костомарова, счелъ, однако, нужнымъ снабдить его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Мы охотно помѣщаемъ у себя протестъ Костомарова противъ неправильнаго увѣренія *Московскихъ Вѣдомостей* въ томъ, что онъ сдѣлался невольнымъ, какъ *должно* понимать изъ словъ вышеупомянутой газеты, — орудіемъ Польской интриги. Нашъ личный взглядъ на ту пользу, которую, какъ средство, можетъ принести употребленіе мѣстнаго нарѣчія въ первоначальномъ, народномъ образованіи, тамъ, гдѣ это нарѣчіе, вслѣдствіе особенной исторической обстановки народной жизни, перестало быть простымъ говоромъ и окрѣпло въ своей особенности, уже извѣстенъ читателямъ. То, что мы говорили о Бѣлоруссіи и Бѣлорусскомъ нарѣчіи, совершенно одинаковымъ образомъ относится и къ Украйнѣ праваго берега Днѣпра, въ особенности къ Подоліи и Волыни, гдѣ, къ несчастію, общество не менѣе Польское, какъ и въ Бѣлоруссіи. Впрочемъ, мы не видимъ никакой опасности для нашего Русскаго единства и въ томъ, если даже и въ Полтавской или Черниговской губерніи найдутся охотники передавать первоначальныя познанія Малорусскому простонародью болѣе удобнымъ для него образомъ—Малорусскою рѣчью. Въ этомъ отношеніи должна быть предоставлена полная свобода частнымъ школамъ; но что касается Правительства, то оно, конечно, съ своей стороны, можетъ признавать обязательнымъ: для общества—разумѣніе, а для себя—преподаваніе *только* Русскаго общественнаго и государственнаго языка, — того языка, которымъ оно говоритъ со всѣмъ *Русскимъ*

народомъ, не справляясь съ его нарѣчіями. Такъ, напримѣръ, филологи утверждаютъ, что Червоннорусское нарѣчіе представляетъ значительныя уклоненія отъ Малорусскаго—и нашимъ Украинскимъ патріотамъ, если бы они захотѣли поступать добросовѣстно, пришлось бы въ одномъ мѣстѣ учить крестьянина читать *вилкъ*, а верстъ черезъ пять-десять *вулкъ* и т. д. Если бы Малоруссы стали бы навязывать Червоннорусcамъ свое Полтавское или даже *самое чистѣйшее* Чигиринское нарѣчіе, то это было бы съ ихъ стороны поступкомъ крайне непослѣдовательнымъ и крайне деспотическимъ. Тѣмъ менѣе можетъ принимать на себя подобную обязанность Министерство Народнаго Просвѣщенія въ народныхъ школахъ, какъ это, по слухамъ, добиваются нѣкоторые украинофилы. Но преслѣдованіе Украинской грамоты въ частномъ преподаваніи несравненно опаснѣе полной свободы, предоставленной въ этомъ отношеніи Украинцамъ, и могло бы только дать силу и прочность тому, что, при полной свободѣ, скоро бы оказалось или неудобнымъ, или излишнимъ, или временною прихотью, возбужденною ложною теоріею федерализма. Всякой лжи, какъ было уже не разъ нами сказано, должна быть предоставлена полная свобода самоубійства: все лживое въ этой украйноманіи скоро бы развилось до нелѣпости и само бы отвалилось, а осталось бы только то истинное, что пусть живетъ и поживаетъ себѣ на здоровье. Такъ, покойный Хомяковъ съ радостью привѣтствовалъ въ *Русской Бесѣдѣ* появленіе первыхъ *проповѣдей* на Малорусскомъ языкѣ, и онъ же—притязанія на особенную Малорусскую Литературу, выраженныя въ статьяхъ Кулиша въ *Основѣ* и нападки Малоруссовъ на Гоголя, зачѣмъ онъ писалъ по-Русски *) — назвалъ, въ публичной рѣчи, кривляньемъ и актерствомъ народности. Увлеченія Малоруссовъ—виноватъ: *Малороссійскихъ патріотовъ* (Малоруссъ и Малороссійскій *патріотъ*—это вовсе не одно и то же и большею частью находится въ совершенномъ другъ другу противорѣчіи) — увлеченіе сихъ

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1904. XVIII, 128—132.

патріотовъ доходитъ иногда до того, что они поправляютъ даже и самый текстъ Лѣтописи, переиначивая слова въ ученыхъ цитатахъ на ладъ Малороссійскій *). Мы вполнѣ уважаемъ чувство любви къ своей народности въ каждомъ, и признаемъ права каждой народности на свободное развитіе, но смѣшно величать *народностью* какія-либо племенныя особенности или черты мѣстныхъ нравовъ. Если бы мы стали на точку зрѣнія Костомарова, выраженную въ извѣстной его статьѣ, то намъ пришлось бы, говоря безпрестанно въ *Днѣ* о Русской народности, прибавлять, что дѣло идетъ только о Великорусской народности, т.-е., о Московской и нѣкоторыхъ губерніяхъ, и даже не объ Орловской, не Новгородской, не Харьковской, гдѣ украинофилы видятъ присутствіе Малорусскаго элемента. Однако же мы на это ограниченіе нисколько не согласны, и очень сожалѣемъ, что узкость племеннаго чувства такъ много мѣшаетъ свободѣ разумѣнія въ нашемъ почтенномъ историкѣ. Обращаясь опять къ Малорусской грамотѣ, мы замѣтимъ только, что дѣло вовсе не въ фактѣ обученія Малороссовъ по Малорусскимъ азбукамъ и въ изданіи полезныхъ книгъ для первоначальнаго чтенія,—а дѣло въ цѣли, которую, къ сожалѣнію, нѣкоторые имѣли въ виду,—въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми эти нѣкоторые руководствовались. Мы этихъ нѣкоторыхъ знаемъ и сами, но вполнѣ вѣримъ Костомарову, что какъ у него, такъ и у его друзей, побужденія *вполнѣ чисты и искренни*,—и мы, съ своей стороны, никогда бы и не позволили себѣ заподозрить его не только въ солидарности съ Польскимъ дѣломъ (!!!), но даже и въ сочувствіи къ Польскимъ элементамъ на Украйнѣ: ни онъ, ни его друзья, не были бы тогда кровными Малоруссами, а мы готовы ихъ признать таковыми—несмотря на всю ненародность ихъ украйнофильскихъ патріотическихъ и ученыхъ федералистическихъ теорій. Изданіе Малорусскихъ книгъ для народнаго чтенія мы считаемъ дѣломъ не безполезнымъ, и не отказываемся ему содѣйствовать, если, разумѣется, эти книги

*) *День*. Статьи Гильфердинга О *Сѣверно-Русскихъ Народоправствахъ* Костомарова.

не будутъ отражать въ себѣ новѣйшихъ ложныхъ историческихъ, соціальныхъ и философскихъ теорій; а имя Костомарова служитъ, конечно, вполнѣ достаточною порукою въ томъ, что подъ его наблюденіемъ, никакая подобная пропаганда, никакая неуважительная продѣлка съ народомъ не можетъ найти себѣ мѣста. Впрочемъ, въ противномъ случаѣ (что немыслимо), мы бы просто отказались отъ содѣйствія и только! Едва ли еще не полезнѣе изданія Малорусскихъ книгъ полнѣйшая свобода предпріятій подобнаго рода. Вѣрный инстинктъ Малорусскаго простонародья тотчасъ далъ бы ему почувствовать всякую нечистую нравственную примѣсь въ предложенной ему духовной пищѣ, особенно же предложенной не духовенствомъ, а поддѣлывающимися подъ него панами-хлопоманами. Да и самъ Костомаровъ, съ своими друзьями, не замедлилъ бы возстать въ Малорусскихъ же своихъ изданіяхъ, противъ такихъ непрошенныхъ просвѣтителей Малорусскаго простонародья, и не задумался бы обличить ихъ, несмотря даже и на рискъ утратить свою популярность въ глазахъ нѣкоторыхъ Украинскихъ *либераловъ*. А такіе есть. И это-то обстоятельство чрезвычайно вредитъ доброму, Малорусскому дѣлу, и извиняетъ отчасти то предубѣжденіе, съ которымъ публика встрѣчаетъ иногда совершенно понятную и законную любовь Малорусса къ своей прекрасной Украинѣ, и предпріятія, совершенно чистыя и честныя по цѣли, какъ должны мы заключить изъ словъ Костомарова“.

С. М. Сухотинъ, въ своихъ *Запискахъ*, пишетъ: „Въ одномъ мѣстѣ Кіевской губерніи, крестьяне, на предложеніе учиться по Словенской Малороссійской или Русской грамотѣ, избрали послѣднюю, говоря, что желаютъ учиться той грамотѣ, на которой писанъ законъ. Хлопоманы суть Малороссійскіе нигилисты“ [220]).

LX.

На протестъ Костомарова, Катковъ обратилъ особое вниманіе, и посвятилъ ему въ *Современной Лѣтописи* цѣлую статью.

Въ этой статьѣ мы, между прочимъ, читаемъ: „Костомаровъ протестуетъ противъ солидарности своего дѣла съ Польскимъ. Но почему онъ такъ увѣренъ, что между его дѣломъ и Польскимъ нѣтъ никакой солидарности? Онъ не находится въ сношеніяхъ съ Поляками,—вѣримъ; онъ не получаетъ отъ нихъ внушеній,—вѣримъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дѣло, которымъ онъ занимается, не находилось въ тѣсной солидарности съ дѣломъ враговъ Русской народности; изъ его увѣреній нисколько не слѣдуетъ, чтобы враги Русской народности не занимались тѣмъ же самымъ дѣломъ, какимъ онъ занимается. Враги Русской народности были бы очень глупы, если бы не стали желать полнаго успѣха дѣла Костомарова и всячески способствовать ему. Можно a priori заключать, что враги Русской народности схватятся за украйнофильство, какъ за самое лучшее орудіе для своихъ замысловъ. Расколоть Русскій народъ, обособить ту часть его, на которую Поляки имѣютъ свои виды, да еще и обособить-то ее на основаніи Польской примѣси, которая уже внесена въ Южно-Русское нарѣчіе,—чего лучшаго могутъ желать Польскіе націоналы, враждебные Русской народности?

Такъ можно заключать a priori, и точно то самое оказывается на дѣлѣ. Есть Поляки, которые ревностно занимаются украйнофильскимъ дѣломъ, и это дѣло совершенно логически вяжется съ ихъ враждою къ Русской народности и съ ихъ притязаніями на эти края; но въ Русскомъ человѣкѣ, сѣверномъ или южномъ, дѣло это съ чѣмъ вяжется? Конечно, не съ любовью къ Русской народности, не съ обязанностями, которыя она возлагаетъ. Мы знаемъ, что и Поляки ревностно

участвуютъ въ этомъ дѣлѣ и направляютъ его, что они возбуждаютъ мѣстный Малороссійскій патріотизмъ, и нисколько не уступятъ въ украйнофильствѣ ни Костомарову, ни кому бы то ни было изъ его ближайшихъ друзей. Намъ очень жаль, что Костомаровъ не знаетъ этого обстоятельства, хотя бы ка́къ бы, кажется, не знать ему обстоятельствъ того дѣла, которое такъ интересуетъ его и на которое онъ собираетъ общественныя деньги? Онъ утверждаетъ въ своемъ протестѣ, что украйнофильскія тенденціи, къ его прискорбію, встрѣчаютъ сильное сопротивленіе въ Полякахъ, и что заведеніе Малороссійскихъ школъ и Малороссійской Литературы послужило бы лучшимъ средствомъ противъ ополяченія края. Смѣемъ увѣрить его, что онъ ошибается. Въ Польскихъ патріотахъ находитъ онъ себѣ весьма дѣятельныхъ сотрудниковъ, которые успѣли уже предупредить его, и начали печатать тѣ Малороссійскія книжки, которыми онъ собирается надѣлить свою родину".

Осуждая попытки дѣятельности украйнофиловъ, Катковъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: „Украйнофилы хотятъ заводить Малороссійскія школы, издавать Малороссійскія книги для обученія народа. Имъ не запрещается дѣлать это, и мы отнюдь не желаемъ, чтобъ ихъ дѣятельность подвергалась преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Мы не желаемъ этого—но ужъ конечно не потому, чтобы считали эту дѣятельность полезною. Гоненія и преслѣдованія могутъ изъ пустяковъ создать серьезное дѣло; гоненія и преслѣдованія, какъ свидѣтельствуетъ опытъ вѣковъ, большею частью возбуждали жизнь и силу въ томъ, что само по себѣ не имѣло ни жизни, ни силы. Мы стало быть не желаемъ гоненій, и преслѣдованій вовсе не изъ уваженія къ фальшивому, не въ угоду, не въ пользу ему, а напротивъ, въ ущербъ ему, чтобы не придать ему большого значенія и силы. Устраняя съ этою цѣлью отрицательныя мѣры, мы съ тою же цѣлью рекомендуемъ мѣры положительнаго противодѣйствія. Если находятся любители областныхъ нарѣчій, которые пишутъ на нихъ, — пусть они пишутъ; если тотъ или другой изъ нихъ

захочетъ завести школу для обученія крестьянскихъ дѣтей на мѣстномъ нарѣчіи,—пусть заводитъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ другіе должны были помогать этимъ любителямъ въ ихъ дѣлѣ или, сложа руки, любовались на нихъ. Еще менѣе слѣдуетъ изъ этого, чтобы Правительство должно было употреблять народныя или государственныя деньги на дѣло противонародное и противогосударственное, — чтобъ общество должно было дѣлать добровольную складчину на тотъ же конецъ. Горсть, такъ называемыхъ, украйнофиловъ неопасна. Ихъ частныя усилія ничтожны. Но они ничтожны только въ томъ случаѣ, когда люди, понимающіе дѣло иначе, будутъ не дремать, а дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. Серьезная опасность начинается тогда, когда интригѣ удастся вызвать какія-нибудь административныя мѣры, способствующія ея цѣлямъ, или усыпить общество сказками. Мы не опасаемся той школы, гдѣ какой-нибудь завзятый украйнофилъ будетъ учить крестьянскихъ мальчиковъ на сочиненномъ имъ языкѣ. Но мы опасаемся, чтобы, пользуясь потемками, въ которыхъ мы ходимъ, и которыя способствуютъ всякимъ проискамъ, украйнофильство не пріобрѣло какого-нибудь оффиціальнаго штемпеля, или не превратилось въ общественное дѣло, и не стало въ обширныхъ размѣрахъ и систематически проводить свои цѣли, не встрѣчая себѣ противодѣйствія.

Костомаровъ говоритъ въ своемъ объясненіи, что онъ ограничивается скромными цѣлями и не сочувствуетъ попыткамъ писать Малороссійскія повѣсти и пѣснопѣнія. Отъ повѣстей и пѣснопѣній онъ отказывается, и хочетъ употребить собираемыя имъ деньги на полезныя книги и книжки, на учебники для народа, писанныя по-Малороссійски. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ писать безполезныя повѣсти и пѣснопѣнія? Лучше издавать полезныя книги на Малороссійскомъ нарѣчіи, возводимомъ въ учено-литературный языкъ. Это очень добродѣтельно; но пусть Костомаровъ будетъ поменѣе добродѣтеленъ; пусть онъ лучше будетъ поразмашистѣе, пусть онъ лучше издаетъ (только не на казенный и не на общественный счетъ) романы, въ родѣ

Черной Рады. Мы ни слова не скажемъ противъ изданія такихъ романовъ: ихъ никто не читаетъ, а читая, никто не понимаетъ. Но учебники назначаются для учащихся, а учащіеся, волею или неволею, будутъ читать и усвоивать себѣ языкъ, на которомъ они писаны, а писаны они будутъ на языкѣ никогда не существовавшемъ, который будетъ сработанъ нарочито на этотъ предметъ. На Малороссійскомъ нарѣчіи говорилъ доселѣ простой народъ, выражая на немъ лишь очень скудный запасъ обиходныхъ понятій. Но для понятій отвлеченныхъ простонародное нарѣчіе не имѣетъ выраженій. Никакая наука еще не выражалась по-Малороссійски. Нужно, стало-быть, создать цѣлый лексиконъ и образовать правильную, методическую рѣчь, словомъ, нужно создать языкъ. Вотъ тогда-то наше южное нарѣчіе и приблизится къ тому, что Костомарову хочется видѣть въ немъ уже теперь; остается сдѣлать еще два-три шага, и выйдетъ настоящій языкъ, и будетъ этотъ языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ общественной апатіи и интригѣ ловкихъ людей. Если теперь, когда еще нѣтъ ни особой народности, ни особаго языка, находятся люди, которые осмѣливаются предъявлять права особой народности и особаго языка,—что же будетъ тогда, когда, дѣйствительно, явится нѣчто похожее на особый языкъ? И когда, благодаря неразумію общества, этотъ нарочито сочиненный языкъ будетъ навязанъ одиннадцати милліонамъ народа,—оно спохватится тогда,—но тогда придется уже силою искоренять существующее и бороться со зломъ окрѣпшимъ и возмужавшимъ. Желателенъ ли такой результатъ; слѣдуетъ ли способствовать предпріятіямъ, которыя направляются къ такому результату? Умное, чуткое, бодрое общество предупреждаетъ зло, когда оно еще въ зародышѣ, и не пренебрегаетъ его начатками, какъ бы они ни были незначительны".

Въ заключеніе своей статьи Катковъ, заявляетъ: „Сепаратисты какого бы то ни было свойства, размаха и цвѣта всегда будутъ встрѣчать въ насъ противниковъ самыхъ рѣшительныхъ, которыхъ они не заставятъ молчать ни бранью, ни лаской.

Мы не пойдемъ ни на какую сдѣлку съ ними, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе будемъ изобличать ихъ“ [221]).

На эту статью Каткова, Костомаровъ напечаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* отвѣтъ, въ которомъ читаемъ: „Публицистъ объясняетъ, что онъ не заподозрѣвалъ меня ни въ сношеніяхъ съ Польскими повстанцами, ни въ принятіи внушеній отъ Поляковъ, что онъ, наконецъ, увѣренъ, что мое дѣло не имѣетъ солидарности съ Польскимъ. Предоставляю судить читателямъ и рѣшить: я ли дурно понялъ смыслъ напечатаннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* или эти *Вѣдомости* дурно выразились. Но коль скоро публицистъ снимаетъ съ меня это подозрѣніе, то и толковать нечего объ этомъ. Остается перенести вопросъ на чисто учено-литературную почву, и предать его свободному обсужденію. Повидимому и мой антагонистъ предлагаетъ тоже, какъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ: *Мы не желали бы, чтобъ у него или у его друзей отнимали право высказывать и развивать ихъ мнѣнія. Права этого никто у нихъ не отнимаетъ. Мы желали бы, напротивъ, чтобъ они пользовались самымъ широкимъ и полнымъ правомъ высказывать свои мнѣнія и вотъ какъ мы либеральны!* Но въ той же самой статьѣ чрезъ нѣсколько строкъ сказано, что когда этотъ языкъ Южнорусскій, по нашему, будетъ *принятъ* одиннадцатью милліонами, а по мнѣнію публициста *навязанъ* одиннадцати милліонамъ, — тогда *придется силою искоренять существующее.* Хорошъ либерализмъ! Сначала дозволить свободно высказывать мнѣнія, а потомъ, когда эти мнѣнія возьмутъ верхъ, прибѣгать къ силѣ. Увы, либеральное желаніе публициста, къ крайнему нашему прискорбію, носится только въ сферѣ тумановъ и сильно боится коснуться запаса научныхъ доказательствъ въ пользу нашего дѣла. Предоставляемъ Московскому публицисту пальму достойной его побѣды. Напрасно только онъ зацѣпляетъ вмѣстѣ съ нами газету *День*, увѣряя будто она въ одномъ столбцѣ находитъ украйнофильскіи попытки полезными, а въ другомъ находитъ ихъ вредными. Сколько намъ кажется, во многихъ

частностяхъ мы расходимся съ газетой *День*, а въ основномъ взглядѣ сходимся съ нею. Она, какъ и мы, признаетъ полезнымъ дѣломъ распространеніе свѣдѣній между народомъ въ Южной Руси на мѣстномъ языкѣ. Мы не видимъ накакого противорѣчія во взглядахъ газеты *День*. А вотъ бы мы попросили объяснить намъ противорѣчіе между взглядами и ученіемъ *Русскаго Вѣстника* въ 1861 году и *Московскихъ Вѣдомостей* въ 1863 году. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, напримѣръ, мы читаемъ: Не только не желаемъ мы, чтобъ Украинскіе литераторы встрѣчали какое-нибудь хоть малѣйшее внѣшнее препятствіе въ литературной обработкѣ своего родного нарѣчія, но мы сѣтовали бы не менѣе ихъ, еслибъ эти препятствія оказались. Мы желаемъ въ этомъ отношеніи имъ самой полной свободы и самаго полнаго успѣха. Всякая попытка внѣшнимъ образомъ стѣснить или навязывать языкъ есть историческое безуміе, недостойное насиліе, отъ котораго нельзя ожидать добра. Усвоеніе языка должно быть дѣломъ жизни и свободы, никакая принудительная сила не должна простираться на творческія стремленія жизни, ни на совѣсть и вѣрованія людей. Оффиціальный языкъ, для выраженія живого чувства и живой мысли, будетъ то же, что и оффиціальная нравственность, оффиціальный энтузіазмъ...

Неужели человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, здраваго ума и чистой совѣсти, не стыдно такъ мѣнять свои коренныя убѣжденія? А любопытно было бы услышать, для всеобщаго назиданія, что́ такъ извратило взгляды и убѣжденія редактора *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*“ [222]).

LXI.

Отвѣтъ Костомарова, напечатанный въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, по замѣчанію Каткова, „ограничивается самыми неопредѣленными отговорками, уклоняется отъ объясненій, не отвѣчаетъ на возраженія, проходитъ молчаніемъ самые важные пункты“.

По поводу упрека Костомарова въ измѣнчивости убѣжденій Каткова, послѣдній отвѣчалъ: „Люди могутъ и должны измѣняться, но только къ лучшему, а не къ худшему. Человѣку свойственно ошибаться, но упорствовать въ заблужденіяхъ не свойственно. Костомаровъ, чтобы очистить себя, объявляетъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, что мы совершенно иначе смотрѣли на украйнофильскія попытки въ началѣ 1861 года, и приводитъ изъ *Русскаго Вѣстника* того времени нѣсколько строкъ для убѣжденія публики въ томъ, что мы съ того времени совершенно измѣнили наши мнѣнія. Ставя такимъ образомъ насъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ думаетъ очистить себя и оправдать свое дѣло. Костомарову кажется, что мы измѣнились въ нашихъ мнѣніяхъ о дѣлѣ, которымъ онъ занимается; но еслибъ это было такъ, то ему слѣдовало бы подумать, не измѣнился ли предметъ этихъ мнѣній. Мнѣнія хороши только тогда, когда они соотвѣтствуютъ предмету. Если люди, которыхъ мы имѣли основаніе считать прямыми, оказываются потомъ людьми кривыми,—обязаны ли вы хранить о нихъ прежнее ваше мнѣніе? Костомаровъ приводитъ, въ укоръ намъ и въ доказательство нашего противорѣчія съ самимъ собою, слова, выхваченныя имъ изъ статей нашихъ, свидѣтельствующихъ, напротивъ, что образъ мыслей нашихъ относительно спорнаго вопроса совершенно одинъ и тотъ же, какъ теперь, такъ и прежде. Читатели удивятся, узнавъ, что цитированныя Костомаровымъ слова выхвачены имъ изъ статей, вызванныхъ точно такимъ же споромъ между нами и имъ или его друзьями, и что точь-въ-точь тѣ же самые аргументы употребляли мы противъ этихъ господъ тогда, какіе употребляемъ теперь, по вопросу о Малороссійскомъ языкѣ и Малороссійской Литературѣ *). Вся разница между тогдашнею и нынѣшнею полемикою состоитъ только въ томъ, что прежде Петербургскіе украйнофилы смиренно заводили журналецъ для того, чтобы помѣщать въ немъ, между прочимъ, Малороссійскія сказочки и стишки и трепетали, чтобы

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1904. XVIII, 124.

какія-нибудь неосновательныя подозрѣнія не мѣшали имъ въ этомъ невинномъ и добродушномъ занятіи; а теперь эти господа берутъ подъ свою опеку десять милліоновъ Русскаго народа и хотятъ навязать имъ особую народность, переводятъ на вновь сочиняемый ими языкъ законы Россійской Имперіи и Священное Писаніе, открываютъ общественную подписку на изданіе Малороссійскихъ учебниковъ, затѣваютъ издавать въ Кіевѣ народную газету на этомъ вновь-сочиняемомъ языкѣ и питаютъ надежду, что Правительство окажетъ имъ свое могущественное пособіе на образованіе Малороссійскихъ школъ, которыхъ Малороссійскій народъ не хочетъ и которыхъ могутъ хотѣть только заклятые враги Русской народности. Какъ тогда, такъ и теперь, мы говорили одно и то же, и вся разница только въ тонѣ нашихъ словъ, совершенно соотвѣтствующая разницѣ въ самихъ явленіяхъ.

Разскажемъ какъ было дѣло. Въ *Современной Лѣтописи* 1861 года (№ 4), мы упрекнули Петербургскихъ любителей Малороссійскаго нарѣчія за ихъ стремленія обособить это нарѣчіе, вмѣсто того, чтобы стараться сближать его съ обще-Русскимъ, единственнымъ Русскимъ языкомъ, выработаннымъ Исторіей, и въ укоръ имъ сослались на Русскихъ людей, завязнувшихъ въ Австрійской Имперіи, которые, несмотря на политическое отчужденіе свое отъ Русскаго народа, стараются въ своихъ писаніяхъ сохранить типъ Русскаго языка. Вотъ что мы сказали: Языкъ, употребляемый Южно-Русскими писателями въ Галиціи, гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то Малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши Украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на Южно-Русскомъ нарѣчіи, равно какъ и Русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ Русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ Украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.

Замѣчаніе это вызвало сердитую полемическую выходку въ *Основѣ*. Тогдашніе украйнофилы упрекнуль насъ, не хуже нынѣшнихъ, въ самыхъ нелюбезныхъ свойствахъ, и посовѣтывали намъ не вмѣшиваться не въ свое дѣло. Такой задоръ, по поводу нашего безобиднаго замѣчанія, объясняется тѣмъ, что оно все-таки коснулось больного мѣста, что украйнофилы не ожидали его, и что въ цѣлой Русской Литературѣ нашелся только одинъ голосъ, предостерегавшій ихъ серьезно, хотя издалека. Русская Литература, да вообще Русское общество, представляла тогда удивительное зрѣлище. Посреди тогдашняго хаоса, что̀ значили Малороссійскія пѣсенки и статейки *Основы?* Въ этихъ пѣсенкахъ и статейкахъ не было ничего безсмысленнаго, развратнаго и безобразнаго. Нѣсколько любителей Малороссійскаго нарѣчія сложились издавать *Основу*, съ цѣлью обратить вниманіе Русской публики на Южный Край нашего Отечества, съ его поэзіей, съ его прекрасной природой, съ его свѣжими силами, причемъ весьма естественно было увлечься и самымъ языкомъ его пѣсенъ и сказокъ. Журналъ, въ которомъ допускались, между прочимъ, разсказцы на Малороссійскомъ нарѣчіи, былъ новостью въ нашей Литературѣ, и редакторъ *Основы*, не безъ нѣкотораго труда, исходатайствовалъ себѣ право издавать этотъ журналъ. Напирать на нихъ не было никакой причины; можно было только порадоваться разумному и просвѣщенному взгляду Правительства, которое сняло запретъ съ такого невиннаго дѣла, какъ писаніе литературныхъ статеекъ на областномъ нарѣчіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ запрещать людямъ думать и выражаться на какомъ-либо существующемъ или несуществующемъ нарѣчіи! Лишь бы только Правительство не вмѣшивалось въ это дѣло, ни своими поощреніями, ни своими запрещеніями, которыя иногда въ сущности тѣ же поощренія.

Вотъ въ какую минуту и посреди какихъ обстоятельствъ обращались мы тогда къ украйнофиламъ съ словомъ увѣщанія, въ надеждѣ подѣйствовать на ихъ Русское чувство и здравый смыслъ. Мы не обвиняли ихъ за то, что они увлекались

обаяніемъ мѣстнаго народнаго говора и старались возвести его въ литературный языкъ. Вину этого увлеченія искали мы не въ нихъ, а въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя препятствуютъ матеріальному и нравственному развитію Русской народности. Французу или нѣмцу не приходитъ въ голову посвящать свою дѣятельность обработкѣ какого-нибудь мѣстнаго нарѣчія и лелѣять мечту создать изъ него литературный языкъ, какъ символъ или органъ особой народности. Ни французъ, ни нѣмецъ не чувствуютъ такого позыва, потому что образованный языкъ, служа органомъ народности, сознающей свое достоинство и уважающей себя, не дастъ ни въ комъ развиться подобному стремленію. Мы говорили: Какъ бы ни были рѣзко обозначены мѣстныя нарѣчія, какъ бы сильно ни чувствовалась въ нихъ жизнь, они или вовсе умолкнутъ, или потеряютъ всякую охоту къ развитію, всякій инстинктъ къ особой жизни, когда закипитъ жизнь въ цѣлой странѣ, когда единство народности будетъ выражаться не въ одной внѣшней силѣ, а въ неисчислимыхъ и разнообразныхъ интересахъ жизни.

И такъ, мы не обвиняли украйнофиловъ, предававшихся мирному и невинному занятію. Но все направленіе нашей статьи клонилось къ тому, чтобы настроить ихъ мысли на другой ладъ и возвысить ихъ надъ сепаративными попытками. Въ общемъ краткомъ очеркѣ старались мы показать имъ значеніе Русскаго языка, въ которомъ не слѣдуетъ видѣть какое-то племенное нарѣчіе, подъ названіемъ Великорусскаго, а слѣдуетъ видѣть такой же историческій языкъ, созданный трудомъ вѣковъ, какъ и языки Французскій, Нѣмецкій и Англійскій; мы старались показать, что онъ есть общая принадлежность всѣхъ отраслей Русскаго народа, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. Можетъ быть, — таковъ былъ смыслъ нашихъ замѣчаній, —это историческое дѣло еще не совсѣмъ готово, и какъ нашему языку, такъ и нашей народности, можетъ быть, предстоитъ какая-нибудь новая фаза, можетъ быть, явятся новые элементы, которые могущественно измѣнятъ самую организацію нашего народа; но если Русскому

народу суждена будущность, если онъ не призракъ, то онъ долженъ имѣть одинъ языкъ, какой бы то ни было, одну цивилизацію, какъ бы ни были разнообразны его элементы. Въ самомъ дѣлѣ, если вы сѣтуете на теперешнее положеніе нашей цивилизаціи, если вы недовольны проявленіями нашей народности, старайтесь измѣнить ихъ къ лучшему, но имѣйте въ виду интересъ цѣлаго, а не дѣлайте попытокъ къ его расторженію,—заботьтесь о замѣненіи дурного и недостаточнаго лучшимъ и совершеннѣйшимъ, создавайте, если хотите, новый Русскій языкъ для Русскаго народа, и склоните всѣхъ насъ говорить на томъ Русско-Польскомъ нарѣчіи, которое, вслѣдствіе несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, образовалось въ Малороссіи. Все это, по всей вѣроятности, окажется смѣшнымъ и наивнымъ, эксцентрическимъ и сумасброднымъ, но все это несравненно предпочтительнѣе попытокъ создать рядомъ съ Русскимъ языкомъ еще другой Русскій языкъ, рядомъ съ Русскимъ народомъ создать еще другой Русскій народъ.

Вотъ смыслъ нашихъ первыхъ объясненій съ украйнофилами. И что же? Костомаровъ рѣшился сослаться на тогдашнія статьи наши, чтобъ уличить насъ въ противорѣчіи съ самимъ собою и почерпнуть въ нихъ аргументъ для себя! Онъ приводитъ наши слова, выхваченныя отрывочно, объ оффиціальномъ языкѣ, который, равно какъ и оффиціальный энтузіамъ, прока не имѣетъ. Что же? мы и теперь это думаемъ. Мы не хотѣли тогда, не хотимъ и теперь, чтобы Русскій языкъ въ Малороссіи былъ только оффиціальнымъ языкомъ; какъ тогда мы хотѣли, такъ хотимъ и теперь, чтобы Русскій языкъ всѣмъ Русскимъ людямъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, былъ *свой*, *родной* языкъ, а не оффиціальный. Намъ была прискорбна мысль, что обстоятельства нашей цивилизаціи дозволяютъ еще нѣкоторымъ людямъ помышлять о созданіи особаго Малороссійскаго языка. Мы сожалѣли, что жизнь, высказывающаяся на Русскомъ языкѣ, еще не такъ сильна, чтобы уничтожить подобныя попытки. Точно такъ же теперь, какъ и тогда, считали мы

вреднымъ противодѣйствовать подобнымъ попыткамъ отрицательными средствами запрещенія и преслѣдованія, полагая, что единственное успѣшное противодѣйствіе этому злу, злу разложенія, можетъ оказать могущественное развитіе жизни цѣлаго.

Наши увѣщанія не подѣйствовали на редакторовъ *Основы*. Съ вящшимъ жаромъ продолжали они свои упражненія на Малороссійскомъ языкѣ. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ изъ жалкихъ и невинныхъ жертвъ, они вдругъ стали гонителями и устрашителями. Два-три слова, сказанныя противъ сепаратизма въ Еврейскомъ журналѣ *Сіонъ*, издававшемся въ Одессѣ, вызвали въ *Основѣ* ожесточенную нападку на Евреевъ, которые были всячески обруганы и обозваны *доносщиками*. Мы вынуждены были высказаться по поводу этого скандала и выразились уже гораздо рѣзче противъ украйнофильскихъ тенденцій. Между тѣмъ, благодаря плачевнымъ обстоятельствамъ, украйнофилы уже успѣли воспользоваться разными административными пособіями для своихъ цѣлей, которыя все болѣе и болѣе обозначались. Протестуя противъ невыгоднаго имъ оффиціальнаго вмѣшательства въ ихъ дѣло, они старались воспользоваться всѣми выгодными для нихъ оффиціальными пособіями. Въ одномъ направленіи съ ними дѣйствуютъ Польскіе Конрады Валленроды, и насколько украйнофиловъ обманываютъ, и насколько они сами хитрятъ, мы не беремся разбирать; но интрига, въ настоящее время, обозначилась такъ ясно, что было бы нечестно болѣе смотрѣть на нее сквозь пальцы или кокетничать съ нею“ [223]).

LXII.

Костомаровъ, принося благодарность И. С. Аксакову за напечатаніе его протеста въ *Днѣ*, вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ съ нимъ въ деликатную полемику, по поводу примѣчаній, которыми Аксаковъ снабдилъ протестъ Костомарова. Но печатая благодарственное письмо Костомарова, Аксаковъ не оставилъ и его безъ своихъ полемическихъ примѣчаній.

„Вы говорите“,—писалъ Костомаровъ,—„что Малорусскіе патріоты доводятъ свои увлеченія до того, что поправляютъ даже самый текстъ Лѣтописи, переиначивая слова въ ученыхъ цитатахъ на ладъ Малороссійскій. Если бы это было такъ, то патріоты были бы очень виноваты. Но, по справкѣ, окажется иное. Отыскавши и прочитавши статью, на которую вы сослались, я увидалъ, что Гельфердингъ обвиняетъ меня по поводу приведеннаго мною восклицанія Новгородцевъ на Шелонской битвѣ. Но я не поправлялъ текста Лѣтописи, котораго и не приводилъ въ оригиналѣ, а только сослался на него, указавши страницу, и не переиначивалъ произвольно словъ въ *ученыхъ цитатахъ*. Мѣсто, приводимое нами по слѣдамъ Гильфердинга, вырвано изъ моего разсказа. Издавна принято всѣми нашими историками приводимыя въ ихъ разсказахъ рѣчи, взятыя изъ лѣтописей, передавать въ сообразной съ нашею рѣчью формѣ, а не въ буквальной точности подлинника; въ послѣднемъ случаѣ, когда бываетъ нужно, дѣлается особая цитата или въ текстѣ печатается особымъ шрифтомъ. Этому обычаю слѣдовалъ и я, и въ приведенномъ вами мѣстѣ остался ему вѣренъ. Поэтому, вмѣсто *азъ*, написалъ *я*, а вмѣсто *испротеряхся*, принялъ форму *ис*протерялся, которую, однако, здѣсь не просто перевелъ, а нашелъ въ одномъ рукописномъ текстѣ, читанномъ въ Археографической Коммиссіи. У меня въ сочиненіи множество мѣстъ, гдѣ приводятся рѣчи, всѣ онѣ въ переводѣ; однако, Гильфердингъ не поставилъ этого мнѣ въ вину. Его, какъ и васъ, соблазняетъ одно мѣсто, потому что здѣсь буква *ѣ* замѣнена буквою *и*. Это я сдѣлалъ для того, чтобы придать рѣчи мѣстный оттѣнокъ, ибо, какъ теперь въ Новгородскомъ нарѣчіи *ѣ* произносится какъ *и*, точно такъ же произносилось и въ XV вѣкѣ. На это есть несомнѣнныя доказательства. Вотъ, напримѣръ, договоръ Новгородцевъ съ Ливоніею 1421 г., напечатанный въ книгѣ Ширрена: Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands. Тамъ вы встрѣтите ясные доводы, что *ѣ* произносилось какъ *и*,—одно и то же слово пишется разъ съ *ѣ*, а другой разъ съ *и*. Изъ этого видите, что я писалъ

не на ладъ Малорусскій, а на ладъ Новгородскій, и старый, и настоящій“.

На это Аксаковъ замѣчаетъ: „Мы не знаемъ навѣрное, говорятъ ли теперь Новгородцы *человикъ*, вмѣсто *человѣкъ*, и предоставляемъ отвѣчать Костомарову спеціалистамъ-филологамъ. Намъ кажется, что во всякомъ случаѣ едва ли оказывалась надобность въ историческомъ изложеніи выдавать за несомнѣнное то, что еще приходится подкрѣплять учеными доказательствами“.

Въ полемическихъ своихъ примѣчаніяхъ, на протестъ Костомарова, Аксаковъ два раза дѣлаетъ намекъ на „ложную“ *теорію федерализма.* Этотъ намекъ Костомаровъ принялъ на свой счетъ и въ своемъ благодарственномъ письмѣ писалъ: „Ясно, что вы имѣете въ виду нѣкоторыя мои сочиненія, касающіяся Исторіи удѣльно-вѣчевого періода, гдѣ я находилъ федеративное начало въ сочетаніи стремленія земель къ самобытности съ чувствомъ и сознаніемъ общерусскаго единства. Все, что я говорилъ и писалъ объ этомъ, заключалось въ сферѣ моего воззрѣнія на Древнюю нашу Исторію, но я не принималъ на себя смѣлости переносить федеративныхъ началъ на современную почву, слѣдовательно, ученыя федералистическія теоріи не могутъ быть принимаемы во вниманіе при обсужденіи дѣла объ изданіи книгъ научнаго содержанія на Южно-Русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что я уже неоднократно заявлялъ въ печати о желаніи издавать преимущественно книги, относящіяся къ точнымъ наукамъ, гдѣ федералистическимъ теоріямъ нѣтъ мѣста, по самому роду научныхъ предметовъ“.

Аксаковъ, въ своемъ полемическомъ примѣчаніи, выражаетъ удовольствіе, что „Костомаровъ не даетъ мѣста *федералистическимъ* воззрѣніямъ въ книгахъ, которыя хочетъ издавать для народа и не намѣренъ популяризировать ни своихъ историческихъ изслѣдованій о Виговщинѣ и т. п., ни нѣкоторыхъ историческихъ трудовъ Кулиша“. Мы знаемъ,—продолжаетъ Аксаковъ,— „что Костомаровъ никогда не переносилъ федератив-

ныхъ началъ на современную Русскую почву, да еслибъ и переносилъ, то почва бы ихъ не приняла, а произошла бы только забавная и безвредная путаница въ головахъ нѣкоторыхъ юныхъ *патріотовъ.* Такъ, намъ, въ Редакцію *Дня*, приносили статьи нѣкоторые безбородые юноши: объ образованіи отдѣльнаго Смоленскаго княжества, объ отдѣленіи Заволжскаго края, съ достодолжнымъ прославленіемъ Волжскаго разбойничества, и т. п... Мы посовѣтывали имъ заняться посерьезнѣе Исторіей и изученіемъ народнаго духа, а печатаніе своихъ статей отложить хоть лѣтъ на десять, на что они, кажется, и согласились. Не мѣшало бы Костомарову принять мѣры противъ совершенно ложнаго истолкованія его федеративнаго взгляда на Русскую Исторію — болѣе яснымъ и точнымъ его опредѣленіемъ".

Въ благодарственномъ письмѣ своемъ Костомаровъ отнѣкивается отъ тѣхъ, которые, по словамъ Аксакова „имѣли въ виду какую-то цѣль и руководствовались извѣстными побужденіями", и какъ утверждалъ Аксаковъ, „что такіе есть и что онъ самъ ихъ знаетъ и что это обстоятельство чрезвычайно вредитъ доброму Малороссійскому дѣлу". Но Костомаровъ заявляетъ: „Ни ихъ, ни объ нихъ я не знаю, какъ равно остается неяснымъ, на какія цѣли и побужденія вы (т.-е. Аксаковъ) намекаете. Если эти цѣли и побужденія заключаютъ что-нибудь, кромѣ желанія дать народу Просвѣщеніе, въ естественной и наиболѣе доступной для него формѣ рѣчи, то между мною и ими нѣтъ ничего общаго. Конечно, все на свѣтѣ можно во зло употреблять. Вамъ извѣстны такіе украйнофилы, которыхъ цѣли и побужденія вамъ кажутся вредными: обличите ихъ, раскройте ихъ тенденціи, но имѣйте въ виду то, что я въ предпринятомъ дѣлѣ хочу служить одному Просвѣщенію народа, а не постороннимъ цѣлямъ и побужденіямъ, каковы бы они ни были, полезны или вредны; мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла".

На это Аксаковъ отвѣчалъ: „Мы и не говорили, чтобъ между Костомаровымъ и *ими* было что-нибудь общее, — но насъ

удивляетъ, что Костомаровъ не знаетъ того, что знаемъ всѣ мы, и чтó бы, кажется, ему слѣдовало знать лучше и ближе, какъ потому, что дѣло идетъ о родной и столь горячо имъ любимой Украйнѣ, такъ и потому, что эти люди больше всего вредятъ его собственному дѣлу, и какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистикѣ нерѣдко были смѣшиваемы съ тѣми Малороссами, вродѣ Костомарова и сотрудниковъ *Основы*, любовь которыхъ къ Малороссіи не имѣетъ ничего политическаго. Мы бы посовѣтовали Костомарову, вмѣсто сѣтованій на Великорусское недоброжелательство, прежде всего отдѣлаться отъ лже-союзниковъ, лже-патріотовъ, мнимыхъ друзей Украйны и Малорусскаго народа, и если онъ про нихъ ничего не знаетъ, такъ — узнать. Тогда и *Москальскому* недоброжелательству мѣста не будетъ. Неужели Костомарову неизвѣстно, что адресъ Подольскихъ дворянъ съ его Польскими тенденціями, смыслъ которыхъ вполнѣ объяснился современными событіями, былъ подписанъ нѣкоторыми Русскими, выдававшими себя за Малорусскихъ патріотовъ? Правительство поступило очень благоразумно, оставивъ ихъ безъ преслѣдованія и отрѣшивъ только нѣкоторыхъ отъ должностей, ими занимаемыхъ; и въ самомъ дѣлѣ, вина ихъ велика не столько противъ Правительства, сколько противъ народа Русскаго вообще и Малороссійскаго въ особенности. Мы это знаемъ хорошо, потому что получили въ то время отъ нихъ письмо *съ просьбою напечатать*, въ которомъ они объяснили свой поступокъ *любовью къ Малорусскому народу*. Хотя подобная наивность свидѣтельствуетъ о крайнемъ невѣжествѣ и крайней неразвитости, но, тѣмъ не менѣе, и эти господа, вѣроятно, хлопотали о школахъ, языкѣ и т. п. Этого обстоятельства не вправѣ *игнорировать* Русское общество, а тѣмъ болѣе Костомаровъ, потому что подписи на адресѣ—*фактъ* явный и открытый. Если *общество* не будетъ оскорбляться подобными дѣйствіями, и своими общественными (не полицейскими) мѣрами, силою *общественнаго мнѣнія*, не уничтожитъ возможности такихъ безобразныхъ явленій,—такое общество не смѣетъ назваться Русскимъ: оно стоитъ въ раз-

рывѣ съ народомъ, и нечего ему тогда хлопотать и заботиться о народномъ Просвѣщеніи. Пусть Костомаровъ съѣздитъ въ Кіевъ и со всею добросовѣстностью историка вглядится въ разныя проявленія украйнофильства; именно истиннымъ Малороссамъ слѣдовало бы теперь, сильнѣе чѣмъ кому-либо, похлопотать объ очищеніи своего края отъ ложно-патріотическихъ тенденцій".

Аксаковъ, въ распространеніи Просвѣщенія на Южно-Русскомъ языкѣ, находилъ затрудненіе въ разности говоровъ. На это Костомаровъ замѣчалъ, что эта разность говоровъ „не велика и до сихъ поръ не мѣшала писателямъ, уроженцамъ разныхъ губерній, писать такъ, что ихъ понимать могутъ вездѣ". Но Аксаковъ этимъ не убѣдился, и утверждалъ, что „разница говоровъ не подлежитъ сомнѣнію".

LXIII.

Заключительныя строки благодарственнаго письма Костомарова дали поводъ къ началу полемики, возникшей, въ 1863 году, между Катковымъ и Аксаковымъ.

„Въ заключеніе",—писалъ Костомаровъ къ Аксакову,—„позвольте еще разъ сказать вамъ отъ всей души горячее спасибо за ваше разумное слово о предоставленіи полной свободы нашему дѣлу. Дѣйствительно, только опытъ можетъ показать, сколько въ немъ правды и естественности, сколько лжи, увлеченія, искусственности. Если справедливо окажется, что Малорусскіе патріоты (какъ вы насъ называете) и Малоруссы находятся въ совершенномъ другъ другу противорѣчіи, тогда вопросъ разрѣшится самъ собою, а это должно оказаться и доказаться скоро, лишь бы только намъ не мѣшали насиліемъ. А такія выходки, какъ статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, *Кіевскаго Телеграфа*, *Вѣстника* Говорскаго, что такое какъ не крайнее насиліе? Многіе, прочитавши ихъ и увидѣвши, что наше дѣло считаютъ государственнымъ преступленіемъ, отъ страха, а не отъ убѣжденія, побоятся идти съ нами рука объ

руку. Иные, можетъ быть и по убѣжденію, отвернутся отъ насъ, а мы будемъ думать, что тутъ дѣйствуетъ страхъ, сами станемъ обольщаться и другихъ обольщать. Пусть же противники наши, подобно вамъ, послѣдуютъ мудрому примѣру Гамаліила, который, не будучи самъ христіаниномъ, не преслѣдовалъ христіанъ, а ожидать пока объявится: дѣйствительно ли исходитъ отъ Бога ихъ ученіе".

Въ своемъ примѣчаніи къ этому заключенію Аксаковъ задѣлъ Каткова. Онъ писалъ: „Костомаровъ можетъ теперь успокоиться. *Современная Лѣтопись*, послѣ его протеста и нашего примѣчанія, объявила, что она отнюдь не желаетъ, чтобы дѣятельность украйнофиловъ, въ заведеніи Малороссійскихъ школъ для обученія народа, подвергалась гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Что же касается до выходки *Современной Лѣтописи* о томъ, что *День* находитъ въ одномъ столбцѣ украйнофильскія попытки полезными, а въ другомъ вредными, то мы считаемъ излишнимъ входить съ ними въ пренія объ этомъ предметѣ: это значитъ только, что у почтенной Редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* двоится въ глазахъ и въ мысляхъ, и, по привычкѣ къ противорѣчіямъ, они ей мерещатся даже и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Не показалось ли ей противорѣчіемъ, что, привѣтствуя появленіе проповѣдей на Малороссійскомъ языкѣ, мы въ то же время осудили попытки создать особенную Малороссійскую Литературу" [224])?

Съ своей стороны, Катковъ отвѣчалъ Аксакову: „Костомаровъ обвинялъ насъ въ противорѣчіи: мы показали, какъ основательно и добросовѣстно это обвиненіе. Жалѣемъ, что у Костомарова не нашлось другихъ лучшихъ средствъ для защиты; но ему, по крайней мѣрѣ, есть что̀ защищать. Чего онъ хочетъ, мы понимаемъ; но чего хочетъ газета *День*, это мы не совсѣмъ понимаемъ. Два слова объ этой газетѣ, сказанныя нами, безъ всякаго дурного умысла, по поводу объясненій съ Костомаровымъ, напечатавшимъ свой первый протестъ въ ней, не даютъ ей покоя. Они какъ будто сорвали печать съ давно накопившагося какого-то непонятнаго намъ неудовольствія про-

тивъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и оно изливается теперь въ каждомъ нумерѣ *Дня* и въ открытыхъ выходкахъ, и въ замаскированныхъ намекахъ. Почтенная Редакція этой газеты увѣрилась изъ разныхъ Петербургскихъ газетъ и изъ показаній Костомарова, въ крайней зыбкости и измѣнчивости нашихъ мнѣній, то и дѣло упрекаетъ насъ въ противорѣчіи. Въ сегодняшнемъ нумерѣ Ю. Ѳ. Самаринъ развиваетъ эту тему по поводу статьи Пенскаго, объ извѣстномъ заявленіи Самарскихъ дворянъ,—статьи давнымъ-давно напечатанной въ *Современной Лѣтописи*. Печатая эту статью, съ которой мы были не совсѣмъ согласны, но которой не имѣли никакого основанія отказать въ помѣщеніи, мы никакъ не подозрѣвали, что она можетъ задѣть кого-нибудь за живое. Полемическая выходка Самарина удивила насъ. Онъ перетолковываетъ наши мнѣнія, выставляетъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ, дѣлаетъ изъ нихъ произвольныя заключенія,—и изъ чего все это, мы рѣшительно не понимаемъ. Вообще, если Редакція *Дня* дѣйствительно заинтересована нашими мнѣніями, въ видахъ общей пользы, то мы просимъ ее выйти изъ области двусмысленныхъ намековъ на наши противорѣчія. Если она желаетъ разъясненія дѣла, а не побуждается какимъ-нибудь затаеннымъ чувствомъ, то пусть она выскажетъ намъ прямо, въ чемъ она находитъ у насъ противорѣчія, и пусть поступитъ при этомъ съ возможною для нея добросовѣстностью. По всему вѣроятію, газета *День* имѣла въ виду насъ, говоря о какомъ-то *одномъ* Русскомъ публицистѣ, который, по игривому выраженію этой газеты, сначала *пристегивалъ* Россію къ Польшѣ, слѣдуя какой-то системѣ Эмиля де Жирардена, а потомъ *пристегивалъ* Польшу къ Россіи, въ духѣ, какихъ-то древнихъ Русскихъ началъ. Если *День* имѣлъ при этомъ въ виду насъ, какъ надобно заключать изъ его намековъ, то намъ очень жаль, что газета, повидимому, питающая къ себѣ очень большое уваженіе, ведетъ себя такъ непохвально. До сихъ поръ мы не имѣемъ никакого понятія о системѣ Эмиля де Жирардена относительно Россіи и Польши. Что же касается до нашихъ мнѣній по Польскому вопросу,

то ходъ событій не заставилъ насъ ни въ чемъ измѣнить ихъ. Польшу пристегнула къ Россіи Исторія, и мы въ этомъ нисколько не виноваты; пристегиваніе же Россіи къ Польшѣ есть продуктъ остроумія *Дня*, и мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь сталъ оспаривать у него права авторства на эту оригинальную мысль. Что же касается до насъ, то мы высказывали и высказываемъ до крайности простую мысль: мы находили и находимъ, что Польша должна быть соединена съ Россіей, если она должна быть соединена съ нею. Эта мысль такъ проста, что даже не залуживаетъ и названія мысли; это тавталогія, и мы продолжаемъ твердить ее съ самаго начала Польскаго вопроса по сей день. Мы были очень рады, что нѣкоторые изъ иностранныхъ публицистовъ также приняли эту простую мысль. Но мы не дожидались указаній иностранцевъ въ дѣлѣ болѣе близкомъ къ намъ, нежели къ нимъ, и мы не ссылались на нихъ, а они ссылались на наши мнѣнія въ подкрѣпленіе своихъ теоретическихъ соображеній. Для насъ интересно особенно то, что иностранцы, относясь къ общественному мнѣнію своей страны, такъ неблагопріятно расположенному къ Россіи и возстававшему на насъ за права Польши, находили эту простую комбинацію не только не противною интересамъ Польши, но единственною выгодною и возможною для нея, между тѣмъ какъ Русскіе публицисты готовы попрекать насъ за нее въ какомъ-то національномъ эгоизмѣ, и находятъ искреннее соединеніе Польши съ Россіей дѣломъ выгоднымъ только для одной Россіи. Не зная системы Эмиля де Жирардена касательно соединенія Россіи съ Польшей, мы не можемъ и судить о ея удобоисполнимости и пригодности, не можемъ ни соглашаться, ни не соглашаться съ нею. Что же касается до какого-то древняго Русскаго государственнаго устройства, то мы смѣемъ успокоить газету *День* и увѣрить ее, что мы никогда не воображали, и уповательно никогда не будемъ въ состояніи вообразить себѣ, возможность примѣненія нашего древняго государственнаго быта къ нынѣшней Россіи, соединенной или не соединенной съ Польшей“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что Костомаровъ, ведя лютую полемику съ Катковымъ, въ то же время изъявлялъ готовность быть сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника*. „Костомаровъ",—писалъ Катковъ,—„былъ такъ добръ и внимателенъ къ намъ, что даже послѣ нашей рѣшительной статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 136), которая вызвала и бранную выходку въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, и протестъ его въ *Днѣ*,—онъ прислалъ намъ обширный историческій трудъ свой изъ эпохи Іоанна Грознаго, для напечатанія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Какой журналъ не радъ даровитому сотруднику, но это не мѣшаетъ намъ крѣпко оставаться при своемъ мнѣніи относительно украйнофильскихъ тенденцій Костомарова, противодѣйствовать имъ, изобличать тѣ способы, которыми онъ старается защитить или, лучше сказать, замять и прикрыть ихъ".

Но вотъ что писалъ (14 апрѣля 1864 г.) Погодину Лихутинъ изъ Могилева: „Теперь во многихъ газетахъ увѣряютъ (въ *Днѣ*), что боязнь сепаратизма въ украйнофилахъ разжигаютъ Поляки. Я такъ думаю, что эта идея Польская (какъ и обученіе на мѣстныхъ нарѣчіяхъ). Если Кояловичъ говоритъ, что идея самостоятельности Литвы послужила бы только къ ея подпаденію подъ вліяніе Польши, то отчего же онъ не допускаетъ такое же положеніе вещей и такой взглядъ для Малороссіи?—Нельзя сомнѣваться, что настоящіе Малороссіяне не желаютъ самостоятельности, и что тѣ Малороссіяне, которые думаютъ о созданіи Малороссійскаго государства, есть перебѣжчики на сторону Польши, такіе же какъ Выговскій и Мазепа. Эти идеи сепаратизма и національностей не отдѣлятъ Малороссію, но увеличатъ число сторонниковъ Польши и ряды бунтующей шляхты. Литераторамъ нравятся словопренія съ Поляками и украйнофилами; этимъ, они полагаютъ, разработываютъ идеи; дѣйствительно, пріятное препровожденіе времени. Также словопрели съ Поляками передъ возмущеніемъ ихъ, а гоняться за шайками, нести всѣ труды, приходится не литераторамъ, а войскамъ. Всѣ Западнорусскіе снисходительны къ разнымъ оттѣнкамъ своихъ мнѣній;—но вѣрная точка зрѣ-

нія на ихъ мнѣнія возможна только для Великороссіянъ, немогущихъ имѣть ни родства, ни свойства, ни воспоминаній съ Поляками, ни разныхъ фантазій о большей или меньшей самостоятельности. Здѣсь положительно вся православная шляхта, съ самаго мелкаго, на сторонѣ Поляковъ; я вижу это изъ слѣдствій и военно-судныхъ дѣлъ, и на мѣстѣ; генералъ Муравьевъ заклеймилъ публично недовѣріемъ всю православную шляхту. Намъ преданы—одни мужики".

Въ концѣ концовъ самъ Аксаковъ (21 декабря 1864 г.) писалъ Вѣнскому протоіерею Раевскому слѣдующее: „Не хорошо обстоятъ дѣла въ Галиціи, сколько мнѣ извѣстно изъ писемъ Кокошкина и отчасти Ламанскаго. И главное зло идетъ отъ насъ, изъ нашей Украйны, отъ украйнофиловъ. А зло украйнофильства также имѣетъ свою внутреннюю, не случайную причину, и едва ли есть самостоятельная болѣзнь, скорѣе — симптомъ другой болѣе общей болѣзни" [225]).

LXIV.

Какъ извѣстно, въ нашей Литературѣ съ давнихъ временъ существовала борьба между славянофилами и западниками. Борьба эта проявлялась и въ 1863 году. Какъ только появились *Московскія Вѣдомости*, подъ редакціей Каткова, то И. С. Аксаковъ (19 января 1863 г.) писалъ Кохановской: „Получаютъ ли у васъ *Московскія Вѣдомости*? Ими страшно всѣ недовольны" [226]).

„Страсти по Польскому вопросу", — писалъ С. М. Сухотинъ,—„сильно изволновали общество, которое можно раздѣлить на два лагеря: на ненавистниковъ Поляковъ, т.-е., не народа, а пановъ и шляхты, и на оправдателей Польскаго возстанія. Къ первой категоріи принадлежатъ люди истинно-Русскіе, признающіе самыя вѣрныя, рѣшительныя и крупныя мѣры за лучшія, уважающіе дѣятельность М. Н. Муравьева и желающіе во что бы ни стало покончить поскорѣе съ Поляками для того, чтобъ освободить отъ нихъ Западныя губерніи. Эта сторона

общества, руководимая, конечно, очень сильно національною ненавистью, имѣетъ противъ себя отреченіе (на этотъ случай конечно) отъ многихъ общихъ человѣческихъ прекрасныхъ стремленій и симпатій, которыми *противоположная сторона* пользуется для своихъ доказательствъ и дѣйствій, забывая крайнюю необходимость минуты. Къ ней, конечно, примыкаютъ всѣ наши рьяные фанатики-эмансипаторы, нигилисты, коммунисты и прочіе исты, а главное космополиты. Тутъ сыплются брани и ругательство на Русское дворянство, на *Московскія Вѣдомости*, на Каткова, который будто бы возжегъ слишкомъ зловредный патріотизмъ. Согласенъ, что Катковъ многое пересолилъ; но не могу отказать ему въ заслугѣ возбужденія общества изъ той апатіи, въ которую оно было погружено, и изъ того двусмысленнаго политическаго и соціальнаго положенія, которое, еслибъ еще долѣе продолжилось, могло бы точно ввергнуть Россію въ соціальную Герценовскую революцію. Обѣ стороны впадаютъ въ своего рода крайности, и обѣ могутъ имѣть своихъ благородныхъ, высокихъ представителей. Только сторона космополитовъ мнѣ очень подозрительна“ [227]).

Не взирая на то, что воззрѣнія И. С. Аксакова никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ *противоположной сторонѣ*, но, тѣмъ не менѣе, между имъ и Катковымъ, именно по Польскому вопросу, возникла жестокая полемика. Поводомъ къ полемикѣ послужила мысль Аксакова, что Польскій вопросъ есть по преимуществу вопросъ *общественный*. „Прибавимъ къ тому“,—писалъ Аксаковъ,—„что для Россіи было бы несравненно выгоднѣе, и самый вопросъ былъ бы гораздо проще и легче для разрѣшенія, еслибъ онъ былъ не общественный, а *политическій*... Польша, какъ небольшое политическое цѣлое, при всемъ своемъ непомѣрномъ политическомъ честолюбіи, по нашему мнѣнію, была бы несравненно слабѣе и потому менѣе опасна для такого могучаго государственнаго организма, какова Россія,—нежели постоянная тайная отрава отъ разложившагося трупа Польской государственности и незримыхъ, неуловимыхъ Польскихъ общественныхъ силъ съ ихъ потаенными правле-

ніями, комитетами и трибуналами". Дѣлая выводъ изъ своей статьи, Аксаковъ писалъ: „Мы пробовали разныя системы управленія въ Польшѣ: была тридцатилѣтняя диктатура; она не создала намъ никакой Русской партіи. Была либеральная система Велепельскаго; оказалась несостоятельною. Почему? Потому что нѣтъ возможности удовлетворить законнымъ требованіямъ Поляковъ. Поляки хотятъ политической самостоятельности, полнѣйшей независимости и отдѣльности. Если мы не хотимъ этого имъ дать, то должны откинуть надежду примирить Польшу съ ея положеніемъ, какъ части Россійской Имперіи, и имѣть теперь задачею *не примирить*, *а усмирить* Польшу. Польша будетъ усмирена, но Польскій вопросъ останется неразрѣшеннымъ... ... Мы держимся мысли, что по избавленіи страны отъ террора, по возвращеніи ей свободы мнѣнія и голоса и по введеніи въ гражданскую жизнь Польши полноправнаго Польскаго крестьянства,—было бы полезно предоставить Польшѣ полную политическую самостоятельность. Она можетъ быть или отдѣльно отъ Россіи, или же въ соединеніи, но уже въ соединеніи добровольномъ".

Наконецъ, Аксаковъ заявляетъ: „Мысль, высказанная нами о томъ, что политическая самостоятельность Царства Польскаго представляетъ менѣе невыгодъ для Россіи, чѣмъ его насильственное съ нею соединеніе, встрѣтила мало сочувствія въ общественномъ мнѣніи и, напротивъ, какъ мы того и ожидали, подала поводъ къ возраженіямъ со стороны несомнѣнно представителя *большинства* нашего общества,—*Московскихъ Вѣдомостей*" [228]).

Съ своей стороны, Катковъ писалъ: „Газета *День* видитъ въ насъ *несомнѣннаго представителя большинства Русскаго общества*, и, возражая намъ, имѣетъ собственно въ виду *большинство Русскаго общества*. Но если намъ довелось быть органомъ *большинства Русскаго общества*, то этой газетѣ, къ сожалѣнію, пришлось примкнуть къ *большинству* нашей Журналистики, и стать заодно съ *Голосомъ* и *С.-Петербургскими Вѣдомостями*. Припоминая, какое зрѣлище представляла

Русская Журналистика при началѣ Польскаго возстанія, Катковъ писалъ: „Мы помнимъ это печальное время, когда нашъ голосъ раздавался одиноко и когда насъ упрекали въ кровожадности за то, что мы старались припомнить и Русскимъ людямъ, и Полякамъ, и напирающей на насъ Европѣ, что есть на свѣтѣ страна, называемая Россіей, что есть на свѣтѣ живой народъ, называемый Русскимъ, народъ, который, что бы ни случилось, непремѣнно дастъ себя почувствовать. Онъ наконецъ и далъ себя почувствовать, и затѣмъ въ скоромъ времени измѣнилось зрѣлище, представляемое нашею Журналистикой; нѣмотствующіе заговорили, и наши публицисты пошли писать патріотическія статьи. Однако, дѣла въ Царствѣ Польскомъ не поправлялись, а шли все хуже и хуже. Причины этого явленія заключаются въ совершенно ошибочной, совершенно невозможной системѣ, которой мы до сихъ поръ тамъ держались. И никто еще не находилъ чтó сказать въ ея защиту. За то теперь, вдругъ, какъ бы по манію магическаго жезла, три газеты въ одно время ополчились, прямо или косвенно, на защиту этой системы, и всѣ три устремили свое оружіе противъ насъ: *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости* и *День*".

Затѣмъ Катковъ приступаетъ къ разсмотрѣнію „умозрительной стороны доктрины", проповѣдуемой Аксаковымъ. „Она",— пишетъ Катковъ,—„заключается въ двухъ словахъ: начало общественное и начало политическое или государственное. Вся тайна Польскаго вопроса, по толкованію Аксакова, заключается въ томъ, что Польша, въ настоящее время, есть нѣчто называемое *общественностію* и въ этомъ качествѣ вредное и ядовитое для Россіи, а потому долженствующее превратиться въ нѣчто другое, именуемое *политическимъ* или государственнымъ началомъ, дабы утратить свое ядовитое качество. Когда Польша будетъ такою политическою силою, то-есть, когда она получитъ особое государственное положеніе, тогда, по мнѣнію Аксакова, Польскій вопросъ будетъ благополучно разрѣшенъ. Аксаковъ считаетъ обстоятельствомъ второстепен-

нымъ, будетъ ли находиться Царство Польское въ соединеніи съ Россіей или не будетъ“.

Противъ этой *доктрины* энергично возсталъ Катковъ. „Если Польское національное чувство“, — писалъ онъ, — „должно по преимуществу принять государственный характеръ, то нѣтъ никакого основанія сказать ему: *Стой, не далѣе!* Довольствуйся своею народностію, своею Польскою землей и не простирай своихъ видовъ на тѣ области, которыя издревле были Русскими. Оно скажетъ въ отвѣтъ: *Если области эти были издревле Русскими, то не прошло еще столѣтія, какъ онѣ были Польскими и составляли часть Польскаго государства... Дѣло не въ народности, дѣло въ государственности, въ которую вы меня превратили; я ищу границъ стараго Польскаго государства, и только тогда буду удовлетворена, когда найду ихъ*“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катковъ упрекаетъ Аксакова, что онъ „остается глухъ ко всѣмъ показаніямъ, и твердо стоитъ на томъ, что Польское возстаніе вовсе не порожденіе интриги, а великое народное возстаніе“. Соглашаясь съ тѣмъ, что „милліоны Польскихъ мужиковъ не принимаютъ прямого участія въ возстаніи“, Аксаковъ въ то же время признаетъ ихъ за „пассивныя сельскія массы предъ панами и шляхтой, откуда Польское возстаніе черпаетъ свои силы“. И этому, говоритъ Катковъ, „учитъ насъ Аксаковъ, который въ то же время требуетъ здѣсь, въ Россіи, самоуничтоженія дворянства, и возводитъ крестьянство въ идеалъ политическаго и общественнаго благоустройства“. Это напомнило Каткову о тѣхъ изъ нашихъ демократахъ, которые на Русской почвѣ готовы великодушно со свѣта сжить помѣщиковъ, а на Польской почвѣ презираютъ интересы, желанія и чувствованія *хлоповъ*, которые должны повиноваться панамъ и слѣдовать за ними *до лясу*“ [229]).

Аксаковъ, съ своей стороны, писалъ: „Нѣкоторая часть публики воображаетъ себѣ не безъ радости или, вѣрнѣе сказать, не безъ злорадства, что мы доставимъ ей удовольствіе присутствовать на пѣтушиномъ бою между двумя Московскими редакторами. Этого удовольствія мы ей не доставимъ.

Прежде всего выведемъ главныя положенія нашего оппонента изъ двухъ его статей (№№ 187 и 188), напечатанныхъ *въ Московскихъ Вѣдомостяхъ*:

1) Что его *голосъ въ защиту Россіи раздавался одиноко въ Русской Журналистикѣ* и пр.

Отчего же и не приписать себѣ славы Колумба въ отношеніи къ открытію Русской народности?

2) Два года тому назадъ у насъ *грозила разыграться такая же мистификація, какая разыгрывается теперь въ Варшавѣ.*

Нужно необыкновенное усиліе памяти, чтобы припомнить всѣ подробности тѣхъ пустяковъ, которыми пугались у насъ назадъ тому два года.

3) *Газета День учитъ презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ.*

4) *День пишетъ апологіи нынѣ дѣйствующей системѣ управленія въ Польшѣ, защищаетъ систему Велепольскаго.*

5) *День хочетъ дать Польшѣ особое государственное положеніе подъ однимъ или не подъ однимъ скипетромъ съ Россіею*".

Эти выводы, говоритъ Аксаковъ, „къ величайшему удивленію извлеченные *Московскими Вѣдомостями* изъ статьи *Дня* (№ 34), сами бы по себѣ не заслуживали и опроверженія: до такой степени они противорѣчатъ нашей статьѣ и всему, довольно извѣстному направленію *Дня*".

Московскія Вѣдомости,—продолжаетъ Аксаковъ,—„не соглашаются признать мятежъ національнымъ возстаніемъ, потому что въ немъ не участвуютъ крестьяне... Во всей тысячелѣтней Исторіи Польши крестьянство не играло никакой роли, кромѣ пассивной, не принимало участія, не было дѣйствующею частью народа".

Въ заключеніе Аксаковъ сознается, что въ его статьѣ (№ 34 *Дня*) „есть дѣйствительно нѣкоторая неясность, происходящая главнымъ образомъ отъ того, что онъ имѣлъ въ виду всѣ свои предшествующія статьи, но упустилъ изъ виду,

что читатель не можетъ и не обязанъ держать ихъ въ своей памяти. Но публицисту, вступающему въ полемику съ другимъ публицистомъ, слѣдуетъ предварительно строго и тщательно изучить мнѣніе своего противника,—принимать въ соображеніе общее направленіе и характеръ его публицистической дѣятельности. Этого требуетъ *добросовѣстность*, уваженіе къ дѣлу, важность и *серьезность* предмета спора“ [230]).

Единомысленно съ Катковымъ, В. П. Боткинъ писалъ Фету: „Совершенно сочувствую твоему стремленію вступить снова въ полкъ, при извѣстіи о Польскомъ возстаніи. Повѣришь ли, я съ тѣхъ поръ нахожусь въ постоянной тревогѣ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь политическій горизонтъ очень мраченъ, но само возстаніе такъ задумано, организовано и проникнуто такимъ фанатизмомъ, что, мнѣ кажется, невозможно скоро подавить его. Въ Европѣ общественное мнѣніе рѣшительно на сторонѣ Поляковъ, не разбирая того, что претензіи и требованія Поляковъ, очевидно, имѣютъ цѣлью не только ослабленіе Россіи, но удаленіе ея изъ Европы въ Азію. Этой цѣли не скрываютъ здѣсь ни журналы, ни Англійскій Парламентъ, и вполнѣ сочувствуютъ Польскому возстанію, какъ средству для достиженія этой цѣли. Вотъ какъ становится Европой Польскій вопросъ, и вотъ что будетъ значить для насъ возстановленіе Польши. Но наши пустоголовые прогрессисты ничего этого не понимаютъ. Кажется, чувство національности и любви къ Отечеству совершенно испарилось изъ этихъ легкомысленныхъ головъ. Но представимъ себѣ Польшу возстановленною, самодержавною, да развѣ на этомъ она и успокоится? Развѣ она не будетъ стараться вредить Россіи, и въ этомъ всегда найдетъ поддержку въ Европѣ, интересъ которой какъ можно болѣе ослабить насъ. А при воинственномъ, легкомысленномъ духѣ Поляковъ, при ихъ натуральной склонности ко всякаго рода авантюрамъ,—не будетъ ли это все равно, что завести у себя на западѣ второй Кавказъ? Двадцать лѣтъ тревоги и усилій ослабятъ и разорятъ насъ. Вотъ какъ я понимаю возстановленіе Польши. Для безопасности Россіи необхо-

димо держать Польшу какъ можно въ большей зависимости. Удивительно, что у насъ ни одинъ журналъ не смотритъ на это дѣло съ государственной стороны. А мы еще такъ хвастаемъ своею пустозвонною Журналистикою“ [231]).

Полемика, происшедшая между Катковымъ и Аксаковымъ, произвела грустное впечатлѣніе на людей любящихъ Россію.

Великій почитатель Каткова, Н. И. Любимовъ, писалъ Погодину: „Аксаковъ тоже, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, человѣкъ честный и благонамѣренный, и *съ убѣжденіями*—и ратующій за доброе дѣло въ Польскомъ вопросѣ. Слава Богу, что полемика между нимъ и Катковымъ потухла.—Пожалуйста, вы, если можете, останавливайте Каткова отъ подобныхъ полемическихъ статей. Положимъ, что Аксаковъ тутъ гораздо болѣе виноватъ, нежели Катковъ. Но *такое ли теперь время*, чтобы вдаваться въ подобныя несчастныя *при*? И какъ было не плюнуть на всю эту дрянь, на всѣ придирки журнальной братіи!—Вообще, эта полемика имѣла на читающую и уважающую Каткова публику самое непріятное впечатлѣніе, и ей сильно радовались только какіе-нибудь Корши, Краевскіе et tuti quanti и всѣ враги Каткова.—Желательно,—очень желательно, чтобы это впредь не повторялось“.

Умирающій Шевыревъ писалъ Погодину изъ Парижа: „Жаль, что Аксаковъ и Катковъ такъ ссорятся. Теперь не до ссоръ. Самолюбіе въ сторону“.

„Я лично незнакомъ съ Аксаковымъ“,—писалъ Никитенко Погодину,—„печатно мы съ нимъ бранились. Но я готовъ обнять его ото всей души, какъ брата, за его вѣрную Русскую мысль, за горячее Русское сердце и за это благородное слово, полное мысли и сердца“ [232]).

Въ самомъ концѣ 1863 года, С. М. Сухотинъ, въ своихъ Запискахъ, заявилъ: „Когда же, наконецъ, свѣтскіе пустомели и праздные ораторы поймутъ, что направленіе *Дня*, самое патріотическое, честное и дѣльное, особенно по части корреспонденціи изъ Западныхъ губерній? Непопулярность *Дня*, въ большей части общества, кроется, я думаю, въ томъ, что очень

мало людей любятъ правду; а теперешнее общество, избалованное похвалами и куреніемъ ѳиміама со стороны *Московскихъ Вѣдомостей*, очень радо отдѣлаться патріотизмомъ à peu de frais и потому смотритъ съ неудовольствіемъ на всякое горькое, но истинное лѣкарство, которое ему предлагаютъ. Сначала всѣ поднялись на ноги, а теперь, когда Правительство, въ лицѣ Муравьева и графа Берга, приняло энергическія и удачныя мѣры, всѣ какъ будто поуспокоились и съ особеннымъ усердіемъ принялись за обычныя увеселенія. Надѣли опять нравственные халаты, и сердятся, когда имъ напоминаютъ, что надо подтянуться" [233]).

Самъ Аксаковъ очень хорошо зналъ цѣну своей дѣятельности. „Мнѣ очень жаль",—писалъ онъ Вѣнскому протоіерею Раевскому,—„что вы не могли постоянно слѣдить за моею дѣятельностью. Она была не безполезна. *День* первый, задолго до возстанія, напомнилъ про Бѣлоруссію, и его значеніе въ православномъ населеніи Западнаго края, собственно говоря въ духовенствѣ —огромное. Я большей части тамошнихъ священниковъ посылаю его даромъ, да и пожертвованія переслалъ туда на десятки тысячъ".

Въ это же время графъ Д. Н. Блудовъ выразилъ желаніе сопричислить Каткова и Аксакова къ Императорской Академіи Наукъ; но академики несочувственно отнеслись къ этому предложенію своего президента, о чемъ засвидѣтельствовалъ одинъ изъ академиковъ, А. В. Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 19 декабря 1863 года: „Президентъ Академіи Наукъ навязываетъ намъ въ члены-корреспонденты Отдѣленія Каткова и Аксакова. Сверхъ того, графу Блудову хочется, чтобы мы избрали въ почетные члены Рейтерна и Буткова. Отдѣленіе, какъ и вся Академія, сильно на это негодуетъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи Отдѣленія были объ этомъ толки. Веселовскій и Гротъ поѣхали къ графу Блудову попытаться, нельзя ли отклонить его отъ несчастной мысли выбрать Каткова. Противъ Аксакова не возстаютъ. Разумѣется, я тоже не могу быть въ пользу Каткова.

Вообще, странное положеніе Академіи, что она должна расточать знаки своего уваженія по приказанію начальства“ [234]).

LXV.

Въ концѣ 1863 года, А. Ѳ. Гильфердингъ напечаталъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* статью, подъ заглавіемъ: *Положеніе и задачи Россіи въ Царствѣ Польскомъ.*

Статья Гильфердинга раздѣляется, такъ сказать, на двѣ части. Въ первой — онъ разсматриваетъ отношенія Россіи къ Польшѣ, съ точки зрѣнія „требованій безусловной теоретической правды“; а во второй части—съ точки зрѣнія „политическихъ условій“, въ сферѣ которыхъ „властвуетъ *князь міра сего*“.

Въ первой части свои разсужденія, Гильфердингъ высказалъ мысли, обратившія вниманіе Европейской Журналистики и вызвавшія полное ея сочувствіе.

Гильфердингъ, между прочимъ, писалъ: „Тяжелая судьба историческая поставила другъ подлѣ друга въ Славянскомъ мірѣ и связала неотвратимымъ антагонизмомъ два племени, діаметрально противоположенныхъ общественнымъ строемъ, началами вѣры и просвѣщенія, направленіемъ мысли и ходомъ развитія. Одно меньше и слабѣе и вся его сила въ высшихъ классахъ; это народъ аристократическій, полный сознанія своего превосходства, честолюбивый и властолюбивый, завоевательный въ душѣ. Другой народъ огромный и сильный, силенъ особенно низшими своими слоями, народъ смирный и даже черезчуръ смиренный, народъ плебейскій по преимуществу, не только не стремящійся къ захвату чужого, но скорѣе готовый поступиться своимъ достояніемъ. По характеру это народъ далеко не властолюбивый и вовсе не завоевательный; но тотъ естественный законъ, по которому большая масса притягиваетъ къ себѣ мелкія единицы, повелъ Русскій народъ къ расширенію своихъ предѣловъ и подчинилъ его власти многія племена. Ровно два вѣка протекло съ того времени, какъ

Польша, въ апогеѣ своего завоевательнаго и аристократическаго духа, высылала экспедицію для покоренія Московскаго Государства, громаднѣйшую *частную* экспедицію завоевателей, какая когда-либо снаряжалась.

Извѣстно, что попытка Поляковъ завоевать Московское Государство, въ началѣ XVII столѣтія, была первоначально частнымъ предпріятіемъ нѣкоторыхъ магнатовъ и шляхты и что Польша, какъ государство, была лишь мало-по-малу втянута въ это дѣло. И эта самая Польша поступила подъ Русскую власть, съ которой не можетъ сжиться вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ. Военная диктатура тамъ водворена; она дѣлаетъ свое дѣло; враждебная намъ организація уже потрясена и прорвана не въ одномъ мѣстѣ. Скоро не будетъ опять никакой другой власти, кромѣ Русской. Но что представляло и чѣмъ представится опять Царство Польское подъ Русскою властью? Прежде всего мы тутъ видимъ народъ малый и слабый, подчиненный большому и сильному: зрѣлище не новое и не единственное въ человѣчествѣ; фактъ столь обыкновенный во всѣхъ почти государствахъ нашей образованной Европы (не говоря уже о другихъ странахъ свѣта), что наблюдатель будетъ скорбѣть о немъ, но скажетъ, что такъ бываетъ въ родѣ человѣческомъ. Однако, всмотримся въ дѣло глубже, и мы увидимъ, что тутъ не все такъ обыкновенно, не все такъ въ порядкѣ вещей. Малый и слабый народъ заключаетъ въ себѣ непомѣрно многочисленный высшій классъ, съ аристократическимъ духомъ, съ притязаніями на званіе и права людей *благородныхъ* и образованныхъ, и ему приходится повиноваться Россіи, стоящей предъ полякомъ не иначе, какъ въ образѣ мужика и солдата. Покоренный имѣетъ о себѣ, о своемъ народѣ, такое безконечно высокое мнѣніе, что, пожалуй, онъ въ этомъ не уступитъ и французу, а надъ нимъ поставленъ, въ качествѣ повелителя, человѣкъ, всякій день и при всякомъ случаѣ готовый признать, что онъ невѣжа и дикарь, что онъ былъ бы крайне благодаренъ даже за послѣднее мѣстечко въ образованной компаніи Европейскихъ народовъ. Словомъ, ари-

стократъ и завоеватель въ душѣ попалъ подъ власть смирнаго и равнодушнаго къ своему завоеванію плебея, и того именно плебея, котораго этотъ злосчастный аристократъ считалъ себя нѣкогда призваннымъ взять подъ свое начало и оболванить по-своему. Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, главная причина трудности и ненормальности нашего положенія въ Польшѣ, а не въ простомъ матеріальномъ фактѣ владычества надъ чужимъ народомъ. Пруссія и Австрія владѣютъ преспокойно не малыми частями Польской земли, и никто не находитъ этого неестественнымъ; даже Поляки сами несравненно хладнокровнѣе относятся къ несправедливости Прусскаго и Австрійскаго владычества надъ ними, нежели Русскаго, несмотря на то, что положеніе ихъ народности, какъ извѣстно, во сто разъ хуже въ Познани и Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Дѣло въ томъ, что нѣмецъ въ глазахъ поляка далеко не то, что москаль; это такой же *господинъ*, какъ полякъ, а не плебей; господинъ другой породы, а не младшій, недавно казавшійся безталаннымъ и ничтожнымъ, братъ въ родной семьѣ".

Существенная причина,—повторяетъ Гильфердингъ,—„почему Русское владычество кажется Полякамъ невыносимымъ, та, что тутъ плебей властвуетъ надъ аристократомъ, что *панъ* или человѣкъ, считающій себя годнымъ быть паномъ, чувствуетъ себя подчиненнымъ народу мужиковъ и солдатъ; существенная причина та, что мы остались тѣмъ, чѣмъ были, по выраженію Хомякова, въ старину всѣ Славянскія племена,—плебеями человѣчества, а Поляки, пропитавшіеся духомъ Западно-Европейскаго аристократизма, должны теперь вступить въ подчиненное къ намъ отношеніе".

Если въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Гильфердингъ,—намъ ничѣмъ нельзя упрочить за собою Царство Польское, если намъ не остается другого выбора, какъ вѣчно держать Польшу силою или покинуть ее, то, конечно, всякій русскій, любящій свое Отечество, желалъ бы только видѣть приближеніе минуты, когда это послѣднее могло бы быть исполнено. Мы понимаемъ, что теперь, послѣ нападенія Поляковъ на наши войска, послѣ

угрозъ Европы, выступить изъ Польши было бы срамомъ, и объ этомъ рѣчи быть не можетъ, въ настоящее время. Но мы стали бы ждать съ нетерпѣніемъ отъ будущаго, чтобы политическія обстоятельства сложились благопріятнымъ образомъ и чтобы мы могли, непринужденно и съ честью, оставить страну, которая насъ не терпитъ и увѣряетъ, что никогда не примирится съ нашею властью. Гораздо лучше пожертвовать областью, которая для Россіи не приноситъ никакой выгоды, чѣмъ имѣть постоянно домашняго непріятеля и слыть въ цѣломъ мірѣ тиранами. Насильственное обладаніе Польшею ставитъ Россію въ тягостное внутреннее противорѣчіе съ самой собою, съ ея характеромъ Славянской державы, съ ея призваніемъ представительницы и заступницы Славянскаго племени. Съ какимъ же восхищеніемъ мы привѣтствовали бы свое избавленіе отъ этого гибельнаго противорѣчія, съ какимъ удовольствіемъ стряхнули бы съ себя бремя насильственнаго владычества надъ Польской землей. Съ какой справедливой гордостью мы глянули бы въ глаза всѣмъ нашимъ клеветникамъ въ Европѣ, какъ мы почувствовали бы себя свободнѣе въ нашей политикѣ. И не только въ смыслѣ политическомъ, мысль эта, покуда ее разсматриваешь теоретически, оказывается самымъ лучшимъ для Россіи выходомъ изъ безчисленныхъ затрудненій, поставляемыхъ ей Царствомъ Польскимъ. За мысль эту говоритъ и высшая справедливость, недопускающая, чтобы одинъ народъ налагалъ цѣпи на другой. На почвѣ безусловной правды казалось бы несомнѣннымъ, что должно, при первой возможности, возвратить Царству Польскому его самостоятельность“ [235]).

Какъ противъ Страхова, за его *Роковой Вопросъ*, такъ и противъ Гильфердинга, за приведенныя нами строки изъ первой части его разсужденія, выступилъ Катковъ, съ своею непобѣдимою логикою. Онъ писалъ: „Говорятъ, что мы варвары. Нашъ старый Хемницеръ сложилъ о насъ басенку. Кто не знаетъ его *Метафизика*? *Веревка вещь какая*? вопрошаетъ онъ, сидя въ ямѣ, и углубляется въ метафизику этого во-

проса, вмѣсто того, чтобы ухватиться за веревку обѣими руками...... Кто не помнитъ трагикомическаго пассажа, который случился недавно съ однимъ изъ метафизиковъ въ Русской Литературѣ“?

Послѣ этого, такъ сказать, предисловія, Катковъ продолжаетъ: „Гильфердингъ—писатель искусно владѣющій перомъ, много занимавшійся Славянскими древностями, и, безъ всякаго сомнѣнія, одушевленный наилучшими намѣреніями. Къ сожалѣнію, съ его трактатомъ случилась престранная исторія; выдержки изъ этой статьи, вскорѣ по ея появленіи, облетѣли Европейскую Журналистику и были съ живѣйшими одобреніями перепечатаны вь органахъ самыхъ непріязненныхъ Русскому дѣлу. Англійская газета *Daily News*, по поводу статьи Гильфердинга, замѣтила: Должно быть въ Петербургѣ водворилась теперь самая безусловная свобода печати, если такія воззрѣнія могутъ появляться въ ней; а не то остается думать, что Русское Правительство совершенно измѣнило свою политику по Польскому вопросу“.

Между тѣмъ, за границей всѣ доселѣ были увѣрены,—пишетъ Катковъ,—что „общественное мнѣніе въ Россіи настроено самымъ патріотическимъ образомъ; до сихъ поръ всѣ были убѣждены, что никто въ Россіи не допускаетъ и мысли о нарушеніи государственной цѣлости Русской державы, и что всѣ классы народа съ безпримѣрнымъ въ Исторіи единодушіемъ готовы стать на ея защиту. Теперь, иностранному наблюдателю вдругъ показалось противное,—показалось, что Русское общество, въ душѣ своей, сочувствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя недавно предъявлялись къ Россіи и которыя заставили ея Правительство вооружиться; этого мало: оказывается, что въ сущности общественное мнѣніе въ Россіи идетъ гораздо далѣе, чѣмъ даже требованія трехъ державъ. Въ иностранныхъ газетахъ съ торжествомъ выписываютъ изъ статей Гильфердинга тѣ строки, въ которыхъ заявляется, что Русскій народъ съ восхищеніемъ рукоплескалъ бы возстановленію политической независимости Царства Польскаго“.

Никто изъ иностранцевъ,—продолжаетъ Катковъ,— „не обязанъ же знать, что, по метафизикѣ нѣкоторыхъ Русскихъ философскихъ школъ, *плебейство* есть великая сила, и что Славянскому роду предписано чуждаться Европейской цивилизаціи. Чего же лучше, думаютъ иностранцы, если сами Русскіе сознаютъ, какъ несправедливо подчинить высшую цивилизацію низшей, аристократовъ Европейской цивилизаціи—владычеству мужичья и солдатства? При такомъ сознаніи Русскаго народа, было бы дѣломъ высшей справедливости не только отдѣлить Царство Польское отъ Россіи, но и возстановить старую Польшу; еще послѣдовательнѣе было бы подчинить всю эту *плебейскую* массу человѣчества тому типу высшей цивилизаціи, представителями которой являются Польскіе патриціи. На Европейской картѣ, вмѣсто нынѣшней Европы, появилась бы Польша съ подвластными ей землями, и это было бы вполнѣ согласно съ законами высшей справедливости, которая прежде всего требуетъ, чтобы низшее подчинялось высшему“.....

Въ заключеніе, Катковъ заявляетъ: „Намъ очень прискорбно, что наши иностранные оцѣнщики могутъ дѣлать такія заключенія, ссылаясь на наши же собственныя признанія“ [236]).

LXVI.

Во второй части своего разсужденія, Гильфердингъ разсматриваетъ отношенія Россіи къ Польшѣ съ точки зрѣнія „политическихъ условій“, въ сферѣ которыхъ „властвуетъ *князь міра сего*“. Вотъ что мы, между прочимъ, читаемъ въ этой части: „Прежде всего поставимъ вопросъ о Русскомъ владычествѣ въ Царствѣ Польскомъ на почву политическихъ условій. Въ этомъ отношеніи мы наткнемся на обстоятельство самаго неидеальнаго свойства, но котораго нельзя обойти безъ вниманія. Русская власть пустила корни въ Царствѣ Польскомъ, корни, правда, самые грубые, совершенно вещественные, но которыхъ намъ нелегко было бы вырвать. У насъ тамъ первостепенныя крѣпости. Какъ быть съ Новогеоргіевскомъ, съ Иван-

городомъ, съ Замосцемъ? Употребить громадныя усилія, чтобы взорвать на воздухъ или срыть до основанія работы, стоившія Россіи не одну сотню милліоновъ? Или передать въ чужія руки укрѣпленія, которыя, въ случаѣ какой-нибудь войны въ средней Европѣ, сдѣлались бы для насъ преградою, быть можетъ, неодолимою, или, по крайней мѣрѣ, достаточною, чтобы задержать наши войска на цѣлую кампанію? Не мнѣ, конечно, разсуждать о спеціальномъ военномъ дѣлѣ, но простой здравый смыслъ указываетъ, что пока Европейскимъ народамъ нужно брать въ разсчетъ возможность войны и принимать мѣры для своего огражденія, Россіи придется держать Царство Польское, для своей собственной безопасности въ военномъ отношеніи".

Далѣе, Гильфердингъ утверждаетъ, что „нескоро убѣдятся Поляки, что ихъ предназначенная отчизна—малая земля Польскаго народа, а не тотъ обширный край, гдѣ они могутъ господствовать во имя своего аристократическаго превосходства и преимущества своего образованія. Они люди цивилизованные, носители Западно-Европейскаго и католическаго знамени, не скоро убѣдятся въ несостоятельности своего призванія въ Славянскомъ мірѣ. Они вѣрятъ себѣ, они вѣрятъ въ свое знамя, а неудачи и бѣдствія не убиваютъ вѣры".

Въ ихъ средѣ,—продолжаетъ Гильфердингъ,—„не только религія, какъ замѣчаютъ неоднократно, обратилась въ средство политическое, но, что еще важнѣе, политическая идея обратилась въ религію". Прочитаемъ, говоритъ Гильфердингъ,—слѣдующія строки: „И умучили народъ Польскій и положили во гробъ; и короли вскричали: мы убили и похоронили свободу. Вскричали же они неразумно; ибо, совершая послѣднее убійство, они исполнили мѣру своихъ беззаконій, и кончилась ихъ сила въ то время, когда они наиболѣе ликовали. Ибо народъ Польскій не умеръ: тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его сошла съ земли, то-есть, изъ общественной жизни, въ бездну, то-есть, въ домашнюю жизнь племенъ, терпящихъ неволю въ краѣ и за границей, дабы видѣть ихъ страданіе. А въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ Польскій воскреснетъ и освободитъ всѣ

племена Европы изъ неволи. И прошли уже два дня: одинъ день зашелъ съ первымъ взятіемъ Варшавы, а другой день зашелъ со вторымъ взятіемъ Варшавы; а третій день взойдетъ, но не зайдетъ. И какъ по Воскресеніи Христа престали на цѣлой землѣ кровавыя жертвоприношенія, такъ съ воскресеніемъ народа Польскаго престанутъ въ христіанствѣ войны. Есть цѣлая такая книга, изъ которой это лишь малый отрывокъ. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлое дополнительное Евангеліе, но Евангеліе, которое учитъ не вѣрѣ въ Бога, а тому, какъ вести себя Польскимъ *пилигримамъ*, разсѣяннымъ среди чуземцевъ, какъ апостолы среди язычниковъ. И эту книгу писалъ не какой-нибудь безвѣстный чудакъ, а величайшій геній Польши, Мицкевичъ; и писалъ онъ ее не тогда, когда его умъ былъ на закатѣ, а въ 1833 году, въ пору всей силы его таланта, въ ту самую пору, когда онъ съ такою изумительною вѣрностью живописалъ всѣ стороны Польскаго шляхетства въ великолѣпной эпопеѣ о *панѣ Тадеушѣ*. Сложите же всѣ эти стихіи: преданіе о господствѣ надъ Русскими землями во имя аристократическаго принципа; чувство цивилизованнаго европейца въ противоположность сосѣднему варварству русскаго, чувство исповѣдника религіи, *внѣ которой нѣтъ спасенія*, въ противоположность сосѣдней схизмѣ; патріотическую страсть, возведенную до высоты вѣры. Сложите въ одно всѣ эти стихіи и подумайте: способна ли такая среда къ какой бы то ни было мирной политической сдѣлкѣ съ Россіей“?

Далѣе, Гильфердингъ обращается опять къ Мицкевичу и приводитъ слѣдующее мѣсто изъ его статьи *О Конституціи повстанцевъ*, написанной 5 апрѣля 1833 года: „Ст. 1. Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить, преслѣдовать какъ можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ нѣтъ никакихъ условій, договоровъ, конвенцій, перемирій, сношеній и т. п. Ст. 3. Каждаго *шпега*, каждаго Русскаго чиновника, угнетавшаго Поляковъ, каждаго поляка, уличеннаго въ томъ, что онъ сторонникъ Россіи, ловить, судить, казнить. Ст. 4.

Революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ. Власть эта остается до тѣхъ поръ, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть, водворившись въ городѣ или мѣстечкѣ, становится законодательною; схвативъ преступника, превращается въ судебную; а если состоитъ изъ малаго числа повстанцевъ, сама выполняетъ свои приговоры. Ст. 6. Подати собираются изъ добровольныхъ приношеній. Кромѣ того, власть забираетъ все, что нужно во время войны".

Приведя этотъ отрывокъ изъ сочиненій Мицкевича, Гильфердингъ говоритъ: „Стоитъ вмѣсто имени императора Николая, поставить имя императора Александра; вмѣсто 1833 года, поставить 1863 годъ, и въ этой, начертанной Мицкевичемъ *Конституціи повстанцевъ*, мы будемъ имѣть во всей точности кодексъ современнаго Польскаго возстанія".

Признавая, что историческая жизнь Польши оказалась несостоятельною, Гильфердингъ пишетъ: „Мы присутствуемъ теперь не при возрожденіи исторической жизни Польши, но при разложеніи ея стараго организма".

Обновленіе же Польши, по мнѣнію Гильфердинга, можетъ выйти только изъ совершенно новой стихіи. „Если есть въ Польшѣ",—пишетъ Гильфердингъ,—„еще такая новая стихія жизни, то это, очевидно, простой народъ, непринимавшій никакого участія ни въ процвѣтаніи, ни въ паденіи старой Польши. Въ противномъ же случаѣ, если бы простой народъ Польскій не представлялъ элементовъ для новой жизни, для новаго развитія въ Польшѣ, то пришлось бы отказаться отъ всякой надежды на будущность Польской націи и предвидѣть тогда, какъ неизбѣжный результатъ дальнѣйшаго хода Исторіи,—замѣну Польскаго народа новымъ племенемъ, т.-е., предвидѣть для цѣлой Польской земли то, что уже совершилось и совершается въ западной ея половинѣ, въ Силезіи, западной Пруссіи и большей части старой земли Великопольской. Но если возможно избѣгнуть этого исхода и суждено простонародной средѣ дать новые ростки для обновленія Польши, то это будетъ именно только подъ властью Россіи и благодаря этой

власти. Вотъ въ чемъ я вижу историческое требованіе, обусловливающее Русскую власть въ Польшѣ, и причину, которая можетъ оправдать тамъ существованіе нашей власти, не съ одной лишь точки зрѣнія безопасности и интересовъ Россіи, а по отношенію къ самой Польшѣ. Одна Россія въ силахъ охранить слабое еще въ своемъ самосознаніи, еще совершенно пассивное простонародье Польское отъ безусловнаго господства старыхъ преданій и понятій, воплощенныхъ въ *обывательскомъ* классѣ. Дайте независимость Польшѣ, и все, что можетъ выйти новаго изъ среды простонародья, будетъ заглушено и никогда не проявится; изъ-подъ стараго разлагающагося трупа никогда не взойдутъ новые ростки. Несостоятельная шляхта ничего не сдѣлаетъ, чтобы оживить простой народъ и сама истощится и погибнетъ; а безсознательное простонародье не устоитъ подъ наплывомъ Нѣмецкой колонизаціи, движущейся впередъ со всею силою, придаваемою ей духовнымъ единствомъ образованнаго класса и рабочихъ сословій. Доказательства передъ глазами, и мы должны сказать безъ обиняковъ: *безъ Россіи Польша никогда не обновится.* При такихъ отношеніяхъ между Польскимъ простонародіемъ и обывательскими классами, наша власть въ Царствѣ Польскомъ едва ли можетъ считаться случайностью или простымъ грубымъ фактомъ матеріальной побѣды, одержанной однимъ племенемъ надъ другимъ. Кажется, что наша власть въ Польшѣ имѣетъ свое непосредственное историческое призваніе въ отношеніи къ развитію самой Польской жизни. Пособить Польскому крестьянству, вывести его пзъ апатіи, дать ему голосъ въ странѣ, вотъ, повидимому, прямая задача наша въ Царствѣ Польскомъ. Я думаю, что мы должны смотрѣть на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ не только съ эгоистической точки зрѣнія нашихъ собственныхъ, Русскихъ интересовъ, не только какъ на средство пріобрѣсти въ Польшѣ точку опоры противъ партіи противниковъ; мы должны видѣть въ немъ и историческую задачу Россіи въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ интересамъ ея будущности, къ ея собственнымъ пользамъ.

Если правда, что старый историческій организмъ Польши, съ его шляхетскими идеями и стремленіями, сдѣлался несостоятельнымъ и находится въ разложеніи (а въ этомъ, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія); если правда, что безсознательная масса Польскаго крестьянства не въ силахъ, сама по себѣ, высвободиться изъ-подъ разлагающагося организма для обновленія Польской жизни (а и это кажется вѣрнымъ),—то въ такомъ случаѣ, Исторія привела насъ въ Польшу недаромъ. Русская власть можетъ сдѣлать для Польскаго крестьянства то, чего никогда не сдѣлало бы Польское *обывательство* и чего Польское крестьянство никогда не достигло бы само по себѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гильфердингъ утверждаетъ, что „Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда, съ одной стороны, Польская народность утратитъ господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью Русскою и Литовскою въ Западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ Царствѣ Польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи Польскаго *обывательства.* А до тѣхъ поръ намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ Польскимъ *обывательствомъ*, пока оно не утратитъ надеждъ на возвращеніе Западно-Русскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ *обывательству* мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о Просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ Польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись тридцатилѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что приходится дѣлать теперь, среди неустройства и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами Польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ мы думали, что полякъ мало образованный есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ полякъ просвѣщенный. Давно ли возстановленъ въ Варшавѣ

Университетъ? А сколько времени въ самой столицѣ Царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательность классическаго образованія поверхностностью кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній. Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ Польскихъ идей и стремленій есть Наука и Просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религіозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы Науки, либо искажать ихъ. Недаромъ замѣчательнѣйшій философъ Польскій, Трентовскій, явился вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ горькимъ обличителемъ бывшей Рѣчи Посполитой и ея отношеній къ Русскому народу. Недаромъ людямъ, которые, какъ Лукашевичъ, вздумаютъ серьезно и съ ученымъ безпристрастіемъ разрабатывать какіе нибудь историческіе вопросы, касающіеся Польши, хотя бы вопросы эти относились къ XVI вѣку, приходится печатно защищаться предъ своими соотечественниками отъ самыхъ страшныхъ обвиненій. И съ другой стороны, недаромъ тѣ, которымъ захочется подкрѣплять какими нибудь учеными доводами Польскія притязанія, вынуждены писать явную фальшь, въ родѣ, напр., сочиненій извѣстнаго Духинскаго, гдѣ авторъ разсчитываетъ единственно на невѣжество публики. Впрочемъ, настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самые злые противники наши между Поляками люди или полуобразованные или вовсе невѣжественные. Съ полякомъ, основательно и серьезно образованнымъ мы можемъ еще столковаться; полуобразованный или вовсе невѣжественный обыватель будетъ всегда игрушкою людей, которые захотятъ фанатизировать его религіозную и патріотическую ненависть къ москалямъ“.

Такимъ образомъ, Гильфердингъ утверждаетъ, что доставленіе самостоятельности Польскому крестьянству и распространеніе въ Польшѣ серьезнаго образованія, „важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства“. Однимъ словомъ, „Польскій вопросъ неразрѣшимъ никакими политиче-

скими мѣрами, онъ можетъ быть упраздненъ лишь соціальными средствами".

Въ заключеніе своего разсужденія, А. Ѳ. Гильфердингъ пишетъ: „Позволю себѣ сказать два слова и о политическихъ системахъ, какія мы могли бы принять въ Царствѣ Польскомъ. У насъ иные защищаютъ принципъ автономіи Царства, т.-е., ту систему, которая въ разныхъ видоизмѣненіяхъ существовала съ 1815 года понынѣ. Другіе предпочли бы слить Царство Польское съ Россіей такъ, чтобы оно обратилось просто въ нѣсколько Русскихъ губерній. Обѣ эти системы имѣютъ, какъ мнѣ кажется, огромныя неудобства. Первая, т.-е., система политической автономіи, пятидесятилѣтнимъ опытомъ доказала свою несостоятельность во всѣхъ возможныхъ формахъ и степеняхъ такой автономіи. Главное неудобство состоитъ, очевидно, въ томъ, что система эта постоянно поддерживаетъ и питаетъ въ Польскомъ *обывательствѣ* мысль, что Польша продолжаетъ быть особымъ, самостоятельнымъ государствомъ, между тѣмъ какъ Россія не въ состояніи допустить осуществленія и малой части тѣхъ послѣдствій, которыя эта мысль имѣетъ въ понятіяхъ каждаго Польскаго обывателя. Неудобство второй системы столь же несомнѣнно. Какъ можно налагать Русскіе распорядки на край, вовсе не Русскій? Это совершенно противно духу Русскаго народа, преданіямъ Русской Исторіи. Если бы Русская административная система, Русское судопроизводство и т. д. были идеаломъ совершенства, то, пожалуй, можно бы было подумать о такой мѣрѣ. Но мы признаемъ ихъ далекими отъ совершенства и для самой Россіи. Притомъ полное слитіе Царства Польскаго съ Россіею,—и только одно это—было бы дѣйствительнымъ противорѣчіемъ обязательству, которое императоръ Александръ I, именемъ Россіи, добровольно вызвался принять, относительно Польши, на Вѣнскомъ конгрессѣ. И та и другая система кажутся мнѣ неудовлетворительными. Исторія даетъ намъ одинъ примѣръ, представляющій аналогію съ вопросомъ о политическомъ отношеніи Россіи къ Царству Польскому. При Петрѣ I, Россія завоевала Остзейскій

край. Пятьсотъ лѣтъ этотъ край находился въ постоянной борьбѣ съ Русскими. Ненависть Остзейскихъ бароновъ и бюргеровъ къ Русскому имени, воспитанная этою борьбою, и кровавыя преданія временъ Грознаго, едва ли были слабѣе, чѣмъ вражда къ намъ Польскаго обывательства. Остзейскіе бароны и бюргеры едва ли съ меньшимъ презрѣніемъ смотрѣли на варварскихъ Московитовъ и, подобно Польскимъ обывателямъ, могли считать себя въ отношеніи къ Россіи представителями высшаго Просвѣщенія. Остзейскій край, такъ же какъ и Польша, тянулъ къ Западу и принадлежалъ къ міру, чуждой для Россіи жизни общественной, чуждой ей цивилизаціи, къ міру, стремившемуся наложить свою власть на Русскій Востокъ. Что же сдѣлалъ Петръ, завоевавъ Остзейскій край? Онъ оставилъ неприкосновенными всѣ внутреннія особенности Остзейскаго края, его внутреннюю администрацію, его языкъ, его судебныя и религіозныя учрежденія, весь его особенный бытъ; но не далъ ему и тѣни политической автономіи. Съ тѣхъ поръ Россія, въ дѣлахъ административныхъ, судебныхъ, религіозныхъ, знаетъ отдѣльный Остзейскій край, съ его полною внутреннею самобытностью; въ смыслѣ политическомъ она не знаетъ отдѣльнаго Остзейскаго царства, а знаетъ только губерніи Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, одинаковыя для нея, въ этомъ отношеніи, съ какою-нибудь Ярославскою или Воронежскою губерніями. Не стану здѣсь судить о соціальномъ положеніи Остзейскаго края,—это для насъ вопросъ посторонній. Говорю только о политической сторонѣ дѣла. Петръ разрѣшилъ единственнымъ разумнымъ и прочнымъ способомъ политическую задачу объ отношеніяхъ къ Россіи Остзейскаго края,—пріобрѣтенія, съ которымъ намъ, при тогдашнемъ нашемъ состояніи, было, я думаю, немногимъ легче справиться, чѣмъ теперь съ Царствомъ Польскимъ, ибо хотя Остзейскій край, безъ всякаго сомнѣнія, былъ внутренно гораздо слабѣе Польши, и отношенія его къ Россіи были гораздо проще, однако, съ другой стороны, Русское государство, въ началѣ XVIII вѣка, могло противопоставить ему несравненно

меньше силъ, чѣмъ сколько нынѣшняя Россія въ состояніи противопоставить враждебнымъ стихіямъ въ Польшѣ. Но Остзейскій край, разъ присоединенный къ Россіи, уже не требовалъ отъ нея усилій, чтобы держать его. Сохраненіе всѣхъ его бытовыхъ и національныхъ особенностей, его историческихъ учрежденій, соблюденіе всѣхъ его преданій заставило Остзейцевъ забыть, что они народъ подчиненный Россіи; а полное политическое соединеніе пріучило ихъ видѣть въ Россіи политическое свое Отечество, которому они призваны служить. Разсчетъ геніальнаго человѣка оказался вѣрнымъ, и полуторавѣковой опытъ свидѣтельствуетъ объ этомъ".

Гильфердингъ свое разсужденіе оканчиваетъ такими словами: „Кажется, что такой примѣръ не долженъ пропасть даромъ; Царство Польское, по своему положенію относительно Россіи, имѣетъ существенную аналогію съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ Остзейскій край вошелъ въ составъ Русской державы; какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая автономія Царства Польскаго и сліяніе его съ Россіей представляются совершенно неудобными, — то система, указанная намъ Петромъ Великимъ въ Остзейскомъ краѣ, была бы, кажется, и въ настоящемъ случаѣ единственнымъ разумнымъ и вѣрнымъ путемъ для Россіи" [237]).

Къ второй части разсужденія Гильфердинга, Катковъ отнесся весьма сочувственно. Онъ писалъ: „Если бы Гильфердингъ, приступивъ прямо къ дѣлу, и ограничился только тѣмъ, что написано въ концѣ (т.-е., во второй части) его разсужденія о Польскомъ вопросѣ и въ чемъ собственно заключается сущность вопроса, то вышла бы статья небольшая, но дѣльная ... и она не могла бы подать поводъ ни къ какимъ лжетолкованіямъ. Мысль, которую высказалъ Гильфердингъ въ заключеніи своихъ статей, есть мысль вполнѣ здравая... Гильфердингъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Царство Польское не только не можетъ быть отдѣлено отъ Россіи, но, напротивъ, должно тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, быть соединено съ нею. Въ этомъ Гильфердингъ видитъ единственный способъ къ разрѣ-

шенію Польскаго вопроса... Въ образецъ того положенія, въ какомъ должны находиться Польскія губерніи, онъ беретъ въ примѣръ губерніи Остзейскія, которыя, въ политическомъ отношеніи, ничѣмъ не разнятся отъ другихъ губерній Россійской Имперіи, но не подвергаются ни малѣйшимъ стѣсненіямъ ни въ вѣроисповѣданіи, ни въ языкѣ, ни въ особенностяхъ юридическаго быта. Ничего не можетъ быть основательнѣе такого взгляда, и можно пожалѣть только о томъ, что авторъ высказываетъ его съ какою-то странною натугою, какъ будто бы онъ вынесъ этотъ взглядъ изъ какихъ-то неизслѣдимыхъ пропастей премудрости, или какъ-будто бы онъ добылъ его съ ожесточеннаго боя противъ тьмы предразсудковъ и недоразумѣній. Къ изложенію этого вѣрнаго взгляда онъ приступаетъ, отмахиваясь отъ какого-то воображаемаго мнѣнія, которое будто бы требуетъ такого соединенія Польскихъ губерній съ остальными Русскими владѣніями, которое должно силою отнять у нихъ всѣ особенности ихъ быта и подвести ихъ подъ всеумерщвляющій уровень административнаго и юридическаго однообразія... Государственное единство не значитъ мертвое однообразіе частей; полное государственное единство совмѣстимо съ полною свободою и самостоятельностью частей, лишь бы только эта самостоятельность не заключала въ себѣ фальшиваго стремленія образовать особое государственное тѣло“ [238]).

LXVII.

Въ дни Польскаго мятежа 1863 года, Погодину пришла мысль собрать и издать отдѣльною книгою все то, что онъ писалъ о Польшѣ, начиная съ 1830 года и до того времени.

„Вся Европейская печать“,—писалъ Погодинъ,—„кишитъ статьями о Польскомъ вопросѣ. Неужели молчать должны только мы, Русскіе, до которыхъ онъ больше всѣхъ касается? Нѣтъ, Европейцы должны узнать наше мнѣніе, должны принять на свои вѣсы наши доказательства. Вѣсы ихъ, мы

знаемъ, кривы, невѣрны, когда дѣло касается предметовъ, приносящихъ пользу или причиняющихъ вредъ Россіи, которая до сихъ поръ представляется въ ихъ воображеніи какимъ-то грознымъ призракомъ; но всетаки мы должны говорить хоть для немногихъ, способныхъ судить sine ira et studio".

Высказавъ это, Погодинъ продолжаетъ: „Писавъ о Польшѣ нѣсколько разъ, съ 1830 года, при разныхъ случаяхъ, находясь въ близкихъ, дружескихъ сношеніяхъ съ Мицкевичемъ и Лелевелемъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, представивъ осязательныя доказательства расположенія къ Полякамъ въ самое тяжелое для нихъ время, почитаю долгомъ подать нынѣ свой голосъ—и вмѣстѣ съ нимъ издать всѣ свои прежнія статьи о Польскомъ вопросѣ".

Погодину казалось, что собраніе его статей можетъ принести пользу, „имѣя въ послѣднемъ выводѣ необходимость для Польши и Россіи состоять подъ одною державою. Если человѣкъ,—говоритъ Погодинъ о самомъ себѣ,—„стоявшій за самоуправленіе Польши, и даже почти за независимость, въ самое тяжелое для нея время, когда никто о томъ не смѣлъ и думать, пришелъ къ такому убѣжденію, то оно должно получить особенную силу для судей безпристрастныхъ".

Въ такихъ мысляхъ Погодинъ, не надѣясь на Московскую Цензуру, въ мартѣ 1863 года, представилъ въ Петербургскій Цензурный Комитетъ, чрезъ А. В. Никитенко, свое собраніе статей о Польскомъ вопросѣ.

Не получая, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, никакого отвѣта, Погодинъ рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ, куда и отправился 25 мая 1863 года.

По пріѣздѣ, Погодинъ увидѣлъ, что надежды, возлагаемыя имъ на Никитенко, не оправдались. „Не только не послѣдовало разрѣшенія на изданіе Сборника",—писалъ Погодинъ,—„но нѣкоторыя статьи гдѣ-то и какъ-то застряли". Никитенко самъ не могъ добиться толку, и нѣсколько разъ „проводилъ Погодина обѣщаніями".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Никитенко указалъ Погодину на цензора

генералъ-маіора Штюрмера, которому рукопись первоначально была отдана на разсмотрѣніе.

„Надо было“, писалъ Погодинъ,—„отыскать его квартиру, надо было застать его дома. Бѣдный сочинитель долженъ былъ отыскивать его адресъ, а потомъ домъ, ходя по жарѣ пѣшкомъ. Что же оказалось? Цензоръ... принялъ меня ласково и объявилъ, что нѣсколько статей подписалъ, а остальныя передалъ въ Комитетъ, кои пропустить не могъ взять на свою отвѣтственность; чтó съ ними тамъ сдѣлалось, онъ не знаетъ. Что можетъ быть страннѣе подобнаго распоряженія“?

„Статьи, вынутыя изъ цѣлаго собранія“—продолжаетъ Погодинъ,—„имѣютъ совершенно иной смыслъ, и, разумѣется, не могутъ быть пропущены. Это дѣйствіе или предательское, или безразсудное. Съ другой стороны, какъ могъ принимать ихъ Комитетъ или предсѣдатель. Можно ли судить по вынутымъ, безъ связи, отрывкамъ. Такія статьи только въ цѣломъ собраніи могутъ занимать мѣсто“.

Отъ цензора Погодинъ отправился въ Цензурный Комитетъ, чтобъ достать, по крайней мѣрѣ, рукописи.

„Въ Комитетѣ“,—писалъ Погодинъ,—„трудно было добраться до г. секретаря, занятаго приготовленіемъ докладовъ. Онъ наконецъ объяснилъ мнѣ, что пропущенныя статьи должны быть у г. Никитенко, а непропущенныя, вѣроятно, остались у Цеэ, предсѣдателя, теперь уволеннаго и уѣхавшаго за границу. Да вѣдь онъ долженъ былъ сдать въ Комитетѣ всѣ казенныя бумаги, возразилъ я, какъ могъ Комитетъ отпускать его до сдачи всѣхъ бумагъ?—Увольненіе случилось внезапно, второпяхъ онъ, можетъ быть, не успѣлъ распорядиться.—Извините, я справлюсь: можетъ быть отыщутся ваши статьи. Но скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, было ли о нихъ что-нибудь рѣшено? Кажется, ничего не было рѣшено. Попросивъ секретаря поспѣшить справкою и отысканіемъ, ушелъ я разсерженный“.

Между тѣмъ,—пишетъ Погодинъ,—„прошла недѣля, я написалъ нѣсколько писемъ и все-таки не получилъ рѣшительнаго отвѣта, и только по статьямъ, возвращеннымъ наконецъ отъ

Никитенко, который переѣхалъ на дачу, узналъ, какихъ не доставало. Къ удивленію моему, я увидѣлъ, что въ числѣ непропущенныхъ находился даже *Польскій Вопросъ*, который давно уже былъ напечатанъ въ Москвѣ и удостоился всеобщаго одобренія. Вотъ съ какою опрометчивостью и легкомысліемъ, если и безъ злоумышленія, дѣйствовалъ Комитетъ и его предсѣдатель Цеэ, которымъ разрѣшенъ былъ *Роковой Вопросъ*. Уваженія къ трудамъ и заслугамъ искать ужъ, разумѣется, нечего".

Потерпѣвъ неудачу въ С.-Петербургскомъ Комитетѣ, Погодинъ „рѣшился испытать другое средство и отдалъ Сборникъ товарищу министра Иностранныхъ Дѣлъ Н. А. Муханову, просилъ его разсмотрѣть внимательно, объяснилъ свои виды и заключилъ, что полезно было бы издать собраніе не только на Русскомъ, но и на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ, для вразумленія Европейской публики".

Не получая отвѣта отъ Муханова, Погодинъ написалъ ему письмо, въ которомъ читаемъ: „А что мой Сборникъ? Ахъ, вы, дипломаты! Этотъ Сборникъ надо напечатать сейчасъ по Англійски, по Нѣмецки, по Французски, по Русски, а вы думаете, и медлите! Онъ будетъ имѣть большое дѣйствіе на общественное мнѣніе въ Европѣ, представляя рядомъ всѣ предположенія въ пользу Польши, и заключая убѣжденіемъ, что Польша не можетъ остаться безъ Россіи".

Н. А. Мухановъ, „съ дипломатическими комплиментами",— какъ выражается Погодинъ,—объявилъ, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ не находитъ возможнымъ напечатать теперь (т.-е., въ 1863 году) его Сборника, но что Погодинъ можетъ отнестись къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, какъ къ начальнику Цензуры.

Раздраженный и огорченный Погодинъ восклицалъ: „Чортъ васъ возьми, и внутреннихъ и внѣшнихъ", и рѣшился напечатать свой Сборникъ въ Москвѣ.

Между тѣмъ, Парижскій протоіерей нашъ Іосифъ Васильевичъ Васильевъ писалъ Погодину: „Проѣхавъ наскоро чрезъ Москву, я не могъ явиться къ вамъ съ моимъ почтительнымъ по-

клономъ и выраженіемъ моей Русской и заграничной благодарности за ваши подвиги въ защиту нашего Отечества".

LXVIII.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ вошелъ въ сношенія съ Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ.

Для разрѣшенія сомнѣній, Погодина вызвали въ Цензурный Комитетъ. „Досадно было мнѣ",—писалъ онъ,—„на старости лѣтъ являться туда, какъ подсудимому, но дѣлать нечего, сила солому ломитъ, и я отправился, не бывавъ тамъ лѣтъ пятнадцать". Цензоромъ къ Погодину былъ приставленъ Өедоръ Ивановичъ Рахманиновъ. Сохранилось три письма къ нему Погодина, въ которыхъ читаемъ:

(Отъ 17 октября 1863 года)—„Вы не пропускаете статей, въ коихъ предлагалось самоуправленіе Польши. Но вѣдь это самоуправленіе было уже дано Правительствомъ, — и оказалось никуда негоднымъ. Такъ и авторъ осуждаетъ его въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, отказывается отъ мечты своей и отъ всего, что на ней основывалось. Какую же силу получаетъ это осужденіе, происходя отъ человѣка, исполненнаго добрыхъ желаній для Польши. Слѣдовательно, Цензура должна смотрѣть на первыя статьи, какъ на сильнѣйшее подкрѣпленіе послѣднихъ, и дорожить ими преимущественно, какъ разительными доказательствами въ пользу настоящихъ видовъ Правительства, — а вы ихъ запрещаете! Скажу вамъ откровенно, что вчера я былъ удивленъ, и оскорбленъ, и раздосадованъ необходимости являться и объясняться. Вчера же въ Клубѣ явились охотники перевести статьи на Французскій языкъ и напечатать ихъ въ Парижѣ съ моимъ предисловіемъ, которое Цензурѣ, разумѣется, не понравится. Такъ, можетъ быть, я и рѣшусь, а васъ предупреждаю, ибо непріятностей никому причинить не желаю... Я отрицаю бытіе Бога. Вотъ причины. А потомъ пишу: Нѣтъ, нѣтъ, мои причины никуда не годятся. Вотъ доказательство: Есть Богъ и проч.

Были ли бъ мои доказательства сильнѣе вслѣдствіе прежнихъ утвержденій? Я пересталъ было печатать о современныхъ вопросахъ. Въ Петербургѣ же нѣкоторые гранды приставали ко мнѣ: пишите, нужно,—и вотъ ободреніе! Статья о Велепольскомъ, Отповѣдь Французскому журналисту, написанная въ исполненіе высочайшей воли, и Польскій Вопросъ, напечатанная въ *Нашемъ Времени*, — эти три послѣднія статьи освѣщаютъ все Собраніе и для высшей Цензуры должны бы показаться находкою! Помилуйте! Благоволите показать мою записку М. П. Щербинину. Просителемъ и жалобщикомъ я являться не могу и не хочу. Это мое только искреннее объясненіе“!

(*Отъ 20 октября*)—„Извините и вы меня, если я запискою причинилъ вамъ какое-либо непріятное чувство. Мнѣ 63 года, а кровь все еще вскипаетъ у меня по временамъ; утро было мнѣ крайне нужно для занятія особеннымъ трудомъ,—и вдругъ, получилъ я отъ фактора призваніе въ Цензурный Комитетъ. Ну, вотъ, сгоряча я и написалъ, и проч.“

(*Отъ 28 октября*)—...„Касательно запрещенія трехъ статей въ Петербургѣ я ничего не знаю... Во всякомъ случаѣ, три статьи отдѣльныя могутъ быть запрещены, но вмѣстѣ онѣ имѣютъ другой смыслъ и должны быть сугубо разрѣшены. Забавнѣе всего то, что, въ числѣ трехъ статей, попалась статья только что напечатанная въ *Нашемъ Времени*, и повсемѣстно одобренная“ [239]).

Какъ бы то ни было, Московская Цензура,—писалъ Погодинъ,—„послѣ многократныхъ объясненій, также не пропустила трехъ статей, какъ неразрѣшенныхъ Петербургскою Цензурою. Сколько я ни толковалъ, ни писалъ, ничто не помогло... Грустно и тяжело. Ясно, что Цензура боится именно меня, получивъ отъ кого-нибудь изъ сильныхъ людей предостереженіе. Другимъ она пропускаетъ и не то“.

Своимъ огорченіемъ Погодинъ подѣлился съ Катковымъ. Онъ писалъ ему: „Что прикажете дѣлать,—Польскаго моего Сборника не пропускаютъ и я бросаю изданіе его и изданіе замѣтокъ! Что за охота подъ старость лѣтъ возиться съ этими

господами, которые не понимаютъ дѣло или не хотятъ понять его. Вы говорите въ такихъ-то статьяхъ о самоуправленіи Польши, твердятъ они, мы не можемъ пропустить ихъ. Да вѣдь самоуправленіе было дано, отвѣчаю я, и оказалось никуда негоднымъ, и я въ окончательныхъ своихъ статьяхъ и осуждаю; слѣдовательно, статья, непропускаемая вами, получаетъ новую цѣну, новую силу въ цензурно-правительственномъ смыслѣ. Человѣкъ благорасположенный къ Польшѣ, имѣвшій эту мысль, рѣшительно отказывается отъ нея, и представя причины, что же лучше и сильнѣе? Ясно, и для нашего Правительства. Комитетъ намѣренъ, кажется, спрашивать министра, но къ министру я писать не хочу, потому что уже получилъ отъ него оскорбленіе. Богъ съ ними со всѣми! Можетъ быть, я напечатую Сборникъ въ Лейпцигѣ. Да просятъ еще у меня позволенія перевести на Французскій и Англійскій. Тогда я напишу предисловіе и выставлю нелѣпости нашей Цензуры. Надо же вразумлять ихъ, а по Французски и Англійски вразумленіе бываетъ дѣйствительнѣе. Какъ вы думаете? Я просто взбѣшонъ. Извольте трудиться и желать добра, служить Отечеству. Безъ свободы печати въ этомъ смыслѣ, у насъ не будетъ успѣха“ [240]).

Сохранилось любопытнѣйшее письмо къ Погодину Павла Александровича Муханова (отъ 24 декабря 1863), въ которомъ читаемъ: „Дай вамъ Богъ встрѣтить новый годъ хорошо и провести какъ сей, такъ и многіе другіе также.

Давно слѣдовало мнѣ къ вамъ писать, любезный другъ Михаилъ Петровичъ, но при теперешнемъ сильномъ ратованіи за національности, я руководствуюсь *Русскими* пословицами и поговорками; одна изъ послѣднихъ гласитъ: *Не должно спѣшить съ худыми вѣстями.*

Николай Алексѣевичъ Мухановъ сказалъ мнѣ, что это дело дѣло старое, что онъ читалъ эти статьи *)—и во время оно предпринималъ что слѣдуетъ въ угожденіе вашему желанію,

---

*) То есть, статьи Погодина о Польскомъ вопросѣ.

и сообщилъ окончательный отвѣтъ, поэтому, несмотря на всю охоту вамъ быть угоднымъ, сдѣлать ничего не можетъ.

Послѣ такого ultimatum, — думаю я, прочту съ горя *статьи*, предметъ интересный и *почти* животрепещущій.

Что сказано, то и сдѣлано. Ума много, науки много— изложено сильно, оригинальнаго весьма много, вѣренъ взглядъ въ послѣднихъ, *невѣренъ* въ начальныхъ—но и тутъ замѣшалась *національность*.

Русскій заднимъ умомъ силенъ (Простите великодушно). Ваша основная мысль, высказанная мнѣ въ разговорѣ: Человѣкъ, желавшій для Поляковъ, съ давнихъ временъ, всего хорошаго и пр. и пр., если теперь измѣнилъ свои убѣжденія относительно нихъ,—то, безъ сомнѣнія, руководился справедливостью,—это доказывается всегдашнею его къ нимъ любовью, расположеніемъ и пр., доказательства коихъ найдутъ въ печатаемыхъ статьяхъ. Аргументъ неотразимый въ преніи съ частнымъ лицомъ,—и притомъ *честнымъ*; но вовсе непригодный въ распрѣ съ кинжальными героями, которые лгутъ безъ милосердія и подкупаютъ журналы—наполняемые ложью—по заказу и за деньги. Легко предвидѣть, что они сдѣлаютъ съ вашей книгой:

Извлекутъ все *любезное*, сказанное вами (а этого добра немало), переведутъ, усилятъ и всюду напечатаютъ, прибавивъ: Вотъ что *утверждаетъ* знаменитый профессоръ Исторіи Московскаго Университета, знаменитый историкъ и литераторъ, академикъ и conseiller d'Etat (даже дѣйствительный) *).

За примѣромъ недалеко ходить: *Московскія Вѣдомости* о кинжалахъ, статья Гильфердинга и пр. Но то ли еще будетъ, когда они получатъ возможность воспользоваться авторитетомъ такого извѣстнаго лица въ Наукѣ и Литературѣ, какъ вы.—Ergo, напечатаніе вашей книги можетъ принести только вредъ à la bonne cause, то-есть Россіи.—Это самое твердое мое убѣжденіе.

---

*) Сказано о Гильфердингѣ. *П. М.*

Если бы меня спросили, что̀ было бы полезно въ литературномъ отношеніи для направленія общаго мнѣнія въ Европѣ, я бы предложилъ слѣдующее: составить книгу *Борьба Россіи съ Польшею.*

Развернулъ бы скрижали Исторіи (здѣсь вы бы могли разгуляться), соединить вмѣстѣ, взявъ изо всѣхъ брошюръ Русскихъ и иностранныхъ все, что идетъ къ дѣлу. Во всякой почти найдемъ прекрасныя мысли, но слѣдуетъ выбрать только хорошее.

Приложилъ бы карту (Россіи) изъ историческаго атласа Лелевеля № 4, 1139-го года. Граница Россіи (Великаго Княжества Кіевскаго) означена до Бреста, она идетъ возлѣ самого г. Люблина, Przemysl и Halicz въ предѣлахъ Россіи. Литва, Жмудь, Kuronie (Курляндцы) показаны не въ Россіи,—но и не въ Польшѣ.

Если угодно, для *контраста*, приложилъ бы карту № 10, 1586-го года (времена Баторія), дабы показать, что̀ у насъ Поляки забрали.—Но означилъ бы границу между Польшею и Литвою, чего Лелевель не сдѣлалъ. Приложилъ бы карту этнографическую, и доказалъ бы, что при раздѣлѣ Польскомъ, относительно Россіи поступлено *несправедливо*: болѣе 200 тысячъ (не считая Галиціи) Русскихъ оставлено Польшѣ (это теперешніе греко-уніаты, но сколько уже съ тѣхъ поръ ополячилось и перешло въ католическую вѣру!).

Приложилъ бы списокъ вельможъ и пр. Чарторижскихъ, Сапѣгъ и пр., бывшихъ *православными*. Такой списокъ былъ напечатанъ *когда-то* въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, тамъ и засѣлъ,—и болѣе никто его не видалъ *).

Приложилъ бы нѣсколько древнихъ иностранныхъ картъ, на коихъ мы читаемъ *Россія* (а не *Московія*, какъ хотятъ Поляки).

Вездѣ бы дѣлалъ ссылки на *почтенныхъ* историковъ и на историческіе документы (о этихъ далѣе, т.-е. ниже).

---

*) См. также статью М. А. Максимовича: *О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ* (*Собраніе сочиненій М. А. Максимовича.* Кіевъ 1877 г., II, 216–237). *Н. Б.*

Эту книгу напечаталъ бы сначала въ *корректурныхъ* листахъ съ большими полями, переплелъ бы съ *бѣлыми* страницами между печатныхъ и разослалъ бы: Кояловичу, Шмиту (война 1831 года), Герье, Каткову, Аксакову, Гильфердингу, Порошину, Соловьеву, Сулимѣ, Безсонову, Шипову, кн. Трубецкому, Иванишеву (въ Кіевѣ), Калачову, Павлищеву (въ Варшавѣ), Толстому (въ Парижѣ) *), Шедо-Ферoти и проч. и проч.

Назначилъ бы комитетъ для разбора сдѣланныхъ примѣчаній, исправилъ бы текстъ и напечаталъ,—и въ то же время перевелъ бы на разные языки.

Напечаталъ бы Сборникъ, помѣстивъ въ немъ историческіе документы, *выгодные* для насъ etc., взявъ часть оныхъ изъ новѣйшихъ писателей: Руссо, Вольтеръ, Maltebrun **), Эмиль Жирарденъ, Прудонъ, etc., etc.

Потомъ я бы принялся за переводъ съ *Польскаго* разныхъ монографій, исторій конфедерацій, брошюръ о Польскомъ духовенствѣ (все это представляетъ Польшу въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ). Но все это слѣдуетъ дѣлать какъ можно скорѣе, чтобы не вышла горчица послѣ ужина. Я нисколько не считаю усмиреніе оконченнымъ;—адресы доказываютъ покореніе законной власти, это такъ, но все это до поры до времени. И въ старые годы, съ Польшею всякій миръ былъ только перемиріемъ; поэтому грѣшатъ тѣ, которые не одобряютъ мѣръ Муравьева, находя, что *теперь* слѣдовало бы прибѣгнуть къ *любезностямъ*.

Не угодно ли вамъ взять Исторію Польской войны 1831 г. Шмита, и прочитать введеніе,—это *почище* всѣхъ брошюръ и поубѣдительнѣе, несмотря, что написано въ 1832 году и нѣм-

*) Girardin, въ своей брошюрѣ о Польшѣ, въ концѣ, приводитъ извлеченіе изъ разныхъ авторовъ, присовокупляя, что это сотая доля того, что у него собрано (а все что собрано противъ Поляковъ). Желательно было бы у него достать этотъ матеріалъ. *П. М.*

**) Maltebrun, въ Tableau de la Pologne, говоритъ, что при раздѣлѣ, Россія взяла *свое*, жаль только, что она тогда же, основываясь на Исторіи, въ манифестѣ громко объ этомъ не сказала. *П. М.*

цемъ (по-Нѣмецки пишетъ отлично, но Русскій переводъ плохъ).

Я бы взялъ за основаніе эту работу, распространилъ, усилилъ etc. и пріобщилъ бы о томъ, что было въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ съ 1831 года по настоящее время.

Но, увы! Это только желаніе!

Слѣдовало бы вамъ и Обществу Россійской Словесности за это приняться. Постараюсь отослать вамъ ваши листки.

Прощайте, не взыщите.

То, что сказывали о добромъ и ученомъ Маціевскомъ, подвергло бы его кинжальнымъ ударамъ. Ай да удружили ему!— Помилосердуйте, не губите добрую душу!

Въ Галиціи рѣзня была не въ 1847, но въ 1846 году. Русскіе крестьяне *вовсе* въ оной не участвовали, а только Польскіе. Это историческій фактъ, объясняйте какъ угодно" [241]).

LXIX.

14 марта 1864 года, изъ Парижа, И. С. Тургеневъ писалъ И. А. Гончарову: „Здѣсь умы заняты послѣдними, весьма радикальными выборами; но о Польшѣ ни слуху, ни духу: c'est, какъ говорятъ Французы, un question coulée; даже не совсѣмъ прилично упоминать о ней, какъ о прошлогоднемъ нарядѣ".

Въ Запискахъ же Станислава Козьмина читаемъ: „Въ концѣ концовъ, Наполеонъ III, сознавъ свое безсиліе въ разрѣшеніи Польскаго вопроса, призвалъ къ себѣ, 18-го февраля 1864 года, князя Владислава Чарторыйскаго и заявилъ ему, что все кончено. Онъ настоятельно совѣтывалъ прекратить возстаніе, въ которомъ теперь усматривается только источникъ бѣдствій и разоренія страны. Въ слѣдующій день, князь Чарторыйскій имѣлъ аудіенцію у принца Наполеона, который, нисколько не удивляясь заявленію императора, сказалъ: „Я предвидѣлъ этотъ печальный исходъ, предупреждалъ многихъ изъ васъ, но что было съ ними дѣлать, когда они предпочи-

тали оставаться подъ впечатлѣніемъ иллюзій". Тогда князь Чарторыйскій, получивъ и отъ лорда Кларендона, Англійскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ, подтвержденіе словъ Наполеона, сообщилъ этотъ важный фактъ народному правительству въ телеграммѣ, отъ 24-го апрѣля.

Ни Наполеонъ III, ни его министры не догадались, что Австрія, особенно же Англія, были рады поднять Польскій вопросъ, такъ какъ онъ представлялъ удобный случай поссорить Наполеона III съ Александромъ II, и помѣшать союзу Франціи съ Россіей, грозному для всего міра. Другой цѣли не имѣлось въ виду. Неудивительно, что Поляки сдѣлались жертвой той же ошибки и прозрѣли слишкомъ поздно.

Краковскій кружокъ, освѣдомленный о заявленіи Наполеона III, забилъ также отбой по всей линіи, и первый устранился отъ всякаго содѣйствія возстанію. Галиційскіе комитеты закрылись. Соотвѣтственно этому и *Часъ* объявилъ конецъ возстанія.

Въ субботу, 23-го апрѣля 1864 года, впервые раздались колокольный звонъ и звуки органовъ въ Варшавскихъ церквахъ, закрытыхъ въ началѣ возстанія. Съ амвона прочитано посланіе архіепископа Фелинскаго изъ Ярославля, въ которомъ пастырь Польской церкви говорилъ, что, не надѣясь скоро вернуться изъ мѣста своего изгнанія, не хочетъ, чтобы изъза него не совершались долѣе обрядности, предписываемыя церковью.

Босакъ покинулъ Царство Польское и удалился за границу. Съ арестомъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Траугута, пало окончательно народное правительство.

Въ мартѣ объѣзжалъ уже Царство Польское Николай Милютинъ и объявлялъ манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права.

Состояніе Польскаго общества послѣ печальныхъ событій 1863—1864 годовъ, опредѣляется однимъ словомъ: *отчаяніе*. Неудивительно, что въ виду свершившихся покушеній на самоубійство цѣлаго народа, и отдѣльнымъ лицамъ приходила мысль

о самоубійствѣ. Ошибка Поляковъ была послѣдствіемъ ошибки другихъ, которые, казалось, не должны бы были ошибаться. Послѣдствія этого заблужденія служатъ для Польскаго общества обвинительнымъ приговоромъ и урокомъ. Пусть приговоръ и останется безапелляціоннымъ, лишь бы урокъ не остался безполезнымъ" [212]).

Погодинъ, подведя *Итоги*, писалъ: „Братья, братья! Долго ли жъ литься крови! Довольно, довольно! Вы видите, что ничего не выходитъ для васъ, для Польскаго дѣла, изъ вашихъ усилій. Только лишній тяжкій грѣхъ берется на душу. Западныя державы обманываютъ васъ, проводятъ обѣщаніями для своихъ корыстныхъ цѣлей, играютъ вами, и на нихъ надѣяться вамъ нечего. Неужели нынѣшнія событія, въ дополненіе къ семидесятилѣтнимъ опытамъ, не открываютъ вамъ глаза? Пруссія и Австрія, и даже вся Германія, не дадутъ вамъ пошевельнуться, не только что-нибудь сдѣлать. Такъ переплелись ихъ выгоды!

А собственныя ваши партіи, аристократическая и радикало-республиканская, не готовы ли разорвать надвое несчастную страну, — на двѣ!.. на мелкія части, на лоскутья. И какая добыча для лютыхъ враговъ нашихъ, ждущихъ, какъ воронъ крови, всякой войны.

Если вы можете на что надѣяться, такъ только въ согласіи, дружбѣ, тожествѣ съ нами.

Вы сами получили-было многое, очень многое, и въ самую лучшую минуту, обольщенные предательствомъ, опрокинули все верхъ дномъ. Кто же виноватъ? Но время еще не ушло. Еще можно все поправить. Открывается прекрасный вамъ случай покончить все, искупить все, мимо званыхъ и незваныхъ посредниковъ, мимо аристократовъ, мимо радикаловъ, но не на томъ пути, по какому вы теперь идете. Вашъ путь вводитъ въ пагубу.

Западныя губерніи выкиньте только изъ головы. Тамъ Русь, которую ваши помѣщики умѣли такъ поставить противъ себя, что она ждетъ только сигнала броситься и не оставить духу

Польскаго у себя. Правительство удерживаетъ крестьянъ, но, въ случаѣ войны и нападенія, они могутъ выйти изъ себя.

Братья, братья, забудемъ прошлое! Перестанемъ считаться. Никто еще не рѣшилъ, да и рѣшить не можетъ, до Страшнаго Суда, кто кому изъ насъ больше долженъ, вы ли намъ, мы ли вамъ! Богъ, исторія и географія велятъ намъ жить вмѣстѣ. Будемъ молиться и стараться, чтобы вамъ и намъ жить становилось лучше и лучше. Да вѣдь ужъ такъ и дѣлается! Не все вдругъ! Двадцать пять милліоновъ Русскихъ крестьянъ получили свободу. Сеймъ въ Финляндіи открытъ. Городскія Думы въ ходу. Гласное судопроизводство съ присяжными подготовляется. Земскимъ учрежденіямъ дается просторъ. Просвѣщеніе получаетъ новыя средства. Всѣ сословія уравниваются передъ закономъ. Свобода печати на чередѣ.

Повѣримъ всѣ вмѣстѣ нашему доброму императору, царю и великому князю, его же сердце въ руцѣ Божіей: вѣра наша спасетъ насъ!

Одумайтесь, братья“ [243])!

КОНЕЦЪ КНИГИ ДВАДЦАТОЙ.

22 октября 1905 г.
Село Гіевка,
Харьковской губерніи и уѣзда.

1) Татищевъ. *Императоръ Александръ II.* Спб. 1903. I, 460—461.

2) *Записки и Дневникъ.* Спб. 1893. II, 364—365.

3) *Русскій Архивъ.* 1890, № 11, стр. 356.

4) *Письма.* XXVII,

5) Фетъ. *Мои Воспоминанія.* М. 1890. I, 410, 413—414.

6) *Записки и Дневникъ.* II, 373—374.

7) *Русскій Архивъ.* 1901. № 3, стр. 363.

8) *Мои Воспоминанія.* I, 437—438.

9) *Письма Филарета къ Антонію.* М. 1884. IV, 380. *Зиписки и Дневникъ,* II, 413.

10) *Листокъ,* издав. княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Ноябрь, 1862, № 1.

11) *Письма М. А. Бакунина* къ Герцену и Огареву. Женева 1896., стр. 102—107.

12) *РусскаяСтарина,*1896.Декабрь, стр. 611.

13) *Письма М. А. Бакунина,* стр. 139—147.

14) *Русская Старина,* 1904, февр., стр. 351—352. 1896. Декабрь, стр. 611.

15) *День.* 1863 № 19.

16) *Письма М. А. Бакунина,* стр. 144—147.

17) *День,* 1863 № 25.

18) *Письма.* XXVII.

19) *День.* 1863. № 25.

20) *Татищевъ.* I, 459.

21) *Русская Старина.* 1897. Окт., стр. 93—96. 1898. Май, стр. 263—266. 1897. Окт., стр. 93—96. 1898, Май, 264—266. 1883. Окт., стр. 184—185.

22) *Русскій Архивъ.* 1894. № 2, стр. 238.

23) *Русская Старина,* 1898. Май, стр. 262—263.

24) Сидоровъ. *Польское возстаніе 1863 года.* Спб. 1903, стр. 189.

25) *Русская Старина,* 1898, стр. 532—533.

26) *Русскій Архивъ.* 1891. № 3, стр. 358.

27) *Русская Старина.* 1898. Іюнь, стр. 532—533. 1879, XXIV, 217—220. 1898. Іюль, стр. 51—52.

28) *Записки и Дневникъ.* II, 374.

29) *Русская Старина,* 1902. Ноябрь стр. 338. 1890. Мартъ, стр. 860. 1883, Октябрь, стр. 182—184. 1902, Іюнь, стр. 487—493. 1882, Ноябрь, стр. 409—410. 1883, Декабрь, стр. 596—599. 1902, Декабрь, стр. 480—483. 1883, Окт., стр. 190—191. 1899, Іюль. стр. 233.

30) *И. С. Аксаковъ.* М. 1892. III, 165.

31) *Русская Старина* 1883. февр., стр. 291—293.

32) *1863 годъ.* М. 1887. II, 1195—1196.

33) *Русскій Архивъ.* 1894. № 2. стр. 235—236.

34) *Записки и Дневникъ.* II, 414.

35) *Возстаніе Поляковъ въ Юго-западной Россіи въ 1863 году. Русскій Архивъ.* 1899, № 8, стр. 599.

36) *День*, 1863. № 27, стр. 16.

37) *Русскій Архивъ*. 1885. II, 284—285.

38) *Польскій Вопросъ*. М. 1867, стр. 77—95.

39) *Письма*. XXVII.

40) *Русская Старина*. 1898. Іюнь, стр. 524—526. 1904, февр, стр. 349—351. 1898, Іюнь, стр. 527. Іюль, стр. 46. Іюнь, стр. 526.

41) *Татищевъ*. I, 479.

42) *Русская Старина*. 1882. Ноябрь стр. 391.

43) *Татищевъ*. I, 462—463.

44) *И. С. Аксаковъ*. Спб. 1896. IV, 82.

45) *День*. 1863. № 14.

46) *1863 годъ*, I, 60—65.

47) *Русская Старина*, 1882. Ноябрь стр. 391. 1898, Іюнь, стр. 337, Августъ, стр. 300—302.

48) *Татищевъ*. I, 463—464.

49) *1863 годъ*, I, 44.

50) *Русскій Архивъ*. 1892. № 9, стр. 110.

51) *Записки и Дневникъ*. II, 371, 373.

52) *Мои Воспоминанія*. I, 416.

53) *1863 годъ*, I, 49—52.

54) *Русская Старина* 1898. Іюль, стр. 44—45, 56, 53.

55) *Татищевъ*. I, 479—480.

56) Сидоровъ. *Польское возстаніе 1863*. Спб. 1903, стр. 201—202.

57) *Русская Старина*. 1898. Іюль, стр. 49—50, 52—53.

58) *1863 годъ*, I, 55—56.

59) *Русская Старина*. 1898. Іюль, стр. 57, 54—56, 57, 58, 59. Августъ, стр, 299. Іюль, стр. 48—49, 50, 51.

60) *Татищевъ*. I, 462.

61) *Записки и Дневникъ*. II, 390.

62) *Русскій Архивъ*. 1899. № 8, стр. 598 599.

63) Сидоровъ. *Польское возстаніе 1863*, стр. 197.

64) *Записки и Дневникъ*. II, 381.

65) *Письма*. XXVII.

66) *Записки и Дневникъ*. II, 391, 376.

67) *Русская Старина*, *1893*. Янв., стр. 34—35; *1879*, XXV, 76—78. 1883, Февраль, стр. 306 и пр. *1879*, XXV, 86—88. *1883*, Февраль, стр. 312. *1898*, Іюнь, стр. 532—533. *1883*, Февраль, стр. 312—313.

68) *Записки и Дневникъ*. II, 376.

69) *Татищевъ*. I, 482. Фетъ. *Мои Воспоминанія*. I, 418—419.

70) *1863 годъ*. I, 122—123.

71) *Татищевъ*. I, 482—483.

72) *1863 годъ*, I, 123.

73) *Татищевъ*. I, 383—487.

74) *Письма*. XXVII.

75) *Польскій Вопросъ*. М. 1867, стр. 111—115. 121—123. *Записки и Дневникъ*. II, 390.

76) *Мои Воспоминанія*. I, 417—418.

77) *Записки и Дневникъ*. II, 377.

78) *Письма*, XXVII.

79) *Татищевъ*. I, 464.

80) *1863 годъ*, I, 89—90.

81) *Татищевъ*. 1, 464—466.

82) *М. Н. Катковъ*. Спб. 1889, стр. 231—232. *1863*, I, 103—107.

83) *Татищевъ* I, 467—469.

84) *Записки и Дневникъ*. II, 380.

85) *Письма*, XXVII.

86) *День*. 1863. № 14.

87) *Русское Обозрѣніе*. 1897. Іюль, стр. 11, 16.

88) *Письма Филарета къ Антонію*. IV, 391.

89) *Собраніе Мнѣній и Отзывовъ Филарета*. М. 1887. V, 483—485.

90) *Русскій Архивъ*. 1890, № 11, стр. 357—359.

91) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета*. V, 493—494, 496.

92) *Русская Старина*. 1882, ноябрь, стр. 391—393. 1902, ноябрь, стр. 332—333, 1890, мартъ, стр. 859.

93) *Графъ М. Н. Муравьевъ и его дочь*. Спб. 1892, стр. 13—14.

94) *Русскій Архивъ*. 1885. II, 200—201.

95) *Русская Старина* 1882, ноябрь, стр. 394—398. 1890, мартъ, стр. 859. 1882, ноябрь, стр. 394 — 398. 1890, мартъ, стр. 860.

96) *Графъ М. Н. Муравьевъ и его дочь*, стр. 14.

97) *Русская Старина* 1882, ноябрь, стр. 394—398.

98) *Письма Филарета къ А. Н. М.* Кіевъ, 1869, стр. 608.

99) *Русская Старина* 1882, ноябрь, стр. 399—401. 1902, ноябрь, стр. 332—333. 1882, ноябрь, стр. 401. 1902, ноябрь, стр. 332—335. 1883, ноябрь, стр. 371. 1882, ноябрь, стр. 402—403. 1902, декабрь, стр. 374—377. 1883, окт. 193—194. 1902, декабрь, стр. 374—377.

100) *Русскій Архивъ*. 1899, № 8, стр 596-597.

101) *Русская Старина* 1891, мартъ, стр. 862. 1882, ноябрь, 1902, декабрь, стр. 374—377. 1883, декабрь, стр. 591—592, 578, октябрь, стр. 195—578, декабрь, стр. 577, янв., стр. 148—149.

102) *Графъ М. Н. Муравьевъ и его дочь*, стр. 14—15.

103) *Русская Старина* 1882, ноябрь, стр. 404—406. 1902, іюнь, стр. 487. 1882, ноябрь, стр. 410—414, 406—407. 1902, ноябрь, стр. 478—483. 1883, окт., стр. 197. 1902. декабрь, стр. 484.

104) *Письма*, XXVII. *Р. Стар.* 1883, янв., стр. 145—146.

105) *Русская Старина* 1882, ноябрь, стр. 432. *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*. Спб. 1896, III, 675.

106) *Татищевъ*. I, 472.

107) *Сочиненія В. Д. Спасовича*. Спб. 1902, X, 329.

108) *Русскій Архивъ*. 1879, № 8, стр. 598—599.

109) *Московскія Вѣдомости*. 1863, № 181, 161.

110) *Русская Старина* 1883, августъ, стр. 313.

111) *Сочиненія В. Д. Спасовича*. X, 329—330.

112) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 161.

113) *1863 годъ*. М. 1887. I, 287—288.

114) *Польскій Вопросъ*. М. 1867, стр. 155—159.

115) *Письма*, XXVII.

116) *Польскій Вопросъ*, стр. 124—144.

117) *Письма*, XXVII.

118) *Русскій Архивъ*. 1899, № 8, стр. 600.

119) *Татищевъ*, I, 488—489.

120) *Татищевъ*. I, 489.

121) *Русская Старина* 1898, августъ, стр. 315—316, 305—308. *Записки и Дневникъ*. II, 395. *1863 годъ*, I, 358—362.

122) *Польскій Вопросъ*, стр. 145—147.

123) *Русскій Архивъ* 1899, № 8, стр. 601—602.

124) *Письма*, XXVII. *Русскій Архивъ*. 1899, № 8, стр. 605. *Письма* XXVII.

125) Никитенко. *Записки и Дневникъ*, II, 395.

126) *Русскій Архивъ*. 1899, № 8, стр. 602.

127) *Русская Старина* 1873, іюнь, стр. 337—340.

128) *1863 годъ*. I, 312.

129) *Русская Старина*. 1898, августъ, стр. 315. 1904, февраль, стр. 355.

130) *Сочиненія В. Д. Спасовича*. X, 328.

131) *Русская Старина*. 1898, августъ, стр. 315.

132) *1863 годъ*. I, 363—364.

133) *Русская Старина*. 1873, іюнь, стр. 337—340.

134) *Татищевъ*. I, 473.

135) *Русскій Архивъ*. 1899, № 8, стр. 305.

136) *Письма*, XXVII.

137) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 173. *Русск. Арх.* 1905, № 3, стр. 498. *Московскія Вѣдомости*. 1863, № 173.

138) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета*. V, 483—485. *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*. Спб. 1900, стр. 547—548.

139) *Татищевъ*. I, 471.

140) *Московскія Вѣдомости*. 1863. № 181.

141) *Татишевъ*. I, 473.
142) *День*. 1863, № 37.
143) *Татишевъ*. I, 474.
144) *Письма Филарета къ Алексѣю*. М. 1883, стр. 251—252.
145) *1863 годъ*. I, 374.
146) *Русскій Архивъ*. 1894, № 2, стр. 243—244.
147) *Русская Старина* 1882, іюнь, стр. 496. 1903, декабрь, стр. 561—563.
148) *Русскій Архивъ*. 1897, № 11, стр. 392—393.
149) *Русская Старина*. 1883, ноябрь, стр. 393—398. 1882, стр. 415—416. 1883, ноябрь, стр. 393—398. 1882, ноябрь, стр. 418—424.
150) *Записки и Дневникъ*. II, 398.
151) *Русскій Архивъ*. 1897, № 11, стр. 392—393.
152) *Русская Старина*, 1883, Декабрь, стр. 585—587. 1882, Ноябрь, стр. 418—424. 1883, Декабрь стр. 585—587. 1902, 489—493.
153) *1863 годъ*, II, 1189—1192.
154) *Русская Старина*, 1883, Ноябрь стр. 402, 404—405. 1882, Ноябрь, стр. 415, 425. 1871, Августъ, стр. 154, 158.
155) *Письма*, XXVII.
156) *Русская Старина*, 1871, Авгуссъ, стр. 154—161. 1903, Февр., стр. 299.
157) *Современная Лѣтопись*, 1863, № 30. *Р. Стар.* 1883, Янв., стр. 147. 1882, Дек., стр. 639—640.
158) *Русская Старина*, 1883, Февраль, стр. 293—294.
159) *1863 годъ*, II, 869, 880.
160) *Русская Старина*, 1883, Февр., стр. 313.
161) *Письма*, XXVII.
162) *Татищевъ*, I, 474—476.
163) *Русская Старина*, 1881, Апр., стр. 913—915.
164) *Татишевъ*, I, 495—496.
165) *Русскій Архивъ*, 1899, № 8, стр. 305.
166) *Письма*, XXVII.
167) *Записки и Дневникъ*, II, 401.
168) *1863 годъ*, II, 810—815.
169) *Письма*, XXVII.
170) *Записки и Дневникъ*, II, 404—405.
171) *Татищевъ*, I, 497.
172) *Русская Старина*, 1898, Августъ, стр. 317—318.
173) *Татищевъ*, I, 497.
174) *Московскія Вѣдомости*, 1863, № 259.
175) *Татищевъ*, I, 498.
176) *Русская Старина*, 1898, Августъ, стр. 317 — 318. 1883, Февраль, стр. 322.
177) *Записки и Дневникъ*, II, 401.
178) *Русская Старина*, 1883, Февраль, стр. 314.
179) *Письма*, XXVII.
180) *Татищевъ*, I, 476.
181) *Записки и Дневникъ*, II, 415.
182) *Татищевъ*, I, 476.
183) *Письма*, XXVII.
184) *Русская Старина*, 1883, Декабрь, стр. 596 — 599. 1882, Ноябрь, стр. 418—424, 431—432. 1902, Іюнь, стр. 494—495. 1899, Августъ, стр. 472—473. 1883, Декабрь, стр. 601, 595, 579—580. 1902, Декабрь, стр. 493.
185) *Православное Обозрѣніе*, 1863, Сентябрь, стр. 56—57.
186) *Русская Вильна*, Спб. 1864 стр. 11—23.
187) *Русская Старина*, 1883, Декабрь, стр. 581.
188) *Русская Вильна*, стр. 23—24.
189) *Русская Старина*, 1883, Декабрь, стр. 581, 494. 1902, Декабрь, стр. 494. 1883, Декабрь, стр. 590—591.
190) *Русскій Архивъ*, 1897, № 11, стр. 394.
191) *Записки и Дневникъ*, II, 411.
192) *Письма*, XXVII. *Рѣчи*. М. 1872, стр. 353—354.
193) *Русская Старина*, 1883, Декабрь, стр. 590—591.
194) *Московскія Вѣдомости* 1864. № 93. *Письма* XXVII.
195) *Русская Старина*, 1902. Іюнь, стр. 495.
196) *Русскій Архивъ*, 1897. № 11, стр. 393.

197) *Письма Филарета, къ А. Н. Муравьеву*, стр. 613.

198) *М. Н. Катковъ и его историческая заслуга. М.* 1889, стр. 218.

199) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, Спб. 1885. III, 493—494.

200) Фетъ. *Мои Воспоминанія 1*. 416, 123—124.

201) *Письма*, XXVII.

202) *Русская Старина*, 1885. Декабрь, стр. 595.

203) *Письма*, XXVII.

204) *Русскій Архивъ*, 1894. № 2, стр. 237.

205) *Письма*, XXVII.

206) *Московскія Вѣдомости* 1863. № 174.

207) *Письма*, XXVII.

208) Фетъ. *Мои Воспоминанія*, стр. 431.

209) *День* 1862. № 39, стр. 2.

210) *Время*, 1863. Апрѣль. Совр. Обозр., стр. 152—163.

211) *Московскія Вѣдомости*, 1863. № 7.

212) *1863 годъ*. I, 496—497; 485—507.

213) *День*. 1863. № 22, 36.

214) Фетъ *Мои Воспоминанія*, стр. 432—433.

215) *Письма*, XXVII.

216) *День*. 1863. № 27.

217) *1863 годъ* I, стр. 273—282.

218) *Польскій вопросъ*, стр. 95—98.

219) *Письма*, XXVII.

220) *День*. 1863. № 27. *Русскій Архивъ*, 1894. № 2, стр. 250.

221) *Современная Лѣтопись*, 1863. № 24.

222) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1863. № 164.

223) *Современная Лѣтопись*, 1863. № 26.

224) *День*. 1863. № 29.

225) *Современная Лѣтопись*. 1863. № 26. *Письма* XXVII. *И. С. Аксаковъ*, Спб. 1896. IV, 85—86.

226) *Русское Обозрѣніе* 1897. Іюль, стр. 9.

227) *Русскій Архивъ*. 1894. № 2. стр. 243—244.

228) *День*. 1863. № 32, 34.

229) *1863 годъ*. I. 468 и проч.

230) *День*. 1863. № 36.

231) Фетъ. *Мои Воспоминанія I*, 114—115.

232) *Письма*, XXVII. *Воспоминаніе о С. П. Шевыревъ*. Спб. 1869, стр. 52. *Письма* XXVII.

233) *Русскій Архивъ*, 1894. № 2, стр. 240.

234) *И. С. Аксаковъ*, IV, 86. *Записки и Дневникъ*. II, 417.

235) *Русскій Инвалидъ*, 1863 г. № 254.

236) *1863 годъ*. II, 1286—1289.

237) *Русскій Инвалидъ*, 1863. № 254 и слѣд.

238) *1863 годъ*. II, 1289—1290.

239) *Письма*, XXVII.

240) *Катковскій Архивъ*.

241) *Письма* XXVII.

242) *Русская Старина*, 1892. Сент., стр. 552. 1898, Августъ, стр. 319—320.

243) *Польскій Вопросъ*, стр. 160—161.

ОПЕЧАТКА.

На стран. 226-й напечатано: императоръ Александръ III; слѣдуетъ читать: императоръ *Александръ II.*

